

Р О Д Н А Я ЛИТЕРАТУРА

ХРЕСТОМАТИЯ
для 5 класса

М О С К В А
1 9 5 2

РОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ 5 КЛАССА СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

ИЗДАНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

*Утверждена
Министерством Просвещения РСФСР*

МОСКВА • 1952

Хрестоматию составили:

*А. П. Алексич, С. М. Браиловская,
проф. В. В. Голубков, доц. Л. С. Троицкий,
проф. М. А. Рыбникова.*

На 65, 75, 96, 127, 200, 211, 230, 247, 271, 310, 318, 327, 347 и 351-й страницах помещены рисунки художника *В. А. Ермолова*.

На 108, 173 и 175-й страницах помещены рисунки художника *А. М. Лаптева*.

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

СКАЗЫ О ЛЕНИНЕ И СТАЛИНЕ.

Выйдем-ко, товарищи,
На зелёный луг,
Сядем-ко, товарищи,
Во единый круг,
Запоём, товарищи,
Песню новую
Про отца-родителя
Мудра Сталина.
Много-много Сталину
Песен сложено,
Много речей ласковых
Изговорено,
Много слов приятливых
Ему сказано.
Что же я за песенку
Нонче пропою?
Как же ему попросту
Речь проговорю?
Я какое путное
Слово вымолвлю?
Я спою ту песенку
От простой души,

Я скажу речь попросту
От желаньца,
Выну слово с донышка
Ретива сердца.
.
Жили мы захаяны¹
Да заграены¹,
Жили мы запуганы
Да изруганы,
Жили мы неучены
Да измучены,
Жили мы избитые
Да забитые,
Жили необшитые,
Необмытые,
Жили необутые,
Неодетые,
Тёплым красным солнышком
Не согретые...
.
Во ту пору-времечко²
Несугрэвное²

¹ *Захаяны и заграены* — слышали много брани и окриков.

² *Несугрэвное времечко* — тяжёлое, суровое время.

Владимир Ильич Ленин.

Жили два товарища,
Два хороших брателка,
Два названные.
Как старшего брателка
Звали Лениным,
К людям он взошёл звездой
Поднебесною
Над крутым над бережком
Волги-матушки.
И как Волга-матушка,
Ленин был велик,

И как Волга-матушка,
Ленин был силён,
И как Волга-матушка,
Ленин был волён.
Как меньшого брателка
Звали Сталиным,
Он поднялся к нам зарёй
Ранней-утренней
Над горами гордыми
Над Кавказскими.

Иосиф Виссарионович Сталин.

И как горы гордые,
Сталин стал велик,
И как реки горные,
Сталин стал силён,
И как ветры вольные,
Сталин стал волён...

.....
Есть у нас заботливый
Родной человек,
Он и дни и ноченьки
Думает об нас,

Он в Кремле работает,
Не смыкая глаз.
Он — надежда верная —
Всех надеж верней,
Он — заступа сильная —
Всех заступ сильней,
Он — поенье сладкое,
Сердцу любое,
Он — кормление вечное,
Всенародное.

Его светлым именем
Люди дорожат,
От его от имени
Вороги дрожат.
Человека этого
Сталиным зовут,
Про него по всей земле
Песенки поют.

И я спела песенку
От простой души,
Отдала словечушки
От сердечушка.
За житьё хорошее,
Беспечальное,
Моё слово Сталину
Величальное.

1. Что мы узнаём из сказа о прежней жизни нашего народа? Ответьте словами сказа.

2. Кто избавил народ от такой жизни?

3. Выделите слова сказа, особенно выразительно говорящие о наших вождях.

4. Почему сказительница связывает образ Ленина с образом Волги?

5. Как относятся к светлomu имени великого Сталина трудящиеся всего мира? Найдите ответ в тексте.

НАРОДНЫЕ СКАЗЫ.

Народные сказы — это такие произведения устной народной поэзии, в которых говорится о вождях, героях, великих людях и замечательных событиях нашей родины. Обычно сказы имеют стихотворную форму и в этом отношении похожи на песни.

«Сказ о Ленине и Сталине» принадлежит знаменитой печорской сказительнице Маремьяне Романовне Голубковой. Кроме этого сказа, она создала сказы о подвигах Советской Армии и о коллективизации сельского хозяйства.

М. Р. Голубкова родилась и выросла в глухой деревне на реке Печоре, недалеко от северного Баренцова моря. В школе она не училась, с 8 лет была отдана в няньки в чужую семью и зарабатывала всего 3 рубля в год. Она прошла тяжёлый жизненный путь: была батрачкой, работала на рыбных промыслах и в сельском хозяйстве,

терпела и побои, и холод, и голод. Но уже с молодых лет в ней проявился большой художественный талант. Она запомнила много старинных песен, сказов и причитаний и по образцу их сама стала складывать свои песни и сказы и «сказывать» их таким же, как она, крестьянам и рыбакам.

Однако талант М. Р. Голубковой расцвёл только в советскую эпоху. Советские собиратели устной народной поэзии (фольклора) узнали о М. Р. Голубковой и стали записывать созданные ею песни и печатать их в газетах.

Потом М. Р. Голубкова приехала в Москву, и её сказы стали известны всей Советской стране.

Сказы о великих людях и событиях нашей родины создавала не одна М. Р. Голубкова.

Сказы создавались и на Украине, и на Кавказе, и в Казахстане, и во многих других областях Советского государства.

МОРОЗКО.

(Народная сказка.)

У мачехи была падчерица да родная дочка; родная что ни сделает, за всё её глядят по головке да приговаривают: умница! А падчерица как ни угождает — ничем не угодит: всё не так, всё худо. А надо правду сказать, девочка была золото, — в хороших руках она бы как сыр в масле каталась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что делать? Ветер хоть пошумит да затихнет, а старая баба расходится — не скоро уймётся, всё будет придумывать да зубы чесать¹.

И придумала мачеха падчерицу со двора согнать: «Вези, вези, старик, её куда хочешь, чтобы мои глаза её не видали, чтобы мои уши об ней не слыхали; да не вези к родным в тёплую хату, а во чисто поле на трескун-мороз!»

¹ *Зубы чесать* — болтать пустяки, пустословить.

Старик затужил, заплакал; однако посадил дочку на сани, хотел прикрыть попонкой¹ — и то побоялся; повёз бездомную во чисто поле, свалил на сугроб, перекрестил, а сам поскорее домой, чтоб глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась бедненькая, трясётся и тихонько молитву творит. Приходит Мороз, попрыгивает, поскакивает, на красную девушку поглядывает: «Девушка, девушка, я Мороз — красный нос!» — «Добро пожаловать, Мороз, знать бог тебя принёс по мою душу грешную». Мороз хотел её тукнуть² и заморозить, но полюбились ему её речи, жаль стало: бросил он её шубу. Оделась она в шубу, поджала ножки, сидит. Опять пришёл Мороз — красный нос, попрыгивает, поскакивает, на красную девушку поглядывает: «Девушка, девушка, я Мороз — красный нос!» — «Добро пожаловать, Мороз, знать бог тебя принёс по мою душу грешную». Мороз пришёл совсем не по душу: он принёс красной девушке сундук высокий да тяжёлый, полный всякого приданого. Уселась она в шубочке на сундучке, такая весёленькая, такая хорошенькая! Опять пришёл Мороз — красный нос, попрыгивает, поскакивает, на красную девушку поглядывает. Она его приветила, а он ей подарил платье, шитое и серебром и золотом. Надела она и стала какая красавица, какая нарядница! Сидит и песенки попевает.

А мачеха по ней поминки справляет: напекла блинов. «Ступай, муж! Вези хоронить свою дочь». Старик поехал. А собачка под столом: «Тяв! тяв! старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!» — «Молчи, дура! На блин, скажи: «Старухину дочь женихи возьмут, а стариковой одни косточки привезут!» Собачка съела блин да опять: «Тяв! тяв! старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!» Старуха и блины давала, и била её, а собачка всё своё: «Старикову дочь в злате, серебре везут, а старухину женихи не возьмут!»

¹ *Попонка, попона* — покрывало для лошади.

² *Тукнуть* — стукнуть, ударить.

Скрипнули ворота, растворились двери, несут сундук высокий, тяжёлый, идёт падчерица — панья-паньей¹, сияет! Мачеха глянула — и руки врозь! «Старик, старик, запрягай других лошадей, вези мою дочь поскорей! Посади на то же поле, на то же место». Повёз старик на то же поле, посадил на то же место. Пришёл и Мороз — красный нос, поглядел на свою гостью, попрыгал, поскакал, а хороших речей не дождал; рассердился, хватил её и убил.

«Старик, ступай мою дочь привези, лихих коней запряги, да саней не повали, да сундук не оброни!» А собачка под столом: «Тяв, тяв! старикову дочь женихи возьмут, а старухиной в мешке косточки везут!» — «Не ври! На пирог, скажи: «Старухину в злате, в серебре везут!»

Растворились ворота, старуха выбежала встречать дочь, да вместо неё обняла холодное тело. Заплакала, заголосила, да поздно!

Составьте план сказки. В качестве заголовков возьмите фразы из текста.

1. Почему и старик, и дед-Мороз, и собачка на стороне падчерицы?

2. Почему гибнет дочка мачехи?

3. Выпишите наиболее яркие выражения и объясните их.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА.

(Народная сказка.)

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь с царицею; у него было три сына — все молодые, холостые, удалцы такие, что ни в сказке сказать, ни пером написать: младшего звали Иван-царевич. Говорит им царь таково слово: «Дети мои милые, возьмите себе по стрелке, натяните тугие луки и пустите в разные стороны; на чей двор стрела упадёт, там и сватайтесь».

¹ *Панья* — барыня (*пан* — барин).

Пустил стрелу старший брат — упала она на боярский двор, прямо против девичья терема; пустил средний брат — полетела стрела к купцу на двор и остановилась у красного крыльца, а на том крыльце стояла душа-девица, дочь купеческая; пустил младший брат — попала стрела в грязное болото, и подхватила её лягушка-квакушка. Говорит Иван-царевич: «Как мне за себя квакушку взять? Квакуша не ровня мне!» — «Бери! — отвечает ему царь, — знать судьба твоя такова».

Вот поженились царевичи: старший на боярышне, средний на купеческой дочери, а Иван-царевич на лягушке-квакуше. Призывает их царь и приказывает: «Чтобы жёны ваши испекли мне к завтраку по мягкому белому хлебу». Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил. «Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? — спрашивает его лягуша, — аль услышал от отца своего слово неприятное?» — «Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе к завтраку изготовить мягкий белый хлеб». — «Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать; утро вечера мудренее!» Уложила царевича спать да сбросила с себя лягушечью кожу — и обернулась душой-девицей, Василисою Премудрою; вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом: «Мамки-няньки, собирайтесь, снаряжайтесь, приготовьте мягкий белый хлеб, каков ела я, кушала у родного моего батюшки».

На утро проснулся Иван-царевич, у квакуши хлеб давно готов — и такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Изукрашен хлеб разными хитrostями, по бокам видны города царские с заставами.

Благодарствовал царь на том хлебе Ивану-царевичу и тут же отдал приказ трём своим сыновьям: «Чтобы жёны ваши соткали мне за единую ночь по ковру». Воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил. «Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? Аль услышал от отца своего слово жёсткое, неприятное?» — «Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал за единую ночь соткать ему шёлковый ковёр». — «Не

тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать; утро вечера мудренее!» Уложила его спать, а сама сбросила лягушечью кожу — и обернулась душой-девицей, Василисою Премудрою; вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом: «Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь шёлковый ковёр ткать — чтоб таков был, на каком я сиживала у родного моего батюшки!»

Как сказано, так и сделано. На утро проснулся Иван-царевич, у квакуши ковёр давно готов — и такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать. Изукрашен ковёр златом-серебром, хитрыми узорами.

Благодарствовал царь на том ковре Ивану-царевичу и тут же отдал новый приказ, чтобы все три царевича явились к нему на смотр вместе с жёнами. Опять воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил. «Ква-ква, Иван-царевич! Почто кручинишься? Аль от отца услышал слово неприветливое?» — «Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка велел, чтобы я с тобой на смотр приходил, как я тебя в люди покажу!» — «Не тужи, царевич! Ступай один к царю в гости, а я вслед за тобой буду; как услышишь стук да гром — скажи: это моя лягушонка в коробчонке едет».

Вот старшие братья явились на смотр с своими жёнами, разодетыми, разубранными; стоят да над Иваном-царевичем смеются: «Что ж ты, брат, без жены пришёл? Хоть бы в платочке принёс! И где ты этакую красавицу выискал? Чай все болота исходил?» Вдруг поднялся великий стук да гром — весь дворец затрясся; гости крепко напугались, повскакивали с своих мест и не знают, что им делать; а Иван-царевич говорит: «Не бойтесь, господа! Это моя лягушонка в коробчонке приехала».

Подлетела к царскому крыльцу золочёная коляска, в шесть лошадей запряжена, и вышла оттуда Василиса Премудрая — такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Взяла Ивана-царевича за руку и повела за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть-пить, веселиться; Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав

вылила; закусила лебедем да косточки за правый рукав спрятала. Жёны старших царевичей увидали её хитрости, давай и себе то ж делать. После, как пошла Василиса Премудрая танцевать с Иваном-царевичем, махнула левой рукой — сделалось озеро, махнула правой — и поплыли по воде белые лебеди; царь и гости диву дались. А старшие невестки пошли танцевать, махнули левыми рукавами — гостей забрызгали, махнули правыми — кость царю прямо в глаз попала. Царь рассердился и прогнал их нечестно.

Тем временем Иван-царевич улучил минуточку, побежал домой, нашёл лягушечью кожу и спалил её на большем огне. Приезжает Василиса Премудрая, хватилась — нет лягушечей кожи, приуныла, запечалилась и говорит царевичу: «Ох, Иван-царевич! Что же ты наделал? Если б немножко ты подождал, я бы вечно была твоею, а теперь прощай! Ищи меня за тридевять земель в тридесятом царстве — у Кошечья бессмертного». Обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Иван-царевич горько заплакал, помолился богу, поклонился на все четыре стороны и пошёл — куда глаза глядят. Шёл он близко ли, далёко ли, долго ли, коротко ли — попадаетеся ему навстречу старый старичок. «Здравствуй, — говорит, — добрый молодец! Чего ищешь, куда путь держишь?» Царевич рассказал ему своё несчастье. «Эх, Иван-царевич! Зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты её надел, не тебе и снимать было! Василиса Премудрая хитрей, мудрёней своего отца уродилась; он за то осерчал на неё и велел ей три года квакушею быть. Вот тебе клубок; куда он покатится — ступай за ним смело».

Иван-царевич поблагодарствовал старику и пошёл за клубочком. Идёт чистым полем, попадаетеся ему медведь. «Дай, говорит, убью зверя!» А медведь провешал ему: «Не бей меня, Иван-царевич! Когда-нибудь пригожусь тебе». Идёт он дальше, глядь, — а над ним летит селезень; царевич прицелился из ружья, хотел было застрелить птицу, как вдруг провешала она человеческим голосом: «Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сама пригожусь». Он по-

жалел и пошёл дальше. Бежит косой заяц; царевич опять за ружьё, стал целиться, а заяц провещал ему человеческим голосом: «Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сам пригожусь». Иван-царевич пожалел и пошёл дальше—к синему морю, видит — на песке лежит, издыхает щука-рыба. «Ах, Иван-царевич,— провещала щука,— сжался надо мною, пусти меня в море». Он бросил её в море и пошёл берегом.

Долго ли, коротко ли — прикатился клубочек к избушке; стоит избушка на курьих ножках, кругом повёртывается. Говорит Иван-царевич: «Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила,— ко мне передом, к морю задом». Избушка повернулась к морю задом, а к нему передом. Царевич взошёл в неё и видит: на печи, на девятом кирпиче лежит баба-яга, костяная нога, нос в потолок врос.

«Гой еси, добрый мóлодец! Зачем ко мне пожаловал?» — спрашивает баба-яга Ивана-царевича. «Ах, ты, старая хрычовка! Ты бы прежде меня, доброго молодца, накормила, напоила, в бане выпарила, да тогда б и спрашивала».

Баба-яга накормила его, напоила, в бане выпарила; а царевич рассказал ей, что ищет свою жену Василису Премудрую. «А, знаю! — сказала баба-яга,— она теперь у Кощея бессмертного; трудно её достать, нелегко с Кошеем сладить; смерть его на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей, как свой глаз, бережёт». Указала яга, в каком месте растёт этот дуб.

Иван-царевич пришёл туда и не знает, что ему делать, как сундук достать? Вдруг откуда ни взялся — прибежал медведь и выворотил дерево с корнем; сундук упал и разбился вдребезги, выбежал из сундука заяц и во всю прыть наутёк пустился; глядь — а за ним уж другой заяц гонится, нагнал, ухватил и в клочки разорвал. Вылетела из зайца утка и поднялась высоко; летит, а за ней селезень бросился, как ударит её — утка тотчас яйцо выронила, и упало то яйцо в море. Иван-царевич, видя беду немину-

чую, залился слезами; вдруг подплывает к берегу щука и держит в зубах яйцо; он взял то яйцо, разбил, достал иглу и отломил кончик: сколько ни бился Кощей, сколько ни метался во все стороны, а пришлось ему помереть! Иван-царевич пошёл в дом Кощея, взял Василису Премудрую и воротился домой. После того они жили вместе и долго и счастливо.

1. Кому сочувствует народ в этой сказке? Чем объяснить это сочувствие? Кто наказан в сказке и за что?

2. Какие три приказа царя выполняет царевна-лягушка?

3. Как выразились в сказке мечты народа о будущей счастливой жизни?

СКАЗКИ.

Сказки — один из наиболее древних видов народно-поэтического творчества. Многие из известных нам сказок были созданы в далёкую старину. Придуманные когда-то неведомыми авторами, они передавались потом из поколения в поколение, от дедов к отцам, а от отцов к детям. И так как сказки рассказывались, т. е. передавались, в устной форме, то они, естественно, подвергались изменениям и дополнениям.

В старинных сказках много фантастического, чудесного, необыкновенного. В сказках действуют волшебники, люди могут превращаться в животных, а животные и птицы — говорить человеческим языком; герои сказок строят домá в одну ночь и летают на коврах-самолётах.

Но в основу сказки всегда положены явления подлинной жизни. Что же касается сказочной фантастики, то в ней чаще всего отражены мечты народа о будущей счастливой жизни.

Так, в сказке «Морозко» (при всей её фантастичности) правдиво показаны отношения между мачехой и падчерицей, какие действительно часто бывали в старой семье. А в чудесных вымыслах сказки «Царевна-лягушка» проявилась уверенность народа в торжестве правды, когда жизнь станет справедливой и счастливой.

Народные сказки в громадном большинстве своём родились и жили в старой деревне.

Этим объясняется, что народные сказки отразили простую крестьянскую жизнь, деревенский труд, взгляды и интересы крестьян.

Есть много бытовых сказок о мужике и барине. В этих сказках отражалась борьба крестьян с их вечными врагами — помещиками, с классом бар-угнетателей; в сказках о мужике и барине нашла себе яркое выражение вековая ненависть, презрение крестьян к барину, к помещику. Барин изображается в этих сказках правдиво, в чрезвычайно непривлекательном виде: он жаден, ленив, не умеет работать, живёт трудом других людей. Победителем в сказке всегда оказывается мужик: он умён, предприимчив и в конце концов находит выход из затруднительных положений, в которые его ставит барин.

Ненависть народа к угнетателям-богачам и неизменное его сочувствие обездоленным беднякам ярко выражены в популярных сказках о двух братьях или о «двух долях». Богатый брат в сказке эксплуатирует бедняка, заставляет на себя работать и если даёт в долг, то с большой для себя выгодой. Но бедняк не поддаётся богачу: он умнее его и после борьбы одерживает над ним верх и завоёвывает себе обеспеченность и почёт.

У нашего народа было много знатоков сказок: сказочников и сказочниц. А. С. Пушкин заслушивался сказками своей няни, Арины Родионовны, а М. Горький — сказками своей бабушки, Акулины Ивановны Кашириной. Бабушка М. Горького была замечательная рассказчица. «До неё как будто спал я, спрятанный в темноте, — рассказывал о ней Горький, — но явилась она, разбудила, вывела на свет».

Старинные сказки особенно сохранились на дальнем севере. Советские фольклористы до сих пор собирают и записывают эти сказки.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК.

(Былина.)

I.

Из того ли-то из города из Мурома,
Из того села да с Карачарова,
Выезжал удаленький дородний добрый молодец;
Он стоял заутрену во Муроме;
Ай к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град.
Да подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.

Меч
IX века.

У того ли города Чернигова
Нагнанó-то силушки черным-черно,
Ай черным-черно, как чёрна вóрона;
Так пехотою никто тут не прохаживает,
На добром коне никто тут не проезживает,
Птица чёрный ворон не пролётывает,
Серый зверь да не прорыскивает.
А подъехал как ко силушке великойей,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конём топтать да стал копьём колоть.
Ай побил он эту силу всю великую.
Он подъехал-то под славный под

Чернигов-град,

Выходили мужички да тут черниговски,
Отворяли-то ворота во Чернигов-град,
Ай зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья таковы слова:
— Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град.
Говорили мужички ему черниговски:
— Ты удаленький дородний добрый мóлодец,
Ай ты славный богáтырь святорусский!
Прямоезжая дорожка заколóдела,
Заколóдела дорожка, замуравела,
Ай по той ли по дорожке прямоезжей
Да пехотою никто да не прохаживал,

На добром коне никто да не проезживал.
 Как у той ли-то у Грязи у Чёрной,
 Да у той ли у берёзы у покляпя,
 Да у той ли речки у Смородины,
 Сидит Соловей-разбойник во сыром дубу,
 Сидит Соловей-разбойник, Одихмантьев сын;
 А то свищет Соловей да по-соловьему,
 Он кричит злодей-разбойник по-звериному,
 И от того ли-то от посвисту соловьего,
 И от того ли-то покрику звериного
 То все травушки-муравы уплетаются,
 Все лазуревы цветочки отсыпаются,
 Тёмны лесушки к земле все приклоняются,
 А что есть людей, то все мертвы лежат.
 Прямоезжею дороженькой пятьсот есть вёрст,
 Ай окольной дорожкой целая тысяща.

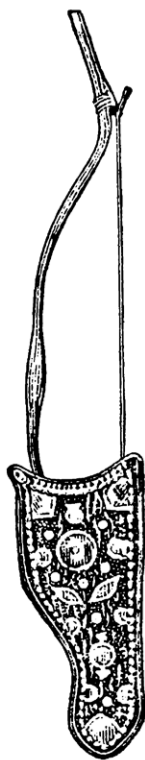
II.

Он спустил добра коня да богатырского,
 Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
 Его добрый конь да богатырский
 С горы на гору стал перескакивать,
 С холма на холму стал перемахивать,
 Мелки реченьки, озерка промеж ног спущал.
 Подъезжает он ко речке ко Смородине,
 Да ко тоей он ко Грязи он ко Чёрной,
 Да ко тою ко берёзе ко покляпя.
 Засвистал-то Соловей да по соловьему,
 Закричал злодей-разбойник по-звериному,
 Так все травушки-муравы уплетались,
 Да и лазуревы цветочки отсыпались,
 Тёмны лесушки к земле все приклонились;
 Его добрый конь да богатырский
 А он на корзни да потыкается;
 Ай как старей-от казак да Илья Муромец
 Берёт плеточку шелковую в белую руку,
 А он бил коня да по крутым ребрам;
 Говорил-то он, Илья, да таковы слова:

Меч
XIII века.

— Ах ты волчья сыть да й травяной мешок!
 Али ты идти не хошь, аль нести не мошь?
 Что ты на корзни, собака, потыкаешься?
 Не слышал ли посвисту солóвьего,
 Не слышал ли покрику зверино́го,
 Не видал ли ты ударов богатырских?
 Ай тут старья казак да Илья Муромец
 Да берёт-то он свой тугой лук разрывчатый,
 Во свои берёт во белы он ручушки,

Налучник
 с луком
 XVII века.

Он тетивочку шелкóвеньку натягивал,
 А он стрелочку калёную накладывал,
 То он стрéлил в то́го Сóловья-разбойника,
 Ему выбил право око со косицею.
 Он спустил-то Сóловья да на сыру землю,
 Пристегнул его ко правому ко стремечку
 булатному,
 Он повёз его по славну по чисту полю,
 Мимо гнёздышка повёз да Соловьино́го.

III.

Он приехал-то во славный стольный
 Киев-град,
 А ко славному ко князю на широкий двор,
 Ай Владимир-князь он вышел со божьей
 церкви,
 Он пришёл в палату белокаменну,
 Во столовую свою во горенку,
 Они сели есть да пить да хлёба кушати,
 Хлеба кушати да пообедати.
 Ай тут старья казак да Илья Муромец
 Становил коня да посерёд двора,
 Сам идёт он во палаты белокаменны,
 Проходил он во столовую во горенку,
 На́ пятау он дверь-то поразмахивал,
 Вёл поклоны по-учёному,
 Крест-от клал он по-писа́ному,
 На все на три, на четыре на сторонки
 низко кланялся,
 Самому князю Владимиру в особину,

Ещё всем его князьям он подколенным.

Тут Владимир-князь стал молодца выспрашивать:
— Ты скажи-тко, ты дородний добрый молодец,
Тебя как-то молодец да именем зовут,
Величают удалого по отчеству?

Говорит-то старья казак да Илья Муромец:
— Честь я славного из города из Мурома,
Из того села да с Карачарова,
Есть я старья казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович!

Говорит ему Владимир таковы слова:
— Ай же старья казак да Илья Муромец!
Да давно ли ты повыехал из Мурома,
И которою дороженькой ты ехал
в стольный Киев-град?

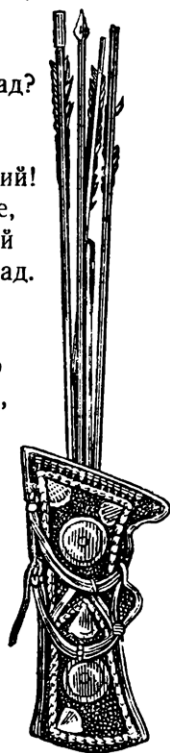
Говорил Илья он таковы слова:
— Ай ты славныя Владимир стольно-
киевский!
Я стоял заутрену христовскую во Муроме,
Ай к обеденке поспеть хотел я в стольный
Киев-град.

То моя дорожка призамешкалась;
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то
Чернигов-град,

Ехал мимо эту Грязь да мимо Чёрную.
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную берёзу покляпую.

Говорил ему Владимир таковы слова:
— Ай же, мужичище-деревенщина!
Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься!
Как у славного у города Чернигова
Нагнанó тут силы много множество,
То пехотою никто да не прохаживал
И на добром коне никто да не

проезживал,
Туды серый зверь да не прорыскивал,
Птица чёрный ворон не пролётывал;

Колчан
со стрелами
XVII века.

Ай у той ли-то у Грязи-то у Чёрной,
Да у славной у речки у Смородины,
Ай у той ли у берёзы у покляпая
Соловѣй сидит разбойник, Одихмантьев сын,
То как свищет Соловей да по-солóвьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному,
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазуревы цветки прочь отсыпаются,
Тёмны лесушки к земле все приклоняются.
А что есть людей, то все мертвó лежат.

Говорил ему Ильа да таковы слова:
— Ты Владимир князь-от стольно-киевский!
Соловей-разбойник на твоём дворе,
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремени булатному прикованный.
То Владимир князь-от стольно-киевский
Он скорѣшенько ставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечкó,
То он шапочку соболью на одно ушкó,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойника.

Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
— Засвищи-тко, Соловей, ты по-солóвьему,
Закричи-тко, собака, по-звериному.

Говорил-то Соловей ему разбойник, Одихмантьев сын:
— Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати,
Я обедал-то у старого казáка Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати.
Говорил-то как Владимир князь да стольно-киевский:
— Ай же, старья казак ты Ильа Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловьёу да по-солóвьему,
Прикажи-тко закричать да по-звериному.

Говорил Ильа да таковы слова:
— Ай же, Соловей-разбойник, Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты во пóл-свисту солóвьего,
Закричи-тко ты во пóл-крику звериного.
Засвистал как Соловѣй тут по-солóвьему,
Закричал разбойник по-звериному,

Маковки на теремах покривились,
А окóленки во теремах рассыпались
От того от посвисту солóвьего,
А что есть-то людюшек, так все мертвы лежат
А Владимир князь-то стольно-киевский
Куньей шубонькой он укрывается.
Ай тут старый-от казак да Илья Муромец
Он скорёшенько садился на добра́ коня,
Ай он вёз-то Соловья да во чисто́ поле,
И он срубил ему да буйну голову.

Говорил Илья да таковы слова:
— Тебе полно-тко свистать да по-солóвьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцов-мáтерей,
Тебе полно-тко вдовить да жён молóдых,
Тебе полно-тко спускать-то сиротать да малых детушек.
А тут Соловью ему и славу поют,
Ай славу поют ему век пó веку.

Пехóтою никто не прохаживает — никто не проходит пешком.

Заколóдела дорожка, заму́рavelа — дорога завалена деревьями, колодами, заросла муравой, т. е. травой.

Берёза поклýпая — нагнувшаяся, наклонённая.

Кóрзни — корни деревьев.

Волчья сыть — волчья еда.

Выбил право око со косицею — выбил правый глаз и висок.

Стóльно-киевский — князь, который княжил в Киеве, в Киеве его престол, по-старинному — стол. Отсюда — стольный город.

На пýту — настежь (о двери).

Во глазáх, мужик, да подлыгáешься — лжёшь в глаза.

Окóленки — окошечки.

1. Как характеризуют Илью Муромца отказ от воеводства в Чернигове и решение ехать прямоезжей дорогой?

2. Какими словами изображена сила Соловья-разбойника?

3. За что Илья срубил Соловью-разбойнику буйну голову?

4. Отметьте черты Ильи Муромца, которые рисуют его как богатыря, защитника народа.

I. Выпишите из 2-й главы существительные с ласкательными и уменьшительными суффиксами. Какое значение имеют эти суффиксы в словах, рисующих образ Ильи?

II. Укажите в былине постоянные, повторяющиеся места.

III. Какими гиперболами (преувеличениями) показана сила Ильи и сила Соловья?

БЫЛИНЫ.

Видное место в русском народном творчестве занимают былины. Былины или, как их называют в народе, старины — это песни о богатырях. Обычно они рассказывают о защите русской земли от нападения врагов, о подвигах русских богатырей, о патриотизме, храбрости и справедливости нашего народа. В былинах отражается историческое прошлое: в них говорится о стольном городе Киеве, о князе Владимире, о борьбе с половцами и татарами, нападавшими на русскую землю, о разбойниках, которые мешали наладить жизнь молодого Русского государства.

В былинах отразилась беззаветная любовь народа к своей стране, горячая вера в победу добра и правды. К борьбе с врагами народа, к защите родины зовут эти простые, сложенные народом песни.

Былины дошли к нам из глубокой старины, переходя от поколения к поколению, из уст в уста. Это устная народная поэзия, так же как сказка и песня.

Былины сложены в форме стихов. Обычно они читаются по-особому, с былинным напевом. Исполнители их называются *с к а з и т е л я м и*.

Много сказителей живёт на севере Советского Союза, вокруг Онежского озера, на берегах Белого моря и Ледовитого океана. Они научились сказывать былины от отцов и дедов, а те, в свою очередь, переняли их от своих отцов и дедов. В Заонежье живёт, например, семья Рябининых; учёные записывали былины от прадеда современных Рябининых — Трофима Григорьевича и от его сына Ивана Трофимовича.

Северные рыбаки рассказывают былины в долгие зимние вечера, когда плетут сети; рассказывают былины в лодках, когда часами плывут за рыбой по широкому Онежскому озеру или по морю, рассказывают на лесных промыслах, когда вечером отдыхают всей артелью в лесной избушке.

Слушают былины внимательно, сказителей уважают и почитают. Молодёжь старается запомнить былинку, повторяет её наизусть.

Народная память хранит столетиями славу о сильных и храбрых людях, о русских могучих богатырях.

Сказители создали свою манеру рассказа, свои художественные приёмы. Эти приёмы былины служат созданию образа могучего богатыря. Богатырь превосходит силой обыкновенных людей; у него палица весом в сорок пудов, он ударом разбивает в щепы дуб кряжистый. Такой же силой отличается и конь богатыря: он скачет «выше дерева стоячего, чуть пониже облака ходячего».

Трофим Григорьевич Рябинин.
С гравюры.

Такие слова и образы, в которых естественные качества или явления показаны в преувеличенном виде, называются *гиперболой*.

Часто сказитель былин прибегает к приёму тоекратного повторения: трижды богатырь вызывает на бой, три раза сталкивается с врагом, преодолевает три препятствия. Для обозначения того, что прошло много времени, он употребляет всегда одни и те же слова, например: «День-то за днём будто дождь дождит, а неделя за неде-

лей как трава растёт, а год-то за годом как река бежит». Одними и теми же словами рассказывается, как богатырь приходит в горницу, как пирует у князя, как бьёт врагов.

1. О чём и о ком поётся в русских былинах?
2. Какими качествами наделён Илья Муромец?
3. Укажите гиперболы в прочитанных вами былинах.
4. Найдите в текстах былин повторяющиеся описания.

ЗАГАДКИ.

1. Дом и домашнее хозяйство.

1. Был я на копанце,
 Был я на хлопанце,
 Был на пожаре,
 Был на базаре;
 Молод был — людей
 кормил,
 Стар стал — пеленаться
 стал.
 Умер —
 Мои кости негодящие
 в ямку
 Бросили;
 И собаки не гложут.

Ковш-утка.

2. Утка в море,
Хвост на заборе.
3. Поля стеклянные,
А межи деревянные.

**Деревянная резная
коробочка.**

Деревянная резная солонка.

II. Техника.

4. Тёплая гармошка
Весь дом нагревает.
5. Висит груша —
Нельзя скушать.
6. Летит птица
Небылица.

III. Домашние животные.

7. По горам, по долám
Ходит шуба да кафтан.
8. Посередь двора стоит
копна,
Спереди вилы,
сзади метла.

9. Всех я вóвремя бужу,
Хоть часов не завожу.

IV. Трудовые процессы.

10. Ходит щучка по заводи,
Ищет щучка тепла
гнезда,
Где бы щучке трава
густа.
11. Летят гуськи,
Дубовые носки,

Говорят: то-то-ты,
то-то-ты.

12. Ела-ела дуб-дуб,
Поломала зуб-зуб.

V. Явления природы.

13. Поле не мерено,
Овцы не считаны,
Пастух рогат.
14. Без рук, без ног,
А ворота отворяет.
15. Красные коромысла
Через речку повисли.

VI. Человек.

16. Идут четыре брата
навстречу большому.
— Здравствуй,
большак,— говорят.
— Здорово,
Васька-указка,
Мишка-серёдка,
Гришка-сиротка
Да крошка Тимошка.
17. Полон хлопёц
Белых овец.

1. С помощью каких выражений описаны ковшик, коса, небо и звёзды?

2. Покажите, как загадка про овцу раскрывает хозяйственное назначение этого животного.

3. Укажите звукоподражания в загадках.

Составьте свои собственные загадки на любые темы: *автомобиль, радио, книжка, перо, плакат, солнце, туча, хлеб, чайник* и т. д.

ЗАГАДКИ.

Загадка — один из видов народного творчества. Загадывание загадок на деревенских вечеринках во время отдыха от работы является весёлым развлечением, проверкой смекалки человека.

Загадка даёт в скрытой форме ряд признаков предмета, по которым надо его угадать.

Вот одна из загадок:

Сидит дед
Во сто шуб одет,
Кто его раздевает,
Тот слёзы проливает.

Все, конечно, ответят: это лук. В загадке дан ряд его признаков. Вы начинаете чистить луковицу. Вы снимаете один за другим сухие красные листочки, как будто раздеваете, снимаете верхнюю одежду. Листочков много — луковица точно закутана в несколько шуб. А кто так сильно кутается даже в тёплую погоду? Конечно, старый человек. Так и возникает образ деда, закутанного во сто шуб. Чтобы помочь догадаться, загадка прямо указывает на едкий запах лука. Сколько слёз прольёшь, пока очистишь луковицу.

Черненькая собачка свернувшись лежит,
Не лает, не кусает, а в дом не пускает.

Это замók. Отчего он сравнивается с собачкой? Он похож внешне: свернулся, как собачка. Но этого мало: замók делает то же, что и собачка: он должен стеречь дом. Почему про петуха загадывается: «Всех я вóвремя бужу, хоть часов не завожу»? А потому, что обычно в дореволюционное время в деревне петух заменял часы.

Есть загадки, где предмет характеризуется звуками, которые он издаёт. Таковы загадки, например, про косьбу, про молотьбу. Произнесите их и покажите их звуковую выразительность.

Загадка смешит нас нелепыми соединениями будто бы несоединимых вещей. Как это может быть, что утка в море, а хвост её на заборе? Этого быть не может. А отгадаешь, что утка — ковшик, что море — кадка, что забор — края кадки, и всё станет на своё место.

Загадка смешит и в то же время учит. Посмотришь на ковшик и поймёшь, что он похож на водяную птицу и плещется в воде, как утка.

ПОСЛОВИЦЫ О ТРУДЕ.

Учись у Стаханова работать наново.

Смелое начало не хуже победы.

Дело мастера боится.

Берись дружно — не будет грузно.

Встать пораньше — да шагнуть подальше.

Куй железо, пока горячо.

Не спеши языком, торопись делом.

В колхозе язык не в зачёт; кто работает, тому почёт.

Был бы дружный колхоз, а урожай будет.

Когда сумеешь взяться за дело — и снег загорится, когда не сумеешь — и масло не вспыхнет.

Объясните смысл каждой пословицы.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ.

Пословицами называются созданные народом краткие и меткие изречения, которые можно применять к разным случаям жизни. Когда, например, хотят сказать о человеке, что он не желает слышать о себе правды, пользуются пословицей: «Правда глаза колет». Когда хотят осмеять болтуна и бездельника, говорят: «Словами и туда и сюда, а делами — никуда».

Поговорки очень близки к пословицам. Основное их отличие в том, что если пословица имеет форму закончен-

ного предложения, то поговорка — группа слов, которую мы в нашей речи вставляем в предложение.

Пословицы и поговорки украшают нашу речь, делают её выразительной.

ПОВОРОККИ.

Не в бровь, а в глаз.
Следы заметить.
Ума палата.

ПОСЛОВИЦЫ.

Добрая пословица не в бровь, а в глаз.
Ветер подует — следы заметёт.
Ума палата, да ключ от неё потерян.

Следует различать пословицы и поговорки, созданные нашим народом в старое, дореволюционное время, и новые пословицы и поговорки, созданные в советскую эпоху.

Старые пословицы отражали жизнь и взгляды народа, находившегося во власти помещиков, царских чиновников и капиталистов.

Вот пословицы, созданные в далёкие от нас времена, когда чиновники назывались воеводами и подьячими:

Земля любит навоз, лошадь — овёс, а воевода — принос.
Подьячий любит калач горячий.
Из суда, что из пруда, — сух не выйдешь.

С такими взяточниками невозможно было бороться бедному человеку, недаром говорил народ:

Коза с волком тягалась, рога да копыта остались.

Немало было в старину пословиц, отражавших ненависть крепостных крестьян к помещикам:

Утиног зоба не накормишь, а господского кармана не наполнишь.

Хвали сено в стогу, а барина в гробу.

Крестьянскими мозолями и бары сыты живут.

Белые ручки чужие труды любят.

В то же время пословицы показывают, что народ понимал своё значение для государства и верил в светлое будущее:

Не тот хозяин земли, кто по ней бродит, а тот, кто по ней за сохой ходит.

Князя в платье, бояре — в платье, будет платье и на нашей братье.

В старинных пословицах отразился не только общественный, но и семейный быт. Есть пословицы, показывающие, в каком бесправном, унижительном положении находилась женщина в царской России.

Бабе дорога — от печи до порога.

Курица не птица, баба не человек.

Совершенно иные взгляды на жизнь, иное отношение к людям и к труду мы видим в новых пословицах и поговорках, созданных в советскую эпоху.

О колхозной деревне созданы пословицы:

Один жил — в заплатах ходил, в колхоз пришёл — кафтан нашёл.

Тот колхоз богат, в котором лад.

О Советской Армии также есть пословицы, например:

В Советскую Армию пошёл — родную семью нашёл.

О социалистическом отношении советских людей к труду говорит пословица:

Спроси у Стаханова, как работать наново.

В советских пословицах нашла отражение и борьба нашего народа с врагами Великой Октябрьской социалистической революции, и бережное отношение к её завоеваниям:

Господ теперь нет — в Чёрном море плавают.

Не пускай вора к возу, а кулака — к колхозу.

В годы Великой Отечественной войны созданы пословицы, выражающие ненависть народа к врагам и стремление народа защитить правое дело.

За правое дело стой смело.

Фашисты хотели в Москву в гости, а оставили под ней кости.

УСТНАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ.

Нерадостна была жизнь трудящихся до революции. Жили крестьяне в курных дымных избах, работали при свете лучины. Тяжёлые подати, кабальная работа на помещика и кулака делали жизнь крестьянина невыносимой, но творческие силы народа не заглохли.

Олень.

С деревянной скульптуры.

«Человек по натуре своей художник: он всюду так или иначе стремится вносить в свою жизнь красоту», — говорил Алексей Максимович Горький.

Крестьянин украшал свою избу и утварь резьбой, расписывал печку яркими и радостными цветами, украшал изумительной вышивкой бедную домотканную одежду, делал для своих детей из глины и дерева выразительные игрушки: медведя и кошку, собаку, козла и барана. И в яркой росписи зыбки,

и в резных украшениях избы выявлялось творчество народа. Создавались и создаются в деревне замечательные произведения слова: былины, песни, сказки, загадки, пословицы и поговорки. В сказках, пословицах, поговорках, песнях и былинах народ выразил свои взгляды на жизнь, веру в победу добра и правды, свою ненависть к угнетателям, к врагам родины, свою мечту о труде лёгком и радостном, о победе человека над природой. В. И. Ленин утверждал, что по произведениям фольклора можно получить прекрасное представление о чаяниях и ожиданиях народных.

Наш великий писатель А. М. Горький говорил: «Подлинную историю народа нельзя знать, не зная устного поэтического творчества». Все наши великие писатели высоко ценили народное творчество. Так, Пушкин говорил:

«Что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей!» «Что за золото, что за прелесть эти сказки!»

Песни, сказки, былины создавались в течение всей долгой истории русского народа и других народов Советской страны. Создаются они и теперь. Их создавали одарённые люди из народа, сказители. Имена старых сказителей до нас не дошли. Только с середины XIX века, с тех пор как учёные стали записывать произведения фольклора, мы узнали фамилии и имена некоторых сказителей: Рябинина, Щеголёнка, Ирины Федосовой.

Сказители есть и сейчас. Некоторые из них состоят членами Союза советских писателей, пользуются уважением и почётом, избраны депутатами Верховного Совета и награждены орденами. Произведения их печатаются в наших газетах и журналах и становятся достоянием всех трудящихся.

Народные поэты известны по всем республикам нашего Союза, в их сказаниях и песнях звучат думы и чувства трудящихся различных национальностей. Кто не знает Сулеймана Стальского, Джамбула, Крюковой, Конашкова, Голубковой, Барышниковой! Их произведения изучают, у них учатся мастерству слова советские писатели, выполняющие прекрасный завет А. М. Горького: «Собирайте ваш фольклор — учитесь на нём».

Козёл.

С деревянной скульптуры.

**А. С. ПУШКИН—ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОЭТ.**

С портрета О. А. Кипренского.

ИЗ ЖИЗНИ А. С. ПУШКИНА.

(1799—1837)

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА.

Ах, умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шёпотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнись бывало,

Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.
Под образом простой ночник из глины
Чуть освещал глубокие морщины,
Драгой антик, прабабушкин чепец
И длинный рот, где зуба два стучало:
Всё в душу страх невольный поселяло.
Я трепетал — и тихо, наконец,
Томленье сна на очи упало.
Тогда толпой с лазурной высоты
На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум...

Бова — сказочный герой.

Ночник — небольшая лампа, дающая слабый свет.

Антик — старинный предмет.

Муромские пустыни — дремучие леса около Муром. В сказках часто говорится о муромских лесах.

Полкан — сказочный герой.

Добрыня — былинный герой, богатырь.

Какие чувства переживал Пушкин, слушая сказки мамушки? Найдите слова, которые об этом говорят.

В ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ ЛИЦЕЕ.

(Из воспоминаний И. И. Пущина.)

1811 года, в августе, числа решительно не помню, дед мой, адмирал Пущин, повёз меня и двоюродного моего брата Петра, тоже Пущина, к тогдашнему министру народного просвещения графу А. К. Разумовскому. С лишком 80-летний старик хотел непременно сам представить министру своих внучат, записанных по его же просьбе в число кандидатов Лицея, нового заведения,

которое самым своим названием¹ поражало публику в России.

Дедушка наш Пётр Иванович насилу взошёл на лестницу, в зале тотчас сел, а мы с Петром стали по обе стороны возле него, глядя на нашу братью, уже частью тут

Пушкин-мальчик.
С гравюры Е. Гейтмана.

собрannую. Знакомых у нас никого не было. Старик, не видя появления министра, начинал сердиться. Подозвал дежурного чиновника и объявил ему, что андреевскому кавалеру² не приходится ждать, что ему нужен Алексей Кириллович, а не туалет его. Чиновник исчез, и тотчас старика нашего с нами повели во внутренние комнаты, где он нас поручил благосклонному вниманию министра, рассыпавшегося между тем в извинениях. Скоро наш адмирал отправился домой, а мы под покровом дяди Рябинина, приехавшего сменить деда, остались

в зале, которая почти наполнилась вновь наехавшими нашими будущими однокашниками с их провожатыми.

У меня разбежались глаза: кажется, я не был из застенчивого десятка, но тут как-то потерялся — глядел на всех и никого не видал. Вошёл какой-то чиновник с бумагой в руке и начал выкликать по фамилиям. Я слышу: Александр Пушкин — выступает живой мальчик, курчавый, быстроглазый, тоже несколько сконфуженный. По сходству ли фамилий или по чему другому, несозна-

¹ Лицеем называлась в древней Греции школа, расположенная в тенистых рощах, посвящённых Аполлону Лицейскому;

Аполлон — бог солнца, покровитель искусств у древних греков.

² Андреевский кавалёр — человек, имеющий андреевский орден — один из высших орденов царской России.

тельно сближающему, только я его заметил с первого взгляда. Ещё вглядывался в Горчакова, который был тогда необыкновенно миловиден. При этом передвижении мы все несколько приободрились, начали ходить в ожидании представления министру и начала экзамена. Не припомню кто, только чуть ли не В. Л. Пушкин, привёзший Александра, подозвал меня и познакомил с племянником. Я узнал от него, что он живёт у дяди на Мойке, недалеко от нас. Мы положили часто видаться.

Жизнь наша лицейская сливается с политической эпохой народной жизни русской: готовилась гроза 1812 года. Эти события сильно отразились на нашем детстве. Началось с того, что мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого Лицея; мы всегда были тут при их появлении, выходили даже во время классов, напутствовали воинов сердечной молитвой, обнимались с родными и знакомыми; усатые гренатеры из рядов благословляли нас крестом. Не одна слеза тут пролита.

Когда начались военные действия, всякое воскресенье кто-нибудь из родных привозил реляции¹; Кошанский² читал их нам громогласно в зале. Газетная комната никогда не была пуста в часы, свободные от классов; читались наперерыв русские и иностранные журналы, при неумолкаемых толках и прениях; всему живо сочувствовалось у нас: опасения сменялись восторгами при малейшем проблеске к лучшему. Профессора приходили к нам и научали нас следить за ходом дел и событий, объясняя иное, нам недоступное.

Таким образом мы скоро сжились, свыклись. Образовалась товарищеская семья, в этой семье — свои кружки; в этих кружках начали обозначаться, больше или меньше, личности каждого; близко узнали мы друг друга, никогда не разлучаясь: тут образовались связи на всю жизнь.

При самом начале Пушкин — наш поэт. Как теперь

¹ Реляция — донесение о ходе военных действий.

² Н. Ф. Кошанский — один из лицейских учителей.

вижу тот послеобеденный класс Кошанского, когда, окончивши лекцию несколько раньше урочного часа, профессор сказал: «Теперь, господа, будем пробовать перья: опишите мне, пожалуйста, розу стихами». Наши стихи вообще не клеились, а Пушкин мигом прочёл два четырёхстишия, которые всех нас восхитили.

Мы все видели, что Пушкин нас опередил, многое прочёл, о чём мы и не слыхали, всё, что читал, помнил; но достоинство его состояло в том, что он отнюдь не думал выказываться и важничать, как это очень часто бывает в те годы (каждому из нас было 12 лет) с скороспелками, которые по каким-либо обстоятельствам и раньше, и легче находят случай чему-нибудь выучиться. Обстановка Пушкина в отцовском доме и у дяди, в кругу литераторов, помимо природных его дарований, ускорила его образование, но нисколько не сделала его заносчивым. Случалось точно удивляться переходам в нём: видишь, бывало, его поглощённым не по летам в думы и чтения, и тут же внезапно оставляет занятия, входит в какой-то припадок бешенства за то, что другой, ни на что лучшее не способный, перебежал его или одним ударом уронил все кегли.

1. Как воспринимали лицеисты события 1812 года?
2. Какие отношения друг к другу сложились у воспитанников Лицея?
3. Как Пущин характеризует Пушкина?

ВСТРЕЧА С ДЕРЖАВИНЫМ.

(Из воспоминаний А. С. Пушкина.)

Державина видел я только однажды в жизни, но никогда того не позабуду. Это было в 1815 году на публичном экзамене в Лицее. Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил; он сидел, подперев голову рукою: лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвисли. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен русской словесности. Тут он оживился: глаза заблестали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его

стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живою необыкновенной. Наконец, вызвали меня. Я прочёл мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояние души моей: когда я дошёл до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отрочески зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил своё чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении: он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли.

У ПУШКИНА В МИХАЙЛОВСКОМ.

(Из воспоминаний И. И. Пущина.)

Проведя праздник у отца в Петербурге, после крещения¹ я поехал в Псков. Погостил у сестры несколько дней и от неё вечером пустился из Пскова и к утру следующего дня уже приближался к желаемой цели. Свернули мы, наконец, с дороги в сторону, мчались среди леса по гористому просёлку; всё мне казалось не довольно скоро. Спускаясь с горы, недалеко от усадьбы, которой за частыми соснами нельзя было видеть, сани наши в ухабе так наклонились на бок, что ямщик слетел.

Я с Алексеем², неизменным моим спутником, кое-как удержался в санях. Схватили вожжи. Кони несутся среди сугробов. Скачем опять в гору извилистой тропой, вдруг крутой поворот, и как будто неожиданно вломились смаху в притворенные ворота при громе колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засели в снегу нерасчищенного двора.

Я оглядываюсь: вижу на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками. Выскакиваю из саней, беру его в охапку и тащу в комнату. На дворе страшный холод, но в иные минуты человек не простужается. Смотрим друг на друга, целуемся, молчим. Он забыл, что надобно прикрыть наготу, я не думал об заиндевевшей шубе и шапке.

¹ Крещёние — церковный праздник (6 января ст. ст.).

² Алексей — слуга Пущина.

Было около восьми часов утра. Прибежавшая старуха застала нас в объятиях друг друга в том самом виде, как мы попали в дом: один — почти голый, другой — весь забросанный снегом. Наконец, пробила слеза, мы очнулись. Совестно стало перед этой женщиной, впрочем она всё поняла. Не знаю, за кого приняла меня, только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчас догадался, что это добрая его няня, столько раз им воспетая, и чуть не задушил её в объятиях.

Всё это происходило на маленьком пространстве. Комната Александра была возле крыльца, с окном на двор, через которое он увидел меня, услышав колокольчик. В этой небольшой комнате помещалась кровать его с пологом, письменный стол, диван, шкаф с книгами и пр. Во всём поэтический беспорядок, везде разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожжённые кусочки перьев (он всегда с самого Лицея писал обглодками, которые едва можно было держать в пальцах). Ход к нему прямо из коридора, против его двери — дверь в комнату няни, где стояло множество пяльцев.

Я приглядывался, где бы умыться и хоть сколько-нибудь оправиться. Дверь во внутренние комнаты была закрыта, дом не топлён. Кое-как всё это тут же уладили, копошась среди отрывистых вопросов: что, как, где и пр. Вопросы большею частью не ожидали ответа. Наконец, помаленьку прибрались; подали нам кофе, мы уселись с трубками. Беседа пошла правильнее.

Вообще Пушкин показался мне несколько серьёзнее прежнего, сохраняя однако ж ту же весёлость; может быть, самое положение его произвело на меня это впечатление. Он, как дитя, был рад нашему свиданию, несколько раз повторял, что ему ещё не верится, что мы вместе. Прежняя его живость во всём проявилась, в каждом слове, в каждом воспоминании. Наружно он мало переменился, оброс только бакенбардами.

Пушкин сам не знал настоящим образом причины своего удаления в деревню; думал даже, что тут могли действовать некоторые смелые его бумаги по службе, эпиграммы на управление и неосторожные частные его

Пушкин и Пущин в селе Михайловском. С картины Н. Н. Ге.

разговоры о религии. Мне показалось, что он вообще неохотно об этом говорил: я это заключил по лаконическим, отрывистым его ответам на некоторые мои вопросы. Заметно было, что ему как будто несколько наскучила прежняя шумная жизнь, в которой он частенько терялся. Он сказал, что несколько примирился в эти четыре месяца с новым своим бытом, вначале очень для него тягостным; что тут, хотя невольно, но всё-таки отдыхаешь от прежнего шума и волнения; с музой живёт в ладу и трудится охотно и усердно. Скорбел только, что с ним нет сестры его, но что он, с другой стороны, никак не согласится, чтобы она по привязанности к нему проскучала целую зиму в деревне. Хвалил своих соседей в Тригорском¹, хотел даже возить меня к ним, но я отговорился тем, что приехал на короткое время, что не успею и на него самого наглядеться. Среди всего этого много было шуток, анекдотов, хохоту от полноты сердечной.

Мы обнялись и начали ходить: обоим нужно было вздохнуть. Вошли в нянину комнату, где собрались уже швеи. Среди молодой своей команды няня преважно разгуливала с чулком в руках. Мы полюбовались работами, побалагурили и возвратились во-свояси. Настало время обеда, Алексей хлопнул пробкой, начались тосты за Русь, за Лицей, за отсутствующих друзей. Незаметно полетела в потолок и другая пробка; попотчевали искромётным няню, а всех других — хозяйскою наливкою. Всё домашнее население несколько развеселилось. Кругом нас стало пошумнее, праздновали наше свидание.

Я привёз Пушкину в подарок «Горе от ума»², он был очень доволен этой тогда рукописной комедией, до того вовсе ему почти незнакомой. После обеда, за чашкою кофе, он начал читать её вслух.

Среди этого чтения кто-то подъехал к крыльцу. Пушкин выглянул в окно, как будто смутился и торопливо раскрыл лежащую на столе Четъи-Миней³. Заметив его

¹ *Тригорское* — соседнее имение, где жила семья Осиповых, друзей Пушкина.

² «*Горе от ума*» — комедия А. С. Грибоедова.

³ *Четъи-Миней* — сборник церковных легенд о жизни святых.

смущение и не подразумевая причины, я спросил его: что это значит? Не успел он ответить, как вошёл в комнату низенький, рыжеватый монах и рекомендовался мне настоятелем соседнего монастыря. Я подошёл под благословение. Пушкин — тоже, прося его сесть. Монах начал извинением в том, что, может быть, помешал нам, потом сказал, что, узнавши мою фамилию, ожидал найти знакомого ему П. С. Пушина, уроженца великолуцкого. Ясно было, что настоятелю донесли о моём приезде и что монах хитрит. Разговор завязался о том, о сём. Между тем подали чай. Пушкин спросил рому, до которого, видно, монах был охотник. Он выпил два стакана чаю, не забывая о роме, и после этого начал прощаться, извиняясь снова, что прервал нашу товарищескую беседу.

Я рад был, что мы остались одни, но мне неловко было за Пушкина, он, как школьник, присмирел при появлении настоятеля. Я ему высказал мою досаду, что накликал его посещение. «Перестань, любезный друг! Ведь он и без того бывает у меня, я поручен его наблюдению. Что говорить об этом вздоре!»

Тут Пушкин, как ни в чём не бывало, продолжал читать комедию; я с необыкновенным удовольствием слушал его выразительное и исполненное жизни чтение. Потом он мне прочёл кое-что своё, большею частью в отрывках. Время не стояло. К несчастью, вдруг запахло угаром. Голова моя не выносит угара. Тотчас же я отправился узнать, откуда эта беда. Вышло, что няня, вообразив, что я останусь погостить, велела в других комнатах затопить печи, которые с самого начала зимы не топились. Когда закрыли трубы — хоть беги из дому. Я тотчас распорядился за беззаботного сына в отцовском доме: велел открыть трубы, запер на замок дверь в натопленные комнаты, притворил и нашу дверь, а форточку открыл. Всё это неприятно на меня подействовало не только в физическом, но и в нравственном отношении. «Как,— подумал я,—хоть в этом не успокоить его, как не устроить так, чтобы ему, бедному поэту, было где подвигаться в зимнее ненастье!» В зале был бильярд. Это могло бы служить для него развлечением. В порыве

досады я даже упрекнул няню, зачем она не велит отапливать всего дома. Видно, однако, моё ворчание имело некоторые действия, потому что после моего посещения перестали экономить дровами.

Между тем время шло за полночь. Нам подали закусь; на прощанье хлопнула третья пробка; мы крепко обнялись. Ямщик уже запряг лошадей, колоколец брякнул у крыльца, на часах ударило три. Мы ещё чокнулись стаканами, но грустно пилось: как будто чувствовалось, что в последний раз вместе пьём. Молча я набросил на плечи шубу и убежал в сани. Пушкин ещё что-то говорил мне вслед; ничего не слыша, я глядел на него; он остановился на крыльце со свечой в руке. Кони рванули под гору. Послышалось: «Прощай, друг!» Ворота скрипнули за мною...

1. Найдите в тексте воспоминаний Пущина места, которые показывают, как относились друг к другу Пушкин и Пущин.

2. В какой обстановке жил Пушкин в Михайловском?

3. Чем тяготился Пушкин в ссылке?

4. Каким вы представляете себе Пушкина по воспоминаниям его друга?

5. Напишите кратко рассказ: „Дружба Пушкина с Пущиным“.

СКАЗКА О МЁРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ.

А. С. Пушкин.

I.	Разболелись гляючи
Царь с царицею простился,	С белой зори до ночи.
В путь-дорогу снарядился,	Не видать милого друга!
И царица у окна	Только видит: вьётся вьюга,
Села ждать его одна.	Снег валится на поля,
Ждёт-пождёт с утра до	Вся белёшенька земля.
	ночи, Девять месяцев проходит,
Смотрит в поле, инда ¹ очи	С поля глаз она не сводит.

¹ Инда — даже.

Вот в сочельник в самый,
в ночь

Бог даёт царице дочь.
Рано утром гость

желанный,
День и ночь так долго
жданный,

Издалеча, наконец,
Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелёшенько вздохнула,
Восхищенья не снесла
И к обедне умерла.

Долго царь был неутешен,
Но как быть? и он был
грешен.

Год прошёл, как сон пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить,

молодица ¹
Уж и впрямь была царица:
Высока, стройна, бела,
И умом и всем взяла;
Но зато горда, ломлива ²,
Своенравна и ревнива.
Ей в приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.
С ним одним она была
Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила
И, красуясь, говорила:

«Свет мой зеркальце!
скажи,

Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее». ³
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищёлкивать перстами,
И вертеться подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась — и расцвела,
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.
И жених сыскался ей,
Королевич Елисей.
Сват приехал, царь дал
слово,

А приданое готово:
Семь торговых городов
Да сто сорок теремов ³.

На девичник ⁴ собираясь,
Вот царица, наряжаясь
Перед зеркальцем своим,
Перемолвилась с ним:

¹ Молоди́ца — молодая жена.

² Ломли́ва — имела обычай «ломаться», в данном случае — держать себя заносчиво, недоступно.

³ Те́рем — богатый дом (старинное слово).

⁴ Девични́к — пир у невесты перед свадьбой.

«Я ль, скажи мне, всех
милее,
Всех румяней и белее?»
Что же зеркальце в ответ?
«Ты прекрасна, спору нет,
Но царевна всех милее,
Всех румяней и белее».
Как царица отпрыгнёт,
Да как ручку замахнёт,
Да по зеркальцу как
хлопнет,
Каблучком-то как
притопнет!..

«Ах ты, мерзкое стекло!
Это врёшь ты мне назло,
Как тягаться ей со мною?
Я в ней дурь-то успокою,
Вишь, какая подросла!
И не диво, что бела:
Мать беременна сидела,
Да на снег лишь и глядела!
Но скажи: как можно ей
Быть во всём меня милей?
Признавайся: всех я краше.
Обойди всё царство наше,
Хоть весь мир; мне ровной
нет.

Так ли?» Зеркальце в ответ:
«А царевна всё ж милее,
Всё ж румяней и белее».

Делать нечего. Она,
Чёрной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку
И наказывает ей,
Сенной девушке своей,
Весть царевну в глушь
лесную

И, связав её, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам.

Чёрт ли сладит с бабой
гневной?
Спорить нечего. С царевной
Вот Чернавка в лес пошла
И в такую даль свела,
Что царевна догадалась
И до смерти испугалась,
И взмолилась: «Жизнь
моя!

В чём, скажи, виновна я?
Не губи меня, девица!
А как буду я царица,
Я пожалую тебя».
Та, в душе её любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, бог
с тобой».

А сама пришла домой.
«Что? — сказала ей царица.
Где красавица-девица?» —
«Там, в лесу, стоит одна, —
Отвечает ей она;
Крепко связаны ей локти;
Попадётся зверю в когти,
Меньше будет ей терпеть,
Легче будет умереть».

II.

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужит бедный царь по ней.
Королевич Елисей,

Помолясь усердно богу,
Отправляется в дорогу
За красавицей-душой,
За невестой молодой.

Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем всё шла да
шла

И на терем набрела.
Ей навстречу пёс, залая,
Прибежал и смолк, играя.
В ворота вошла она —
На подворье тишина.
Пёс бежит за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько

отворилась,
И царевна очутилась
В светлой горнице¹; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой
изразцовой.

Видит девица, что тут
Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно! —
Никого меж тем не видно.
Дом царевна обошла,
Всё порядком убрала,
Засветила богу свечку,
Затопила жарко печку,
На полати² взобралась
И тихонько улеглась.

Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвил: «Что за

диво!

Всё так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал,
Да хозяев поджидал.
Кто же? выдь и покажися,
С нами честно подружися:
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек,
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам
названный,
Коль старушка, будь нам
мать,

Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица».
И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись,
извинилась,

Что-де в гости к ним
зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,
Подносили пирожок;
Рюмку полную наливали,
На подносе подавали.

¹ *Гóрница* — комната.

² *Полáти* — широкие нары для спанья, устраиваемые в избах под потолком.

От зелёного вина
Отрекалася¹ она;
Пирожок лишь разломил
Да кусочек прикусила
И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они девицу
Вверх во светлую
светлицу

И оставили одну,
Отходящую ко сну.

День за днём идёт,
мелькая,
А царевна молодая
Всё в лесу, не скучно ей
У семи богатырей.
Перед утренней зарёю
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить²,
Иль башку с широких
плеч

У татарина отсесть,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса.
А хозяйшкой она
В терему меж тем одна
Приберёт и приготовит.
Им она не прекословит,
Не перечат³ ей они.
Так идут за днями дни.

Братья милую девицу
Полюбили. К ней
в светлицу
Раз, лишь только рассвело,
Всех их семеро вошло.
Старший молвил ей:
«Девница,
Знаешь: всем ты нам
сестрица,

Всех нас семеро, тебя
Все мы любим, за себя
Взять тебя мы все бы ради,
Да нельзя, так, бога-ради,
Помири нас как-нибудь:
Одному женою будь,
Прочим ласковой сestroю.
Что ж качаешь головою?
Аль отказываешь нам?
Аль товар не по купцам?»⁴

«Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные,—
Им царевна говорит,—
Коли лгу, пусть бог велит
Не сойти живой мне
с места.

Как мне быть? ведь я
невеста.

Для меня вы все равны,
Все удалы, все умны,
Всех я вас люблю сердечно,
Но другому я навечно
Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей».

¹ *Отрекалася* — отказывалась.

² *Сорочин* — турок (здесь вообще недруг). *Спешить* — сбросить с коня.

³ *Перечить* — возражать, оспаривать.

⁴ *Товар не по купцам* — поговорка: товар дорог, недоступен.

Братья молча постояли,
Да в затылке почесали.
«Спрос не грех. Прости
ты нас,—
Старший молвил
поклонясь: —
Коли так, не зайкнуса
Уж о том». — «Я не
сержуся,—
Тихо молвила она: —
И отказ мой не вина».
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно все опять
Стали жить да поживать.

III.

Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить её,
А на зеркальце своё
Долго дулась и сердилась;
Наконец об нём хватилась
И пошла за ним и, сев
Перед ним, забыла гнев,
Красоваться снова стала
И с улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце!
скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты прекрасна, спору нет;
Но живёт без всякой славы,

Средь зелёные дубравы,
У семи богатырей
Та, что всё ж тебя милей».
И царица налетела
На Чернавку: «Как ты
смела
Обмануть меня? и в чём!..»
Та призналась во всём:
Так и так. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила ¹ иль не жить,
Иль царевну погубить.

Раз царевна молодая,
Милых братьев поджидая,
Пряла, сидя под окном.
Вдруг сердито под
крыльцом

Пёс залаял, и девица
Видит: нищая черница ²,
Ходит по двору, клюкой ³
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой
немножко,—
Ей кричит она в окошко: —
Пригрожу сама я псу
И кой-что тебе снесу».
Отвечает ей черница:
«Ох ты, дитятко девица!
Пёс проклятый одолел.
Чуть до смерти не заел.
Посмотри, как он хлопочет!
Видь ко мне». — Царевна
хочет
Выйти к ней и хлеб взяла,
Но с крылечка лишь сошла,

¹ Положила (старинное слово) — решила.

² Черница — монахиня.

³ Клюка — палка.

Пёс ей под ноги — и лаёт,
 И к старухе не пускает;
 Лишь пойдёт старуха к ней,
 Он, лесного зверя злей,
 На старуху. Что за чудо?
 «Видно выспался он
 худо,—
 Ей царевна говорит,—
 На ж, лови!» — и хлеб
 летит.
 Старушонка хлеб поймала;
 «Благодарствую,—
 сказала,—
 Бог тебя благослови,
 Вот за то тебе, лови!»
 И к царевне наливное,
 Молодое, золотое
 Прямо яблочко летит...
 Пёс как прыгнет,
 завизжит...
 Но царевна в обе руки
 Хватить — поймала. «Ради
 скуки
 Кушай яблочко, мой свет.
 Благодарствуй за
 обед...» —
 Старушонка сказала,
 Поклонилась и пропала,
 И с царевной на крыльцо
 Пёс бежит и ей в лицо
 Жалко смотрит, грозно
 воет,
 Словно сердце пёсье ноет,
 Словно хочет ей сказать:
 «Брось!» — Она его ласкать,
 Треплет нежною рукою:
 «Что, Соколко, что
 с тобою?
 Ляг!» — и в комнату вошла,
 Дверь тихонько заперла,
 Под окно за пряжу села
 Ждать хозяев, а глядела
 Всё на яблочко. Оно
 Соку спелого полно,
 Так свежо и так душисто,
 Так румяно, золотисто,
 Будто мёдом налилось!
 Видны семечки насквозь.
 Подождать она хотела
 До обеда, не стерпела,
 В руки яблочко взяла,
 К алым губкам поднесла,
 Потихоньку прокусила,
 И кусочек проглотила...
 Вдруг она, моя душа,
 Пошатнулась, не дыша,
 Белы руки опустила,
 Плод румяный уронила,
 Закатались глаза,
 И она под образа
 Головой на лавку пала
 И тиха, недвижна стала...
 Братья в ту пору домой
 Возвращались толпой
 С молодецкого разбоя,
 Им навстречу, грозно воя,
 Пёс бежит и ко двору
 Путь им кажет. «Не
 к добру! —
 Братья молвили: — печали
 Не минует». Прискакали,
 Входят — ахнули. Вбежав,
 Пёс на яблоко стремглав
 С лаем кинулся, озлился,
 Проглотил его, свалился
 И издох. Напоено
 Было ядом, знать, оно.

Перед мёртвою царевной
Братья в горести душевной
Все поникли головой
И с молитвою святой
С лавки подняли, одели,
Хоронить её хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком
у сна,

Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.

Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна.
Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб
хрустальный

Труп царевны молодой
Положили — и толпой
Понесли в пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб её к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили
И решёткой оградили —
И пред мёртвою сестрой
Сотворив поклон земной,
Старший молвил: «Спи

во гробе;
Вдруг погасла, жертвой
злобе,

На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима
И для милого хранима,—
Не досталась никому,
Только гробу одному».

В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая,

Втайне зеркальце взяла
И вопрос свой задала:
«Я ль, скажи мне, всех
милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты, царица, спору нет,
Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее».

IV.

За невестою своей
Королевич Елисей
Между тем по свету скачет.
Нет как нет! Он горько
плачет,

И кого ни спросит он,
Всем вопрос его мудрён;
Кто в глаза ему смеётся,
Кто скорее отвернётся;
К красну солнцу наконец
Обратился молодец.
«Свет наш солнышко!

Ты ходишь
Круглый год по небу,
сводишь
Зиму с тёплой весной,
Всех нас видишь под собой.
Аль откажешь мне

в ответе?
Не видало ль где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей». — «Свет
ты мой,—

Красно солнце отвечало,—
Я царевны не видало.
Знать, её в живых уж нет.
Разве месяц, мой сосед,

Где-нибудь её да встретил,
Или след её заметил».

Тёмной ночи Елисей
Дождлся в тоске своей.
Только месяц показался,
Он за ним с мольбой

погнался.

«Месяц, месяц, мой
дружок!
Позолоченный рожок!
Ты встаёшь во тьме
глубокой,

Круглолицый, светлоокый,
И, обычай твой любя,
Звёзды смотрят на тебя.
Аль откажешь мне

в ответе?

Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених её». — «Братец
мой, —

Отвечает месяц ясный: —
Не видал я девы красной.
На стороже я стою
Только в очередь мою.
Без меня царевна, видно,
Пробежала». — «Как
обидно!» —

Королевич отвечал.
Ясный месяц продолжал:
«Погоди; об ней, быть
может,

Ветер знает. Он поможет.
Ты к нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай».

Елисей, не унывая,
К ветру кинулся, взывая:

«Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,
Не боишься никого,
Кроме бога одного.
Аль откажешь мне

в ответе?

Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених её». — «Постой, —
Отвечает ветер буйный: —
Там за речкой

тихоструйной

Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме

печальной,

Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов.
Не видать ничьих следов
Вкруг того пустого места,
В том гробу твоя невеста».

Ветер дале побежал.
Королевич зарыдал
И пошёл к пустому месту
На прекрасную невесту
Посмотреть ещё хоть раз.
Вот идёт, и поднялась
Перед ним гора крутая;
Вкруг неё страна пустая;
Под горою тёмный вход.
Он туда скорей идёт.
Перед ним, во мгле

печальной,

Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.

И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумлёнными глазами
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
«Как же долго я спала!»
И встаёт она из гроба...
Ах!.. и зарыдали оба.
В руки он её берёт
И на свет из тьмы несёт.
И беседуя приятно,
В путь пускаются обратно,
И трубит уже молва:
Дочка царская жива!

Говоря: «Я ль всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты прекрасна, слова нет,
Но царевна всё ж милее,
Всё румяней и белее».
Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала
И царевну повстречала.
Тут её тоска взяла,
И царица умерла.
Лишь её похоронили,
Свадьбу тотчас учинили,
И с невестой своей
Обвенчался Елисей.

Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела
Перед зеркальцем своим
И беседовала с ним,

И никто с начала мира
Не видал такого пира;
Я там был, мёд, пиво пил,
Да усы лишь обмочил.

1. Какими словами описывает Пушкин царицу-мачеху в начале сказки? Как проявился характер мачехи в её поступках?

2. Что привлекательного в молодой царевне? Припомните всё то, что сказка рассказывает о царевне и её поступках.

3. Что сходного между этой сказкой и сказкой „Морозко“?

4. Покажите, что обе сказки защищают обиженных, что обе они говорят о победе правды.

О СКАЗКАХ ПУШКИНА.

А. М. Горький.

Это были поэмы Пушкина. Я прочитал их все сразу, охваченный тем жадным чувством, которое испытываешь, попадая в невиданно красивое место,— всегда стремишься обежать его сразу. Так бывает после того, когда долго ходишь по моховым кочкам болотистого леса

и неожиданно развернётся перед тобою сухая поляна, вся в цветах и солнце. Минуту смотришь на неё очарованный, а потом счастливо обежишь всю, и каждое прикосновение ноги к мягким травам плодородной земли тихо радуется.

Пушкин до того удивил меня простотой и музыкой стиха, что долгое время проза казалась мне неестественной, и читать её было неловко. Пролог к «Руслану»¹ напомнил мне лучшие сказки бабушки, чудесно сжав их в одну, а некоторые строки изумляли меня своей чеканной правдой.

— Там, на неведомых дорожках,
Следы невиданных зверей,—

мысленно повторял я чудесные строки и видел эти, очень знакомые мне, едва заметные тропы, видел таинственные следы, которыми примята трава, ещё не стряхнувшая капель росы, тяжёлых, как ртуть.

Полнозвучные строки стихов запоминались удивительно легко, украшая празднично всё, о чём говорили они; это делало меня счастливым, жизнь мою — лёгкой и приятной, стихи звучали, как благовест новой жизни. Какое это счастье — быть грамотным!

Великолепные сказки Пушкина были всего ближе и понятнее мне: прочитав их несколько раз, я уже знал их на память; лягу спать и шепчу стихи, закрыв глаза, пока не усну!

Возбуждение, охватившее меня, было замечено хозяевами, старуха ругалась:

— Зачитался, пострел, а самовар четвёртый день не чищен! Как возьму скалку...

Что — скалка? Я оборонялся против неё стихами:

— Душою чёрной, зло любя,
Колдунья старая...

Что нравилось Горькому в стихах Пушкина?

¹ Пролог к «Руслану» — вступление к поэме «Руслан и Людмила»: «У лукоморья дуб зелёный...»

Осень.

ОСЕНЬ.

А. С. Пушкин.

.
Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад — дорога промерзает.
Журча ещё бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъездие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

.
Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдалённые седой зимы угрозы.

БУРАН В СТЕПИ.

А. С. Пушкин.

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересечённые холмами и оврагами. Всё покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или точнее по следу, проложенному крестьянскими санными. Вдруг ямщик стал посматривать в сторону и, наконец, сняв шапку, оборотился ко мне и сказал:

— Барин, не прикажешь ли воротиться?

— Это зачем?

— Время ненадёжно: ветер слегка подымается — вишь, как он сметает порошу¹.

— Что ж за беда!

¹ *Порóша* — недавно выпавший снег.

— А видишь там что? (Ямщик указал кнутом на восток.)

— Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.

— А вон — вон: это облачко.

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдалённый холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало бурю.

Я слышал о тамошних метелях и знал, что целые обозы бывали ими занесены. Савельич, согласно с мнением ямщика, советовал воротиться. Но ветер показался мне не силен; я понадеялся добраться заблаговременно до следующей станции и велел ехать скорее.

Ямщик поскакал, но всё поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо. Пошёл мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение тёмное небо смешалось с снежным морем. Всё исчезло. «Ну, барин,— закричал ямщик,— беда: буря!..»

Я выглянул из кибитки: всё было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевлённым; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом — и скоро стали.

«Что же ты не едешь?» — спросил я ямщика с нетерпением. «Да что ехать? — отвечал он, слезая с облучка; — невесть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом». Я стал было его бранить. Савельич за него заступился: «И охота было не слушаться,— говорил он сердито,— воротился бы на постоялый двор, накушался бы чаю, почивал¹ бы себе до утра, буря б утихла, отправились бы далее. И куда спешим? Добро бы на свадьбу!» — Савельич был прав. Делать было нечего. Снег так и валил. Около кибитки подымался сугроб. Лошади стояли, понуря голову и изредка вздрагивая. Ямщик ходил кругом, от нечего делать улаживая упряжь. Савельич ворчал; я гля-

¹ *Почивать* — спать.

дел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жила или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели... Вдруг увидел я что-то чёрное. «Эй, ямщик! — закричал я, — смотри: что там такое чернеется?» Ямщик стал всматриваться. «А бог знает, барин, — сказал он, садясь на своё место: — воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк, или человек».

Я приказал ехать на незнакомый предмет, который тотчас и стал подвигаться нам навстречу. Через две минуты мы поровнялись с человеком. «Гей, добрый человек! — закричал ему ямщик. — Скажи, не знаешь ли, где дорога?»

— Дорога-то здесь; я стою на твёрдой полосе, — отвечал дорожный, — да что толку?

— Послушай, мужичок, — сказал я ему, — знаешь ли ты эту сторону? Возьмёшься ли ты довести меня до ночлега?

— Сторона мне знакомая, — отвечал дорожный, — слава богу, исхожена и изъезжена вдоль и поперёк. Да вишь какая погода; как раз собьёшься с дороги. Лучше здесь остановиться да переждать, авось буран утихнет да небо прояснится: тогда найдём дорогу по звёздам.

Его хладнокровие ободрило меня. Я уже решился, предав себя божией воле, ночевать посреди степи, как вдруг дорожный сел проворно на облучок и сказал ямщику: «Ну, слава богу, жило недалеко; сворачивай вправо, да поезжай». — «А почему ехать мне вправо? — спросил ямщик с неудовольствием. — Где ты видишь дорогу? Небось: лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой». — Ямщик казался мне прав. «В самом деле, — сказал я: — почему думаешь ты, что жило недалече?» — «А потому, что ветер оттоле потянул, — отвечал дорожный, — и я слышу, дымом пахнуло; знать деревня близко».

Сметливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велел ямщику ехать. Лошади тяжело ступали по глубокому снегу. Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание судна по

бурному морю. Савельич охал, поминутно толкаясь о мой бок. Я опустил циновку, закутался в шубу и задремал, убаюканный пением бури и качкою тихой езды.

1. Как случилось, что путников застал буран в открытой степи?

2. В чём сказалось хладнокровие вожатого и его сметливость?

3. Выпишите образные выражения, передающие нарастающие бури. Что сказано о ветре, об облачке и снеге?

4. Перескажите прочитанное близко к тексту. Следите за рассказчиками по следующему плану: признаки надвигающегося бурана, разговор путника с ямщиком, описание метели, недовольство Савельича, встреча с дорожным, его хладнокровие, его сметливость, движение кибитки.

ПОВЕСТВОВАНИЕ, ОПИСАНИЕ И ДИАЛОГ.

В литературном произведении следует различать повествование, описание и диалог.

Повествование — рассказ о событиях жизни героя и его переживаниях.

Читая «Буран в степи», читатель видит, как ехали в кибитке Гринёв (рассказчик), его слуга Савельич и ямщик, что переживали они, когда начался буран, как они встретили незнакомца и как с его помощью направились к постоялому двору.

Описание — изображение предмета, явления, человека или другого живого существа.

В повествовании о Гринёве и Савельиче мы встречаем описание местности и описание бурана. Эти описания тесно связаны с рассказом о событиях; без них было бы непонятно то, что случилось с действующими лицами рассказа.

Диалог — разговор действующих лиц.

В прочитанном рассказе — несколько диалогов: Гринёва с ямщиком и Савельичем, ямщика и Гринёва с незнакомцем.

Эти диалоги имеют большое значение для понимания произведения: из диалога становится ясным, как действующие лица относятся к другим людям, к событиям и явлениям, в данном случае к бурану.

БЕСЫ.

А. С. Пушкин.

Мчатся тучи, вьются тучи; Невидимкою луна Освещает снег летучий; Мутно небо, ночь мутна. Еду, еду в чистом поле; Колокольчик дин-дин-дин...	Мчатся тучи, вьются тучи; Невидимкою луна Освещает снег летучий; Мутно небо, ночь мутна. Сил нам нет кружиться доле;
Страшно, страшно поневоле Средь неведомых равнин!	Колокольчик вдруг умолк; Кони стали...— «Что там в поле?» —
«Эй, пошёл, ямщик!..» — «Нет мочи:	«Кто их знает? пень иль волк?»
Коням, барин, тяжело; Вьюга мне слипает очи, Все дороги занесло; Хоть убей, следа не видно; Сбились мы. Что делать нам!	Вьюга злится, вьюга плачет; Кони чуткие храпят; Вон уж он далече скачет; Лишь глаза во мгле горят; Кони снова понеслись; Колокольчик дин-дин-дин...
В поле бес нас водит, видно, Да кружит по сторонам.	Видю: духи собралися Средь белеющих равнин.
Посмотри: вон, вон играет, Дует, плюет на меня; Вон — теперь в овраг толкает	Бесконечны, безобразны, В мутной месяца игре Закружились бесы разны, Будто листья в ноябре...
Одичалого коня; Там верстою небывалой Он торчал передо мной; Там сверкнул он искрой малой	Сколько их! Куда их гонят?
И пропал во тьме пустой.	Что так жалобно поют? Домового ли хоронят, Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, выются тучи; Мчатся бесы рой за роем
Невидимкою луна В беспредельной вышине,
Освещает снег летучий; Визгом жалобным и воем
Мутно небо, ночь мутна. Надрывая сердце мне...

ПОСЛОВИЦЫ О ЗИМЕ.

1. Два друга — мороз да вьюга.
2. Вьюги-метели под февраль налетели.
3. Лето работает на зиму, а зима — на лето.
4. Лето — припасиха, зима — подбериха.

ЗИМНЕЕ УТРО.

А. С. Пушкин.

Мороз и солнце: день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный,—
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры¹,
Звездою севера явись!
Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела,—
А нынче... погляди в окно:
Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.
Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.

¹ *Аврора* — богиня утренней зари у древних римлян.

Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?
Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня,
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

1. В каких словах и выражениях поэт рисует картину радостного зимнего утра?
2. Как изображена Пушкиным вечерняя вьюга?
3. Чего достигает поэт противопоставлением двух различных картин?

ЭПИТЕТ.

В стихотворении Пушкина нарисована картина радостного зимнего утра.

Для того чтобы лучше оттенить светлые краски этой картины, поэт противопоставляет им серые и мрачные краски вчерашней вьюги. В этих целях он пользуется особыми словами — эпитетами.

Эпитет — такое слово, которое подчёркивает в предмете один из его признаков, делает изображение более наглядным и вызывает у читателя то или иное чувство.

Эпитет подчёркивает тот признак предмета, который особенно важен для данного случая, для данной картины.

Так, при описании вьюги самым существенным для Пушкина было то, что небо было *мутное*, луна, как *бледное* пятно, тучи *мрачные*.

А при описании зимнего утра Пушкину надо было подчеркнуть, что небеса стали *голубые*, что снег лежит, *блестя* на солнце, что лес — *прозрачный*.

Эти эпитеты выполняют одновременно две задачи: они помогают читателю нагляднее представить себе вьюгу и яркий утренний пейзаж и вызывают у него в

первом случае чувство печали, во втором — чувство радости.

Эпитеты часто применяются и в устной народной поэзии: в сказках, песнях и былинах, но там они имеют особый характер. Среди эпитетов народных сказок и былин много *постоянных эпитетов*, всегда применяемых к данному лицу или предмету.

Так, издавна повелось называть князя Владимира — *ласковым* князем, богатырей *могучими*, коней их *добрыми*, палицы их *булатными*. Лук всегда *тугой*, стол *дубовый*, а узоры *хитрые*. Постоянные эпитеты показывают предметы с лучшей стороны, т. е. такими, какими они должны быть. Действительно, богатырь должен быть могучим, конь его добрым (сильным и верным), лук у богатыря должен быть туго натянут.

Эпитетами чаще всего бывают прилагательные, реже существительные, глаголы, наречия.

Так, в рассказе «Буря в степи» есть эпитеты-наречия: туча *тяжело* подымалась; Савельич говорил *сердито*.

УЗНИК.

А. С. Пушкин.

Сижу за решёткой в темнице сырой.
Вскормлённый в неволе орёл молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюёт под окном.
Клюёт и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовёт меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «давай улетим!
Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..»

В каком смысле образ узника-орла можно применить к жизни А. С. Пушкина?

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ПРОШЛОМ НАШЕЙ РОДИНЫ.

ИЗ ЖИЗНИ И. С. ТУРГЕНЕВА.

СПАССКОЕ-ЛУТОВИНОВО.

Спасское-Лутовиново, имение матери И. С. Тургенева, находилось недалеко от города Орла.

Родители И. С. Тургенева жили очень богато, на широкую ногу. У них было пять тысяч крепостных крестьян. В громадном трёхэтажном доме был свой оркестр, свои певчие, свой театр с крепостными актёрами.

Спасское-Лутовиново славилось у соседей-помещиков своим радушием и гостеприимством. В праздничные дни в имение приезжало много гостей. По вечерам гремела музыка, устраивались ужины и танцы. А иногда хозяева, страстные любители псовой охоты, выезжали с соседями в лес в сопровождении многочисленных егерей и охотничьих собак.

Усадьба была очень большая и красивая. Перед домом был разбит прекрасный цветник, а позади дома тянулся обширный сад. В глубине сада находились пруды, неглубокие, но настолько большие, что детям можно было кататься по ним на лодке.

За главным барским домом расположены были так называемые «службы», т. е. постройки для дворни: там жили каретники, ткачи, портные, столяры, музыканты, кружевницы и т. п. Всего дворовых слуг в доме было соток человек.

А дальше кругом на широкой равнине разбросаны были многочисленные деревни, где в избах, крытых почерневшей соломой, жили крепостные крестьяне.

Спасское-Лутовиново было известно и крестьянам, но не цветниками и не оркестром, а дикой жестокостью её владельцев.

Старики-крестьяне немало рассказывали о своеволии и барских причудах деда И. С. Тургенева, старика Лутовинова. А сам И. С. Тургенев передавал потом слышанный им в детстве рассказ о бабушке, старой вспыльчивой барыне, которая в пылу гнева убила поленом недостаточно расторопного слугу.

Жестокостью отличалась и мать И. С. Тургенева Варвара Петровна, полная властная хозяйка имения Спасское-Лутовиново.

Иван Сергеевич Тургенев
(1818—1883).

ВАРВАРА ПЕТРОВНА.

«Некрасивая, небольшого роста, немного сутуловатая. Глаза чёрные, злые, неприятные, лицо смуглое, волосы чёрные, как смоль; осанку имела гордую, надменную, величавую, тяжёлую; характер мстительный, властный, жестокий».

Так описывали Варвару Петровну те, кто хорошо её знал.

При первом знакомстве Варвара Петровна производила на некоторых выгодное впечатление. Она была умна и довольно образованна, в доме у неё была большая библиотека. Она обладала сильным характером, увлекалась стрельбой в цель, верховой ездой, охотой и особенно игрой на бильярде.

Варвара Петровна очень заботилась о том, чтобы создать красивую обстановку вокруг себя.

Из окон дома можно было видеть клумбы с целым

морем цветов. Вокруг балкона в огромных зелёных кадках красовались померанцевые деревья. По другую сторону дома испанские вишни и сливы стояли под громадной сеткой, защищавшей их от воробьёв.

В доме было много клеток с канарейками, щеглами и попугаями. Варвара Петровна любила кормить голубей, слетавшихся ежедневно к ней на балкон, и следила за тем, чтобы специально приставленные для этого слуги готовили и приносили птицам корм вóвремя. «Вот и половина двенадцатого,— пишет она в одном письме.— А между тем голуби стук-стук в окно. Егорка, новый лакей, несёт корм и мешок. Голуби летят на него и, наконец, на крыльцо. На балконе дерутся, сердятся, ссорятся, а звонок бьёт двенадцать часов».

Но при всём этом Варвара Петровна была очень чёрствым и жестоким человеком.

Она была испорчена властью, какую предоставляло ей крепостное право. К подчинённым своим относилась очень сурово и требовала от всех беспрекословного повиновения. Дворовых слуг она просто не считала настоящими людьми, называла их Егорками и Агашками и думала, что они и созданы на то, чтобы служить ей и выполнять её капризы.

Была у неё воспитанница, маленькая девочка Варя. Варвара Петровна от нечего делать занялась её воспитанием и приставила к ней гувернантку, чтобы сделать из неё образованную «барышню».

Девочка была беззащитна, и Варвара Петровна могла издеваться над ней сколько угодно.

Сидит, бывало, Варя за уроками с гувернанткой. Приходит Варвара Петровна и начинает сама спрашивать урок. И гувернантка дрожит, и у Вари от страха всё в голове путается: всё, что и знала, теперь забыла. Варвара Петровна сердится, поднимается крик.

Или сидит Варя в гостиной, шьёт. А Варвара Петровна сегодня не в духе, ей и это не нравится:

— Как ты держишь иголку? Что же молчишь?

Уронит Варя со страху ножницы,— у Варвары Петровны чуть не нервный припадок. Домашний врач бежит

со всех ног и почтительно подаёт барыне флакон со спиртом.

А Варвара Петровна раздражается градом упрёков:

— Ты неблагодарная! Ты знаешь, что я расстроена, больна, что малейший шум действует мне на нервы! Ты нарочно это делаешь! Ты убить меня хочешь своим поведением!

Обидится Варя — начинаются упрёки:

— Зачем губы надула?

Притворится Варя весёлой, чтобы не раздражать свою повелительницу, — опять не так:

— Чему ты рада? Тебе всё равно, браню я тебя или хвалю. Ты нечувствительная, неблагодарная тварь!

Ещё хуже обращалась Варвара Петровна с дворовыми слугами.

Был у Варвары Петровны дворецкий Поляков. Человек он был довольно образованный, умел даже говорить по-французски. Жена его была старшей горничной при барыне, или, как говорили в доме, её камерфрейлиной.

Послала раз Варвара Петровна Полякова в Петербург узнать, как живёт её старший сын и не женился ли он против её желания. Поляков убедился, что женитьба, негодная барыне, действительно состоялась. Но Поляков любил молодого барина, пожалел его и по приезде в Спасское сказал, что барин живёт по-прежнему один.

Однако Варваре Петровне кто-то донёс о браке сына. Она пришла в неопisanную ярость.

— Полякова!

Поляков бледнее смерти предстал перед барыней.

— Обманул! Солгал! — хриплым голосом произнесла Варвара Петровна, и не успел ещё Поляков сказать слово в оправдание, как она схватила огромный тяжёлый когтыль, стоявший у дивана, и замахнулась над головой дворецкого. Ещё несколько секунд, и несчастный Поляков, может быть, был бы убит. Но тут вовремя подоспел находившийся в это время в Спасском брат мужа Варвары Петровны. Он стремительно бросился к невестке и отвёл её руку. Варвара Петровна упала на диван. Николай Николаевич знаком указал Полякову на дверь и побежал за водой.

На другой день приказом из конторы предписано было сослать Полякова в дальнюю деревню Топки и из дворецкого переименовать в простые писцы.

Полякова увезли, разлучив его с женой Агашей, которая осталась совсем больной, убитой разлукой с мужем.

Бывали случаи, когда дворовые, доведённые до отчаяния капризами барыни, пытались протестовать. Расправа в таких случаях у Варвары Петровны была короткая.

Был, например, среди слуг Варвары Петровны дворецкий Семён Кириллович Тоболев. Барыня сначала к нему очень благоволила. Но Тоболев был человек самостоятельный. Он несколько раз не соглашался с барыней, высказывал свои мнения и вообще говорил с ней довольно смело.

Варвара Петровна начала преследовать его, и, как говорили в доме, «придираться», для того чтобы вывести его из терпения и толкнуть на резкий шаг.

И вот произошёл, наконец, случай, о котором потом рассказывала в «Воспоминаниях» бывшая воспитанница Варвары Петровны.

Во время обеда Семён стоял за креслом барыни, а перед её прибором стоял небольшой графин с водой, которая называлась «барынина вода».

Когда Варвара Петровна произносила слово «воды», дворецкий должен был налить ей воды из этого графина. Составив себе план атаки против Семёна, Варвара Петровна всякий раз, как только подносила стакан к губам, находила в воде разные недостатки: «то мутна, то холодна, то тепла, то с запахом».

Так продолжалось несколько дней сряду. Семён брал графин со стола и через несколько минут являлся, по-видимому, с другой водой. Варвара Петровна пила молча, но на другой день опять то же, опять — «воды», опять — «нехороша», — дворецкий брал воду и приносил другую.

Так и в тот достопамятный день Варвара Петровна поднесла стакан к губам, оттолкнула его и, обратясь лицом к Семёну спросила:

— Что это такое?

Молчание.

— Я спрашиваю: что это такое?

Опять молчание.

— Добьюсь я, наконец, хорошей воды?

И мгновенно стакан с водой был брошен почти в лицо дворецкого.

Семён побледнел, взял со стола графин и вышел. Через несколько минут он вернулся и в чистый стакан налил барыне воды.

— Вот это вода,—сказала Варвара Петровна и отпила более полстакана.

Тогда Семён, бледный, с дрожащими губами, сделал несколько шагов вперёд, стал перед образом, перекрестился широким крестом и сказал:

— Вот, ей-богу, перед образом клянусь, я ту же воду подал, не менял.

Сказав это, он обернулся лицом к госпоже и посмотрел ей прямо в глаза.

Прошло несколько секунд страшного молчания.

Варвара Петровна вдруг, встав с кресла, сказала: «Вон!» и вышла из-за стола, не окончив обеда.

Всё в доме притихло, словно замерло, все ходили на цыпочках, все перешёптывались, а сама Варвара Петровна заперлась в своей спальне.

На другой день я вышла гулять и, увидев на дворе Семёна, залилась горькими слезами.

Вместо шегольского коричневого, с ясными пуговицами, фрака на нём была надета сермяга, а в руках у него была метла, которой он мёл двор.

Из дворецкого, по приказанию барыни, он преобразился в дворника и оставался в этом звании года три или четыре.

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ.

Воспитывала Варвара Петровна своих детей так, как было принято тогда в богатых дворянских домах. Она хотела, чтобы дети научились говорить по-французски и по-немецки, усвоили себе дворянские манеры, чтобы они были как можно дальше от простого народа и ни в коем случае не общались с дворовыми ребятами. Для этого она окружила детей гувернёрами.

Но главной воспитательницей была сама Варвара Петровна. Она применяла к детям привычные для неё средства воздействия: брань и порку.

Ванечка (будущий писатель Иван Сергеевич Тургенев) был её любимым сыном, но секла она его даже чаще, чем других сыновей, так как он больше других проявлял самостоятельности и смелости.

«Драли меня за всякие пустяки, чуть не каждый день,— рассказывал Тургенев.— Раз одна приживалка, уже старая, бог её знает, что она за мной подглядела, донесла на меня моей матери. Мать, без всякого суда, тотчас же начала меня сечь,— секла собственными руками и, на все мои мольбы сказать, за что меня так наказывают, приговаривала: «Сам знаешь, сам должен знать, сам догадайся, за что я секу тебя!»

На другой день, когда я объявил, что решительно не понимаю, за что меня секли,— меня высекли во второй раз и сказали, что будут каждый день сечь, до тех пор, пока я сам не сознаюсь в моём великом преступлении. Я был в таком страхе, таком ужасе, что ночью решился бежать. Я уже встал, потихоньку оделся и в потёмках пробирался по коридору в сени. Не знаю сам, куда я хотел бежать,

только чувствовал, что надо убежать, и убежать так, чтобы не нашли, и что это единственное моё спасение. Я крался, как вор, тяжело дыша и вздрагивая. Как вдруг в коридоре появилась зажжённая свечка, и я, к ужасу моему, увидел, что ко мне кто-то приближается,— это был немец, учитель мой; он поймал меня за руку, очень удивился и стал меня допрашивать.— Я хочу бежать,— сказал я и залился слезами.— Как, куда бежать? — Куда глаза глядят.— Зачем? — А затем, что меня секут, и я не знаю, за что секут.— Не знаете? — Клянусь богом, не знаю.— Ну, ну, пойдёте... пойдёте.

Тут добрый старик обласкал меня, обнял и дал мне слово, что уже больше наказывать меня не будут.

На другой день утром он постучался в комнату моей матери и о чём-то долго с ней наедине беседовал. Меня оставили в покое».

ДРУЗЬЯ ИЗ ДВОРОВЫХ ЛЮДЕЙ.

Как ни старалась Варвара Петровна отдалить Ванечку от дворовых людей, его невольно тянуло к ним. Среди дворовых слуг он находит в детстве первых своих друзей. Его сближает с дворовыми прежде всего страсть к охоте. Охота была любимым удовольствием в семье Тургеньевых. Отец с увлечением отдавался этой забаве и держал прекрасные своры собак. Среди дворовых было несколько опытных охотников — егерей,— и вот они-то и были самыми интересными людьми для мальчика. Целыми часами готов он был слушать их рассказы об охоте на вальдшнепов, бекасов, дупелей, уток. И вот однажды, потихоньку от матери, сговорившись с охотником, он уходит вместе с ним в ореховые кусты, которые росли за парком. Там водились вальдшнепы. Он ещё не решается стрелять сам, но ни одно движение охотника не ускользает от его внимания. Всё чаще и чаще совершаются эти походы. Охотничья искорка начинает разгораться. Постепенно он начинает приучаться владеть ружьём. Время идёт. Мать и не подозревает, что её сын давно умеет стрелять, что он уже метко попадает в плавающих на воде уток к великому

удовольствию его приятелей-егерей. Первый узнаёт об этом отец, сам страстный охотник, он дарит мальчику ружьё и берёт с собой на охоту. «Я засовывал штаны в голенища, надевал через плечо фляжку и сам воображал себя охотником! Пот лил с меня градом, мелкие камешки забивались мне в сапоги, но я не чувствовал усталости и не отставал от отца»,— вспоминал потом Тургенев.

Другая страсть, которая овладевает маленьким Тургеневым,— это страсть к чтению, любовь к родному языку.

В барском доме был принят французский язык, дворовые же говорили по-русски, а те из них, кто был грамотен, читали русские книги. Неудивительно поэтому, что русскому языку, которым с таким мастерством владел потом писатель, он научился впервые у крестьян. Даже больше того: не кто иной, как крепостной слуга первый заинтересовал его произведениями русской литературы. Этот дворовый был хорошо грамотным человеком и великим любителем чтения. Вот с ним-то и подружился мальчик Тургенев. Они потихоньку уносили из библиотеки толстые старинные книги и, крадучись, уходили в сад. Там они забирались в самые отдалённые местечки. Мальчику казалось, что никто в мире их не сможет найти. Сюда не доносились звуки домашних голосов. Здесь не слышал он исковерканной русской речи своих гувернёров-иностранцев. Здесь пели птицы и тихо шумели деревья. Природа вдохновляла друзей. Торжественно открывал дворовый толстую книгу, надевал старинные в железной оправе очки и начинал читать. Он относился необычайно серьёзно к своему чтению. Вначале он читал как бы для себя, вдумываясь в каждое слово, начерно, а потом повторял тот же стих набело, громогласно, приподнятым, торжественным тоном. Сад оглашался величественными звуками старинных стихов.

Юный слушатель замирал в восторге. Он с наслаждением вслушивался в ритм стиха, в строй старинной русской речи. Вдохновение чтеца передавалось и ему. И если уроки в классной комнате с гувернёрами и учителями-иностранцами шли вяло и скучно, то это чтение в саду

было и для учителя и для ученика одинаково увлекательным. И много лет спустя, уже в старости, Тургенев с благодарностью вспоминал своего первого учителя русской литературы.

СНОВА В РОДНОЙ УСАДЬБЕ.

Тургеневу было уже 22 года, когда, возвратившись из-за границы, он снова приехал в Спасское. Старый парк всё так же прекрасен, только ещё больше разросся, ещё темнее стали его густые аллеи. Каждое дерево, каждый куст здесь напоминают детство. Тургенев обошёл все самые отдалённые уголки огромного сада: вот дерево, где он убил первый раз ворону, вот место, где он нашёл гриб необыкновенной величины, а вот скамейка у старой, мохнатой ели, где он маленьким мальчиком проливал слёзы после незаслуженных побоев,— и, улыбаясь воспоминаниям детства, он находит потаённые местечки, где он жадно слушал громкий, торжественный голос дворового, своего учителя. В Спасском ждала его охота, его любимое занятие, ждали старые приятели-охотники. Здесь его Афанасий, замечательный стрелок и охотник, со своей Валеткой. Он уже прослышал, что приехал Иван Сергеевич. Тургенев соскучился за границей по русской охоте. Какая там охота! Он рассказывает Афанасию, что там дичь, точно в садках, разводят. Афанасий сочувственно кивает головой. То ли дело у себя на родине!

Тургенев — неутомимый ходок: ему ничего не стоит пройти огромное расстояние, а потом заснуть где-нибудь в сарае на сене, чтобы проснуться на заре. Но здесь, среди родной природы, он всюду наталкивается на крестьянскую нужду, он везде видит следы рабства. В каждой мужицкой избе, в каждой лесной сторожке он сталкивается с крепостным правом. И родная природа, нежная и ласковая, не смягчает сурового лица крестьянской жизни.

Усталый, запылённый, с полным ягдташем он приходит домой. Дома уже ждут его — два дня он пропадал. Его встречает «дядька» Порфирий Константинович

Кудряшёв, с которым он прожил за границей целых два года. Этот дядька — замечательный человек. Когда-то он изучал медицину и был до отъезда его за границу домашним фельдшером, а потом был отправлен в Берлин вместе с молодым Тургеневым. Бывало, в Берлине Тургенев уходил в университет, а «дядька», убрав комнату, тоже шёл на лекции. Так за время своего пребывания за границей Кудряшёв основательно изучил медицину, стал свободно владеть немецким языком — словом, стал образованным человеком. Но он по-прежнему оставался крепостным.

Варвара Петровна гордится тем, что в числе её дворни есть такой просвещённый человек. В любой момент она может сделать с ним всё, что захочет: сегодня она его награждает званием «её собственного домашнего доктора», посылает ему кушанье с господского стола, а завтра она сошлёт его на поселение, отнимет книги, оденет в сермягу. Ей доставляет наслаждение, что Кудряшёв — её собственность. Тяжело переживал Иван Сергеевич рабское состояние своего приятеля. «Дай ты ему сознание того, что он человек, не раб, не вещь, которую ты можешь по своему произволу, по одному капризу упечь, куда хочешь», — говорил он матери. Но Варвара Петровна оставалась непреклонной.

По приезде в Спасское Тургенев встречается со старым своим знакомцем Фёдором Ивановичем Лобановым, дворовым, исполняющим обязанности домашнего секретаря у Варвары Петровны. Фёдор Иванович по-прежнему каждое утро делает в кабинете барыне доклады о хозяйственных делах. Однажды Тургенев сидел в гостиной и что-то рассказывал. Рассказывал он замечательно, его слушали, боясь проронить каждое его слово. Был летний день. Дверь в кабинет была открыта. Там Варвара Петровна разговаривала о делах с Лобановым. Лобанов о чём-то докладывал. Потом голос матери Тургенева повысился и через несколько мгновений сделался резким до крика. Беседа в гостиной затихла — все стали прислушиваться к тому, что происходит в соседней комнате. Вдруг Варвара Петровна схватила лежащий на столе хлыст и замахнулась им на своего секретаря. В этот момент про-

изошло то, чего никто не ожидал: резким движением Лобанов вырвал у неё из рук хлыст и отбросил его далеко в угол кабинета. Обезоруженная помещица на мгновение оцепенела от изумления и бессильной злобы. Но в ту же минуту громким голосом она позвала домашнюю «полицию». Несколько дюжих людей явились в кабинет и увели Лобанова.

Всё замерло в старом лутовиновском доме. Хозяйка заперлась в своей спальне. Прекратились рассказы. Затихли гости Тургенева. Иван Сергеевич, мрачный, нервно ходил из угла в угол своей комнаты. Наконец, он направился к своей матери. Он просил её не наказывать Лобанова, ведь тот защищал своё человеческое достоинство. Но по-прежнему неумолима была Варвара Петровна. Через несколько дней к ней введён был Лобанов, одетый в серую крестьянскую свитку, в лаптях. Он с трудом передвигал ноги. Он знал, что приговор будет жестоким. И Лобанов не ошибся: его ссылали в одну из самых отдалённых деревень, отрывали от жены и детей. Варвара Петровна махнула рукой, и Лобанова увели.

Прошли годы; многое изменилось в жизни Тургенева. Он стал взрослым, образованным человеком, побывал за границей. Не изменилось только одно: и в Спасском, и во всей России народ страдал под гнётом крепостного права. Гуляет ли Тургенев по саду — он видит крепостных, согнанных на барщину, сидит ли за книгой в гостиной спасского дома — из соседней комнаты он слышит разгневанный голос матери, кричащей на старосту или дворецкого. То он узнаёт, что у горничной отобрали детей и отправили их в дальнюю деревню, потому что их детский плач раздражает барыню; то по капризу барыни разлучили мужа с женой.

Ненависть к крепостному праву разгорается в душе молодого писателя. Он даёт себе слово бороться против страшного врага, имя которому — крепостное право. И среди молодых, звонких голосов передовых русских людей, которые посвящали себя борьбе с крепостничеством, громко звучала клятва Тургенева бороться с ним, пока хватит сил. Впоследствии Тургенев вспоминает это

время: «В моих глазах враг этот имел определённый образ, носил известное имя: враг этот был — крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил всё, с чем решил я бороться до конца, с чем решил никогда не примиряться... Это была моя аннибалова клятва¹ — и не я один дал её себе тогда».

МУМУ.

И. С. Тургенев.

I.

В одной из отдалённых улиц Москвы, в сером доме с белыми колоннами, антресолю² и покривившимся балконом жила некогда барыня, вдова, окружённая многочисленную дворней. Сыновья её служили в Петербурге, дочери вышли замуж; она выезжала редко и уединённо доживала последние годы своей скупой и скучающей старости. День её, нерадостный и ненастный, давно прошёл, но и вечер её был чернее ночи.

Из числа всей её челяди самым замечательным лицом был дворник Герасим, мужчина двенадцати вершков роста³, сложенный богатырём и глухонемой от рождения. Барыня взяла его из деревни, где он жил один, в небольшой избушке, отдельно от братьев, и считался едва ли не самым исправным тягловым мужиком⁴. Одарённый необычайной силой, он работал за четверых — дело спорилось в его руках, и весело было смотреть на него, когда он либо пахал и, налегая огромными ладонями на соху, казалось, один, без помощи лошадёнки, взрезывал упругую грудь земли, либо о Петров день так сокрушительно

¹ Знаменитый в древности карфагенский полководец Ганнибал поклялся до конца своей жизни бороться с Римом, непримиримым врагом его родного города. Отсюда и произошло выражение «ганнибалова (или аннибалова) клятва».

² Антресоль — верхний полуэтаж дома.

³ Мужчина двенадцати вершков роста — ростом двух аршин и двенадцати вершков, немного меньше двух метров.

⁴ Тягловый мужик (тягло — подать) — крестьянин, который имеет земельный надел и «тянет тягло», т. е. платит полную подать.

действовал косой, что хоть бы молодой берёзовый лесок смахивать с корней долой, либо проворно и безостановочно молотил трёхаршинным цепом, и как рычаг опускались и поднимались продолговатые, твёрдые мышцы его плечей¹. Постоянное безмолвие придавало торжественную важность его неистомной работе². Славный он был

мужик, и не будь его несчастья, всякая девка охотно пошла бы за него замуж... Но вот Герасима привезли в Москву, купили ему сапоги, сшили кафтан на лето, на зиму тулуп, дали ему в руки метлу и лопату и определили его дворником.

Крепко не полюбилось ему сначала его новое житьё. С детства привык он к полевым работам, к деревенскому

¹ *Плечей* — устаревшая форма слова (вместо «плеч»).

² *Неистомная работа* — работа без усталости.

быту. Отчуждённый несчастьем своим от сообщества людей, он вырос немой и могучий, как дерево растёт на плодородной земле... Переселённый в город, он не понимал, что с ним такое делается¹, скучал и недоумевал, как недоумевает молодой здоровый бык, которого только что взяли с нивы, где сочная трава росла ему по брюхо,— взяли, поставили на вагон железной дороги — и вот, обладая его тучное тело² то дымом с искрами, то волнистым паром, мчат его теперь, мчат со стуком и визгом, а куда мчат — бог весть!

Занятия Герасима по новой его должности казались ему шуткой после тяжких крестьянских работ; в полчаса всё у него было готово, и он опять то останавливался посреди двора и глядел, разинув рот, на всех проходящих, как бы желая добиться от них разрешения загадочного своего положения, то вдруг уходил куда-нибудь в уголок и, далеко швырнув метлу и лопату, бросался на землю лицом и целые часы лежал на груди неподвижно, как пойманный зверь. Но ко всему привыкает человек, и Герасим привык, наконец, к городскому житью. Дела у него было немного; вся обязанность его состояла в том, чтобы двор содержать в чистоте, два раза в день привезти бочку с водой, натаскать и наколоть дров для кухни и дома да чужих не пускать и по ночам караулить. И надо сказать, усердно исполнял он свою обязанность: на дворе у него никогда ни щепок не валялось, ни сору; застрянет ли в грязную пору где-нибудь с бочкой отданная под его начальство разбитая кляча-водовозка, он только двинет плечом — и не только телегу, самое лошадь спихнёт с места; дрова ли примется он колоть, топор так и звенит у него, как стекло, и летят во все стороны осколки и поленья; а что насчёт чужих, так после того, как он однажды ночью, поймав двух воров, стукнул их друг о дружку лбами, да так стукнул, что хоть в полицию их потом не веди, все в околотке³ очень стали уважать его;

¹ *Дёется* — делается, происходит.

² *Тучное тело* — здоровое, упитанное тело (*тук* — жир).

³ *В околотке* — в окружности, в окрестности, в соседних местах.

даже днём проходившие, вовсе уже не мошенники, а просто незнакомые люди, при виде грозного дворника, отмахивались и кричали на него, как будто он мог слышать их крики. Со всей остальной челядью Герасим находился в отношениях не то чтобы приятельских — они его побаивались, — а коротких: он считал их за своих. Они с ним объяснялись знаками, и он их понимал, в точности исполнял все приказания, но права свои тоже знал, и уже никто не смел садиться на его место в застолье¹. Вообще Герасим был нрава строгого и серьёзного, любил во всём порядок; даже петухи при нём не смели драться, а то беда! Увидит, тотчас схватит за ноги, повертит раз десять на воздухе колесом и бросит врозь. На дворе у барыни водились тоже гуси; но гусь, известно, птица важная и рассудительная; Герасим чувствовал к ним уважение, ходил за ними и кормил их; он сам смахивал на степенного гусака. Ему отвели над кухней каморку; он устроил её себе сам, по своему вкусу, соорудил в ней кровать из дубовых досок на четырёх чурбанах — истинно богатырскую кровать; сто пудов можно было положить на неё — не погнулась бы; под кроватью находился дюжий сундук; в уголку стоял столик такого же крепкого свойства, а возле столика — стул на трёх ножках, да такой прочный и приземистый, что сам Герасим, бывало, поднимет его, уронит и ухмыльнётся. Каморка запиралась на замок, напоминавший своим видом калач, только чёрный; ключ от этого замка Герасим всегда носил с собой на пояске. Он не любил, чтобы к нему ходили.

II.

Так прошёл год, по окончании которого с Герасимом случилось небольшое происшествие.

Старая барыня, у которой он жил в дворниках, во всём следовала древним обычаям и прислугу держала многочисленную: в доме у ней находились не только

¹ Застолье — люди, сидящие за столом (говорят: «Застолье была большая»).

прачки, швеи, столяры, портные и портнихи, был даже один шорник, он же считался ветеринарным врачом и лекарем для людей, был домашний лекарь для госпожи, был, наконец, один башмачник, по имени Капитон Климов, пьяница горький. Климов почитал себя существом обиженным и неоценённым по достоинству, человеком образованным и столичным, которому не в Москве бы жить, без дела, в каком-нибудь захолустье, и если пил, как он сам выражался с расстановкой и стуча себя в грудь, то пил уже именно с горя. Вот зашла однажды о нём речь у барыни с её главным дворецким, Гаврилой, человеком, которому, судя по одним его жёлтым глазкам и утиному носу, сама судьба, казалось, определила быть начальствующим лицом. Барыня сожалела об испорченной нравственности Капитона, которого накануне только что отыскивали где-то на улице.

— А что, Гаврила,— заговорила вдруг она,— не женить ли нам его, как ты думаешь? Может, он остепенится.

— Отчего же не женить-с? Можно-с,— ответил Гаврила: — и очень даже будет хорошо-с.

— Да; только кто же за него пойдёт?

— Конечно-с. А впрочем, как вам будет угодно-с. Всё же он, так сказать, на что-нибудь может быть потребен; из десятка его не выкинешь.

— Кажется, ему Татьяна нравится?

Гаврила хотел было что-то возразить, да сжал губы.

— Да!.. Пусть посватает Татьяну,— решила барыня, с удовольствием понюхивая табачок.— Слышишь?

— Слушаю-с,— произнёс Гаврила и удалился.

Возвратясь в свою комнату (она находилась во флигеле и была почти вся загромождена коваными сундуками), Гаврила сперва выслал вон свою жену, а потом подсел к окну и задумался. Неожиданное распоряжение барыни его, видимо, озадачило. Наконец он встал и велел кликнуть Капитона. Капитон явился... Но прежде, чем мы передадим читателям их разговор, считаем не лишним рассказать в немногих словах, кто была эта Татьяна, на которой приходилось Капитону жениться, и почему повеление барыни смутило дворецкого.

Татьяна, состоявшая, как мы сказали выше, в должности прачки (впрочем, ей, как искусной и учёной прачке, поручалось одно только тонкое бельё), была женщина лет двадцати восьми, маленькая, худая, белокурая, с родинками на левой щеке. Родинки на левой щеке почитаются на Руси худой приметой — предвещением несчастной жизни... Татьяна не могла похвалиться своей участью. С ранней молодости её держали в чёрном теле; работала она за двоих, а ласки никакой никогда не видала; одевали её плохо; жалованье она получала самое маленькое; родни у ней всё равно что не было: один какой-то старый ключник, оставленный за негодностью в деревне, доводился ей дядей, да другие дядья у ней в мужиках состояли, — вот и всё. Когда-то она слыла красавицей, но красота с неё очень скоро соскочила. Нрава она была весьма смиренного или, лучше сказать, запуганного; к самой себе она чувствовала полное равнодушие, других боялась смертельно; думала только о том, как бы работу к сроку кончить, никогда ни с кем не говорила и трепетала при одном имени барыни, хотя та её почти в глаза не знала. Когда Герасима привезли из деревни, она чуть не обмерла от ужаса при виде его громадной фигуры, всячески старалась не встречаться с ним, даже жмурилась, бывало, когда ей случалось пробежать мимо него, спеша из дома в прачечную. Герасим сперва не обращал на неё особенного внимания, потом стал посмеиваться, когда она ему попадалась, потом и заглядываться на неё начал, наконец, и вовсе глаз с неё не спускал. Полюбилась она ему: кротким ли выражением лица, робостью ли движений — бог его знает! Вот, однажды, пробиралась она по двору, осторожно поднимая на растопыренных пальцах накрахмаленную барынину кофту... кто-то вдруг сильно схватил её за локоть; она обернулась и так и вскрикнула: за ней стоял Герасим. Глупо смеясь и ласково мыча, протягивал он ей прянишко петушка с сусальным золотом на хвосте и крыльях. Она было хотела отказаться, но он насильно впихнул ей пряник в руку, покачал головой, пошёл прочь и, обернувшись, ещё раз промычал ей что-то очень дружелюбное. С того дня он уже ей не давал покоя:

куда, бывало, она ни пойдёт, он уж тут как тут, идёт ей навстречу, улыбается, мычит, махает руками, ленту вдруг вытащит из-за пазухи и всучит ей, метлой перед ней пыль расчистит. Бедная девка просто не знала, как ей быть и что делать. Скоро весь дом узнал о проделках немого дворника; насмешки, прибаутки, колкие словечки посыпались на Татьяну. Над Герасимом, однако, глумиться не все решались: он шуток не любил, да и её при нём оставляли в покое. Рада не рада, а попала девка под его покровительство. Как все глухонемые, он очень был догадлив и очень хорошо понимал, когда над ним или над ней смеялись. Однажды за обедом кастелянша¹, начальница Татьяны, принялась её, как говорится, шпынять и до того её довела, что та, бедная, не знала, куда глаза деть, и чуть не плакала с досады. Герасим вдруг приподнялся, протянул свою огромную ручищу, наложил её на голову кастелянши и с такой угрюмой свирепостью посмотрел ей в лицо, что та так и пригнулась к самому столу. Все умолкли. Герасим снова взялся за ложку и продолжал хлебать щи. «Вишь, глухой чёрт, леший!» — пробормотали все вполголоса, а кастелянша встала да ушла в девичью.

А то, в другой раз, заметив, что Капитон, тот самый Капитон, о котором сейчас шла речь, как-то слишком любезно раскалялся с Татьяной, Герасим подозвал его к себе пальцем, отвёл в каретный сарай да, ухватив за конец стоявшее в углу дышло, слегка, но многозначительно погрозился ему им. С тех пор уж никто не заговаривал с Татьяной. И всё это ему сходило с рук. Правда, кастелянша, как только прибежала в девичью, тотчас упала в обморок и, вообще, так искусно действовала, что в тот же день довела до сведения барыни грубый поступок Герасима; но причудливая старуха только рассмеялась, несколько раз, к крайнему оскорблению кастелянши, заставила её повторять, как, дескать, он пригнул тебя своей тяжёлой ручкой, и на другой день выслала Герасиму целковый. Она его жаловала, как верного и сильного сторожа. Герасим порядком её побаивался, но всё-таки

¹ *Кастелянша* — здесь: женщина, заведующая барским бельём.

надеялся на её милость и собирался уже отправиться к ней с просьбой, не позволит ли она ему жениться на Татьяне. Он только ждал нового кафтана, обещанного ему дворецким, чтобы в приличном виде явиться перед барыней, как вдруг этой самой барыне пришла в голову мысль выдать Татьяну за Капитона.

Читатель теперь легко сам поймёт причину смущения, овладевшего дворецким Гаврилой после разговора с госпожой. «Госпожа,— думал он, посиживая у окна,— конечно, жалует Герасима (Гавриле хорошо это было известно, и оттого он сам ему потакал), всё же он существо бессловесное; не доложить же госпоже, что вот Герасим, мол, за Татьяной ухаживает. Да и, наконец, оно и справедливо: какой он муж? А с другой стороны, стоит этому, прости господи, лешему, узнать, что Татьяну выдают за Капитона, ведь он всё в доме переломает, ей-ей. Ведь с ним не столкнешь; ведь его, чорта эдакого, согрешил я, грешный, никаким способом не уломаешь... Правол!..»

Появление Капитона прервало нить Гаврилиных размышлений. Легкомысленный башмачник вошёл, закинул руки назад и, развязно прислонясь к выдающемуся углу стены подле двери, поставил правую ножку крестообразно перед левой и встряхнул головой. Вот, мол, я. Чего вам потребно?

Гаврила посмотрел на Капитона и застучал пальцами по косяку окна. Капитон только прищурил немного свои оловянные глазки, но не опустил их, даже усмехнулся слегка и провёл рукой по своим белесоватым волосам, которые так и ерошились во все стороны. Ну, да, я, мол, я. Чего глядишь?

— Хорош,— проговорил Гаврила и помолчал.— Хорош, нечего сказать!

Капитон только плечиками передёрнул. «А ты, небось, лучше?» — подумал он про себя.

— Ну, посмотри на себя, ну, посмотри,— продолжал с укоризной Гаврила: — Ну, на кого ты похож?

Капитон окинул спокойным взором свой истасканный и оборванный сюртук, свои заплатанные панталоны, с

особенным вниманием посмотрел на свои дырявые сапоги, особенно тот, об носок которого так щеголевато опиралась его правая ножка, и снова уставился на дворецкого.

— А что-с?

— Что-с? — повторил Гаврила. — Что-с? Ещё ты говоришь: что-с? На чёрта ты похож, согрешил я, грешный, вот на кого ты похож.

Капитон проворно замигал глазами.

«Ругайтесь, мол, ругайтесь, Гаврила Андреич», — подумал он опять про себя.

— Ведь вот ты опять пьян был, — начал Гаврила: — ведь опять? А? Ну, отвечай же.

— По слабости здоровья спиртным напиткам подвергался действительно, — возразил Капитон.

— По слабости здоровья!.. Мало тебя наказывают, — вот что. А в Питере ещё был в ученье... Многому ты выучился в ученье. Только хлеб даром ешь.

— В этом случае, Гаврила Андреич, один мне судья: сам господь бог, и больше никого. Тот один знает, каков я человек на сем свете суть и точно ли даром хлеб ем. А что касается в соображении до пьянства, то в этом случае виноват не я, а более один товарищ; сам же меня он сманул, да и сполитиковал, ушёл то-есть, а я...

— А ты остался, гусь, на улице. Ах, ты, забубённый человек! Ну, да дело не в том, — продолжал дворецкий, — а вот что. Барыне... — тут он помолчал, — барыне угодно, чтобы ты женился. Слышишь? Они полагают, что ты остепенишься, женившись. Понимаешь?

— Как не понимать-с.

— Ну, да. По-моему, лучше бы тебя хорошенько в руки взять. Ну, да это уж их дело. Что ж? Ты согласен?

Капитон осклабился.

— Женитьба — дело хорошее для человека, Гаврила Андреич; и я, с своей стороны, с очень моим приятным удовольствием.

— Ну да, — возразил Гаврила и подумал про себя: — нечего сказать, аккуратно говорит человек. — Только вот что, — продолжал он вслух: — невесту-то тебе приискали неладную.

— А какую, позвольте полюбопытствовать...

— Татьяну.

— Татьяну?

И Капитон вытарашил глаза и отделился от стены.

— Ну, чего ж ты всполохнулся? Разве она тебе не по нраву?

— Какое не по нраву, Гаврила Андреич. Девка она ничего, работница, смиренная девка... Да ведь вы сами знаете, Гаврила Андреич, ведь тот-то леший, кикимора-то степная, ведь он за ней...

— Знаю, брат, всё знаю,— с досадой прервал его дворецкий: — да ведь...

— Да, помилуйте, Гаврила Андреич! ведь он меня убьёт, ей-богу, убьёт, как муху какую-нибудь прихлопнет: ведь у него рука, ведь вы извольте посмотреть, что у него за рука; ведь у него просто Минина и Пожарского рука. Ведь он, глухой, бьёт и не слышит, как бьёт! Словно во сне кулачищами-то махает. И унять его нет никакой возможности; почему? потому, вы сами знаете, Гаврила Андреич, он глух и в добаву глуп, как пятка. Ведь это какой-то зверь, идол, Гаврила Андреич,— хуже идола... осина какая-то: за что же я теперь от него страдать должен? Конечно, мне уж теперь всё нипочём: обдержался, обтерпелся человек, обмаслился, как коломенский горшок,— всё же я, однако, человек, а не какой-нибудь, в самом деле, ничтожный горшок.

— Знаю, знаю, не расписывай...

— Господи боже мой! — с жаром продолжал башмачник: — когда же конец? Когда, господи! Горемыка я, горемыка неисходная! Судьба-то, судьба-то моя, подумай! В младых летах был я бит через немца-хозяина, в лучший сустав жизни моей бит от своего же брата, наконец, в зрелые годы вот до чего дослужился...

— Эх ты, мочальная душа,— проговорил Гаврила.— Чего распространяешься, право!

— Как чего, Гаврила Андреич! Не побоев я боюсь, Гаврила Андреич. Накажи меня господин в стенах, да подай мне при людях приветствие, и всё я в числе человек, а тут ведь от кого приходится...

— Ну, пошёл вон,— нетерпеливо перебил его Гаврила.— Климов отвернулся и поплёлся вон.

— А положим, его бы не было: — крикнул ему вслед дворецкий,— ты-то сам согласен?

— Изъявляю,— возразил Капитон и удалился.

Красноречие не покидало его даже в крайних случаях.

Дворецкий несколько раз прошёлся по комнате.

— Ну, позовите теперь Татьяну,— промолвил он наконец.

Через несколько мгновений Татьяна вошла чуть слышно и остановилась у порога.

— Что прикажете, Гаврила Андреич? — проговорила она тихим голосом.

Дворецкий пристально посмотрел на неё.

— Ну,— промолвил он: — Танюша, хочешь замуж идти? барыня тебе жениха сыскала.

— Слушаю, Гаврила Андреич. А кого они мне в женихи назначают? — прибавила она с нерешительностью.

— Капитона, башмачника.

— Слушаю-с.

— Он легкомысленный человек — это точно. Но господа в этом случае на тебя надеются.

— Слушаю-с.

— Одна беда... вот этот глухарь-то, Гераська, он ведь за тобой ухаживает. И чем ты этого медведя к себе приворожила? А ведь он убьёт тебя, пожалуй, медведь эдакой...

— Убьёт, Гаврила Андреич, бесприменно убьёт.

— Убьёт... Ну, это мы увидим. Как это ты говоришь: убьёт? Разве он имеет право тебя убивать, посуди сама?

— А не знаю, Гаврила Андреич, имеет ли, нет ли.

— Экая! Ведь ты ему, эдак, ничего не обещала...

— Чего изволите-с?

Дворецкий помолчал и подумал:

«Безответная ты душа!» — Ну, хорошо,— прибавил он: — мы ещё поговорим с тобой, а теперь ступай, Танюша; я вижу, ты, точно, смиренница.

Татьяна повернулась, оперлась легонько о притолоку и ушла.

«А может быть, барыня-то завтра и забудет об этой свадьбе,— подумал дворецкий,— я-то из чего растревожился? Озорника-то этого мы скрутим; коли что, в полицию знать дадим...» — Устинья Фёдоровна! — крикнул он громким голосом своей жене.— Наставьте самоварчик, моя почтенная...

Татьяна почти весь тот день не выходила из прачечной. Сперва она всплакнула, потом утёрла слёзы и принялась по-прежнему за работу...

Между тем ожидания дворецкого не сбылись. Барыню так заняла мысль о Капитоновой свадьбе, что она даже ночью только об этом разговаривала с одной из своих компаньенок, которая держалась у ней в доме единственно на случай бессонницы и, как ночной извозчик, спала днём. Когда Гаврила вошёл к ней после чаю с докладом, первым её вопросом было: «А чтó наша свадьба, идёт?» Он, разумеется, отвечал, что идёт как нельзя лучше и что Капитон сегодня же к ней явится с поклоном. Барыне что-то нездоровилось; она недолго занималась делами. Дворецкий возвратился к себе в комнату и созвал совет. Дело точно требовало особенного обсуждения. Татьяна не преклословила, конечно, но Капитон объявлял во всеуслышание, что у него одна голова, а не две и не три... Герасим сурово и быстро на всех поглядывал, не отходил от девичьего крыльца и, казалось, догадывался, что затевается что-то для него недоброе. Собравшиеся (в числе их присутствовал старый буфетчик, по прозвищу дядя Хвост, к которому все с почтением обращались за советом, хотя только и слышали от него, что: «Вот оно как» да: «Да, да, да») начали с того, что на всякий случай, для безопасности заперли Капитона в чуланчик с водочистительной машиной и принялись думать крепкую думу. Конечно, легко было прибегнуть к силе, но боже сохрани! выйдет шум, барыня обеспокоится — беда! как быть? Думали, думали и выдумали наконец. Неоднократно было замечено, что Герасим терпеть не мог пьяниц... Сидя за воротами, он всякий раз, бывало, с негодо-

ванием отворачивался, когда мимо его неверными шагами и с козырьком фуражки на ухе проходил какой-нибудь нагруженный человек. Решили научить Татьяну, чтобы она притворилась хмельной и прошла бы, пошатываясь и покачиваясь, мимо Герасима. Бедная девка долго не соглашалась, но её уговорили; притом она сама видела, что иначе она не отделается от своего обожателя. Она пошла. Капитона выпустили из чуланчика: дело всё-таки до него касалось. Герасим сидел на тумбочке у ворот и тыкал лопатой в землю... Из-за всех углов, из-под штор за окнами глядели на него...

Хитрость удалась как нельзя лучше. Увидев Татьяну, он сперва, по обыкновению, с ласковым мычанием закивал головой; потом вгляделся, уронил лопату, вскочил, подошёл к ней, придвинул своё лицо к самому её лицу... Она от страха ещё более зашаталась и закрыла глаза... Он схватил её за руку, помчал через весь двор и, войдя с нею в комнату, где заседал совет, толкнул её прямо к Капитону. Татьяна так и обмерла... Герасим постоял, поглядел на неё, махнул рукой, усмехнулся и пошёл, тяжело ступая, в свою каморку. Целые сутки не выходил он оттуда. Форейтор Антипка сказывал потом, что он сквозь щелку видел, будто Герасим, сидя на кровати и приложив к щеке руку, тихо, мерно и только изредка мыча — пел, т. е. покачивался, закрывал глаза и встряхивал головой, как ямщики или бурлаки, когда они затягивают свои заунывные песни. Антипке стало жутко, и он отошёл от щели. Когда же, на другой день, Герасим вышел из каморки, в нём особенной перемены нельзя было заметить. Он только стал как будто поугрюмее, а на Татьяну и на Капитона не обращал ни малейшего внимания. В тот же вечер они оба, с гусями подмышкой, отправились к барыне и через неделю женились. В самый день свадьбы Герасим не изменил своего поведения ни в чём, только с реки он приехал без воды: он как-то на дороге разбил бочку; а на ночь в конюшне он так усердно чистил и тёр свою лошадь, что та шаталась, как былинка на ветру, и переваливалась с ноги на ногу под его железными кулаками.

III.

Всё это происходило весною. Прошёл ещё год, в течение которого Капитон окончательно спился с кругу и, как человек решительно никуда негодный, был отправлен с обозом в дальнюю деревню вместе с своей женой. В день отъезда он сперва очень храбрился и уверял, что куда его ни пошли, хоть туда, где бабы рубахи моют да вальки на небо кладут, он всё не пропадёт,— но потом упал духом, стал жаловаться, что его везут к необразованным людям, и так ослабел наконец, что даже собственную шапку на себя надеть не мог; какая-то сострадательная душа надвинула её ему на лоб, поправила козырёк и сверху её прихлопнула. Когда же всё было готово, и мужики уже держали вожжи в руках и ждали только слова: «С богом!», Герасим вышел из своей каморки, приблизился к Татьяне и подарил ей на память красный бумажный платок, купленный им для неё же с год тому назад.

Татьяна, с великим равнодушием переносившая до того мгновенья все превратности своей жизни, тут, однако, не вытерпела, прослезилась и, садясь в телегу, похристиански три раза поцеловалась с Герасимом. Он хотел проводить её до заставы и пошёл сперва рядом с её телегой, но вдруг остановился на Крымском Броду, махнул рукой и отправился вдоль реки.

Дело было к вечеру. Он шёл тихо и глядел на воду. Вдруг ему показалось, что что-то барахтается в тине у самого берега. Он нагнулся и увидел небольшого щенка, белого с чёрными пятнами, который, несмотря на все свои старания, никак не мог вылезть из воды, бился, скользил и дрожал всем своим мокреньким и худеньким телом. Герасим поглядел на несчастную собачонку, подхватил её одной рукой, сунул её к себе за пазуху и пустился большими шагами домой. Он вошёл в свою каморку, уложил спасённого щенка на кровати, прикрыл его своим тяжёлым армяком, сбегал сперва в конюшню за соломой, потом в кухню за чашечкой молока. Осторожно откинув армяк и разостлав солому, поставил он молоко на кровать.

Бедной собачонке было всего недели три, глаза у ней прорезались недавно; один глаз даже казался немножко больше другого; она ещё не умела пить из чашки и только дрожала и шурилась. Герасим взял её легонько двумя пальцами за голову и принагнул её мордочку к молоку. Собачка вдруг начала пить с жадностью, фыркая, трясясь и захлёбываясь. Герасим глядел, глядел да как засмеётся вдруг... Всю ночь он возился с ней, укладывал её, обтирал и заснул, наконец, сам возле неё каким-то радостным и тихим сном.

Ни одна мать так не ухаживает за своим ребёнком, как ухаживал Герасим за своей питомицей. (Собака оказалась сучкой.) Первое время она была очень слаба, тщедушна ¹ и собой некрасива, но понемногу справилась и выровнялась, а месяцев через восемь, благодаря неусыпным попечениям ² своего спасителя, превратилась в очень ладную собачку испанской породы, с длинными ушами, пушистым хвостом в виде трубы и большими выразительными глазами. Она страстно привязалась к Герасиму и не отставала от него ни на шаг, всё ходила за ним, повилявая хвостиком. Он и кличку ей дал — немые знают, что мычанье их обращает на себя внимание других — он назвал её Муму. Все люди в доме её полюбили и тоже кликали Мумуней. Она была чрезвычайно умна, ко всем ласкалась, но любила одного Герасима. Герасим сам её любил без памяти... и ему было неприятно, когда другие её гладили: боялся он что ли за неё, ревновал ли он к ней — бог весть! Она его будила по утрам, дёргая его за полу, приводила к нему за повод старую водовозку, с которой жила в большой дружбе, с важностью на лице отправлялась вместе с ним на реку, караулила его мётлы и лопаты, никого не подпускала к его каморке. Он нарочно для неё прорезал отверстие в своей двери, и она как будто чувствовала, что только в Герасимовой каморке она была полная хозяйка, и потому, войдя в неё, тотчас с довольным видом вскакивала на кровать. Ночью она не спала вовсе, но не лаяла без разбору, как иная глупая двор-

¹ Тщеду́шная — слабосильная, хилая.

² Неусы́пные по́печения — постоянные заботы.

няжка, которая, сидя на задних лапах и подняв морду и зажмурив глаза, лает просто от скуки, так, на звёзды, и обыкновенно три раза сряду,— нет, тонкий голосок Муму никогда не раздавался даром: либо чужой близко подходил к забору, либо где-нибудь поднимался подозрительный шум или шорох... Словом, она сторожила отлично. Правда, был ещё кроме её на дворе старый пёс, жёлтого цвета с бурыми крапинами, по имени Волчок, но того никогда даже ночью не спускали с цепи, да и он сам, по дряхлости своей, вовсе не требовал свободы — лежал себе, свернувшись в своей конуре, и лишь изредка издавал сиплый, почти беззвучный лай, который тотчас же прекращал, как бы сам чувствуя всю его бесполезность. В господский дом Муму не ходила и, когда Герасим носил в комнаты дрова, всегда оставалась назади и нетерпеливо его выжидала у крыльца, наострив уши и поворачивая голову то направо, то вдруг налево, при малейшем стуке за дверями...

Так прошёл ещё год. Герасим продолжал свои дворнические занятия и очень был доволен своей судьбой, как вдруг произошло одно неожиданное обстоятельство... А именно: в один прекрасный летний день барыня с своими приживалками¹ расхаживала по гостиной. Она была в духе, смеялась и шутила; приживалки смеялись и шутили тоже, но особенной радости они не чувствовали: в доме не очень-то любили, когда на барыню находил весёлый час, потому что, во-первых, она тогда требовала от всех немедленного и полного сочувствия и сердилась, если у кого-нибудь лицо не сияло удовольствием, а, во-вторых, эти вспышки у неё продолжались недолго и обыкновенно заменялись мрачным и кислым расположением духа. В тот день она как-то счастливо встала, на картах ей вышло четыре валета: исполнение желаний (она всегда гадала по утрам), и чай ей показался особенно вкусным, за что горничная получила на словах похвалу и деньгами гривенник. С сладкой улыбкой на сморщенных губах гуляла барыня по гостиной и подошла к окну.

¹ *Приживалки* — обедневшие дворянки, чиновницы, которых держали в барском доме для мелких услуг и развлечения.

Перед окном был разбит палисадник, и на самой средней клумбе, под розовым кусточком, лежала Муму и тщательно грызла кость. Барыня увидала её.

— Боже мой! — воскликнула она вдруг: — что это за собака?

Приживалка, к которой обратилась барыня, заметалась, бедненькая, с тем тоскливым беспокойством, которое обыкновенно овладевает подвластным человеком, когда он ещё не знает хорошенько, как ему понять восклицание начальника.

— Н...н...е знаю-с, — пробормотала она: — кажется, немного...

— Боже мой! — прервала её барыня: — да она премиленькая собачка! Велите её привести. Давно она у него? Как же я это её не видала до сих пор?.. Велите её привести.

Приживалка тотчас порхнула в переднюю.

— Человек, человек! — закричала она, — приведите поскорее Муму! Она в палисаднике.

— А, её Муму зовут, — промолвила барыня: — очень хорошее имя.

— Ах, очень-с! — возразила приживалка. — Скорей, Степан!

Степан, дюжий¹ парень, состоявший в должности лакея, бросился сломя голову в палисадник и хотел было схватить Муму, но та ловко вывернулась из-под его пальцев и, подняв хвост, пустилась во все лопатки к Герасиму, который в то время у кухни выколачивал и вытряхивал бочку, перевёртывая её в руках, как детский барабан. Степан побежал за ней вслед, начал ловить её у самых ног её хозяина; но проворная собачка не давалась чужому в руки, прыгала и увёртывалась. Герасим смотрел с усмешкой на всю эту возню; наконец, Степан с досадой приподнялся и поспешно растолковал ему знаками, что барыня, мол, требует твою собаку к себе. Герасим немного изумился, однако подозревал Муму, поднял её с земли и передал Степану. Степан принёс её в гостиную и поставил

¹ Дюжий — крепкий, сильного телосложения.

на паркет. Барыня начала её ласковым голосом подзывать к себе. Муму, отроду ещё не бывавшая в таких велико-
лепных покоях, очень испугалась и бросилась было к двери, но, оттолкнутая услужливым Степаном, задрожала и прижалась к стене.

— Муму, Муму, подойди же ко мне, подойди к барыне,— говорила госпожа: — подойди, глупенькая... не бойся...

— Подойди, подойди, Муму, к барыне,— твердили приживалки: — подойди.

Но Муму тоскливо оглядывалась кругом и не трогалась с места.

— Принесите ей чего-нибудь поесть,— сказала барыня.— Какая она глупая! к барыне не идёт. Чего боится?

— Они не привыкли ещё,— произнесла робким и умильным голосом одна из приживалок.

Степан принёс блюдечко с молоком, поставил перед Муму, но Муму даже и не понюхала молока и всё дрожала и озиралась по-прежнему.

— Ах, какая же ты! — промолвила барыня, подходя к ней, нагнулась и хотела погладить её, но Муму судорожно повернула голову и оскалила зубы. Барыня правильно отдёрнула руку...

Произошло мгновенное молчание. Муму слабо визгнула, как бы жалуясь и извиняясь... Барыня отошла и нахмурилась. Внезапное движение собаки её испугало.

— Ах! — закричали разом все приживалки: — не укусила ли она вас, сохрани бог! (Муму в жизнь свою никого никогда не укусила.) Ах, ах!

— Отнести её вон,— проговорила изменившимся голосом старуха.— Скверная собачонка! Какая она злая!

И, медленно повернувшись, направилась она в свой кабинет. Приживалки робко переглянулись и пошли было за ней, но она остановилась, холодно посмотрела на них, промолвила: «Зачем это? Ведь я вас не зову», и ушла.

Приживалки отчаянно замахали руками на Степана; тот подхватил Муму и выбросил её поскорей за дверь, прямо к ногам Герасима,— а через полчаса в доме уже

царствовала глубокая тишина, и старая барыня сидела на своём диване мрачнее грозовой тучи.

Какие безделицы, подумаешь, могут иногда расстроить человека!

До самого вечера барыня была не в духе, ни с кем не разговаривала, не играла в карты и ночь дурно провела. Вздумала, что одеколон ей подали не тот, который обыкновенно подавали, что подушка у ней пахнет мылом, и заставила кастеляншу всё бельё перенюхать, — словом, волновалась и «горячилась» очень. На другое утро она велела позвать Гаврилу часом ранее обыкновенного.

— Скажи, пожалуйста, — начала она, как только тот, не без некоторого внутреннего трепетания, переступил порог её кабинета: — что это за собака у нас во дворе всю ночь лаяла? Мне спать не дала!

— Собака-с... какая-с... может быть, немного собака-с, — произнёс он не совсем твёрдым голосом.

— Не знаю, немного ли, другого ли кого, только спать мне не дала. Да я и удивляюсь, на что такая пропасть собак! Желая знать! Ведь есть у нас дворная собака?

— Как же-с, есть-с. Волчок-с.

— Ну, чего же ещё, на что нам ещё собака? Только одни беспорядки заводить. Старшего нет в доме — вот что. И на что немому собака? Кто ему позволил собак у меня на дворе держать? Вчера я подошла к окну, а она в палисаднике лежит, какую-то мерзость притащила, грызёт, а у меня там розы посажены...

Барыня помолчала.

— Чтoб её сегодня же здесь не было... Слышишь?

— Слушаю-с.

— Сегодня же. А теперь ступай. К докладу я тебя потом позову.

Гаврила вышел.

Проходя через гостиную, дворецкий для порядка переставил колокольчик с одного стола на другой, втихомолочку высморкал в зале свой утиный нос и вышел в переднюю. В передней, на конике ¹ спал Степан, в поло-

¹ Кóник — широкая лавка, скамья с находящимся под ней ящиком.

жении убитого воина на батальной картине, судорожно вытянув обнажённые ноги из-под сюртука, служившего ему вместо одеяла. Дворецкий растолкал его и вполголоса сообщил ему какое-то приказание, на которое Степан отвечал полужезвом, полухохотом. Дворецкий удалился, а Степан вскочил, натянул на себя кафтан и сапоги, вышел и остановился у крыльца. Не прошло пяти минут, как появился Герасим с огромной вязанкой дров за спиной, в сопровождении неразлучной Муму. (Барыня свою спальню и кабинет приказывала протапливать даже летом.) Герасим стал боком перед дверью, толкнул её плечом и ввалился в дом с своей ношей, а Муму, по обыновению, осталась его дожидаться. Тогда Степан, улучив удобное мгновение, внезапно бросился на неё, как коршун на цыплёнка, придавил её грудью к земле, сгрёб в охапку и, не надев даже картуза, выбежал с нею на двор, сел на первого попавшегося извозчика и поскакал в Охотный ряд¹. Там он скоро отыскал покупателя, которому уступил её за полтинник с тем только, чтоб он по крайней мере неделю продержал её на привязи, и тотчас вернулся; но, не доезжая до дому, слез с извозчика и, обойдя двор кругом, с заднего переулка, через забор перескочил на двор; в калитку-то он побоялся идти, как бы не встретить Герасима.

Впрочем, его беспокойство было напрасно: Герасима уже не было на дворе. Выйдя из дому, он тотчас хватился Муму; он ещё не помнил, чтобы она когда-нибудь не дождалась его возвращения, стал повсюду бегать, искать её, кликать по-своему... бросился в свою каморку, на сеновал, выскочил на улицу — туда-сюда... Пропала! Он обратился к людям, с самыми отчаянными знаками спрашивал о ней, показывая на пол-аршина от земли, рисовал её руками... Иные, точно, не знали, куда девалась Муму, и только головами качали, другие знали и посмеивались ему в ответ, а дворецкий принял чрезвычайно важный вид и начал кричать на кучеров. Тогда Герасим побежал со двора долой.

¹ *Охотный ряд* — одна из центральных улиц в Москве; до революции в Охотном ряду находился рынок.

Уже смеркалось, как он вернулся. По его истомлённому виду, по неверной походке, по запylённой одежде его можно было предполагать, что он успел обежать пол-Москвы. Он остановился против барских окон, окинул взором крыльцо, на котором столпилось человек семь дворовых, отвернулся и промышал ещё раз: «Муму!» Муму не отозвалась. Он пошёл прочь. Все посмотрели ему вслед, но никто не улыбнулся, не сказал слова... а любопытный фореитор Антипка рассказывал на другое утро в кухне, что немой-де всю ночь охал.

Весь следующий день Герасим не показывался, так что вместо его за водой должен был съездить кучер Потап, чем кучер Потап очень остался недоволен. Барыня спросила Гаврилу, исполнено ли её приказание. Гаврила отвечал, что исполнено. На другое утро Герасим вышел из своей каморки и принялся за работу. К обеду он пришёл, поел и ушёл опять, никому не поклонившись. Его лицо, и без того безжизненное, как у всех глухонемых, теперь словно окаменело. После обеда он опять уходил со двора, но не надолго, вернулся и тотчас отправился на сеновал. Настала ночь, лунная, ясная. Тяжело вздыхая и беспрестанно поворачиваясь, лежал Герасим и вдруг почувствовал, как будто его дёргают за полу; он весь затрепетал, однако не поднял головы, даже зажмурился, но вот опять его дёрнули, сильнее прежнего; он вскочил... перед ним, с обрывком на шее, вертелась Муму. Протяжный крик радости вырвался из его безмолвной груди; он схватил Муму, стиснул её в своих объятиях; она в одно мгновение облизала ему нос, глаза, усы и бороду... Он постоял, подумал, осторожно слез с сеника, оглянулся и, удостоверившись, что никто его не увидит, благополучно пробрался в свою каморку.

Герасим уже прежде догадался, что собака пропала не сама собой, что её, должно быть, свели по приказанию барыни; люди-то ему объяснили знаками, как его Муму на неё окрысилась, и он решился принять свои меры. Сперва он накормил Муму хлебушком, обласкал её, уложил, потом начал соображать, да всю ночь напролёт и соображал, как бы получше её спрятать. Наконец он

придумал весь день оставлять её в камерке и только изредка к ней наведываться, а ночью выводить. Отверстие в двери он плотно заткнул старым своим армяком и чуть свет был уже на дворе, как ни в чём не бывало, сохраняя даже (невинная хитрость) прежнюю унылость на лице.

Бедному глухому в голову не могло прийти, что Муму себя визгом своим выдаст: действительно, все в доме скоро узнали, что собака немного возвратилась и сидит у него взаперти, но, из сожаления к нему и к ней, а отчасти, может быть, и из страха перед ним, не давали ему понять, что проводали его тайну. Дворецкий один почесал у себя в затылке, да махнул рукой. «Ну, мол, бог с ним! Авось до барыни не дойдёт!» Зато никогда так немой не усердствовал, как в тот день: вычистил и выскреб весь двор, выполол все травки до единой, собственноручно повыдергал все колышки в заборе палисадника, чтобы удостовериться, довольно ли они крепки, и сам же их потом вколотил, — словом, возился и хлопотал так, что даже барыня обратила внимание на его радение¹.

В течение дня Герасим раза два украдкой заходил к своей затворнице: когда же наступила ночь, он лёг спать вместе с ней в камерке, а не на сеновале, и только во втором часу вышел погулять с ней на чистом воздухе. Походив с ней довольно долго по двору, он уже было собирался вернуться, как вдруг за забором, со стороны переулка, раздался шорох. Муму навострила уши, зарычала, подошла к забору, понюхала и залилась громким и пронзительным лаем. Какой-то пьяный человек вздумал там угнездиться на ночь. В это самое время барыня только что засыпала после продолжительного «нервического волнения»: эти волнения у ней всегда случались после слишком сытного ужина. Внезапный лай её разбудил; сердце у ней забилось и замерло. «Девки, девки! — простонала она. — Девки!» Перепуганные девки вскочили к ней в спальню. «Ох, ох, умираю! — проговорила она, тоскливо разводя руками. — Опять, опять эта собака!.. Ох, пошлите

¹ Радéние — старание.

за доктором. Они меня убить хотят... Собака, опять собака! Ох!» — и она закинула голову назад, что должно было означать обморок.

Бросились за доктором, то-есть за домашним лекарем Харитоном. Этот лекарь, которого всё искусство состояло в том, что он носил сапоги с мягкими подошвами,

умел деликатно брать за пульс, спал четырнадцать часов в сутки, а остальное время вздыхал да беспрестанно потчевал барыню лавровишневыми каплями,— этот лекарь тотчас прибежал, покурив жжёными перьями и, когда барыня открыла глаза, немедленно поднёс ей на серебряном подносыке рюмку с заветными каплями. Барыня приняла их, но тотчас же слезливым голосом стала опять жаловаться на собаку, на Гаврилу, на свою участь, на то, что её, бедную, старую женщину, все бросили, что никто о ней не сожалеет, что все хотят её смерти.

Между тем несчастная Муму продолжала лаять, а Герасим напрасно старался отозвать её от забора. «Вот... вот... опять...», — пролепетала барыня и снова подкатила глаза под лоб. Лекарь шепнул девке, та бросилась в переднюю, растолкала Степана, тот побежал будить Гаврилу, Гаврила сгоряча велел поднять весь дом.

Герасим обернулся, увидал замелькавшие огни и тени в окнах и, почуяв сердцем беду, схватил Муму подмышку, вбежал в каморку и заперся. Через несколько мгновений пять человек ломались в его дверь, но, почувствовав сопротивление засова, остановились. Гаврила прибежал в страшных попыхах, приказал им всем оставаться тут до утра и караулить, а сам потом ринулся в девичью и через старшую компаньонку Любовь Любимовну, с которой вместе крал и учитывал чай, сахар и прочую бакалею¹, велел доложить барыне, что собака, к несчастью, опять откуда-то прибежала, но что завтра же её в живых не будет, и чтобы барыня сделала милость, не гневалась и успокоилась. Барыня, вероятно, не так-то бы скоро успокоилась, да лекарь, второпях, вместо двенадцати капель налил целых сорок: сила лавровишенья и подействовала, — через четверть часа барыня уже почивала крепко и мирно; а Герасим лежал, весь бледный, на своей кровати и сильно сжимал пасть Муму.

На следующее утро барыня проснулась довольно поздно. Гаврила ожидал её пробуждения для того, чтобы дать приказ к решительному натиску на Герасимово убежище, а сам готовился выдержать сильную грозу. Но грозы не приключилось. Лёжа в постели, барыня велела позвать к себе старшую приживалку.

— Любовь Любимовна, — начала она тихим и слабым голосом; она иногда любила прикинуться загнанной и сиротливой страдальцей; нечего и говорить, что всем людям в доме становилось тогда очень неловко: — Любовь Любимовна, вы видите, каково моё положение; подите, душа моя, к Гавриле Андреичу, поговорите с ним: неужели для него какая-нибудь собачонка дороже спокойствия, самой

¹ Бакалѣя — съестные припасы: мука, крупа, сахар и т. п.

жизни его барыни? Я бы не желала этому верить,— прибавила она с выражением глубокого чувства: — подите, душа моя, будьте так добры, подите к Гавриле Андреичу.

Любовь Любимовна отправилась в Гаврилину комнату. Неизвестно, о чём происходил у них разговор, но спустя некоторое время целая толпа людей подвигалась через двор в направлении каморки Герасима: впереди выступал Гаврила, придерживая рукой картуз, хотя ветру не было; около него шли лакеи и повара; из окна глядел дядя Хвост и распоряжался, то-есть только так руками разводил; позади всех прыгали и кривлялись мальчишки, из которых половина набежала чужих. На узкой лестнице, ведущей к каморке, сидел один караульщик: у двери стояли два других с палками.

Стали взбираться по лестнице, заняли её во всю длину. Гаврила подошёл к двери, стукнул в неё кулаком, крикнул:

— Отвори!

Послышался сдавленный лай; но ответа не было.

— Говорят, отвори! — повторил он.

— Да, Гаврила Андреич,— заметил снизу Степан,— ведь он глухой — не слышит.

Все засмеялись.

— Как же быть? — возразил сверху Гаврила.

— А у него там дыра в двери,— ответил Степан,— так вы палкой-то пошевелите.

Гаврила нагнулся.

— Он её армяком каким-то заткнул, дыру-то.

— А вы армяк пропихните внутрь.

Тут опять раздался глухой лай.

— Вишь, вишь, сама сказывается,— заметили в толпе и опять рассмеялись.

Гаврила почесал у себя за ухом.

— Нет, брат,— продолжал он наконец: — армяк-то ты пропихивай сам, коли хочешь.

— А что ж, извольте!

И Степан вскарабкался наверх, взял палку, просунул внутрь армяк и начал болтать в отверстие палкой, приговаривая: «Выходи, выходи!» Он ещё болтал палкой, как

вдруг дверь каморки быстро распахнулась, и вся челядь тотчас кубарем скатилась с лестницы. Гаврила прежде всех. Дядя Хвост запер окно.

— Ну, ну, ну, ну,— кричал Гаврила со двора: — смотри у меня, смотри!

Герасим неподвижно стоял на пороге. Толпа собралась у подножия лестницы. Герасим глядел на всех этих людишек в немецких кафтанах сверху, слегка оперши руки в бока; в своей красной крестьянской рубашке он казался каким-то великаном перед ними. Гаврила сделал шаг вперёд.

— Смотри, брат,— промолвил он: — у меня не озорничай.

И он начал ему объяснять знаками, что барыня, мол, непременно требует твоей собаки: подавай, мол, её сейчас, а то беда тебе будет.

Герасим посмотрел на него, указал на собаку, сделал знак рукой у своей шеи, как бы затягивая петлю, и с просительным лицом взглянул на дворецкого.

— Да, да,— возразил тот, кивая головой: — да, непременно.

Герасим опустил глаза, потом вдруг встряхнулся, опять указал на Муму, которая всё время стояла возле него, невинно помахивая хвостом и с любопытством поводя ушами, повторил знак удушения над своей шеей и значительно ударил себя в грудь, как бы объявляя, что он сам берёт на себя уничтожить Муму.

— Да ты обманешь,— замахал ему в ответ Гаврила.

Герасим поглядел на него, презрительно усмехнулся, опять ударил себя в грудь и захлопнул дверь.

Все молча переглянулись.

— Чтó ж это такое значит? — начал Гаврила. — Он заперся?

— Оставьте его, Гаврила Андреич,— промолвил Степан: — он сделает, коли обещал. Уж он такой... Уж коли он обещает, это наврное. Он на это не то, что наш брат. Что правда, то правда. Да.

— Да,— повторили все и тряхнули головами. — Это так. Да.

Дядя Хвост отворил окно и тоже сказал: «Да».

— Ну, пожалуй, посмотрим,— возразил Гаврила: — а караул всё-таки не снимать. Эй ты, Ерошка! — прибавил он, обращаясь к какому-то бледному человеку в жёлтом нанковом казакине¹, который считался садовником: — что тебе делать? Возьми палку да сиди тут и, чуть что, тотчас ко мне беги!

IV.

Ерошка взял палку и сел на последнюю ступеньку лестницы. Толпа разошлась, исключая немногих любопытных и мальчишек, а Гаврила вернулся домой и через Любость Любимовну велел доложить барыне, что всё исполнено, а сам, на всякий случай, послал форейтора к хозяину². Барыня завязала в носовом платке узелок, налила на него одеколону, понюхала, потёрла себе виски, накушалась чаю и, будучи ещё под влиянием лавровишневых капель, заснула опять.

Спустя час после всей этой тревоги дверь каморки растворилась и показался Герасим. На нём был праздничный кафтан; он вёл Муму на верёвочке. Ерошка посторонился и дал ему пройти. Герасим направился к воротам. Мальчишки и все бывшие на дворе проводили его глазами молча. Он даже не обернулся, шапку надел только на улице. Гаврила послал вслед за ним того же Ерошку, в качестве наблюдателя. Ерошка увидал издали, что он вошёл в трактир вместе с собакой, и стал дожидаться его выхода.

В трактире знали Герасима и понимали его знаки. Он спросил себе шей с мясом и сел, опершись руками на стол. Муму стояла подле его стула, спокойно поглядывая на него своими умными глазками. Шерсть на ней так и лоснилась: видно было, что её недавно вычесали. Принесли Герасиму шей. Он накрошил туда хлеба, мелко изрубил мясо и поставил тарелку на пол. Муму принялась есть

¹ *Казакин* — полукафтан со сборки, с прямым воротником, без пуговиц, на крючках. *Нанковый* — из грубой бумажной ткани.

² *Хозялы* — рассыльный при полиции.

с обычной своей вежливостью, едва прикасаясь мордочкой до кушанья. Герасим долго глядел на неё; две тяжёлые слезы выкатились вдруг из его глаз; одна упала на крутой лобик собачки, другая — в щи. Он заслонил лицо своё рукой. Муму съела полтарелки и отошла, облизываясь. Герасим встал, заплатил за щи и пошёл вон, сопровождаемый несколько недоумевающим взглядом полового¹. Ерошка, увидев Герасима, заскочил за угол и, пропустив его мимо, опять отправился вслед за ним.

Герасим шёл не торопясь и не спускал Муму с верёвочки. Дойдя до угла улицы, он остановился, как бы в раздумье, и вдруг быстрыми шагами отправился прямо к Крымскому Броду. На дороге он зашёл на двор дома, к которому пристраивался флигель, и вынес оттуда два кирпича подмышкой. От Крымского Брода он повернул по берегу, дошёл до одного места, где стояли две лодочки с вёслами, привязанными к колышкам (он уже заметил их прежде), и вскочил в одну из них вместе с Муму. Какой-то хромой старичишко вышел из-за шалаша, поставленного в углу огорода, и закричал на него. Но Герасим только закивал головою и так сильно принялся грести, хотя и против течения реки, что в одно мгновение умчался саженой на сто. Старик постоял, постоял, почесал себе спину сперва левой, потом правой рукой и вернулся, хромя, в шалаш.

А Герасим всё грёб да грёб. Вот уже Москва осталась позади. Вот уже потянулись по берегам луга, огороды, поля, рощи, показались избы. Повеяло деревней. Он бросил вёсла, приник головой к Муму, которая сидела перед ним на сухой перекладине — дно было залито водой — и остался неподвижным, скрестив могучие руки у ней на спине, между тем как лодку волной помаленьку относило назад к городу. Наконец Герасим выпрямился, поспешно, с каким-то болезненным озлоблением на лице, окутал верёвкой взятые им кирпичи, приделал петлю, надел её на шею Муму, поднял её над рекой, в последний раз посмотрел на неё... Она доверчиво и без страха погля-

¹ *Половой* — слуга в трактире.

дывала на него и слегка махала хвостиком. Он отвернулся, зажмурился и разжал руки... Герасим ничего не слышал, ни быстрого визга падающей Муму, ни тяжкого всплеска воды; для него самый шумный день был безмолвен и беззвучен, как ни одна самая тихая ночь не беззвучна для нас, и когда он снова раскрыл глаза, по-прежнему спешили по реке, как бы гоняясь друг за дружкой, маленькие волны, по-прежнему поплёскивали и постукивали они об бока лодки, и только далеко назади к берегу разбегались какие-то широкие круги.

Ерошка, как только Герасим скрылся у него из виду, вернулся домой и донёс всё, что видел.

— Ну, да,— заметил Степан: — он её утопит. Уж можно быть спокойным. Коли он что обещал...

В течение дня никто не видел Герасима. Он дома не обедал. Настал вечер; собрались к ужину все, кроме его.

— Экой чудной этот Герасим! — пропищала толстая прачка: — можно ли эдак из-за собаки прокляжаться... Право!

— Да Герасим был здесь! — воскликнул вдруг Степан, заgreбая себе ложкой каши.

— Как? Когда?

— Да вот, часа два тому назад. Как же! Я с ним в воротах повстречался; он уж опять отсюда шёл, со двора выходил. Я было хотел спросить его насчёт собаки-то, да он, видно, не в духе был. Ну и толкнул меня; должно быть, он так только отсторонить меня хотел: дескать, не приставай,— да такого необыкновенного леща мне в стантовую жилу поднёс, важно так, что ой-ой-ой! — И Степан с невольной усмешкой пожался и потёр себе затылок.— Да,— прибавил он: — рука у него, благодатная рука, нечего сказать.

Все посмеялись над Степаном и, после ужина, разошлись спать.

А между тем, в ту самую пору, по Т... у шоссе, усердно и безостановочно шагал какой-то великан, с мешком за плечами и с длинной палкой в руках. Это был Герасим. Он спешил без оглядки, спешил домой, к себе в деревню,

на родину. Утопив бедную Муму, он прибежал в свою каморку, проворно уложил кой-какие пожитки в старую попону, связал её узлом, взвалил на плечи, да и был таков. Дорогу он хорошо заметил ещё тогда, когда его везли в Москву; деревня, из которой барыня его взяла, лежала всего в двадцати пяти верстах от шоссе. Он шёл по нём с какой-то несокрушимой отвагой, с отчаянной и вместе радостной решимостью. Он шёл; широко распахнулась его грудь; глаза жадно и прямо устремились вперёд. Он торопился, как будто мать-старушка ждала его на родине, как будто она звала его к себе после долгого странствования на чужой стороне, в чужих людях... Только что наступившая летняя ночь была тиха и тепла; с одной стороны, там, где солнце закатилось, край неба ещё белел и слабо румянился последним отблеском исчезающего дня,— с другой стороны уже вздымался синий, седой сумрак. Ночь шла оттуда. Перепела сотнями гремели кругом, взапуски перекликались коростели... Герасим не мог их слышать, не мог он слышать также чуткого ночного шушуканья деревьев, мимо которых его проносили сильные его ноги; но он чувствовал знакомый запах поспевающей ржи, которым так и веяло с тёмных полей, чувствовал, как ветер, летевший к нему навстречу,— ветер с родины — ласково ударял в его лицо, играл в его волосах и бороде; видел перед собой белеющую дорогу,— дорогу домой,— прямую, как стрела; видел в небе несчётные звёзды, светившие его пути, и, как лев, выступал сильно и бодро, так что, когда восходящее солнце озарило своими влажно-красными лучами только что расходившегося молодца, между Москвой и им легло уже тридцать пять вёрст...

Через два дня он уже был дома, в своей избёнке, к великому изумлению солдатки¹, которую туда поселили. Помолясь перед образами, тотчас же отправился он к старосте. Староста сначала было удивился; но сенокос только что начинался: Герасиму, как отличному работнику, тут же дали косу в руки,— и пошёл косить он по-старинному,

¹ *Солдатка* — женщина, муж которой служит в солдатах.

косить так, что мужиков только пробирало, глядя на его размахи да загрёбы...

А в Москве, на другой день после побега Герасима, хватились его. Пошли в его каморку, обшарили её, сказали Гавриле. Тот пришёл, посмотрел, пожал плечами и решил, что немой либо бежал, либо утоп вместе со своей глупой собакой. Дали знать полиции, доложили барыне. Барыня разгневалась, расплакалась, велела отыскать его во что бы то ни стало, уверяла, что она никогда не приказывала уничтожить собаку, и, наконец, такой дала нагоняй Гавриле, что тот целый день только потряхивал головой да приговаривал: «Ну!», пока Дядя Хвост его не урезонил, сказав ему: «Ну-у!» Наконец, пришло известие из деревни о прибытии туда Герасима. Барыня несколько успокоилась: сперва было отдала приказание немедленно вытребовать его назад в Москву, потом, однако, объявила, что такой неблагодарный человек ей вовсе не нужен. Впрочем, она скоро сама после того умерла: а наследникам её было не до Герасима: они и остальных-то матушкиных людей распустили по оброку.

И живёт до сих пор Герасим бобылём¹ в своей одинокой избе; здоров и могуч по-прежнему и работает за четверых по-прежнему, и по-прежнему важен и степенен. Но соседи заметили, что со времени своего возвращения из Москвы он совсем перестал водиться с женщинами, даже не глядит на них, и ни одной собаки у себя не держит.— «Впрочем,— толкуют мужики,— его же счастье, что ему не надобеть² бабья; а собака — на что ему собака? К нему на двор вора осёлом³ не затащишь!» Такова ходит молва о богатырской силе немого.

1. Почему Герасим так сильно привязался к Муму?

2. Какие несчастья причинила Герасиму барыня?

3. Чем объяснить, что Герасим ушёл от барыни только после гибели Муму?

4. Укажите, какие черты характера барыни рисуют её как крепостницу.

¹ *Бобыль* — одинокий человек.

² *Не надобеть* — не надобно, не нужно.

³ *Осёлом, осёл* — накидная петля, аркан.

5. Какие чувства вызывают у нас действия барыни-крепостницы? Чем восхищает нас Герасим — русский богатырь?

6. В чём проявилось гибельное влияние крепостного права на дворовых — Гаврилу, Татьяну, Капитона, лакея Степана и других?

З а д а н и е.

I. 1. Составьте план 1-й главы рассказа.

2. Расскажите 1-ю главу возможно ближе к тексту. Выпишите выражения, рисующие силу Герасима и его отношение к труду.

II. Изложите кратко 2-ю главу рассказа.

III. ПЛАН — КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ 3-й ГЛАВЫ „МУМУ“.

1) Герасим находит собаку.

2) Муму делается другом и помощником Герасима.

3) Барыня замечает собаку и велит принести её в комнаты.

4) Барыня гневается на Муму и требует её удаления.

5) Дворовый Степан тайком увозит Муму и продаёт её.

6) Герасим в отчаянии ищет собаку, но не находит её.

7) Муму возвращается.

8) Муму снова вызывает гнев барыни своим ночным лаем.

9) Барыня требует немедленного уничтожения собаки.

10) Дворня наступает на каморку Герасима.

11) Герасим знаком даёт понять, что он сам уничтожит Муму.

По данному плану разделите 3-ю главу на части и придумайте краткие назывные заголовки. Перескажите эту главу подробно.

IV. 1. Озаглавьте цитатами из текста каждую главу рассказа.

2. Расскажите возможно ближе к тексту: „Гибель Муму“.

3. Напишите сочинение на тему: „Уход Герасима в деревню“.

РАССКАЗ.

«Муму» Тургенева принадлежит к тому виду литературных произведений, который называется рассказом. Кроме «Муму», Тургенев написал много других рассказов, например «Бирюк», «Бежин луг», «Льгов», «Бурмистр» и др.

Рассказ — это небольшое произведение, в основу которого положен какой-нибудь эпизод (случай) из жизни героя.

Основной эпизод из жизни Герасима, рассказанный Тургеневым, связан с Муму. В этом эпизоде, главным образом, и раскрываются характеры Герасима, барыни и других героев рассказа. Второй, побочный эпизод, имеющий в рассказе меньшее значение, но всё же помогающий понять характеры Герасима и барыни, — история Татьяны и Капитона.

Наряду с эпизодами в рассказах мы имеем описания. Так, в рассказе «Муму» Тургенев описывает наружность действующих лиц: Герасима, барыни, Татьяны, Капитона, Муму, даёт краткое описание дома барыни и каморки Герасима, а в конце рассказа мы читаем описание летней ночи.

Благодаря этим описаниям читатель яснее представляет себе действующих лиц, обстановку, в которой они живут, лучше понимает их жизнь и характеры и общий смысл рассказа.

Для того чтобы лучше понять смысл рассказа, надо поставить перед собой вопрос о том, как автор относится к изображаемому им героям и событиям.

Тургенев не безучастно относится к действующим лицам рассказа. Он очень ценит Герасима, ставит его выше всех дворовых людей, и тем более барыни, показывает его физическую и нравственную силу, его любовь к труду, честность и способность к глубокому чувству. Вместе с тем Тургенев жалеет Герасима, принуждённого подчиняться деспотичной, капризной барыне. Тургенев негодует на барыню за то, что она вмешивается в жизнь Герасима, Татьяны и Капитона и всем приносит несчастье и страдание.

Автор рассказа приводит читателя к выводу, что основная причина тяжёлой жизни героев — крепостное право. Автор показывает, что безграничная власть над крестьянами развивала у помещиков деспотизм и жестокость.

Кроме Тургенева, рассказы писали Пушкин, Гоголь, Л. Толстой, Чехов, М. Горький, А. Гайдар и другие. Пишут рассказы и современные советские писатели.

СРАВНЕНИЯ.

Тургенев пользуется различными средствами для раскрытия характеров своих героев. Один из этих способов — художественное сравнение.

Тургенев говорит о Герасиме в деревне: «Он вырос немой и могучий, *как дерево растёт на плодородной ниве*». И о том же Герасиме после насильственного его переселения в город Тургенев говорит: он «бросался на землю лицом и целые часы лежал на груди неподвижно, как *пойманный зверь*».

Все мы можем представить себе большое, могучее дерево, выросшее на плодородной ниве, мы представляем себе и зверя, только что пойманного и посаженного в клетку. Эти сравнения помогают нам понять состояние Герасима и тогда, когда он жил вдаль от барыни и занимался привычной для него крестьянской работой, и тогда, когда его оторвали от родной деревни и заставили в городе выполнять обязанности дворника в барском доме.

Сравнением называется сопоставление одного предмета или явления с другим предметом или явлением. Цель такого сопоставления — та же, что у эпитета: помочь читателю яснее, нагляднее представить предмет и вызвать к нему то или иное чувство.

ВОЛК И ЯГНЁНОК.

И. А. Крылов.

У сильного всегда бессильный виноват:

Тому в истории мы тьму примеров слышим,

Но мы истории не пишем;

А вот о том как в баснях говорят.

Ягнёнок в жаркий день зашёл к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягнёнка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,

Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питьё

Моё

С песком и с илом?

За дерзость такову

Я голову с тебя сорву».

— «Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;

И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу».

— «Поэтому я лгу!

Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты ещё в запрошлом лете

Мне здесь же как-то нагрубил:

Я этого, приятель, не забыл!»

— «Помилуй, мне ещё и отроду нет году»,—

Ягнёнок говорит.— «Так это был твой брат».

— «Нет братьев у меня».— «Так это кум иль сват,
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.

Вы сами, ваши псы и ваши пастухи —

Вы все мне зла хотите,

И если можете, то мне всегда вредите:

Но я с тобой за их разведаюсь грехи».

— «Ах, я чем виноват?»—«Молчи! устал я слушать.

Досуг мне разбирать вины твои, щенок!

Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Сказал — и в тёмный лес Ягнёнка поволок.

Толк — смысл, значение. *Взять в толк* — осмыслить, понять. *Толковый* — понятливый. *Хотя́* — желая.

Светлѣйший, свѣтлостъ — так называли в старое время особенно знатных князей.

1. Каких людей подразумевал Крылов, изображая Волка и Ягнёнка?

2. Какие черты этих людей показаны в басне? Как эти черты показаны в языке действующих лиц басни?

3. Как эту басню можно сопоставить по смыслу с рассказом Тургенева „Муму“?

КОСАРЬ.

А. В. Кольцов.

У меня ль плечо
Шире дедова;
Грудь высокая —
Моей матушки.
На лице моём
Кровь отцовская
В молоке зажгла
Зорю красную.

Кудри чёрные
Лежат скобкою;
Что работаю —
Всё мне спорится!
Я куплю себе
Косу новую;
Отобью её,
Наточу её,—

И прости — прощай,
Село рѳдное!
В края дальние
Пойдѳт мѳлодец:
Что вниз пѳ Дону,
По набѳрежью,
Хороши стоят
Там слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокруг,
Широко лежит,
Ковылѳм-травой
Расстилается!..
Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась!
К морю Чѳрному
Понадвинулась!
В гости я к тебе

Не один пришѳл:
Я пришѳл сам-друг
С косою вострою;
Мне давно гулять
По траве степной
Вдоль и пѳперек
С ней хотелось...
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругом!
Зашуми, трава,
Подкошѳнная;
Поклонись, цветы,
Головой земле!

1. Как обрисован в стихотворении косарь? Почему он стремится в степь и любит работать в ней?
2. Что общего между косарѳм и Герасимом?
3. Найдите в стихотворении наиболее яркие слова, рисующие широту степи.

УТРО.

И. С. Никитин.

Звѳзды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Дремлет чуткий камыш. Тишь — безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом, — на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.
Потянул ветерок, — воду морщит, рябит.

Пронеслись утки с шумом и скрылись.
Далеко, далеко колокольчик звенит.
Рыбаки в шалаше пробудились,
Сняли сети с шестов, вёсла к лодкам несут...
А восток всё горит — разгорается.
Птички солнышка ждут, птички песню поют,
И стоит себе лес, улыбается.
Вот и солнце встаёт, из-за пашен блестит,
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки раkit
Золотыми потоками хлынуло.
Едет пахарь с сохой, едет — песню поёт;
По плечу молодцу всё тяжёлое...
Не боли ты, душа! отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро весёлое!

Мёркнут — делаются неяркими, еле видными. Сравните: *померкнуть, сумерки, сумрачный*.

Лозняк — мелкие ивы, или вётлы, растущие по берегам рек и озёр.

Пробудиться — проснуться. Сравните: *разбудить, добудиться*.

1. Проследите, в какой последовательности происходит оживление природы, и составьте план стихотворения.

2. Какое настроение у пахаря вызывает яркое летнее утро?

Тема: Опишите: а) Заход солнца на озере или реке. Расскажите, как меняются краски неба, цвет реки; как выглядит лес, за который заходит солнце; деревня, на которую падают солнечные лучи. Расскажите, какие слышатся при этом голоса и звуки.

б) Заход солнца в деревне или городе. Расскажите, как меняются краски неба на востоке и западе; как выглядят предметы на освещённой солнцем и теневой стороне.

МЕТАФОРА.

В стихотворении «Утро» мы читаем: «И стоит себе лес, *улыбается*», «...дремлет *чуткий* камыш». Лесу поэт приписывает улыбку, камышу — чуткость, — то, что свойственно человеку. Благодаря этому мы живо представ-

ляем себе и лес, освещённый восходящим солнцем, и ещё неподвижный, но готовый покачнуться от лёгкого утреннего ветерка камыш.

Человеку с сильной волей мы приписываем свойство предмета неодушевлённого—твёрдость — и говорим: *стальная воля, железный характер.*

Метафорой называется слово, которое переносит действия и признаки одного предмета на какой-либо другой предмет для бóльшей выразительности.

Укажите, в каких примерах выделенные слова имеют смысл прямой и в каких — переносный.

1. Ребенок *задремал* у меня *Дремлет* чуткий камыш.
на руках.
2. Голоса *звенели* по всему Далеко, далеко колокольчик
переулку. *звонит.*
3. Весенняя природа *пробудилась.* Рыбаки в шалаше *пробудились.*
4. Учитель промолчал, но И стоит себе лес, *улыбается.*
улыбнулся.
5. Он дружески похлопал *По плечу* молодцу всё тяжё-
меня *по плечу.* лое.

ЖНИЦА.

Т. Г. Шевченко.

Она на поле барском жала —
И тихо побрела к снопам.
Не отдохнуть, хоть и устала,
А покормить ребёнка там.
В тени лежал и плакал он.
Она его распеленала —
Кормила, нянчила, ласкала —
И незаметно впала в сон.
И снится ей, житьём довольный,
Её Иван... Пригож, богат,
На вольной, кажется, женат —
И потому что сам уж вольный...

Они с лицом весёлым жнут
На поле собственном пшеницу;
А детки им обед несут...
И тихо улыбнулась жница.
Но тут проснулась... Тяжко ей!
И, спеленав малютку быстро,
Взялась за серп,— дожать скорей
Урочный сноп свой до бурмистра.

Перевод *А. Плещеева.*

1. О каких мечтах народа говорит нам сон крестьянки?
Когда сбылись эти мечты народа?

2. Какими словами рисуется тяжесть подневольного труда
жницы?

ДЕТСТВО ОБЛОМОВА.

И. А. Гончаров.

ДЕНЬ В ОБЛОМОВКЕ.

I.

Илья Ильич проснулся утром в своей маленькой постельке. Ему только семь лет. Ему легко, весело.

Какой он хорошенький, красненький, полный! Щёчки такие кругленькие, что иной шалун надуется нарочно, а таких не сделает.

Няня ждёт его пробуждения. Она начинает натягивать ему чулочки; он не даётся, шалит, болтает ногами; няня ловит его, и оба они хохочут.

Наконец, удалось ей поднять его на ноги; она умывает его, причёсывает головку и ведёт к матери.

Мать осыпала его страстными поцелуями, потом осмотрела его жадными, заботливыми глазами, не мутны ли глазки, спросила, не болит ли что-нибудь, расспросила няньку, покойно ли он спал, не просыпался ли ночью, не метался ли во сне, не было ли у него жару?

Потом шли к отцу, потом к чаю.

Около чайного стола Обломов увидал живущую у них престарелую тётку, восьмидесяти лет, беспрерывно ворчавшую на свою девчонку, которая, тряся от старости головой, прислуживала ей, стоя за её стулом. Там и три пожилые девушки, дальние родственницы отца его, и немного помешанный деверь¹ его матери, и помещик семи душ, Чекменёв, гостивший у них, и ещё какие-то старушки и старички.

Весь этот штат и свита дома Обломовых подхватили Илью Ильича и начали осыпать его ласками и похвалами; он едва успевал утирать следы непрошенных поцелуев.

После того началось кормление его булочками, сухариками, сливочками.

Потом мать, приласкав его ещё, отпускала гулять в сад, по двору, на луг, с строгим подтверждением няньке не оставлять ребёнка одного, не допускать к лошадям, к собакам, к козлу, не уходить далеко от дома, а главное, не пускать его в овраг, как самое страшное место в окрестке, пользовавшееся дурною репутацией.

Там нашли однажды собаку, признанную бешеною потому только, что она бросилась от людей прочь, когда на неё собрались с вилами и топорами, и исчезла где-то за горой; в овраг свозили падаль; в овраге предполагались и разбойники, и волки, и разные другие существа, которых или в том краю, или совсем на свете не было.

Ребёнок не дождался предостережений матери, он уже давно на дворе.

Он с радостным изумлением, как будто в первый раз, осмотрел и обежал кругом родительский дом с покривившимися на бок воротами, с осевшей на середине деревянной кровлей, на которой рос нежный зелёный мох, с шатающимся крыльцом, разными пристройками и надстройками и с запущенным садом.

Ему страсть хочется взбежать на огибающую весь дом висячую галерею, чтобы посмотреть оттуда на речку; но галерея ветха, чуть-чуть держится, и по ней

¹ Деверь — брат мужа.

дозволяется ходить только «людям», а господа не ходят.

Он не внимал запрещением матери и уже направился было к соблазнительным ступеням, но на крыльце показалась няня и кое-как поймала его.

Он бросился от неё к сеновалу, с намерением взобраться туда по крутой лестнице, и едва она поспевала дойти до сеновала, как уж надо было спешить разрушить его замыслы влезть на голубятню, проникнуть на скотный двор и, чего боже сохрани,— в овраг.

— Ах ты, господи, что за ребёнок, за юла, за такая. Да посидишь ли ты смирно, сударь? Стыдно! — говорила нянька.

И целый день, и все дни и ночи няни наполнены были суматохой, беготнёй: то пыткой, то живой радостью за ребёнка, то страхом, что он упадёт и расшибётся, то умилением от его непритворной детской ласки или смутной тоской за отдалённую его будущность: этим только и билось сердце её, этими волнениями подогревалась кровь старухи, и поддерживалась кое-как ими сонная жизнь её, которая без того, может быть, угасла бы давным-давно.

Не всё резв, однако ж, ребёнок: он иногда вдруг присмирет, сидя подле няни, и смотрит на всё так пристально. Детский ум его наблюдает все совершающиеся перед ним явления; они западают глубоко в душу его, потом растут и зреют вместе с ним.

Утро великолепное; в воздухе прохладно; солнце ещё невысоко. От дома, от деревьев, и от голубятни, и от галереи — от всего побежали далеко длинные тени. В саду и на дворе образовались прохладные уголки, манящие к задумчивости и сну. Только вдаль поле с рожью точно горит огнём, да речка так блестит и сверкает на солнце, что глазам больно.

— Отчего это, няня, тут темно, а там светло, а ужó будет и там светло? — спрашивает ребёнок.

— Оттого, батюшка, что солнце идёт навстречу месяцу и не видит его, так и хмурится, а ужó как завидит издали, так и просветлеет.

Задумывается ребёнок и всё смотрит вокруг: видит он, как Антип поехал за водой и по земле рядом с ним шёл другой Антип, вдсятеро больше настоящего, и бочка казалась с дом величиной, а тень лошади покрыла собой весь луг; тень шагнула только два раза по лугу и вдруг двинулась за гору, а Антип ещё и со двора не успел съехать.

Ребёнок тоже шагнул раза два, ещё шаг — и он уйдёт за гору.

Ему хотелось бы к горе, посмотреть, куда девалась лошадь. Он к воротам, но из окна слышался голос матери.

— Няня! Не видишь, что ребёнок выбежал на солнышко! Уведи его в холодок; напечёт ему голову — будет болеть, тошно делается, кушать не станет. Он этак у тебя в овраг уйдёт.

— У, баловень! — тихо ворчит нянька, утаскивая его на крыльцо.

Смотрит ребёнок и наблюдает острым и переимчивым взглядом, как и что делают взрослые, чему посвящают они утро.

Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользает от пытливого внимания ребёнка; неизгладимо врежется в душу картина домашнего быта; напITYвается мягкий ум живыми примерами и бессознательно чертит программу своей жизни по жизни, его окружающей.

Нельзя сказать, чтоб утро пропадало даром в доме Обломовых. Стук ножей, рубивших котлеты и зелень в кухне, долетал даже до деревни.

Из людской слышалось шипенье веретена да тихий, тоненький голос бабы: трудно было распознать, плачет ли она, или импровизирует заунывную песню без слов.

На дороге, как только Антип воротился с бочкой, из разных углов поползли к ней, с вёдрами, корытами и кувшинами, бабы, кучера.

А там старуха пронесёт из амбара в кухню чашку с мукой да кучу яиц; там повар вдруг выплеснет воду из

окошка и обольёт Арапку, которая целое утро, не сводя глаз, смотрит в окно, ласково виляя хвостом и облизываясь.

Сам Обломов-старик тоже не без занятий. Он целое утро сидит у окна и неукоснительно наблюдает за всем, что делается на дворе.

— Эй, Игнашка! Что несёшь, дурак? — спросил он идущего по двору человека.

— Несу ножи точить в людскую, — отвечает тот, не взглянув на барина.

— Ну, неси, неси; да хорошенько, смотри, наточи!

Потом остановит бабу:

— Эй, баба! Баба! Куда ходила?

— В погреб, батюшка, — говорила она, останавливаясь, и, прикрыв глаза рукой, глядела на окно, — молока к столу достать.

— Ну, иди, иди! — отвечал барин. — Да смотри, не пролей молоко-то. — А ты, Захарка, пострелёнок, куда опять бежишь? — кричал потом. — Вот я тебе дам бегать! Уж я вижу, что ты это в третий раз бежишь. Пошёл назад, в прихожую.

И Захарка шёл опять дремать в прихожую.

Придут ли коровы с поля, старик первый позаботится, чтоб их напоили; завидит ли из окна, что дворняжка преследует курицу, тотчас примет строгие меры против беспорядков.

Но главную заботою была кухня и обед. Об обеде совещались целым домом; и престарелая тётка приглашалась к совету. Всякий предлагал своё блюдо: кто суп с потрохами, кто лапшу или желудок, кто рубцы, кто красную, кто белую подливку к соусу.

Всякий совет принимался в соображение, обсуживался обстоятельно и потом принимался или отвергался по окончательному приговору хозяйки.

На кухню посылались беспрестанно то Настасья Петровна, то Степанида Ивановна напомнить о том, прибавить это или отменить то, отнести сахару, мёду, вина для кушанья и посмотреть, всё ли положит повар, что отпущено.

II.

Полдень знойный; на небе ни облачка. Солнце стоит неподвижно над головой и жжёт траву. Воздух перестал струиться и висит без движения. Ни дерево, ни вода не шелохнутся; над деревней и полем лежит невозмутимая тишина — всё как будто вымерло. Звонко и далеко раздаётся человеческий голос в пустоте. В двадцати саженьях слышно, как пролетит и прожужжит жук, да в густой траве кто-то всё храпит, как будто кто-нибудь завалился туда и спит сладким сном.

И в доме воцарилась мёртвая тишина. Наступил час всеобщего послеобеденного сна.

Ребёнок видит, что и отец, и мать, и старая тётка, и свита — все разбрелись по своим углам; а у кого не было его, тот шёл на сеновал, другой в сад, третий искал прохлады в сенях, а иной, прикрыв лицо платком от мух, засыпал там, где сморила его жара и повалил громоздкий обед. И садовник растянулся под кустом, в саду, подле своей пашни, и кучер спал на конюшне.

Илья Ильич заглянул в людскую: в людской все легли вповалку, по лавкам, по полу и в сенях, предоставив ребятишек самим себе; ребятишки ползают по двору и роются в песке. И собаки далеко залезли в конуры, благо не на кого было лаять.

Можно было пройти по всему дому насквозь и не встретить ни души; легко было обокрасть всё кругом и свезти со двора на подводах: никто не помешал бы, если б только водились воры в том краю.

Это был какой-то всепоглощающий, ничем непобедимый сон, истинное подобие смерти. Всё мертво; только из всех углов несётся разнообразное храпенье на все тоны и лады.

Изредка кто-нибудь вдруг поднимет со сна голову, посмотрит бессмысленно, с удивлением, на обе стороны и перевернётся на другой бок, или, не открывая глаз, плюнет спросонья и, почавкав губами, или поворачав что-то под нос себе, опять заснёт.

А другой быстро, без всяких предварительных приготовлений, вскочит обеими ногами с своего ложа, как будто боясь потерять драгоценные минуты, схватит кружку с квасом и, подув на плавающих там мух, так, чтоб их отнесло к другому краю, отчего мухи, до тех пор неподвижные, сильно начинают шевелиться, в надежде на улучшение своего положения, промочит горло и потом падает опять на постель, как подстреленный.

А ребёнок всё наблюдал да наблюдал.

Он с няней после обеда опять выходил на воздух. Но и няня, несмотря на всю строгость наказов барыни и на свою собственную волю, не могла противиться обаянию сна. Она тоже заражалась этой господствовавшей в Обломовке повальной болезнью.

Сначала она бодро смотрела за ребёнком, не пускала далеко от себя, строго ворчала за резвость, потом, чувствуя симптомы приближавшейся заразы, начинала упрашивать не ходить за ворота, не затрагивать козла, не лазить на голубятню или галерею.

Сама она усаживалась где-нибудь в холодке: на крыльце, на пороге погребца или просто на травке, по-видимому с тем, чтоб вязать чулок и смотреть за ребёнком. Но вскоре она лениво унимала его, кивая головой.

«Влезет, ах, того и гляди, влезет эта юла на галерею», — думала она почти сквозь сон: «или ещё... как бы в овраг...»

Тут голова старухи клонилась к коленям, чулок выпал из рук; она теряла из виду ребёнка и, открыв немного рот, выпускала лёгкое храпенье.

А он с нетерпением дожидался этого мгновения, с которым начиналась его самостоятельная жизнь.

Он был как будто один в целом мире; он на цыпочках убегал от няни, осматривал всех, кто где спит; остановится и осмотрит пристально, как кто очнётся, плюнет и промывает что-то во сне, потом, с замирающим сердцем, взбегал на галерею, обегал по скрипучим доскам кругом, лазил на голубятню, забирался в глушь сада, слушал, как жужжит жук, и далеко следил глазами его полёт в воздухе; прислушивался, как кто-то всё стрекочет в траве, искал и

ловил нарушителей этой тишины; поймаёт стрекозу, оторвёт ей крылья и смотрит, что из неё будет, или проткнёт сквозь неё соломинку и следит, как она летает с этим прибавлением, с наслаждением, боясь дохнуть, наблюдает за пауком, как он сосёт кровь пойманной мухи, как бедная жертва бьётся и жужжит у него в лапах. Ребёнок кончит тем, что убьёт и жертву и мучителя.

Потом он заберётся в канаву, роется, отыскивает какие-то корешки, очищает от коры и ест всласть, предпочитая яблокам и варенью, которые даёт маменька.

Он выбежит и за ворота: ему бы хотелось в березняк; он так близко, кажется ему, что вот он в пять минут добрался бы до него, не кругом, по дороге, а прямо, через канаву, плетни и ямы; но он боится: там, говорят, и лешие, и разбойники, и страшные звери.

Хочется ему и в овраг сбегать: он всего саженьях в пятидесяти от сада; ребёнок уже прибежал к краю; зажмурил глаза, хотел заглянуть, как в кратер вулкана... но вдруг перед ним восстали все толки и предания об этом овраге: его объял ужас, и он, ни жив ни мёртв, мчится назад и, дрожа от страха, бросился к няньке и разбудил старуху.

Она вспрянула от сна, поправила платок на голове, подобрала под него пальцем клочки седых волос и, приворяясь, что будто не спала совсем, подозрительно поглядывает на Илюшу, потом на барские окна и начинает дрожащими пальцами тыкать одну в другую спицы чулка, лежавшего у неё на коленях.

III.

Между тем жара начала понемногу спадать; в природе стало всё поживее; солнце уже подвинулось к лесу.

И в доме мало-помалу нарушалась тишина: в одном углу где-то скрипнула дверь; слышались по двору чьи-то шаги; на сеновале кто-то чихнул.

Вскоре из кухни торопливо пронёс человек, нагибаясь от тяжести, огромный самовар. Начали собираться к чаю,

у кого лицо измято и глаза заплыли слезами; тот належал себе красное пятно на щеке и висках; третий говорит со сна не своим голосом. Всё это сопит, охает, зевает, почёсывает голову и разминается, едва приходя в себя.

Обед и сон рождали неутолимую жажду. Жажда палит горло; выпивается чашек по двенадцати чаю, но это не помогает: слышится оханье, стенанье; прибегают к брусничной, к грушевой воде, к квасу, а иные и к врачебному пособию, чтоб только залить засуху в горле.

Все искали освобождения от жажды, как от какого-нибудь наказания господня; все мечутся, все томятся, точно караван путешественников в аравийской степи, не находящий нигде ключа воды.

Ребёнок тут, подле маменьки: он вглядывается в странные окружающие его лица, вслушивается в их сонный и вялый разговор. Весело ему смотреть на них, любопытен кажется ему всякий сказанный ими вздор.

После чая все займется чем-нибудь: кто пойдёт к речке и тихо бродит по берегу, толкая ногой камешки в воду; другой сядет к окну и ловит глазами каждое мимолётное явление: пробежит ли кошка по двору, пролетит ли галка, наблюдатель и ту, и другую преследует взглядом и кончиком своего носа, поворачивая голову то направо, то налево. Так иногда собаки любят сидеть по целым дням на окне, подставляя голову под солнышко и тщательно оглядывая всякого прохожего.

Мать возьмёт голову Илюши, положит к себе на колени и медленно расчёсывает ему волосы, любуясь мягкостью их и заставляя любоваться и Настасью Ивановну, и Степаниду Тихоновну, и разговаривает с ними о будущности Илюши, ставит его героем какой-нибудь созданной ею блистательной эпопеи. Те сулят ему золотые горы.

IV.

Но вот начинается смеркаться. На кухне опять трещит огонь, опять раздаётся дробный стук ножей: готовится ужин.

Дворня собралась у ворот: там слышится балалайка, хохот. Люди играют в горелки.

А солнце уже опускалось за лес; оно бросало несколько чуть-чуть тёплых лучей, которые прорезывались огненной полосой через весь лес, ярко обливая золотом верхушки сосен. Потом лучи гасли один за другим: последний луч оставался долго; он, как тонкая игла, вонзился в чашу ветвей: но и тот потух.

Предметы теряли свою форму: всё сливалось сначала в серую, потом в тёмную массу. Пение птиц постепенно ослабевало; вскоре они совсем замолкли, кроме одной какой-то упрямой, которая, будто наперекор всем, среди общей тишины, одна монотонно чирикала с промежутками, но всё реже и реже, и та наконец свистнула слабо, незвучно, в последний раз, вострепнулась, слегка пошевелив вокруг себя... и заснула.

Всё смолкло. Одни кузнечики взапуски трещали сильнее. Из земли поднялись белые пары и разостлались по лугу и по реке. Река тоже присмирела; немного погодя, и в ней вдруг кто-то плеснул ещё в последний раз, и она стала неподвижна.

Запахло сыростью. Становилось всё темнее и темнее.

Деревья сгруппировались в каких-то чудовищ; в лесу стало страшно: там кто-то вдруг заскрипит, точно одно из чудовищ переходит с своего места на другое, и сухой сучок, кажется, хрустит под его ногой.

На небе ярко сверкнула, как живой глаз, первая звёздочка, и в окнах дома замелькали огоньки.

— Пойдём, мама, гулять,— говорит Илюша.

— Что ты, бог с тобой! Теперь гулять,— отвечает она: — сыро, ножки простудишь; и страшно: в лесу теперь леший ходит, он уносит маленьких детей.

— Куда он уносит? Какой он бывает? Где живёт? — спрашивает ребёнок.

И мать давала волю своей необузданной фантазии.

Ребёнок слушал её, открывая и закрывая глаза, пока, наконец, сон не сморит его совсем. Приходила нянька и, взяв его с коленей матери, уносила сонного, с повисшей через её плечо головой, в постель.

— Вот день-то и прошёл, и слава богу! — говорили обломовцы, ложась в постель, кряхтя и осеняя себя крестным знаменем.— Прожили благополучно; дай бог и завтра так! Слава тебе, господи! Слава тебе, господи!

1. Найдите в рассказе те строки, которые показывают праздную, паразитическую жизнь обломовцев.

2. Что давало обломовцам возможность вести паразитический образ жизни?

3. Как воспитывали Илюшу его окружающие и чем вредно было для мальчика такое воспитание?

Задание. Подберите цитаты из текста для заголовков к каждой из четырёх частей главы „День в Обломовке“.

Тема для пересказов: а) Послеобеденный сон в Обломовке; б) Илюша на свободе.

НЕЧАЯННЫЙ СЛУЧАЙ.

Ничто не нарушало однообразия этой жизни, и сами обломовцы не тяготились ею, потому что и не представляли себе другого житья-бытья; а если бы и смогли представить, то с ужасом отвернулись бы от него.

Однажды только однообразие их быта нарушилось уж подлинно нечаянным случаем.

Когда, отдохнув после трудного обеда, все собрались к чаю, вдруг пришёл воротившийся из города обломовский мужик, и уж он доставал, доставал из-за пазухи, наконец насилу достал скомканное письмо на имя Ильи Ивановича Обломова.

Все обомлели; хозяйка даже изменилась немного в лице; глаза у всех устремились и носы вытянулись по направлению к письму.

— Что за диковина! От кого это? — произнесла, наконец, барыня, опомнившись.

Обломов взял письмо и с недоумением ворочал его в руках, не зная, что с ним делать.

— Да ты где взял? — спросил он мужика.— Кто тебе дал?

— А на дворе, где я приставал в городе-то, слышь ты,— отвечал мужик: — с пошты приходили два раза спра-

шивать, нет ли обломовских мужиков: письмо, слышь, к барину есть.

— Ну?..

— Ну, я перво-наперво притаился: солдат и ушёл с письмом-то. Да верхлёвский дьячок видал меня, он и сказал. Пришли вдругорядь. Как пришли вдругорядь-то, ругаться стали и отдали письмо, ещё пятак взяли. Я спросил, что, мол, делать мне с ним, куда его деть? Так вот велели вашей милости отдать.

— А ты бы не брал,— сердито заметила барыня.

— Я и то не брал. На что, мол, нам письмо-то,— нам не надо. Нам, мол, не наказывали писем брать — я не смею: подите вы, с письмом-то! Да пошёл больно ругаться солдат-то: хотел начальству жаловаться; я и взял.

— Дурак! — сказала барыня.

— От кого ж бы это? — задумчиво говорил Обломов, рассматривая адрес.— Рука как будто знакомая, право!

И письмо пошло ходить из рук в руки. Начались толки и догадки: от кого и о чём оно могло быть? Все наконец встали в тупик.

Илья Иванович велел сыскать очки; их отыскивали часа полтора. Он надел их и уже подумывал было вскрыть письмо.

— Полно, не распечатывай, Илья Иваныч,— с боязнью остановила его жена: — кто знает, какое оно там, письмо-то? может быть, ещё страшное, беда какая-нибудь. Вишь ведь, народ-то нынче какой стал! Завтра или послезавтра успеешь — не уйдёт оно от тебя.

И письмо с очками было спрятано под замок. Все занялись чаем. Оно бы пролежало там годы, если бы не было слишком необыкновенным явлением и не взволновало умы обломовцев. За чаем и на другой день у всех только и разговора было, что о письме.

Наконец не вытерпели, и на четвёртый день, собравшись толпой, с смущением распечатали. Обломов взглянул на подпись.

— «Радищев»,— прочитал он.— Э! Да это от Филиппа Матвеевича!

— А! Э! Вот от кого! — поднялось со всех сторон.— Да как это он ещё жив по сю пору? Поди ты, ещё не умер! Ну, слава богу! Что он пишет?

Обломов стал читать вслух. Оказалось, что Филипп Матвеевич просит прислать ему рецепт пива, которое особенно хорошо варили в Обломовке.

— Послать, послать ему! — заговорили все.— Надо написать письмо.

Так прошло недели две.

— Надо, надо написать! — твердил Илья Иванович жене.— Где рецепт-то?

— А где он? — отвечала жена.— Ещё надо сыскать. Да погоди, что торопиться? Вот, бог даст, дожждёмся праздника, разговеемся, тогда и напишешь; ещё не уйдёт...

— В самом деле, о празднике лучше напишу,— сказал Илья Иванович.

На празднике опять зашла речь о письме. Илья Иванович собрался совсем писать. Он удалился в кабинет, надел очки и сел к столу.

В доме воцарилась глубокая тишина; людям не велено было топтать и шуметь.— Барин пишет! — говорили все таким робко почтительным голосом, каким говорят, когда в доме есть покойник.

Он только было вывел: «Милостивый государь», медленно, криво, дрожащей рукой и с такою осторожностью, как будто делал какое-нибудь опасное дело, как к нему явилась жена.

— Искала, искала,— нету рецепта,— сказала она.— Надо ещё в спальне в шкапу поискать. Да как посылать письмо-то?

— С почтой надо,— отвечал Илья Иванович.

— А что туда стобит?

Обломов достал старый календарь.

— Сорок копеек,— сказал он.

— Вот, сорок копеек на пустяки бросать! — заметила она.— Лучше подождём, не будет ли из города okazji туда. Ты вели узнавать мужикам

— И в самом деле, по оказии-то лучше,— отвечал Илья Иванович и, пощёлкав перо о стол, всунул в чернильницу и снял очки.

— Право, лучше,— заключил он.— Ещё не уйдёт: успеем послать.

Неизвестно, дождался ли Филипп Матвеевич рецепта.

1. Почему письмо вызвало у обломовцев столько волнений и тревог?

2. Как вы определите в связи с этой историей образ жизни помещиков-обломовцев?

Задание. Составьте план этой главы повествовательными заголовками, передающими кратко её содержание.

ВОСПИТАНИЕ ИЛЮШИ.

Илюша только что проснётся у себя дома, как у постели его уже стоит Захарка.

Захар, как, бывало, нянька, натягивает ему чулки, надевает башмаки, а Илюша, уже четырнадцатилетний мальчик, только и знает, что подставляет ему, лёжа, то ту, то другую ногу; а чуть что покажется ему не так, то он поддаст Захарке ногой в нос.

Если недовольный Захарка вздумает пожаловаться, то получит ещё от старших колотушку.

Потом Захарка чешет голову, натягивает куртку, осторожно продевая руки Ильи Ильича в рукава, чтоб не слишком беспокоить его, и напоминает Илье Ильичу, что надо сделать то, другое: вставши поутру, умыться и т. п.

Захочет ли чего-нибудь Илья Ильич, ему стоит только мигнуть — уж трое-четверо слуг кидаются исполнять его желание; уронит ли он что-нибудь, достать ли ему нужно вещь, да не достанет,— принести ли что, сбегать ли за чем: ему иногда, как резвому мальчику, так и хочется броситься и переделать всё самому, а тут вдруг отец и мать, да и три тётки в пять голосов и закричат:

— Зачем? Куда? А Васька, а Ванька, а Захарка на что? Эй, Васька! Ванька! Захарка! Чего вы смотрите, разини? Вот я вас!..

И не удастся никак Илье Ильичу сделать что-нибудь самому для себя.

После он нашёл, что оно и покойнее гораздо, и сам выучился покрикивать: — Эй, Васька, Ванька! подай то, дай другое! Не хочу того, хочу этого! Сбегай, принеси!

Подчас нежная заботливость родителей надоедала ему.

Побежит ли он с лестницы, или по двору, вдруг вслед ему раздаётся в десять отчаянных голосов: — Ах, ах! Поддержите, остановите! Упадёт, расшибётся... стой, стой!

Задумает ли он выскочить зимой в сени, или отворить форточку — опять крики: — Ай, куда? Как можно? Не бегай, не ходи, не отворяй: убьёшься, простудишься...

И Илюша с печалью оставался дома, лелеемый, как цветок в теплице, и так же, как последний под стеклом,

он рос медленно и вяло. Ищущие проявления силы обращались внутрь и никили, увядая.

А иногда он проснётся такой бодрый, свежий, весёлый; он чувствует, в нём играет что-то, кипит, точно поселился бесёнок какой-нибудь, который так и поддразнивает его то влезть на крышу, то сесть на савраску да поскакать в луга, где сено косят, или посидеть на заборе верхом, или поддразнить деревенских собак; или вдруг захочется пуститься бегом по деревне, потом в поле, по буеракам, в березняк, да в три скачка броситься на дно оврага, или увязаться за мальчишками играть в снежки, попробовать свои силы.

Бесёнок так и подмывает его: он крепится, крепится, наконец не вытерпит, и вдруг, без картуза, зимой, прыг с крыльца на двор, оттуда за ворота, захватит в обе руки по кому снега и мчится к куче мальчишек.

Свежий ветер так и режет ему лицо, за уши щиплет мороз, в рот и горло пахнуло холодом, а грудь охватило радостью — он мчится, откуда ноги взялись, сам и визжит, и хохочет.

Вот и мальчишки: он бац снегом — мимо; сноровки нет; только хотел захватить ещё снежку, как всё лицо залепила ему целая глыба снегу; он упал; и больно ему с непривычки, и весело, и хохочет он, и слёзы у него на глазах...

А в доме гвалт: — Илюши нет! Крик, шум. На двор выскочил Захар, за ним Васька, Митька, Ванька — все бегут растерянные по двору.

За ними кинулись, хватая их за пятки, две собаки, которые, как известно, не могут равнодушно видеть бегущего человека.

Люди с криками, с воплями, собаки с лаем мчатся по деревне. Наконец, набежали на мальчишек и начали чинить правосудие: кого за волосы, кого за уши, иному подзатыльника; пригрозили и отцам их.

Потом уже овладели барчонком, окутали его в захваченный тулуп, потом в отцовскую шубу, потом в два одеяла и торжественно принесли на руках домой.

Дома отчаялись уже видеть его, считая погибшим; но при виде его, живого и невредимого, радость родителей была неописанна. Возблагодарили господа бога, потом напоили его мятой, там бузиной, к вечеру ещё малиной, и продержали дня три в постели, а ему бы одно могло быть полезно: опять играть в снежки...

УЧЕНИЕ ИЛЮШИ.

Далее, Илья Ильич вдруг увидел себя мальчиком лет тринадцати или четырнадцати.

Он уже учился в селе Верхлёве, верстах в пяти от Обломовки, у тамошнего управляющего, немца Штольца, который завёл небольшой пансион для детей окрестных дворян.

У него был свой сын, Андрей, почти одних лет с Обломовым, да ещё отдали ему одного мальчика, который почти никогда не учился, а больше страдал золотухой, всё детство проходил постоянно с завязанными глазами или ушами, да плакал всё втихомолку о том, что живёт не у бабушки, а в чужом доме, среди злодеев, что, вот, его и приласкать-то некому, и никто любимого пирожка не испечёт ему.

Кроме этих детей, других ещё в пансионе пока не было.

Нечего делать, отец и мать посадили баловника Илюшу за книгу. Это стоило слёз, воплей, капризов. Наконец отвезли.

И вот бедный Илюша ездит да ездит учиться к Штольцу. Как только он проснётся в понедельник, на него уж нападает тоска. Он слышит резкий голос Васьки, который кричит с крыльца:

— Антипка! Закладывай пегую: барчонка к немцу везти!

Сердце дрогнет у него. Он печальный приходит к матери. Та знает отчего и начинает золотить пилюлю, втайне вздыхая сама о разлуке с ним на целую неделю.

Не знают, чем и накормить его в то утро, напекут ему булочек и крендельков, отпустят с ним соленья,

печенья, варенья, пастил разных и других всяких сухих и мокрых лакомств, и даже съестных припасов. Всё это отпускалось в тех видах, что у немца не жирно кормят.

— Там не разъешься,— говорили обломовцы: — обедать-то дадут супу, да жаркого, да картофелю, к чаю масла, а ужинать-то морген фри — нос утри.

Впрочем, Илье Ильичу снятся больше такие понедельники, когда он не слышит голоса Васьки, приказывающего закладывать пегашку, и когда мать встречает его за чаем с улыбкой и с приятной новостью.

— Сегодня не поедешь; в четверг большой праздник: стоит ли ездить взад и вперёд на три дня?

Или иногда вдруг объявят ему:

— Сегодня родительская неделя — не до ученья: блины будем печь.

А не то, так мать посмотрит утром в понедельник пристально на него, да и скажет:

— Что-то у тебя глаза не свежи сегодня. Здоров ли ты? — и покачает головой.

Лукавый мальчишка здоровёхонек, но молчит.

— Посиди-ка ты эту неделку дома,— скажет она: — а там — что бог даст.

И все в доме были проникнуты убеждением, что ученье и родительская суббота никак не должны совпадать вместе, или что праздник в четверг — неодолимая преграда к ученью во всю неделю.

Разве только иногда слуга или девка, которым достанется за барчонка, поворчат:

— У, баловень! Скоро ли провалишься к своему немцу?

В другой раз вдруг к немцу Антипка явится на знакомой пегашке, среди или в начале недели, за Ильёй Ильичём.

— Приехали, дескать, Марья Саввишна или Наталья Фаддеевна гостить или Кузовковы со своими детьми, так пожалуйте домой!

И недели три Илюша гостит дома, а там, смотришь, до Страстной недели уже недалеко, а там и праздник,

а там кто-нибудь в семействе почему-то решит, что на Фоминой неделе не учатся: до лета остаётся недели две — не сто́ит ездить, а летом и сам немец отдыхает, так уж лучше до осени отложить.

Посмотришь, Илья Ильич и отгуляется в полгода, и как вырастет он в это время! Как потолстеет! Как спит славно! Не налюбуются на него в доме, замечая, напротив, что, возвратясь в субботу от немца, ребёнок худ и бледен.

— Долго ли до греха? — говорили отец и мать. — Ученье-то не уйдёт, а здоровья не купишь; здоровье дороже всего в жизни. Вишь, он из ученья как из больницы воротится: жирок весь пропадает, жиденький такой... да и шалун: всё бы ему бегать!

— Да, — заметит отец: — ученье-то не свой брат: хоть кого в бараний рог свернёт!

И нежные родители продолжали приискивать предлоги удерживать сына дома. За предложениями, и кроме праздников, дело не ставало. Зимой казалось им холодно, летом по жаре тоже не годится ехать, а иногда и дождь пойдёт, осенью слякоть мешает. Иногда Антипка что-то сомнителен покажется: пьян, не пьян, а как-то дико смотрит; беды бы не было, завязнет или оборвётся где-нибудь.

1. В каких поступках Илюши проявляются черты барского воспитания?

2. Из чего видно, что барское воспитание заглушало хорошие стремления Илюши?

3. Почему автор сравнивает Илюшу с тепличным цветком? Объясните это на материале рассказа.

4. Как родители мешали Илюше учиться? Ответьте на этот вопрос по материалу прочитанных вами глав романа „Обломов“.

5. Мать уверена, что Илюша будет замечательным человеком, героем. Как вы думаете, что выйдет из Илюши в результате его воспитания в Обломовке?

6. Какие из пословиц, помещённых на стр. 133, можно применить к Илюше Обломову?

З а д а н и е. Напишите рассказ: „Как учился Илюша“.

ПРУД И РЕКА.

И. А. Крылов.

«Что́ это», — говорил Реке соседний Пруд;
«Как на тебя ни взглянешь,
А воды всё твои текут!
Неужли-таки ты, сестрица, не устанешь?
Притом же вижу я почти всегда,
То с грузом тяжкие суда,
То долговязые плоты ты носишь,
Уж я не говорю про лодки, челноки:
Им счёту нет! Когда такую жизнь ты бросишь?
Я, право, высох бы с тоски.
В сравнении с твоим, как жребий мой приятен!
Конечно, я не знатен,
По карте не тянусь я через целый лист,
Мне не бренчит похвал какой-нибудь гуслист:
Да это, право, всё пустое!
Зато я в илистых и мягких берегах,
Как барыня в пуховиках,
Лежу и в неге, и в покое;
Не только что судов
Или плотов
Мне здесь не для чего страшиться:
Не знаю даже я, каков тяжёл челнок;
И много, ежели случится,
Что по воде моей чуть зыблется листок,
Когда его ко мне забросит ветерок.
Что беззаботную заменит жизнь такую?
За ветрами со всех сторон,
Не движась, я смотрю на суету мирскую
И философствую сквозь сон».
— «А, философствуя, ты помнишь ли закон?»
Река на это отвечает:
«Что свежесть лишь вода движеньем сохраняет?
И если стала я великою рекой,
Так это оттого, что, кинувши покой,
Последую сему уставу;

Зато по всякий год
Обилием и чистотою вод
И пользу приношу, и в честь вхожу и в славу,
И буду, может быть, ещё я веки течь,
Когда уже тебя не будет и в помине,
И о тебе совсем исчезнет речь».
Слова её сбылись: она течёт поныне,
А бедный Пруд год от году всё глож,
Заволочён весь тиною глубокой.
Зацвёл, зарос осокой
И, наконец, совсем иссох.

Так дарование без пользы свету вянет,
Слабея всякий день,
Когда им овладеет лень,
И оживлять его деятельность не станет.

Долговязый — длинный.

Жребий — судьба.

Гуслыст — то же, что гусяр; гусярами в старину называли певцов, которые пели и играли на гусях. В этой басне под гуслыстом надо разуместь поэта.

Философствовать — думать, толковать о серьёзных вопросах.

Устав — закон, правило.

1. Каких людей подразумевает Крылов под Рекой, каких под Прудом?

2. Сравните жизнь в Обломовке с жизнью Пруда.

3. Найдите слова, выражающие главную мысль басни.

4. Можно ли применить эти слова к жизни Илюши Обломова?

ПОСЛОВИЦЫ.

Стоячее болото гниёт.

Без труда не вытащишь и рыбки из пруда.

Труд кормит, а лень портит.

ИЗ ЖИЗНИ Н. А. НЕКРАСОВА.

ДЕТСТВО.

В неведомой глуши, в деревне полудикой
Я рос средь буйных дикарей,
И мне дала судьба, по милости великой,
В руководители псарей.

Недалеко от Волги, в 20 километрах от города Ярославля, находится небольшая деревенька Грешнево. Давно, более 100 лет назад, рядом с деревней стоял двухэтажный деревянный барский дом, каких было много в старину. За домом был старый обширный сад, обнесённый решетчатым забором. Из окон виднелась плоская равнина, перерезываемая речкой Самаркой, луга и нивы, тянувшиеся до самого горизонта.

В этой барской усадьбе провёл детство великий русский народный поэт Николай Алексеевич Некрасов.

Владелец усадьбы — отец Некрасова — был человек скупой и жестокий.

Тяжёлые наказания часто применялись в усадьбе Некрасова. Отец считал порку единственным средством для того, чтобы держать дворовых слуг и крестьян в страхе и повиновении. Когда его упрашивали не сечь какого-нибудь лакея или горничную, он упрямо повторял: «Если бы на крапиву не мороз, она и зимой бы жглась» — и делал по-своему. Грешневских крестьян обременяли тяжёлой барщиной или накладывали на них непосильный оброк.

Недаром крестьяне из соседних деревень не любили выдавать дочерей замуж за некрасовских крепостных. Это называлось у них «отдать в некрасовщину на муку».

Отец Некрасова был человеком крайне грубым и невежественным. Любимым развлечением его была псовая охота; часто бывало, что с утра он уезжал на охоту, а вернувшись поздно вечером, устраивал дома шумные попойки. О своих охотничьих собаках он заботился больше, чем о дворовых людях. Впоследствии Некрасов говорил,

что в отцовском доме «рой подавленных и трепетных рабов завидовал житью последних барских псов».

Отец был жесток не только с крестьянами, но и со своей женой, матерью Некрасова. Мать Некрасова, Елена Андреевна, была полной противоположностью отцу: очень добрая, умная, тихая, она была не хозяйкой, а рабой в доме. Она во всём подчинялась мужу, из дома выходила редко, а если и ходила гулять в деревню одна или с детьми, то лишь тогда, когда муж уезжал в город или на охоту.

Бывали случаи, когда муж в минуты гнева издевался над ней и бил её. А она терпела такую жизнь, так как нежно любила детей и не могла бросить их. При всём том она находила в себе достаточно смелости, чтобы горячо вступаться за детей и за крепостных и избавлять их от побоев.

Мать была единственным образованным человеком в доме; она когда-то училась и помнила многое из того, что читала в молодости.

В долгие зимние вечера, когда «стая псов на псарне завывала и выюга в окна била и мела», она рассказывала маленькому Некрасову занимательные истории и сказки.

Некрасов очень любил и жалел мать, боялся и ненавидел деспота-отца.

На примере родной семьи, на судьбе близких людей Некрасов рано увидел, что значит деспотизм и жестокость. И ему стало понятно, как должны были страдать крепостные под гнётом помещика — его отца, что должны были переживать дворовые, когда их, взрослых людей,

Николай Алексеевич Некрасов
(1821—1877)

иногда даже стариков, подвергали унижительному телесному наказанию.

Ему стали понятнее и те картины, которые он мог наблюдать из окон своего дома. Перед самым домом пролежала почтовая дорога, так называемый Владимирский тракт, а по нему проходили, звеня кандалами, партии каторжан, перегоняемых по этапу в Сибирь.

У Некрасова было много приятелей среди крестьянских мальчиков. Вместе с ними он бегал на Волгу, ловил рыбу, купался по нескольку раз в день.

Но и на Волге он видел те же сцены народной нищеты и рабства.

Вот он на берегу великой реки. Знойный полдень. Кругом — даль и ширь. На песках, на отмели уселись рядами и дремлют чайки. Тишина. Вдруг издали доносится заунывная песня, похожая на стон. Это бурлаки. Они тянут большую баржу — расшиву. Через плечо у каждого лямка с бечевой, и все они медленно идут берегом, тяжело переступая по песку.

Мальчик бежит навстречу бурлакам. А у них настал час отдыха. Они достали с баржи котёл, развели костёр и принялись готовить себе скудный обед.

Вид этих бурлаков и их горькие жалобы на свою жизнь навсегда остались в памяти Некрасова. Спустя много лет он вспоминал об этом в стихотворении «На Волге»:

... Устали бурлаки,	— Авось придём,—
Котёл с расшивы принесли,	Другой, с болезненным
Уселись, развели костёр	лицом,
И меж собою повели	Ему ответил: — Эх, напасть.
Неторопливый разговор.	Когда бы зажило плечо,
— Когда-то в Нижний	Тянул бы лямку, как медведь,
попадём?	А кабы к утру умереть, —
Один сказал:	Так лучше было бы ещё...

Эта встреча с бурлаками произвела на Некрасова потрясающее впечатление:

Без шапки, бледный, чуть живой
Лишь поздно вечером домой
Я воротился, —

вспоминает он.

И уже в эти годы он мечтает о том, чтобы помочь народу избавиться от рабства:

Что я в ту пору замышлял,
Созвав товарищей-детей,
Какие клятвы я давал, —
Пушай умрёт в душе моей,
Чтоб кто-нибудь не осмелял!

Некрасов был смелым и решительным мальчиком. Ему было десять лет, когда он научился стрелять из ружья. Как-то ему удалось подстрелить на озере дикую утку. Была поздняя осень, начались заморозки, и озеро у берегов покрылось тонким слоем льда. Собака отказалась лезть в холодную воду. Тогда Некрасов в охотничьем азарте, недолго думая, бросился в озеро, поплыл за уткой и достал её. После этого он довольно долго болел горячкой.

Некрасов рано начал учиться верховой езде. Он бесстрашно садился в седло и пускался вскачь. Он сам потом рассказывал, что однажды за день упал с лошади восемнадцать раз. Дело было зимой — мягко. Зато впоследствии никогда не боялся самой горячей, норовистой лошади.

Уже в детстве он боролся с чувством безотчётного страха, которое внушала ему суеверная няня. Няня уговаривала его не выходить ночью из дома, так как за ригой и на пруду в это время будто бы бегают волки и появляются «черти» и «лешие». Мальчик решил проверить эти рассказы и в эту же ночь отправился в тёмный сад.

Идёт он садом. Кругом царит ночная тишина. Перед глазами какие-то тени, неясные очертания, слышатся какие-то шорохи, непонятные звуки. Воображение начинает работать, страх подсказывает нелепые представления.

Не вернуться ли назад? А вдруг, в самом деле, нападут волки или сзади подкрадутся «черти» и утащат в пруд?

Нет, сдаваться нельзя, надо идти вперёд.

Вот и пруд. Серп месяца отражается серебристой полосой в воде. Мальчик останавливается у пруда, прислушивается. Не слышно никого.

Мальчик обходит пруд раз, другой, третий. Всё тихо. Медленно идёт он к дому и, борясь с чувством страха, наконец сдерживает шаг. Вот и дом. Все страхи оказались выдуманными. Мальчик в борьбе с суевериями вышел победителем!

Нерадостно жилось Некрасову в родном доме, нерадостно было и в Ярославской гимназии, куда поступил он десятилетним мальчиком. И здесь та же неволя.

Учение в гимназии было поставлено плохо. Для того чтобы заставить гимназистов смирно сидеть в классе и учить уроки, прибегали к обычному тогда средству — к розгам.

Товарищ Некрасова, Горошков, написавший потом воспоминания о Ярославской гимназии, рассказывает об этом так:

«Если вина не важная, высекут тут же на месте, в классе. Позовут сторожа Алексея, придёт он, встанет в дверях с розгами и, по приказу, начнёт неприятную операцию. Но это ещё не важное наказание: дадут 2—3 удара, и кончено всё. Ну, а поважнее дело, так операция производилась на заднем крыльце, у колокольчика, в который давали всегда звонок. Туда попасть было уже гораздо неприятнее, потому что секли «по счёту».

О Некрасове-гимназисте Горошков вспоминал: «Николая мы любили за его характер и особенно за его рассказы: всё, бывало, рассказывает нам из деревенской жизни».

В то же время Некрасов с увлечением читает Пушкина и современные журналы и очень мало интересуется сухими школьными учебниками, которые требуется только зубрить наизусть.

Перейдя в пятый класс, он выходит из гимназии. Отец хочет сделать из него офицера и для этого направляет в Петербург в военно-учебное заведение, в так называемый дворянский полк; мать советует готовиться в университет.

Кончились детские годы Некрасова,— он вступает в самостоятельную жизнь.

ГОДЫ НУЖДЫ.

Приехав в Петербург, Некрасов решил против воли отца поступить в университет. Он энергично начал готовиться к экзаменам и добился того, что его приняли в университет вольнослушателем. Скоро, однако, выяснилось, что учиться ему очень трудно.

Для Некрасова наступили годы нужды. Отец очень рассердился на него за ослушание и заявил, что отныне не пришлёт ему ни копейки денег. Некрасов оказался без всяких средств к существованию и должен был думать не об ученье, а о том, чтобы как-нибудь заработать себе кусок хлеба. «Ровно три года,— рассказывал он потом об этом времени,— я чувствовал себя постоянно, каждый день голодным. Приходилось есть не только плохо, не только впроголодь, но и не каждый день».

Некрасов ищет хоть какого-нибудь заработка, но какую работу мог найти юноша 17 лет, не имеющий родных и друзей, не окончивший средней школы и не знающий никакого мастерства? 150 рублей, привезённые из Грешнева, скоро были прожиты. Надо было продавать вещи, чтобы платить за квартиру и питание.

Как-то поселился Некрасов в маленькой комнатухе вместе с таким же, как он, бедняком, молодым художником. «Вот и зажили эти горемыки вместе,— рассказывает знакомый Некрасова,— жизнь была ужасно тяжёлая — голодная жизнь. Чтобы чем-нибудь кормиться и платить за квартиру, молодые люди стали продавать свои вещи. Вскоре дошло до того, что и продавать-то стало нечего. Тогда было решено продать шинель Некрасова, а довольствоваться шинелью художника им обоим».

Были недели и месяцы, когда Некрасов доходил до крайней бедности, до нищеты и ночевал в ночлежном доме.

Но Некрасов был не из тех людей, которые падают духом и сдаются без боя. Это был человек большой воли, не склоняющий головы перед жизненными неудачами.

Он брался за любую литературную работу: писал стихи, рассказы, пьесы для театра, писал статьи в журна-

лах, сочинял сказки для детей, составлял даже букварь. Потом ему удалось, при помощи одного педагога, устроиться репетитором в пансионе¹, подготовляющем к поступлению в учебное заведение.

Громадное значение для Некрасова имела встреча его с великим нашим критиком Белинским. Белинский очень интересовался талантливым, умным и энергичным юношей и подолгу с ним беседовал. «Припоминаю,— рассказывал потом Некрасов,— как мы с ним вдвоём часов до двух ночи беседовали о литературе и о разных других предметах. После этого я бродил по опустелым улицам в каком-то возбуждённом настроении, столько для меня было нового в высказанных мыслях... Моя встреча с Белинским была для меня спасением!»

О том, чему Белинский учил Некрасова, поэт потом писал:

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе!

Белинский же помог Некрасову определить направление своей литературной деятельности. Когда Некрасов написал первое стихотворение из крестьянской жизни «В дороге», Белинский, прочитав стихотворение, обнял Некрасова и сказал ему: «Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный?» Некрасов написал потом много прекрасных стихотворений, посвящённых изображению крепостного крестьянства: «Огородник», «Тройка», «Родина», «Несжатая полоса» и другие.

НЕКРАСОВ — ПОЭТ РЕВОЛЮЦИИ.

Много лет прошло с тех пор, как Некрасов бегал на Волгу с грешневскими ребятами и учился в Ярославской гимназии. За это время произошли и в общественной жизни и в жизни Некрасова большие перемены.

¹ *Панси́он* — учебное заведение с общежитием для учащихся.

В 1861 году было отменено крепостное право, отменено на самых тяжёлых для крестьян условиях: крестьян обделили землёй и заставили платить громадный выкуп.

Многое изменилось и в жизни Некрасова. Мать умерла, отец лишился прежней власти над крестьянами. А сам Некрасов стал знаменитым поэтом, известным всей читающей России. Его волнующими стихами, изображавшими крестьянство и его жизнь, зачитывается молодёжь. Некрасов — её любимый писатель. «Как только соберутся где-нибудь на частной квартире студенты и гимназисты,— вспоминает об этом один современник,— уже, смотришь, выходит кто-нибудь на середину комнаты и задушевым голосом наизусть читает «Парадный подъезд» или «Железную дорогу». Бывало, у каждой гимназистки видишь подмышкой томик Некрасова... Щемящей болью за народ отзывался каждый его стих в молодых чутких сердцах».

После 1861 года Некрасов едет на родину. Опять он на Волге, в родных местах. С особенным вниманием присматривается он к жизни новой деревни. «Народ освобождён, но счастлив ли народ?» — спрашивает себя Некрасов. Пришла ли пора, когда поэт может говорить не о бедности и горе народном, а о счастливой жизни? Нет, до этого далеко.

Деревня по-прежнему нищая, тёмная и бесправная. Об этой новой деревне 60-х годов Некрасову приходится повторить многое из того, что он говорил о деревне старой, помещичьей.

Я — в деревню: Мужик, ты тепло ли живёшь?
Холодно, странничек, холодно.
Холодно, родненький, холодно.
Я — в другую: Мужик, хорошо ли ешь, пьёшь?
Голодно, странничек, голодно.
Голодно, родненький, голодно.

И перед Некрасовым вновь встаёт вопрос о том, что же делать народу, чтобы добиться свободы и счастья.

В стихотворении «Железная дорога», вышедшем в свет в 1865 году, автор обращается к мальчику Ване:

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет всё, что господь ни пошлёт!
Вынесет всё — и *широкую, ясную*
Грудью дорогу проложит себе.

В произведении «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов нарисовал замечательный образ молодого революционера Гриши Добросклонова, который

Стал пылким и восторженным
Певцом освобождения
Униженных, обиженных
На всей святой Руси.

Некрасов продолжает изучать крестьянскую жизнь.

Живя в деревне, он увлекается охотой. У него есть приятели — охотники из крестьян, с которыми он исходил немало лесов и болот в Ярославской и Костромской губерниях.

Главной прелестью охоты для Некрасова было то, что во время охотничьих странствований он сближался с крестьянами. Товарищи по охоте рассказывали ему немало разных историй из деревенской жизни, а люди они в большинстве случаев были бывалые и незаурядные.

У Некрасова был приятель охотник Гавриил Яковлевич, крестьянин деревни Шоды Костромской губернии.

Этому «другу-приятелю Гавриле Яковлевичу» Некрасов посвятил одну из лучших своих поэм: «Коробейники».

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоём,
Ты меня почасту спрашивал:
Что строчишь карандашом?
Почитай-ка! Не прославиться, —
Угодить тебе хочу.
Буду рад, коли понравится,
Не понравится, — смолчу.

Все эти разговоры с крестьянами и наблюдения над жизнью деревни и дали Некрасову материал для таких произведений, как «Мороз — Красный нос», «Орина — мать солдатская» и другие.

«Орина — мать солдатская,— говорил он впоследствии,— сама рассказывала мне свою ужасную жизнь. Я несколько раз делал крюк, чтобы поговорить с ней, а то боялся сфальшивить».

Некрасов с большой любовью описывает крестьянских ребят. Кто не знает его стихотворения «Крестьянские дети» или хотя бы этой картинки:

Однажды, в студёную зимнюю пору,
Я из лесу вышел. Был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведёт под уздцы мужичок...

Некрасов постоянно отмечал сметливость, любознательность крестьянских детей, привычку их к труду, так как видел в них светлое будущее своей родины.

Наблюдая крестьянскую жизнь, Некрасов заносил в свою записную книжку крестьянские поговорки и меткие словечки. Стихи Некрасова близки народной песне и простому разговорному крестьянскому языку.

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ НЕКРАСОВА.

Некрасову было 57 лет, когда им овладела мучительная болезнь, сведшая его скоро в могилу.

Когда многочисленные почитатели поэта узнали о его тяжёлой болезни, со всех концов страны к нему полетели сочувственные письма и телеграммы.

Умирающий Некрасов был глубоко взволнован этими приветствиями, приходившими часто из очень отдалённых и глухих мест. Однажды к нему явились депутации от петербургских и харьковских студентов с приветственными адресами, где молодёжь выражала поэту свою благодарную любовь. Он получил адрес от «русских женщин», на-

чинавшийся словами: «Привет тебе, певец печальной женской доли!...»

Но больше всего Некрасов был растроган прощальным словом своего лучшего друга и соратника, великого русского писателя и революционера Чернышевского, присланным из далёкой Сибири. Чернышевский просил одного из своих друзей: «Скажи ему (Некрасову), что я любил его как человека, что я целую его, что я убеждён — его слава будет бессмертна, как вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов».

27 декабря 1877 года (8 января 1878 г. по новому стилю) Некрасова не стало.

А через три дня Петербург хоронил великого борца за народное дело. Много народа, несмотря на трескучий мороз, пришло проводить любимого поэта в последний путь. По улице двигалась громадная процессия, среди которой несли гроб с возложенными на него венками.

В толпе провожавших были писатели, учёные, были рабочие и много революционной молодёжи. Революционеры возложили на гроб Некрасова венок с надписью: «От социалистов». Они взяли на себя охрану порядка во время похорон, для чего, взявшись за руки, образовали живую цепь вокруг похоронного шествия.

От революционеров выступил молодой оратор Г. В. Плеханов, который у могилы Некрасова горячо говорил о значении поэта для русской революции.

МОРОЗ — КРАСНЫЙ НОС.

Н. А. Некрасов.

Савраска увяз в половине	Старуха в больших
сугроба —	рукавицах
Две пары промёрзлых	Савраску сошла понукать.
лаптей	Сосульки у ней
Да угол рогожей	на ресницах,
покрытого гроба	С морозу — должно
Торчат из убогих дровней.	полагать.

в подклети,
Мертвец на скамье у окна;
Шумят его глупые дети,
Тихонько рыдает жена.

Сшивая проворной иглой
На саван куски полотна,
Как дождь, зарядивший
надолго,
Негромко рыдает она.

...Есть женщины в русских
 селеньях
С спокойною важностью
 лиц,
С красивою силой
 в движениях,
С походкой, со взглядом
 цариц,—

Их разве слепой
 не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдёт — словно солнце
 осветит!
Посмотрит — рублём
 подарит!»

Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идёт,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет.

Цветёт
Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.

И голод и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах — то готова
копна!

Платок у ней на ухо
сбился,
Того-гляди косы падут.
Какой-то парнёк
изловчился
И кверху подбросил их,
шут!

Тяжёлые русые косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли её ноженьки босы,
Мешают крестьянке
взглянуть.

Она отвела их руками,
На парня сердито глядит.
Лицо величаво, как в
раме,
Смущеньем и гневом
горит...

По будням не любит
 безделья.
Зато вам её не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.

Такого сердечного смеха
И песни, и пляски такой
За деньги не купишь.—
«Утеха!»

Твердят мужики меж
собой.

В игре её конный не словит,
В беде — не сробеет,—

спасёт:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдёт!..

В ней ясно и крепко
сознание,
Что всё их спасенье
в труде,
И труд ей несёт воздаянье:
Семейство не бьётся

в нужде,
Всегда у них тёплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен
квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний
кусок.

Идёт эта баба к обедне
Пред всею семьёй впереди.
Сидит, как на стуле,
двухлетний
Ребёнок у ней на груди.

Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведёт...
И по сердцу эта картина
Всем любящим русский
народ!

И ты красотою дивила,
Была и ловка, и сильна,
Но горе тебя иссушило,
Уснувшего Прокла жена!

Горда ты — ты плакать
не хочешь.

Крепишься, но холст
гробовой
Слезами невольно ты
мочишь,
Сшивая проворной иглой.

Слеза за слезой упадает
На быстрые руки твои.
Так колос беззвучно роняет
Созревшие зёрна свои...

Пока мертвеца обряжали,
Не выдали словом тоски
И только глядеть избегали
Друг другу в глаза
бедняки.

Но вот уже кончено дело,
Нет нужды бороться
с тоской,

И что на душе накопело,
Из уст полилось рекой.

Не ветер гудит по ковыли,
Не свадебный поезд
гремит,—

Родные по Прокле завывли,
По Прокле семья голосит:

«Голубчик ты наш
сизокрылый!
Куда ты от нас улетел?»

Пригожеством, ростом
и силой
Ты ровни в селе не имел.

Родителям был ты
советник,
Работничек в поле ты был,
Гостям хлебосол
и приветник,
Жену и детей ты любил...

Что ж мало гулял ты по
свету?

За что нас покинул, родной?
Одумал ты думушку эту,
Одумал с сырою землёй —

Одумал — а нам оставаться
Велел во миру, сиротам,
Не свежей водой

умываться,
Слезам горючими нам!

Старуха помрёт со
кручины,

Не жить и отцу твоему,
Берёза в лесу без
вершины —

Хозяйка без мужа в дому.

Её не жалеешь ты, бедной,
Детей не жалеешь...

Вставай!
С полоски своей
заповедной
По лету сберёшь урожай!

Сплесни, ненаглядный,
руками,

Сокольным глазком
посмотри,
Тряхни шелковыми
кудрями,
Сахарны уста раствори!

На радости мы бы сварили
И мёду, и браги хмельной,
За стол бы тебя

посадили —
Покушай, желанный,
родной!

А сами напротив бы
стали —
Кормилец, надежда семьи!
Очей бы с тебя не спускали,
Ловили бы речи твои...»

На эти рыдания и стоны
Соседи валили гурьбой:
Свечу положив у иконы,
Творили земные поклоны
И шли молчаливо домой.

На смену входили другие.
Но вот уж толпа
разбрелась,
Пожинать сели родные —
Капуста да с хлебушком
квас.

Старик бесполезной
кручине
Собой овладеть не давал:
Подладившись ближе
к лучине,
Он лапоть худой ковырял.

Протяжно и громко
вздыхая,
Старуха на печку легла,
А Дарья, вдова молодая,
Проведать ребяток пошла.

Всю ноченьку, стоя
у свечки,
Читал над усопшим дьячок,
И вторил ему из-за печки
Пронзительным свистом
сверчок.

Сурово метелица выла
И снегом кидала в окно,
Невесело солнце всходило:
В то утро свидетелем было
Печальной картины оно.

Савраска, запряженный
в сани,
Понуро стоял у ворот;
Без лишних речей, без
рыданий
Покойника вынес народ.

— Ну, трогай, саврасушка!
трогай!
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много!
В последний разок
послужи!..

В торговом селе
Чистополье
Купил он тебя сосунком,
Взрастил он тебя
на приволье,
И вышел ты добрым конём.

С хозяином дружно
старался,
На зимушку хлеб запасал.
Во стаде ребёнку давался,
Травой да мякиной
питался,
А тело изрядно держал.

Когда же работы
кончались
И сковывал землю мороз,
С хозяином вы
отправлялись
С домашнего корма
в извоз.

Немало и тут
доставалось —
Возил ты тяжёлую кладь,
В жестокую бурю
случалось,
Измучась, дорогу терять.

Видна на боках твоих
впалых
Кнута не одна полоса,
Зато на дворах постоялых
Покушал ты вволю овса.

Слышал ты в январские
ночи
Метели пронзительный вой,
И волчьи горящие очи
Видал на опушке лесной.

Продрогнешь, натерпишься
страху,
А там — и опять ничего!

Да, видно, хозяин дал
маху —
Зима доконала его!..

Всему покорялся, как голубь,—
А плохо — не пьёт и не ест!

Случилось в глубоком сугробе
Полсуток ему простоять,
Потом то в жару,
то в ознобе
Три дня за подводой
шагать:

Ещё положить под
 медведя,
Чтоб тот ему кости размял,
Ходебщик¹ сергачевский
 Федя —
Случившийся тут —
 предлагал.

Покойник на срок
торопился
До места доставить товар.
Доставил, домой
воротился —
Нет голоса, в теле пожар!

Но Дарья, хозяйка
 больного,
Прогнала советчика прочь.
Испробовать средства
 иногo
Задумала баба: и в ночь

Старуха его окатила
Водой с девяти веретён
И в жаркую баню сводила,
Да нет — не поправился он!

Пошла в монастырь
отдалённый
(Верстах в десяти от села),
Где в некой иконе явленной
Целебная сила была.

Тогда ворожеек созвали —
И поят, и шепчут,
и трут —

Пошла, воротилась
с иконой —
Больной уж безгласен

Всё худо! Его продавали
Три раза сквозь потный
хомут,

лежал,
Одетый как в гроб,
причащённый,
Увидев жену, простонал
И умер...

Спускали родимого в
 прорубь,
Под куричий клали
 насест...

...Саврасушка, трогай,
Натягивай крепче гужи!

¹ *Ходёбщик* — разносчик товаров, коробейник.

Чу! два похоронных удара!
 Попы ожидают — иди!..
 Убитая скорбная пара,
 Шли мать и отец впереди.

Ребята с покойником оба
Сидели, не смея рыдать,
И правя савраской у гроба
С вожжами их бедная мать

Шагала... Глаза её впали,
И был не белей её щёк
Надетый на ней в знак
печали
Из белой холстины платок.

За Дарьей — соседей,
 соседок
Плелась не густая толпа,
Толкуя, что Прокловых деток
Теперь не завидна судьба,

Что Дарье работы прибудет,
Что ждут её чёрные дни.
«Жалеть её некому будет»,
Согласно решили они...

Как водится, в яму спустили,
Засыпали Прокла землёй;
Поплакали, громко повыли,
Семью пожалели, почтили
Покойника щедрой хвалой.

Сам староста, Сидор
Иваныч,
Вполголоса бабам подвыл,
И «мир тебе, Прокл
Севастьяныч!»
Сказал: «благодушен ты
был.

Жил честно, а главное:
 в сроки,
 Уж как тебя бог выручал,
 Платил господину оброки
 И подать царю
 представлял!»

Истратив запас
красноречья,
Почтенный мужик
покряхтел:
«Да, вот она, жизнь
человечья!»
Прибавил — и шапку
надел.
«Свалился... а то-то был
в силе!..
Свалимся... не минутъ
и нам!..»

Ещё покрестились могиле
И с богом пошли по домам.

А Дарья домой
воротилась —
Прибраться, детей
накормить.
Ай-ай! как изба
настудилась!
Торопится печь затопить,

Ан глядь — ни полена Да времени нету на
 дровишек! ласки.
Задумалась бедная мать: К соседке свела их вдова,
Покинуть ей жаль И тотчас, на том же
 ребятишек, савраске,
Хотелось бы их приласкать, Поехала в лес, по дрова...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Морозно. Равнины белеют под снегом,
Чернеется лес впереди,
Савраска плетётся ни шагом, ни бегом,
Не встретишь души на пути.

Как тихо! В деревне раздавшийся голос
Как будто у самого уха гудёт,
О корень древесный запнувшийся полоз
Стучит и визжит, и за сердце скребёт.

Кругом — поглядеть нету мочи,
Равнина в алмазах блестит...
У Дарьи слезами наполнились очи —
Должно быть, их солнце слепит...

В полях было тихо, но тише
В лесу и как будто светлей,
Чем дале — деревья всё
выше, на просторе
А тени длинней и длинней. И голос рвался и дрожал,

Деревья, и солнце, и тени, И солнце кругло и
И мёртвый, могильный бездушно,
покой... Как жёлтое око совы,
Но — чу! заунывные пени ¹, Глядело с небес
Глухой, сокрушительный равнодушно
вой! На тяжкие муки вдовы.

¹ *Пéни* — жалобы.

И много ли струн оборвалось	Жемчужиной крупной застынет —
У бедной крестьянской души,	Бела, и кругла, и плотна.
Навеки сокрыто осталось В лесной нелюдимои глуши.	А та на глазу поблится,
Великое горе вдовицы И матери малых сирот Подслушали вольные птицы,	Стрелой по щеке побежит, И солнышко в ней поиграет...
Но выдать не смели в народ...	Управиться Дарья спешит, Знай рубит,— не чувствует стужи,
Не псарь по дубровушке трубит,	Не слышит, что ноги знобит,
Гогочет, сорви-голова,— Наплакавшись, колет и рубит	И, полная мыслью о муже, Зовёт его, с ним говорит...
Дрова молодая вдова.	 Голубчик! красавицу нашу Весной в хороводе опять Подхватят подруженьки Машу
Срубивши, на дровни бросает —	И станут на ручках качать!
Наполнить бы их поскорей, И вряд ли сама замечает, Что слёзы всё льют из очей:	Станут качать, Кверху бросать, Маковкой звать, Мак отряхать! ¹
Иная с ресницы сорвётся И на снег с размаху падёт —	Вся раскраснеется наша Маковым цветиком Маша С синими глазками, с русой косой!
До самой земли доберётся, Глубокую ямку прожжёт;	
Другую на дерево кинет, На плашку,— и смотришь, она	Ножками бить и смеяться Будет... а мы-то с тобой, Мы на неё любоваться Будем, желанный ты мой!..

¹ Известная народная игра, называемая «сеять мак».

И, тихо, прерывисто воя,
К высокой сосне подошла.

Едва её ноги держали,
Душа истомилась тоской,
Настало затишье печали —
Невольный и страшный
покой!

Стоит под сосной чуть
живая,
Без думы, без стона,
без слёз.
В лесу тишина гробовая —
День светел, крепчает
мороз.

Не ветер бушует
над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои,

Глядит — хорошо ли
метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины,
щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен
вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы
льдины
В великих и малых водах?

Идёт — по деревьям шагает,
Трещит по замёрзлой воде,

И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Дорога везде чародею.
Чу! ближе подходит, седой.
И вдруг очутился над нею,
Над самой её головой!

Забравшись на сосну
большую,
По веточкам палицей бьёт
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поёт:

«Вглядишь, молодлица,
смелее,
Каков воевода Мороз!
Навряд тебе парня сильнее
И краше видать привелось?

Метели, снега и туманы
Покорны Морозу всегда,
Пойду на моря-океаны —
Построю дворцы из льда.

Задумаю — реки большие
Надолго упрячу под гнёт,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.

Где быстрые шумные воды
Недавно свободно текли, —
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли.

Люблю я в глубоких
могилах
Покойников в иней рядить,

Свекровь её тут же,
старушка,
Трудилась; на полном
мешке

Красивая Маша, резвушка,
Сидела с морковкой в руке.

Телега, скрипя,
 подъезжает —
Савраска глядит на своих,
И Проклушка крупно
 шагает
За возом снопов золотых.

— Бог помочь! А где же
Гришуха? —
Отец мимоходом сказал.
«В горохах», — сказала

— Гришуха! — отец
закричал.

На небо взглянул.— Чай,
 не рано?
Испить бы...— Хозяйка
 встаёт
И Проклу из белого жбана
Напиться кваску подаёт.

Гришуха меж тем
 отозвался:
Горохом опутан кругом,
Проворный мальчуга
 казался
Бегущим зелёным кустом.

— Бежит!.. у!.. бежит,
 пострелёнок,
Горит под ногами трава! —

Гришуха черён, как
галчонок,
Бела лишь одна голова.

Крича, подбегает
в присядку
(На шее горюх хомутом),
Попотчевал бабушку,
матку,
Сестрёнку — вертится
вьюном!

От матери молодцу ласка,
Отец мальчугана щипнул;
Меж тем не дремал
и савраска:
Он шею тянул да тянул,

Добрался,— оскаливши
зубы,
Горох аппетитно жуёт
И в мягкие добрые губы
Гришухино ухо берёт...

Машутка отцу закричала:
— Возьми меня, тятка,
с собой!
Спрыгнула с мешка —
и упала.

Отец её поднял.

«Не вой!..»
И Проклушка, став
на телегу,
Машутку с собой посадил.
Вскочил и Гришуха
с разбегу,
И с грохотом воз покати́л.

Воробушков стая слетела
С снопов, над телегой
 взвилась,
И Дарьюшка долго
 смотрела,
От солнца рукой заслонясь,

Ни звука! Душа умирает
Для скорби, для страсти.
 Стоишь
И чувствуешь, как покоряет
Её эта мёртвая тишь.

Как дети с отцом
приближались
К дымящейся риге¹ своей,
И ей из снопов улыбались
Румяные лица детей...

Ни звука! И видишь ты
синий
Свод неба, да солнце,
да лес,
В серебряно-матовый иней
Наряженный, полный чудес,

Чу, песня! знакомые		Влекущий неведомой тайной,
	звуки!	Глубоко-бесстрастный...
Хорош голосок у певца...		Но вот
Последние признаки		Послышался шорох
	муки	случайный —
У Дарьи исчезли с лица,		Вершинами белка идёт.

Душой улетая за песней,
Она отдалась ей вполне...
Нет в мире той песни
 прекрасней,
Которую слышим во сне!..

Ком снегу она уронила
На Дарью, прыгнув
 по сосне,
А Дарья стояла и стыла
В своём заколдованном сне.

1. Чем привлекательны образы Дарьи и Прокла?
2. Покажите, как тяжело жилось крестьянам и после отмены крепостного права. Почему погиб Прокл?
3. Что страшит Дарью в её будущей жизни одинокой вдовы-работницы? Ответьте словами текста.
4. Как сказалось в стихотворении влияние фольклора: сказок, пословиц? С какой целью пользуется ими автор?

¹ *Rúga* — сарай для сушки снопов и молотьбы.

ПОГОВОРКИ О КРАСОТЕ И СИЛЕ ЧЕЛОВЕКА.

Посмотрит — рублём подарит.
Кровь с молоком.
Крепок, как дуб.

Примените эти народные поговорки к характеристикам Герасима, косаря и Дарьи.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА.

Ф. И. Тютчев.

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.
Гремят раскаты молодые...
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.
С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный —
Всё вторит весело громам.

1. Какой представляется первая весенняя гроза по этому стихотворению?

2. Как показана её кратковременность? Ответьте словами текста.

ВЕСНА.

Л. Н. Толстой.

Пришла весна, прекрасная, дружная, без ожидания и обманов весны, одна из тех редких вёсен, которым вместе радуются растения, животные и люди.

Весна долго не открывалась. Последние недели стояла ясная, морозная погода. Днём таяло на солнце, а ночью

Грачи прилетели. С картины А. К. Саврасова.

доходило до семи градусов; наст был такой, что на возах ездили без дороги. Потом вдруг понесло тёплым ветром, надвинулись тучи, и три дня и три ночи лил бурный и тёплый дождь. В четверг ветер затих, и надвинулся густой серый туман, как бы скрывая тайны совершавшихся в природе перемен. В тумане полились воды, затрещали и сдвинулись льдины, быстрее двинулись мутные, вспенившиеся потоки, с вечера разорвался туман, тучи разбежались барашками, прояснело — и открылась настоящая весна. На утро поднявшееся яркое солнце быстро съело тонкий ледок, подёрнувший воды, и весь тёплый воздух задрожал от наполнивших его испарений ожившей земли. Зазеленела старая и вылезавшая иглами молодая трава, надулись почки калины, смородины и липкой спиртовой берёзы, и на обсыпанной золотым цветом лозине загудела выставленная, облетававшаяся пчела. Залились невидимые жаворонки над бархатом зеленей и обледеневшим жнивьем, заплакали чибисы над налившимися бурою небравшеюся водой низами и болотами, и высоко пролетели с весенним гоготаньем журавли и гуси. Заревела на выгонах облезшая, только местами ещё не перелинявшая скотина, заиграли кривоногие ягнята вокруг теряющих вóлну¹ бляющих матерей, побежали быстроногие ребята по просыхающим с отпечатками босых ног тропинкам, затрещали на пруду весёлые голоса баб с холстами, и застучали по дворам топоры мужиков, налаживающих сохи и бороны. Пришла настоящая весна.

Что в жизни природы и людей говорит о приходе „настоящей весны“?

Поговорки о весне.

Зима лето пугает, да всё равно тает.

Пришёл внук по дедушку (весенний снег).

Весна — зажги снега, заиграй овражки.

¹ Вóлна — шерсть.

БОРОДИНО.

М. Ю. Лермонтов.

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, ещё какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!»

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,—
Не отдали б Москвы.

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»
И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы — тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдём ломить стеною,

Старый солдат.
С картины П. Е. Заболоцкого.

Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилёг вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,

Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рождён был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражён булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умрёмте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пёстрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений...
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась, как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Завтра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Когда б на то не божья воля,—
Не отдали б Москвы!

Редут — небольшое укрепление.

Картёчь — артиллерийский заряд из мелких пуль.

Лафёт — станок под артиллерийским орудием.

Бивак — стоянка войска.

Кивер — твёрдый высокий головной убор у некоторых воинских частей в царской армии.

Булат — сталь высокого качества, из которой делались сабли, мечи.

Уланы — лёгкая кавалерия.

Драгуны — кавалеристы, сражавшиеся в конном и пешем строю.

1. Какой вопрос волнует молодого солдата?
2. Какие свойства русского воина изображены в рассказе старого солдата? Отметьте проявление этих свойств перед боем, во время боя и после боя.
3. Каким чувством полон ответ старого солдата?

СТИХОТВОРЕНИЯ.

Вы читали и разбирали много произведений, написанных стихами: «Утро» Никитина, «Зимнее утро» Пушкина, басни Крылова, «Мороз — Красный нос» Некрасова, «Бородино» Лермонтова,— все эти произведения написаны стихами.

Чем отличаются стихи от рассказов?

Возьмём предложение из рассказа «Муму». Тургенев говорит о Герасиме: «Крепко не полюбилось ему сначала его новое житьё». Читая это предложение вслух, мы выделим в словах ударяемые слоги. Обозначив все слоги по порядку цифрами, неударяемые слоги маленькими цифрами, а ударяемые большими, получим следующее:

КРЕПко не полюБИлось еМУ снаЧАла

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

его НО во е жиТЬЁ

13 14 15 16 17 18 19

Ударений всего шесть. Поставлены они через неодинаковое количество неударных слогов. Это речь не мерная, прозаическая. Такой немерной речью обычно говорим мы все.

Иное дело стихи:

Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала.

Цифрами слоги в этих стихах надо обозначить так:

1 2 3 4 5 6 7 8 9

1 2 3 4 5 6 7 8 9

Ударения чередуются правильно, через один неударный слог. Это речь мерная, стихотворная.

Если вы обратитесь к другим строкам из стихотворения «Бородино», вы увидите, что не всякий ударный слог произносится с ударением. Например, в стихах:

Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...

обозначаем ударные и неударные слоги цифрами:

1 2 3 4 5 6 7 8 9

1 2 3 4 5 6 7 8 9

Во втором стихе четвёртый слог при чтении не выделяется, так как в слове *немногие* вы уже выделили ударный слог *мно*. А дальше в этом стихе ударения снова чередуются через один слог.

Кроме мерности, т. е. правильного чередования ударений, стихи имеют ещё отличительный признак — рифму в конце строк.

Рифма — созвучия в концах стихотворных строк стиха. Так, в первом примере из стихотворения «Бородино» рифмуются слова:

Звучал булат, картечь *визжала*,
Рука бойцов колоть *устала*.

Во втором примере:

Плохая им досталась *доля*:
Немногие вернулись с *поля*...

Рифмоваться могут не только соседние строки, как в данном случае, но и строки первая и третья, вторая и четвёртая, как это сделано у Некрасова в стихотворении «Мороз — Красный нос»:

Савраска увяз в половине *сугроба* —
Две пары промёрзлых *лаптей*
Да угол рогожей покрытого *гроба*
Торчат из убогих *дровней*.

Бывают и другие случаи рифмовки.

Рифма не обязательна для стихов. Например, стихотворение Кольцова «Косарь» не имеет рифм. Такие стихи называются *белыми*.

ИЗ ЖИЗНИ И. А. КРЫЛОВА.

ШКОЛА ЖИЗНИ.

Имя великого баснописца Ивана Андреевича Крылова широко известно на нашей родине. Среди русских писателей он занимает одно из первых мест.

Тяжёлое детство выпало на долю И. А. Крылова. Он очень рано начал трудовую жизнь.

И. А. Крылов родился в 1769 году в семье небогатого армейского офицера.

Крылову было шесть лет, когда отец его вышел в отставку, поселился в городе Твери (теперь город Калинин) и поступил там на службу чиновником в городское управление или, как говорили в то время, в городской магистрат.

Прошло три года. Отец умер, оставив семью без всяких средств к существованию. Единственное наследство, которое получил Крылов, был небольшой сундук с разными книгами.

Семья Крылова оказалась в очень бедственном положении. Нечего было и думать о том, чтобы поступить в школу. Девятилетний Крылов, выучившийся дома читать и писать, должен был поступить на службу в тот самый магистрат, где служил отец. Он был принят на самую незначительную должность писца-подканцеляриста.

Четыре года Крылов работал в Твери, а потом переехал в Петербург, где устроился на службу в казённой палате.

Таким образом, Крылову так и не удалось учиться в школе. Если впоследствии он стал широко образованным человеком, то этим он был обязан самому себе, своей жаждой знания, энергии и настойчивости.

Школой для Крылова была прежде всего его трудовая жизнь, в особенности детские годы, проведённые в Твери.

Крылов с 9 лет окунулся в самую гущу жизни. Он видел, как служащие магистрата раболепствовали перед богатыми и влиятельными помещиками, притесняли

бедняков, брали взятки, обкрадывали государство. На самом себе он видел, каково жить маленькому человеку, если он беден и если никто не встанет на его защиту.

Много дали Крылову в детские годы и его наблюдения над уличной жизнью. В свободные от занятий часы и осо-

Иван Андреевич Крылов
(1769—1844).

бенно в праздники Крылов много времени проводил с товарищами на улице или на берегу Волги. По словам одного из его современников, он посещал с особенным удовольствием народные сборища, торговые площади, качели и кулачные бои, где толкался между пёстрою толпою, прислушиваясь с жадностью к речам простолудинов. Нередко сидел он по целым часам на берегу Волги против портомоек и, когда возвращался к своим товарищам, передавал им забавные анекдоты и поговорки,

которые уловил из уст словоохотливых прачек, сходящихся на реку с разных концов города.

Все эти наблюдения умного и впечатлительного мальчика дали ему хорошее знание народной жизни и народного русского языка, что потом очень помогло ему в литературной деятельности.

Но Крылову мало было *наблюдать* жизнь окружающих людей. Ему хотелось *понять* эту жизнь, а для этого нужны были знания, наука, образование.

И вот Крылов с детских лет обращается к книге. Он читает всё, что попадает ему под руку, и постепенно расширяет круг своих знаний.

Его упорную тягу к знанию показывает следующий случай. Когда, переехав в Петербург, Крылов написал

первое своё произведение «Кофейница» и отнёс его в издательство, издатель предложил ему в уплату шестьдесят рублей. Крылов, хотя и нуждался в средствах, отказался от денег и предпочёл взять у издателя несколько интересных для него книг.

Крылов понимал, что для широкого образования надо знать не только свой, но и иностранные языки. Ещё маленьким мальчиком он обучается в Твери французскому языку, а потом берётся за самостоятельное изучение других языков. В зрелом возрасте, желая прочитать Гомера в подлиннике, он начинает изучать даже греческий язык. Сам Пушкин удивлялся этой необыкновенной способности Крылова к языкам: «Крылов знает,— писал Пушкин,— главные европейские языки, и, сверх того, он пятидесяти лет выучился древнегреческому».

Так этот замечательный человек самостоятельно пробивал себе дорогу к знанию, к науке.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

Крылов был разносторонне талантливым человеком. У него были способности и к языкам, и к математике. Он любил и понимал музыку и самоучкой выучился играть на скрипке. Он был неплохой актёр, удачно играл на сцене и мастерски читал собственные басни. «В этом необыкновенном человеке,— писал о нём один из его знакомых,— были заложены зародыши всех талантов, всех искусств. Природа сказала ему: выбирай любое!»

И Крылов выбрал из всех занятий литературу, а из всех видов литературных произведений — басню.

Впрочем, Крылов не сразу остановился на этом виде литературного творчества.

Он начал писать очень рано. Ему было всего 14 лет, когда он написал первое произведение, комическую оперу «Кофейница». После этого он создал целый ряд произведений для театра, а потом приступил к изданию журналов, в которых помещал статьи сатирического (обличительного) характера. В этих статьях он резко нападал на по-

мещиков за их невежество и грубое, жестокое отношение к народу.

Как только Крылов убедился, что у него есть талант и он может существовать на литературный заработок, он бросил службу и целиком отдался литературной деятельности.

Правдивые обличительные статьи Крылова имели большой успех у читателей, но очень не понравились «дворянской царице» Екатерине II. По её приказанию типография, в которой печатался журнал Крылова, была подвергнута тщательному обыску. Однако при обыске не было найдено ничего такого, за что можно было бы арестовать Крылова, поэтому он был оставлен на свободе.

Крылов уехал из Петербурга в провинцию, подальше от глаз царских чиновников. В течение 6—7 лет он скитается по разным городам и особенно долго живёт в имении князя Голицына в качестве домашнего учителя и секретаря.

В начале XIX века Крылов вновь возвращается в Петербург, получает работу в Петербургской публичной библиотеке в качестве заведующего отделением русской литературы. В этой должности он остаётся почти до самой смерти.

В это время Крылов берётся, наконец, за тот род поэзии, который прославил его имя: он пишет басни.

Талант его достигает расцвета. Все свои многолетние наблюдения над жизнью, всё своё мастерство в изображении человеческих характеров, всё своё знание народного языка Крылов вкладывает теперь в басни.

Крылов ведёт уединённую, замкнутую жизнь, но из своего уединения он по-прежнему зорко всматривается во всё окружающее. Он упорно работает над баснями, перерабатывает многие из них по нескольку раз, добиваясь ясности мысли и чёткости выражения.

Крылов написал до 200 басен. Все они показывают, что поэт высоко ценил значение народного труда и вместе с тем чутко прислушивался к жалобам крепостного крестьянства на бесчеловечное отношение к нему правящих классов. Помещики и царские чиновники в баснях

Крылова — злые волки, глупые слоны и хитрые лисицы, а народ — трудолюбивые пчёлы и забытые овцы («Слон на воеводстве», «Рыбы пляски», «Пчела и Муха», «Щука»). Помещики — это листья, гордящиеся своим наружным блеском, своей «красивостью», а крестьяне — тёмные корни, скрытые в земле, но дающие дереву жизненные соки («Листы и Корни»).

Крылов нападал на современных ему дворян за то, что они преклонялись перед всем иностранным и презрительно относились ко всему русскому, народному.

Загремела гроза Отечественной войны 1812 года, и Крылов откликнулся на неё несколькими баснями как патриот, преданный своему народу. В этих баснях Крылов стремился поддержать боевой дух русской армии и уверенность в победе над Наполеоном. Особенно заботился Крылов о том, чтобы защитить народного полководца Кутузова и оправдать его способ действий. В басне «Волк на псарне» Кутузов представлен в образе мудрого ловчего, который не поддаётся на хитрость волка (Наполеона) и добивается решительной и беспощадной расправы с врагом.

Эта басня пользовалась во время войны самой широкой известностью. Её патриотическое значение прекрасно понимал и сам Кутузов. Сослуживец Крылова по Публичной библиотеке И. П. Быстров рассказывает, что, сочинив басню, Крылов собственной рукой переписал её и отправил Кутузову. «Однажды, после сражений под Красным, объехав с трофеями всю армию, полководец наш сел на открытом воздухе, посреди приближённых к нему генералов и многих офицеров, вынул из кармана рукописную басню Крылова и прочёл её вслух. При словах: «Ты сер, а я, приятель, сед», произнесённых им с особою выразительностью, он снял фуражку и указал на свои седины. Все присутствовавшие восхищены были этим зрелищем, и радостные восклицания раздавались повсюду».

Кроме того, Крылов написал много басен, осмеивающих такие пороки, как лень, лесть, подхалимство, легкомыслие, лживость и т. п. («Ворона и Лисица», «Лжец», «Стрекоза и Муравей», «Две собаки»).

БЕССМЕРТНАЯ СЛАВА КРЫЛОВА.

И. А. Крылов умер в 1844 году. Вскоре после его смерти была объявлена всенародная подписка на открытие памятника великому баснописцу.

Памятник вскоре был воздвигнут в Летнем саду в Петербурге (Ленинграде). Площадка вокруг этого памятника «дедушки Крылова» стала одним из любимых мест гулянья детей.

Но в ещё большей степени неумирающим памятником Крылову оказались его басни.

Когда Крылова как-то спросили, почему он басни предпочитает другим родам поэзии, он ответил: «Этот род понятен каждому: его читают и слуги, и дети».

Действительно, миллионы наших детей знают наизусть басни Крылова. Они понятны и интересны и образованному человеку, и тому, кто только недавно овладел первоначальной грамотой.

Более 100 лет прошло с тех пор, как басни Крылова вышли в свет, а слава их всё растёт и крепнет. Басни эти переведены на 53 языка и известны далеко за пределами нашей родины. Что же касается советских читателей, то они считают Крылова своим народным поэтом и видят в нём, наряду с Ломоносовым, Пушкиным, Л. Толстым, М. Горьким и другими нашими лучшими писателями, «честь и гордость нашей родной литературы».

КОТ И ПОВАР.

И. А. Крылов.

Какой-то Повар, грамотей,
С поварни побежал своей
В кабак (он набожных был правил
И в этот день по куме тризну правил),
А дома стеречи съестное от мышей
Кота оставил.
Но что же, возвратясь, он видит? На полу
Объедки пирога; а Васька-Кот в углу,

Припав за укусным бочонком,
Мурлыча и ворча, трудится над курчонком.

«Ах, ты, обжора! ах, злодей!»

Тут Ваську Повар укоряет:

«Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?
(А Васька всё-таки курчонка убирает.)»

Как! быв честным Котом до этих пор,
Бывало, за пример тебя смиренства кажут,—

А ты... ахти, какой позор!

Теперь все соседи скажут:

«Кот-Васька плут! Кот-Васька вор!

И Ваську-де не только что в поварню,—

Пускать не надо и на двор,

Как волка жадного в овчарню:

Он порча, он чума, он язва здешних мест!»

(А Васька слушает да ест.)

Тут ритор мой, дав волю слов теченью,

Не находил конца нраву ченью.

Но что ж? Пока его он пел,
Кот-Васька всё жаркое съел.

А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить попустому,
Где нужно власть употребить.

Грамотей — тот, кто знает грамоту.

Набожных правил — религиозный.

Править трйзну — справлять поминки.

Овчарня — овечий хлев или загон.

Ритор — оратор.

За пример смиренства кажут — ставят всем в пример как смиренного, скромного.

1. Что в поведении повара оправдывает название его «ритором»?

2. Каких людей осуждает басня? Чем они вредны?

Басня «Кот и Повар» ярко отражает патриотические настроения русского общества в первый период Отечественной войны 1812 года (до назначения Кутузова главнокомандующим).

Многие русские патриоты того времени видели в басне Крылова «Кот и Повар» призыв к решительной и беспощадной борьбе с Наполеоном.

ВОЛК НА ПСАРНЕ.

И. А. Крылов.

Волк, ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.

Поднялся вдруг весь псарный двор.
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;
Псаря кричат: «Ахти, ребята, вор!»

И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.

Бегут: иной с дубьём,
Иной с ружьём,

— «Огня!» кричат: «огня!» — Пришли с огнём.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом,
Зубами щёлкая и ошетиная шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
Но, видя то, что тут не перед стадом,

И что приходит, наконец,
Ему расчесться за овец,—
Пустился мой хитрец
В переговоры
И начал так: «Друзья! к чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришёл мириться к вам, совсем не ради ссоры:
Забудем прошлое, уставим общий лад!
А я не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...» — «Послушай-ка, сосед,—

Тут ловчий перервал в ответ: —
Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой». —
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

Лѡвчий — главный псарь, управляющий всей псовой охотой.

Нату́ра — природа.

Го́нчие — порода охотничьих собак, приученных гнать зверя.

1. О чём просит и что предлагает волк ловчему?
2. Почему ловчий не верит ему?
3. Кого разумел Крылов под ловчим, под волком?
4. Как эта басня учит поступать с врагами?

Басня «Волк на псарне», подобно басне «Кот и Повар», — историческая басня. Она написана Крыловым по поводу событий Отечественной войны 1812 года. После Бородинского боя армия Наполеона была обескровлена и истощена русской армией и, кроме того, страдала от недостатка продовольствия.

Наполеон после взятия Москвы предлагал русским мир, но Кутузов отверг это предложение. Подобно ловчему в крыловской басне, он считал, что надо «с волками иначе не делать мировой, как снявши шкуру с них долой».

ЩУКА И КОТ.

И. А. Крылов.

Беда, коль пироги начнёт печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник:
И дело не пойдёт на лад,
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое братья любит,
Тот завсегда других упрямей и вздорней:
Он лучше дело всё погубит
И рад скорей

Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета.

Зубастой Щуке в мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль её лукавый мучил,
Иль, может быть, ей рыбный стол наскучил?
Но только вздумала Кота она просить,
Чтоб взял её с собой он на охоту,
Мышей в амбаре половить.
— «Да, полно, знаешь ли ты эту, свет, работу?»
Стал Щуке Васька говорить:
«Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Недаром говорится,
Что дело мастера боится».
— «И, полно, куманёк! Вот невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей».
— «Так в добрый час, пойдём!» Пошли, засели.
Натешился, наелся Кот,
И кумушку провести он идёт;
А Щука, чуть жива, лежит, разинув рот,—
И крысы хвост у ней отъели.
Тут видя, что куме совсем не в силу труд,
Кум замертво стащил её обратно в пруд.
И дельно! Это, Щука,
Тебе наука:
Вперёд умнее быть
И за мышами не ходить.

1. Найдите в басне выражения, которые передают основной смысл басни.

2. Составьте свой рассказ на пословицу: «Недаром говорится, что дело мастера боится».

3. Подберите к следующим словам другие слова, близкие им по смыслу: *тачать, приняться, провести, наскучил, натешился, стащил, разинул*. Какой оттенок придаёт словам *натешился, наскучил* приставка *на*?

БАСНЯ.

Басней называется аллегорическое (иносказательное) произведение сатирического и нравоучительного содержания, небольшое по размеру и написанное чаще всего стихами.

Басня, как видно из этого определения, отличается четырьмя основными признаками:

1. Действующие лица в басне — животные, люди, иногда предметы, но всех этих действующих лиц надо понимать аллегорически, иносказательно.

Так, под Волком в басне Крылова «Волк и Ягнёнок» надо подразумевать помещика или царского чиновника, а под Ягнёнком — крепостных крестьян и других незащищённых людей дореволюционной России. В другой басне Крылова «Пруд и Река» следует под Прудом понимать ленивого человека, а под Рекой — человека деятельного.

2. Басня имеет сатирический и нравоучительный смысл. Басни Крылова осуждают жестокость, невежество помещиков-крепостников и царских чиновников, а вместе с тем защищают угнётённых, незащищённых. Басня смеётся над пороками людей, учит бороться со злом, отстаивать добро. Крылов часто начинает или заканчивает басню поучением (моралью). Этим он помогает читателю понять общий смысл басни. «А я бы повару иному велел на стенке зарубить, чтоб там речей не тратить попустому, где нужно власть употребить», — таким поучением кончается басня Крылова «Кот и Повар».

3. Басня — глубокое по содержанию, но небольшое по размеру произведение. В баснях Крылова обычно от 30 до 50 строк.

4. Басни Крылова, так же как и других наших русских баснописцев, дореволюционных и советских (Демьяна Бедного, Михалкова), написаны стихами. Стихотворный размер — не обязательный признак басни. Древнегреческие басни Эзопа были написаны не стихами, а прозой.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ ИЗ БАСЕН КРЫЛОВА.

Ай, Моська, знать, она сильна, что лает на слона.

Слона-то я и не приметил.

А вы, друзья, как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь.

Хоть видит око, да зуб неймёт.

Недаром говорится, что дело мастера боится.

А воз и ныне там.

Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться.

Беда, коль пироги начнёт печи сапожник, а сапоги тачать пирожник.

А ларчик просто открывался.

За что же, не боясь греха, кукушка хвалит петуха? — За то, что хвалит он кукушку.

А в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Кто про свои дела кричит всем без умолку, в том, верно, мало толку.

А Васька слушает да ест.

Ты всё пела? Это дело! Так поди же, попляши.

У сильного всегда бессильный виноват.

Там речей не тратить попустому, где нужно власть употребить.

Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдёт.

Припомните, из каких басен взяты эти пословицы.

Составьте свой рассказ на какую-нибудь из этих пословиц.

ПЕТЯ РОСТОВ.

(По роману Л. Н. Толстого «Война и мир».)

I.

Из гостиной выбежал Петя.

Петя был теперь красивый, румяный пятнадцатилетний мальчик с толстыми красными губами, похожий на Наташу¹. Он готовился в университет, но в последнее время, с товарищем своим Оболенским, тайно решил, что пойдёт в гусары.

Петя выскочил к своему тёзке², чтобы переговорить о деле. Он просил его узнать, примут ли его в гусары.

Пьер шёл по гостиной, не слушая Петю.

Петя дёрнул его за руку, чтобы обратить на себя его внимание.

— Ну что моё дело, Пётр Кирилыч, ради бога! Одна надежда на вас,— говорил Петя.

— Ах да, твоё дело. В гусары-то? Скажу, скажу. Нынче скажу всё.

— Ну что, милый, ну что, достали манифест?³ — спросил старый граф.

— Достал,— отвечал Пьер.

— Ну, а из армии что?

— Наши опять отступили. Под Смоленском уже, говорят,— отвечал Пьер.

— Боже мой, боже мой! — сказал граф. — Где же манифест?

— Воззвание! Ах, да!

Пьер стал в карманах искать бумаг и не мог найти их. Продолжая охлопывать карманы, он поцеловал руку у вошедшей графини и беспокойно оглядывался.

— Право не знаю, куда я его дел,— сказал он.

— Ну, уж вечно растеряет всё,— сказала графиня.

¹ *Наташа* — сестра Пети Ростова.

² *Тёзка Пети* — граф Пётр Кириллович Безухов (Пьер Безухов), близкий друг семьи Ростовых; *тёзка* — человек, носящий с кем-нибудь одинаковое имя.

³ *Манифест* — здесь: объявление правительства.

Наташа вошла и села, молча глядя на Пьера.

Соня¹, пошедшая в переднюю искать бумаги, нашла их в шляпе Пьера, куда он их старательно заложил за подкладку. Пьер было хотел читать.

— Нет, после обеда,— сказал старый граф, видимо, в этом чтении предвидевший большое удовольствие...

После обеда граф уселся спокойно в кресло и с серьёзным лицом попросил Соню, славившуюся мастерством чтения, читать.

«Первопрестольной столице нашей Москве.

Неприятель вошёл с великими силами в пределы России. Он идёт разорять любимое наше отечество»,— старательно читала Соня своим тоненьким голоском. Граф, закрыв глаза, слушал, порывисто вздыхая в некоторых местах.

Наташа сидела вытянувшись, испытующе и прямо глядя то на отца, то на Пьера...

Прочтя об опасностях, угрожающих России, о надеждах, возлагаемых государем на Москву... Соня с дрожанием голоса, происходившим преимущественно от внимания, с которым её слушали, прочла последние слова: «Да обратится погибель, в которую он мнит низринуть нас, на главу его, и освобождённая от рабства Европа да возвеличит имя России!»

— Вот это так! — вскрикнул граф, открывая мокрые глаза и несколько раз прерываясь от сопенья, как будто к носу его подносили склянку с крепкой, уксусной солью, он проговорил: — мы всем пожертвуем и ничего не пожалеем...

Наташа вскочила с своего места и подбежала к отцу.

— Что за прелесть этот папа! — проговорила она, целуя его...

В это время Петя, на которого никто не обращал внимания, подошёл к отцу и, весь красный, ломающимся, то грубым, то тонким голосом, сказал:

— Ну, теперь, папенька, я решительно скажу — и маменька тоже, как хотите, — я решительно скажу, что вы

¹ Соня — воспитанница Ростовых.

пустите меня в военную службу, потому что я не могу... вот и всё.

Графиня с ужасом подняла глаза к небу, всплеснула руками и сердито обратилась к мужу:

— Вот и договорился! — сказала она.

Но граф в ту же минуту оправился от волнения.

— Ну, ну, — сказал он. — Вот воин ещё! Глупости-то оставь: учиться надо.

— Это не глупости, папенька. Оболенский Федя молже меня и тоже идёт, а главное, всё равно, я ничему не могу учиться теперь, когда... — Петя остановился, покраснел до поту и проговорил-таки: — когда отечество в опасности.

— Полно, полно, глупости...

— Да ведь вы сами сказали, что всем пожертвуем.

— Петя! Я тебе говорю, замолчи, — крикнул граф, оглядываясь на жену, которая, побледнев, смотрела остановившимися глазами на меньшого сына.

— А я вам говорю. Вот и Пётр Кириллович скажет...

— Я тебе говорю — вздор, ещё молоко не обсохло, а в военную службу хочет! Ну, ну, я тебе говорю, — и граф, взяв с собой бумаги, вероятно, чтобы ещё раз прочесть в кабинете перед отдыхом, пошёл из комнаты...

Петя после полученного им решительного отказа ушёл в свою комнату и там, запершись от всех, горько плакал. Все сделали, как будто ничего не заметили, когда он к чаю пришёл молчаливым и мрачным с заплаканными глазами...

На другой день Петя пошёл к своему товарищу Оболенскому, которому было пятнадцать лет и который тоже поступал в полк. Вернувшись домой, он решительно и твёрдо объявил, что ежели его не пустят, то он убежит. И на другой день, хотя и не совсем ещё сдавшись, но граф Илья Андреич поехал узнавать, как бы пристроить Петю куда-нибудь побезопаснее.

1. Почему молодой Ростов так страстно желал попасть «в военную службу»?

2. Что нравится вам в Пете Ростове?

II.

Так называемая партизанская война началась со вступления неприятеля в Смоленск.

24-го августа был учреждён первый партизанский отряд Давыдова, и, вслед за его отрядом, стали учреждаться другие. Чем дальше подвигалась кампания, тем больше увеличивалось число этих отрядов.

Партизаны уничтожали великую армию по частям.

Последние числа октября было время самого разгара партизанской войны.

22-го октября Денисов находился с своей партией в самом разгаре партизанской страсти. С утра он с своею партией был на ходу. Он целый день по лесам, примыкавшим к большой дороге, следил за большим французским транспортом кавалерийских вещей и русских пленных, отделившимся от других войск и под сильным прикрытием, как это было известно от лазутчиков и пленных, направлявшимся к Смоленску. Про этот транспорт было известно не только Денисову и Долохову (тоже партизану с небольшой партией), ходившему близко от Денисова, но и начальникам больших отрядов с штабами: все знали про этот транспорт и, как говорил Денисов, точили на него зубы. Двое из этих больших отрядных начальников — один поляк, другой немец — почти в одно и то же время прислали Денисову приглашение присоединиться, каждый к своему отряду, с тем, чтобы напасть на транспорт.

— Нет, бг'ат, я сам с усам,— сказал Денисов, прочтя эти бумаги, и написал немцу, что, несмотря на душевное желание, которое он имел служить под начальством столь доблестного и знаменитого генерала, он должен лишить себя этого счастья, потому что уже поступил под начальство генерала поляка. Генералу же поляку он написал то же самое, уведомляя его, что он уже поступил под начальство немца.

Распорядившись таким образом, Денисов намеревался, без донесения о том высшим начальникам, вместе с Долоховым атаковать и взять этот транспорт своими

небольшими силами... Долохов должен был к вечеру приехать на совещание к караулке, в лесу...

Был осенний, тёплый, дождливый день. Небо и горизонт были одного и того же цвета мутной воды. То падал как будто туман, то вдруг припускал косой, крупный дождь.

На породистой, худой с подтянутыми боками лошади, в бурке и папахе, с которых струилась вода, ехал Денисов... Исхудавшее и обросшее густою, короткою, чёрной бороною лицо его казалось сердито.

Рядом с Денисовым, также в бурке и папахе, на сытом, крупном донце ехал казачий эсаул — сотрудник Денисова...

Немного впереди их шёл насквозь промокший мужичок проводник, в сером кафтане и белом колпаке.

Немного сзади, на худой, тонкой, киргизской лошадке с огромным хвостом и гривой и с продранными в кровь губами, ехал молодой офицер в синей французской шинели.

Рядом с ним ехал гусар, везя за собой на крупе лошади мальчика в французском оборванном мундире и в синем колпаке. Это был взятый утром французский барабанщик.

Сзади по три, по четыре, по узкой раскиснувшей и изъезженной лесной дороге тянулись гусары, потом казаки, кто в бурке, кто во французской шинели, кто в попоне, накинutoй на голову.

Лошадь Денисова, обходя лужу, которая была на дороге, потянулась в сторону и толкнула его коленкой о дерево.

— Э, чёг'т! — злобно вскрикнул Денисов и, оскалив зубы, плетью раза три ударил лошадь, забрызгав себя и товарищей грязью. Денисов был не в духе: и от дождя, и от голода (с утра никто ничего не ел), и главное от того, что от Долохова до сих пор не было известий и посланный взять языка не возвращался.

Выехав на просеку, по которой видно было далеко направо, Денисов остановился.

— Едет кто-то, — сказал он.

Эсаул посмотрел по направлению, указываемому Денисовым.

— Едут двое,— офицер и казак.

Ехавшие, спустившись под гору, скрылись из вида и через несколько минут опять показались. Впереди усталым галопом, погоняя нагайкой, ехал офицер — растрёпанный, насквозь промокший и с взбившимися выше колен панталонами. За ним, стоя на стременах, рысил казак. Офицер этот, очень молоденький мальчик, с широким, румяным лицом и быстрыми, весёлыми глазами подскакал к Денисову и подал ему промокший конверт.

— От генерала,— сказал офицер: — извините, что не совсем сухо...

Денисов, нахмурившись, взял конверт и стал распечатывать.

— Вот говорили все, что опасно, опасно,— сказал офицер, обращаясь к эсаулу, в то время как Денисов читал поданный ему конверт.— Впрочем, мы с Комаровым,— он указал на казака,— приготовились. У нас по два писто... А это что ж? — спросил он, увидав французского барабанщика,— пленный? Вы уже в сраженьи были? Можно с ним поговорить?

— Г'остов! Петя,— крикнул в это время Денисов, пробежав поданный ему конверт.— Да как же ты не сказал, кто ты? — и Денисов с улыбкой, обернувшись, протянул руку офицеру.

Офицер этот был Петя Ростов.

Во всю дорогу Петя приготавливался к тому, как он, как следует большому и офицеру, не намекая на прежнее знакомство, будет держать себя с Денисовым. Но как только Денисов улыбнулся ему, Петя тотчас же просиял, покраснел от радости и, забыв приготовленную официальность, начал рассказывать о том, как он проехал мимо французов и как он рад, что ему дано такое поручение и что он был уже в сражении под Вязьмой и что там отличился один гусар.

— Ну, я г'ад тебя видеть,— перебил его Денисов, и лицо его приняло опять озабоченное выражение.

— Михаил Феоклитыч,— обратился он к эсаулу.— Ведь это опять от немца. Он пг'и нём состоит.— И Денисов рассказал эсаулу, что содержание бумаги, привезённой сейчас, состояло в повторённом требовании от генерала немца присоединиться для нападения на транспорт.— Ежели мы его завтг'а не возьмём, он у нас из-под носа выг'вет,— заключил он.

В то время как Денисов говорил с эсаулом, Петя, сконфуженный холодным тоном Денисова и предполагая, что причиной этого тона было положение его панталон, под шинелью поправлял так, чтобы никто этого не заметил, взбившиеся панталоны, стараясь иметь вид как можно воинственнее.

— Будет какое приказание от вашего высокоблагородия? — сказал он Денисову, приставляя руку к козырьку и опять возвращаясь к игре в адъютанта и генерала, к которой он приготовился,— или должен я оставаться при вашем высокоблагородии?

— Пг'иказания?...— задумчиво сказал Денисов.— Да ты можешь ли остаться до завтг'ашнего дня?

— Ах, пожалуйста... Можно мне при вас остаться? — вскрикнул Петя.

— Да как тебе именно велено от генег'ала — сейчас вег'нуться? — спросил Денисов. Петя покраснел.

— Да он ничего не велел. Я думаю можно? — сказал он вопросительно.

— Ну ладно,— сказал Денисов.— И обратившись к своим подчинённым, он сделал распоряжение о том, чтобы партия шла к назначенному у караулки в лесу месту отдыха и чтобы офицер на киргизской лошади (офицер этот исполнял должность адъютанта) ехал отыскивать Долохова, узнать, где он и придёт ли он вечером. Сам же Денисов с эсаулом и Петей намеревался подъехать к опушке леса, выходящей к Шамшеву, с тем чтобы взглянуть на то место расположения французов, на которое должно быть направлено завтрашнее нападение.

— Ну, бог'ода,— обратился он к мужику проводнику,— веди к Шамшеву.

Денисов, Петя и эсаул, сопровождаемые несколькими казаками и гусаром, который вёз пленного, поехали влево, через овраг к опушке леса.

Дождик прошёл, только падал туман и капли воды с веток деревьев. Денисов, эсаул и Петя молча ехали за мужиком в колпаке, который вёл их к опушке.

Выйдя на изволок, мужик приостановился, огляделся и направился к редевшей стене деревьев. У большого дуба, ещё не скинувшего листа, он остановился и таинственно поманил к себе рукою.

Денисов и Петя подъехали к нему. С того места, на котором остановился мужик, были видны французы. Денисов обратился к эсаулу, сообщая ему свои наблюдения.

Петя, быстрыми движениями поворачивая голову, оглядывался то на барабанщика, то на Денисова, то на эсаула, то на французов в деревне и на дороге, стараясь не пропустить чего-нибудь важного.

— Пг'идёт, не пг'идёт Долохов, надо бг'ать!.. А? — сказал Денисов, весело блеснув глазами.

— Место удобное, — сказал эсаул.

Поговорив ещё несколько времени с эсаулом о завтрашнем нападении, которое теперь, глядя на близость французов, Денисов, казалось, окончательно решил, он повернул лошадь и поехал назад.

— Ну, бг'ат, тепег'ь поедем обсушимся, — сказал он Пете.

Посланный офицер встретил Денисова на дороге с известием, что Долохов сам сейчас приедет и что с его стороны всё благополучно.

Денисов вдруг повеселел и подозвал к себе Петю.

— Ну, г'асскажи ты мне пг'о себя, — сказал он.

III.

Петя при выезде из Москвы, оставив своих родных, присоединился к своему полку и скоро после этого был взят ординарцем к генералу, командовавшему большим отрядом. Со времени своего производства в офицеры и в

особенности с поступления в действующую армию, где он участвовал в Вяземском сражении, Петя находился в постоянно счастливо-возбуждённом состоянии радости на то, что он большой, и в постоянно восторженной поспешности не пропустить какого-нибудь случая настоящего геройства. Он был очень счастлив тем, что он видел и испытал в армии, но вместе с тем ему всё казалось, что там, где его нет, там-то теперь и совершается самое настоящее, геройское. И он торопился поспеть туда, где его теперь не было.

Когда 21-го октября его генерал выразил желание послать кого-нибудь в отряд Денисова, Петя так жалостно просил, чтобы послать его, что генерал не мог отказать. Но отправляя его, генерал, поминая безумный поступок Пети в Вяземском сражении, где Петя, вместо того чтоб ехать дорогой туда, куда он был послан, поскакал в цепь под огонь французов и выстрелил там два раза из своего пистолета, отправляя его, генерал именно запретил Пете участвовать в каких бы то ни было действиях Денисова. От этого-то Петя покраснел и смешался, когда Денисов спросил, можно ли ему остаться. До выезда на опушку леса Петя считал, что ему надобно, строго исполняя свой долг, сейчас же вернуться. Но когда он увидал французов, узнал, что в ночь непременно атакуют, он с быстротою переходов молодых людей от одного взгляда к другому решил сам с собою, что генерал его, которого он до сих пор очень уважал,— дрянь, немец, что Денисов герой и эсаул герой и что ему было бы стыдно уехать от них в трудную минуту.

Уже смеркалось, когда Денисов с Петей и эсаулом подъехали к караулке. В полутьме виднелись лошади в сёдлах, казаки, гусары, прилаживавшие шалашики на поляне и (чтобы не видели дыма французы) разводившие красневший огонь в лесном овраге. В сенях маленькой избышки казак, засучив рукава, рубил баранину. В самой избе были три офицера из партии Денисова, устраивавшие стол из двери. Петя снял и отдал сушить своё мокрое платье и тотчас же принялся содействовать офицерам в устройстве обеденного стола.

Через десять минут был готов стол, покрытый салфеткой. На столе была водка, белый хлеб и жареная баранина с солью.

Сидя вместе с офицерами за столом и разрывая руками, по которым текло сало, жирную, душистую баранину, Петя находился в восторженном детском состоянии нежной любви ко всем людям и вследствие того уверенности в такой же любви к себе других людей.

— Так что же вы думаете, Василий Фёдорович,— обратился он к Денисову,— ничего, что я с вами останусь на денёк? — И не дожидаясь ответа, он сам отвечал себе: — Ведь мне велено узнать, ну вот я и узнаю... Только вы меня пустите в самую... в главную... Мне не нужно наград... А мне хочется... — Петя стиснул зубы и оглянулся, подёргивая кверху поднятой головою и размахивая рукой.

— В самую главную... — повторил Денисов, улыбаясь.

— Только уж, пожалуйста, мне дайте команду совсем, чтоб я командовал,— продолжал Петя,— ну что вам стоит? Ах, вам ножик? — обратился он к офицеру, хотевшему отрезать баранины. И он подал свой складной ножик.

Офицер похвалил ножик.

— Возьмите, пожалуйста, себе. У меня много таких... — покраснев, сказал Петя. — Батюшки! Я и забыл совсем,— вдруг вскрикнул он. — У меня изюм чудесный, знаете, такой без косточек. У нас маркитант новый и такие прекрасные вещи. Я купил десять фунтов. Я привык что-нибудь сладкое. Хотите?.. — И Петя побежал в сени к своему казаку и принёс торбы, в которых было фунтов пять изюму. — Кушайте, господа, кушайте.

— А то не нужно ли вам кофейник? — обратился он к эсаулу. — Я у нашего маркитанта купил чудесный! У него прекрасные вещи. И он честный очень. Это главное. Я вам пришлю непременно. А может быть ещё, у вас вышли, обились кремни,— ведь это бывает. Я взял с собою, у меня вот тут... — он показал на торбы,— сто кремней. Я очень дёшево купил. Возьмите, пожалуйста,

сколько нужно, а то и всё...— И вдруг испугавшись, не заврался ли он, Петя остановился и покраснел.

Он стал вспоминать, не сделал ли он ещё каких-нибудь глупостей. И, перебирая воспоминания нынешнего дня, он остановился на воспоминании о французе барабанщике. «Нам-то отлично, а ему какво? Куда его дели? Покормили ли его? Не обидели ли?» — подумал он. Но заметив, что он заврался о кремнях, он теперь боялся.

«Спросить бы можно? — подумал он, — да скажут: сам мальчик и мальчика пожалел. Я им покажу завтра, какой я мальчик! Стыдно будет, если я спрошу? — думал Петя. — Ну, да всё равно!» — и тотчас же, покраснев и испуганно глядя на офицеров, не будет ли в их лицах насмешки, он сказал:

— А можно позвать этого мальчика, что взяли в плен? дать ему чего-нибудь поесть... может...

— Да, жалкий мальчишка, — сказал Денисов, видимо не найдя ничего стыдного в этом напоминании. — Позвать его сюда. Винцент Босс его зовут. Позвать его.

— Я позову, — сказал Петя.

— Позови, позови. Жалкий мальчишка, — повторил Денисов.

Петя стоял у двери, когда Денисов сказал это. Петя пролез между офицерами и близко подошёл к Денисову.

— Позвольте вас поцеловать, голубчик, — сказал он. — Ах, как отлично! как хорошо! — И, поцеловав Денисова, он побежал на двор.

— Босс! Винцент! — прокричал Петя, остановясь у двери.

— Вам кого, сударь, надо? — сказал голос из темноты. Петя отвечал, что того мальчика француза, которого взяли нынче.

— А! Весеннего? — сказал казак.

Имя его Винцент уже переделали казаки — в Весеннего, а мужики и солдаты в Висеню. В обеих переделках это напоминание о весне сходилась с представлением о молоденьком мальчике.

— Он там у костра грелся. Эй, Висеня! Висеня! Весенний! — слышались в темноте передающиеся голоса

и смех.— А мальчонок шустрый,— сказал гусар, стоявший подле Пети.— Мы его покормили давеча. Страсть голодный был!

В темноте слышались шаги и, шлёпая босыми ногами по грязи, барабанщик подошёл к двери.

Пете многое хотелось сказать барабанщику, но он не смел. Он, переминаясь, стоял подле него в сенях. Потом в темноте взял его за руку и пожал её.— Входите, входите,— повторял он только нежным шёпотом.

«Ах, что бы мне ему сделать!» — проговорил сам с собою Петя и, отворив дверь, пропустил мимо себя мальчика.

Когда барабанщик вошёл в избушку, Петя сел подалее от него, считая для себя унижительным обращать на него внимание. Он только ощупывал в кармане деньги и был в сомнении, не стыдно ли будет дать их барабанщику.

Внимание Пети было отвлечено приездом Долохова. Петя в армии слышал много рассказов про необычайную храбрость и жестокость Долохова с французами, и потому с тех пор, как Долохов вошёл в избу, Петя, не спуская глаз, смотрел на него и всё больше подбадривался, подёргивая поднятою головой с тем, чтобы не быть недостойным даже и такого общества, как Долохов.

Наружность Долохова странно поразила Петю своею простотой.

Он снял в углу мокрую бурку и, подойдя к Денисову, не здороваясь ни с кем, тотчас же стал расспрашивать о деле. Денисов рассказывал ему про замыслы, которые имели на их транспорт большие отряды, и про присылку Пети, и про то, как он отвечал обоим генералам. Потом Денисов рассказал про всё, что он знал о положении французского отряда.

— Это так, но надо знать, какие и сколько войск,— сказал Долохов: — надо будет съездить. Не зная верно, сколько их, пускаться в дело нельзя. Я люблю аккуратно дело делать. Вот, не хочет ли кто из господ съездить со мной в их лагерь. У меня и мундир с собою.

— Я, я... поеду с вами! — вскрикнул Петя.

— Совсем тебе не нужно ездить,— сказал Денисов, обращаясь к Долохову,— а уж его я ни за что не пущу.

— Вот прекрасно! — вскрикнул Петя,— отчего же мне не ехать?..

— Да оттого, что незачем.

— Ну уж вы меня извините, потому что... потому что... я поеду, вот и всё. Вы возьмёте меня? — обратился он к Долохову.

— Отчего же? — рассеянно отвечал Долохов, вглядываясь в лицо французского барабанщика.

— Давно у тебя молодчик этот? — спросил он у Денисова.

— Нынче взяли, да ничего не знает. Я оставил его пг'и себе.

— Однако надо дело делать. Послать моего казака с вьюком! У меня два французских мундира. Что ж, едем со мной? — спросил он у Пети.

— Я? да, да, непременно,— покраснев почти до слёз, вскрикнул Петя, взглядывая на Денисова.

На все убеждения Денисова не ездить Петя отвечал, что он тоже привык всё делать аккуратно и что он об опасности себе никогда не думает.

— Потому что — согласитесь сами — если не знать верно, сколько там, от этого зависит жизнь, может быть сотен, а тут мы одни. И потом мне очень этого хочется и непременно, непременно поеду, вы уж меня не удержите,— говорил он,— только хуже будет...

IV.

Одевшись в французские шинели и кивера, Петя с Долоховым поехали на ту просеку, с которой Денисов смотрел на лагерь, и, выехав из леса в совершенной темноте, спустились в лощину. Съехав вниз, Долохов велел сопровождавшим его казакам дожидаться тут и поехал крупной рысью по дороге к мосту. Петя, замирая от волнения, ехал с ним рядом.

— Если попадёмся, я живым не отдамся, у меня пистолет,— прошептал Петя.

— Не говори по-русски,— быстрым шёпотом проговорил Долохов, и в ту же минуту в темноте послышался оклик «кто идёт?» и звон ружья.

Кровь бросилась в лицо Пети, и он схватился за пистолет.

— Уланы 6-го полка ¹,— проговорил Долохов, не укорачивая и не прибавляя хода лошади.

Чёрная фигура часового стояла на мосту.

— Пароль?

Долохов придержал лошадь и поехал шагом.

— Скажите, здесь ли полковник Жерар? — сказал он.

— Пароль,— не отвечая, сказал часовой, загораживая дорогу.

— Когда офицер объезжает цепь, часовые не спрашивают пароль,— крикнул Долохов, вдруг вспыхнув, наезжая лошадью на часового.— Я спрашиваю, тут ли полковник?

И, не дожидаясь ответа от посторонившегося часового, Долохов шагом поехал в гору.

Заметив чёрную тень человека, переходящего через дорогу, Долохов остановил этого человека и спросил, где командир и офицеры? Человек этот, с мешком на плече, солдат, остановился, близко подошёл к лошади Долохова, дотрагиваясь до неё рукою, и просто и дружелюбно рассказал, что командир и офицеры были выше на горе, с правой стороны, на дворе фермы (так он называл господскую усадьбу).

Проехав по дороге, с обеих сторон которой звучал от костров французский говор, Долохов повернул во двор господского дома. Проехав в ворота, он слез с лошади и подошёл к большому, пылавшему костру, вокруг которого, громко разговаривая, сидело несколько человек.

— Здравствуйте, господа! — громко, отчётливо выговорил Долохов.

Офицеры зашевелились в тени костра. Долохов рассказал, что он с товарищем догонял свой полк, и спросил,

¹ В лагере французов Долохов говорил по-французски. Здесь речь Долохова дана в переводе на русский язык.

обращаясь ко всем вообще, не знали ли офицеры чего-нибудь о 6-м полку. Никто ничего не знал; и Пете показалось, что офицеры враждебно и подозрительно стали осматривать его и Долохова. Несколько секунд все молчали.

Долохов отдал лошадей солдату и на корточках присел у костра рядом с офицером с длинной шеей. Офицер этот, не спуская глаз, смотрел на Долохова и переспросил его ещё раз, какого он был полка? Долохов не отвечал, как будто не слышал вопроса, спрашивал офицеров о том, в какой степени дорога впереди их безопасна от казаков.

— Эти разбойники везде,— отвечал офицер из-за костра.

Долохов сказал, что казаки страшны только для таких отсталых, как он с товарищем, но что на большие отряды казаки, вероятно, не смеют нападать, прибавил он вопросительно. Никто ничего не ответил.

«Ну теперь он уедет»,— всякую минуту думал Петя, стоя перед костром и слушая его разговор.

Но Долохов начал опять прекратившийся разговор и прямо стал расспрашивать, сколько у них людей в батальоне, сколько батальонов, сколько пленных. Пете показалось, французы сейчас узнают обман, и он невольно отступил на шаг от костра. Никто не ответил на слова и смех Долохова, и французский офицер, которого не видно было (он лежал, укутавшись шинелью), приподнялся и прошептал что-то товарищу. Долохов встал и крикнул солдата с лошадьми.

«Покадут или нет лошадей?» — подумал Петя, невольно приближаясь к Долохову.

Лошадей подали.

— Прощайте, господа,— сказал Долохов.

Петя хотел сказать «добрый вечер» и не мог договорить слова. Офицеры что-то шёпотом говорили между собою. Долохов долго садился на лошадь, которая не стояла; потом шагом поехал из ворот. Петя ехал подле него, желая и не смея оглянуться, чтобы увидеть, бегут или не бегут за ними французы.

Выехав на дорогу, Долохов поехал не назад, в поле,

а вдоль по деревне. В одном месте он остановился, прислушиваясь.

— Слышишь? — сказал он. Петя узнал звуки русских голосов, увидал у костров тёмные фигуры русских пленных. Спустившись вниз к мосту, Петя с Долоховым проехали часового, который, ни слова не сказав, мрачно ходил по мосту, и выехали в лошину, где дожидались казаки.

— Ну, теперь прощай. Скажи Денисову, что на заре, по первому выстрелу, — сказал Долохов и хотел ехать, но Петя схватился за него рукою.

— Нет! — вскрикнул он, — вы такой герой. Ах, как хорошо! как отлично! Как я вас люблю.

— Хорошо, хорошо, — сказал Долохов, но Петя не отпускал его, и в темноте Долохов рассмотрел, что Петя нагибался к нему. Он хотел поцеловаться. Долохов поцеловал его, засмеялся и, повернув лошадь, скрылся в темноте.

V.

Вернувшись к караулке, Петя застал Денисова в сенах. Денисов в волнении, беспокойстве и досаде на себя, что отпустил Петю, ожидал его.

— Слава богу! — крикнул он. — Ну, слава богу! — повторял он, слушая восторженный рассказ Пети. — И чёг'т тебя возьми, из-за тебя не спал! — проговорил Денисов. — Ну, слава богу, тепег'ь ложись спать, ещё вздг'емнём до утг'а.

— Да... Нет, — сказал Петя, — мне ещё не хочется спать. Да и я себя знаю, ежели засну, так уже кончено. И потом я привык не спать перед сражением.

Петя посидел несколько времени в избе, радостно вспоминая подробности своей поездки и живо представляя себе то, что будет завтра. Потом, заметив, что Денисов заснул, он встал и пошёл на двор.

На дворе ещё было совсем темно. Дождик прошёл, но капли ещё падали с деревьев. Вблизи от караулки виднелись чёрные фигуры казачьих шалашей и связанных вместе лошадей. За избушкой чернелись две фуры, у которых

стояли лошади, и в овраге краснелся догоравший огонь. Казаки и гусары не все спали: кое-где слышались как бы шепчущиеся голоса.

Петя вышел из сеней, огляделся в темноте и подошёл к фурам. Под фурами храпел кто-то, и вокруг них стояли, жуя овёс, осёдланные лошади. В темноте Петя узнал свою лошадь, которую он называл Карабахом, хотя она была малороссийская лошадь, и подошёл к ней.

— Ну, Карабах, завтра послужим,— сказал он, нюхая её ноздри и целуя её.

— Что, барин, не спите? — сказал казак, сидевший под фурой.

— Нет; а... Лихачёв, кажется, тебя звать? Ведь я сейчас только приехал. Мы ездили к французам.— И Петя подробно рассказал казаку не только свою поездку, но и то, почему он ездил, и почему он считает, что лучше riskовать своею жизнью, чем делать наобум.

— Что же, соснули бы,— сказал казак.

— Нет, я привык,— отвечал Петя.— А что у вас кремни в пистолетах не обились? Я привёз с собою. Не нужно ли? Ты возьми.

Казак высунулся из-под фуры, чтобы поближе рассмотреть Петю.

— Оттого, что я привык всё делать аккуратно,— сказал Петя.— Иные так, кое-как, не приготовятся, потом и жалеют. Я так не люблю.

— Это точно,— сказал казак.

— Да ещё вот что, пожалуйста, голубчик, наточи мне саблю; затупи... (но Петя боялся солгать, она никогда отточена не была). Можно это сделать?

— Отчего ж, можно.

Лихачёв встал, порылся в вьюках, и Петя скоро услышал воинственный звук стали и бруска. Он влез на фуру и сел на край её. Казак под фурой точил саблю.

— А что же, спят молодцы? — сказал Петя.

— Кто спит, а кто так вот.

— Ну, а мальчик что?

— Весенний-то? Он там в сенцах завалился. Со страху спит. Уж рад-то был.

Долго после этого Петя молчал, прислушиваясь к звукам. В темноте слышались шаги, и показалась чёрная фигура.

— Что точишь? — спросил человек, подходя к фуре.

— А вот барину наточить саблю.

— Хорошее дело, — сказал человек, который показался Пете гусаром. — У вас, что ли, чашка осталась?

— А вон у колеса.

Гусар взял чашку.

— Небось скоро свет, — проговорил он, зевая, и прошёл куда-то.

Петя был в волшебном царстве, в котором ничего не было похожего на действительность.

Что бы ни увидел теперь Петя, ничто бы не удивило его. Он был в волшебном царстве, в котором всё было возможно.

Он поглядел на небо. И небо было такое же волшебное, как и земля. На небе расчищало, и над вершинами деревьев быстро бежали облака, как будто открывая звёзды.

Петя стал закрывать глаза и покачиваться.

Капли капали. Шёл тихий говор. Лошади заржали и подрались. Храпел кто-то.

— Ожиг, жиг, ожиг, жиг... — свистела натачиваемая сабля. И вдруг Петя услышал стройный хор музыки, игравшей какой-то неизвестный, торжественно сладкий гимн.

«Ах, да, ведь это я во сне, — качнувшись наперёд, сказал себе Петя. — Это у меня в ушах. А может быть, это моя музыка. Ну, опять. Валяй, моя музыка! Ну!..»

Он закрыл глаза. И с разных сторон, как будто издалека, затрепетали звуки, стали слаживаться, разбегаться, сливаться, и опять всё соединилось в тот же сладкий и торжественный гимн. «Ах, это прелесть что такое!», — сказал себе Петя.

Петя не знал, как долго это продолжалось: он наслаждался, всё время удивлялся своему наслаждению и жалел, что некому сообщить его. Его разбудил ласковый голос Лихачёва.

— Готово, ваше благородие, надвое хранцуза распластаете.

Петя очнулся.

— Уж светает, право светает! — крикнул он.

Невидные прежде лошади стали видны до хвостов, и сквозь оголённые ветки виднелся водянистый свет. Петя встряхнулся, вскочил, достал из кармана целковый и дал Лихачёву, махнув, попробовал шашку и положил её в ножны. Казаки отвязывали лошадей и подтягивали подпруги.

— Вот и командир, — сказал Лихачёв.

Из караулки вышел Денисов и, окликнув Петю, приказал собираться.

VI.

Быстро в полутьме разобрали лошадей, подтянули подпруги и разобрались по командам. Денисов стоял у караулки, отдавая последние приказания. Пехота партии, шлёпая сотней ног, прошла вперёд по дороге и быстро скрылась между деревьев в предрассветном тумане. Эсаул что-то приказывал казакам. Петя держал свою лошадь в поводу, с нетерпением ожидая приказания садиться. Обмытое холодною водою, лицо его, в особенности глаза, горели огнём, озноб пробежал по спине и во всём теле что-то быстро и равномерно дрожало.

— Ну, готово у вас всё? — сказал Денисов. — Давай лошадей.

Лошадей подали. Денисов рассердился на казака за то, что подпруги были слабы, и, разбранив его, сел. Петя взялся за стремяна. Лошадь, по привычке, хотела куснуть его за ногу, но Петя, не чувствуя своей тяжести, быстро вскочил в седло и, оглядываясь на тронувшихся сзади в темноте гусар, подъехал к Денисову.

— Василий Фёдорович, вы мне поручите что-нибудь? Пожалуйста, ради бога... — сказал он.

Денисов, казалось, забыл про существование Пети. Он оглянулся на него.

— Об одном тебя пг'ошу, — сказал он строго: — слушаться меня и никуда не соваться.

Во всё время переезда Денисов ни слова не говорил больше с Петей и ехал молча. Когда подъехали к опушке леса, в поле заметно уже стало светлеть. Денисов поговорил что-то шёпотом с эсаулом, и казаки стали проезжать мимо Пети и Денисова. Когда они все проехали, Денисов тронул свою лошадь и поехал под гору. Садясь на зады и скользя, лошади спускались с своими седоками в ложину. Петя ехал рядом с Денисовым. Дрожь во всём его теле всё усиливалась. Становилось всё светлее и светлее, только туман скрывал отдалённые предметы. Съехав вниз и оглянувшись назад, Денисов кивнул головой казаку, стоявшему подле него.

— Сигнал! — проговорил он. Казак поднял руку, раздался выстрел. И в то же мгновение послышался топот впереди поскакавших лошадей, крики с разных сторон и ещё выстрелы.

В то же мгновение, как раздались первые звуки топота и крика, Петя, ударив свою лошадь и выпустив поводья, не слушая Денисова, кричавшего на него, поскакал вперёд. Пете показалось, что вдруг совершенно, как середь дня, ярко рассвело в ту минуту, как послышался выстрел. Он подскакал к мосту. Впереди по дороге скакали казаки. На мосту он столкнулся с отставшим казаком и поскакал дальше. Впереди какие-то люди — должно быть это были французы, бежали с правой стороны дороги на левую. Один упал в грязь под ногами Петинной лошади.

У одной избы столпились казаки, что-то делая. Из середины толпы послышался страшный крик. Петя подскакал к этой толпе, и первое, что он увидел, было бледное с трясущеюся нижней челюстью лицо француза, державшегося за древко направленной на него пики.

— Ура!.. Ребята... наши... — прокричал Петя и, дав поводья разгорячившейся лошади, поскакал вперёд по улице.

Впереди слышны были выстрелы. Казаки, гусары и русские оборванные пленные, бежавшие с обеих сторон дороги, все громко и нескладно кричали что-то. Молодцеватый, без шапки, с красным нахмуренным лицом, француз в синей шинели отбивался штыком от гусаров. Когда

Петя подскочил, француз уже упал. «Опять опоздал», — мелькнуло в голове Пети, и он поскакал туда, откуда слышались частые выстрелы. Выстрелы раздавались на дворе того барского дома, на котором он был вчера ночью с Долоховым. Французы засели там за плетнём в густом, заросшем кустами саду и стреляли по казакам, столпившимся у ворот. Подъезжая к воротам, Петя в пороховом дыму увидал Долохова, с бледным, зеленоватым лицом,

кричавшего что-то людям. «В объезд! Пехоту подождать!» — кричал он, в то время как Петя подъехал к нему.

— Подождать?.. Урааа!.. — закричал Петя и, не медля ни одной минуты, поскакал к тому месту, откуда слышались выстрелы и где гуще был пороховой дым. Послышался залп, провизжали пустые и во что-то шлёпнувшие пули. Казаки и Долохов вскакали вслед за Петей в ворота дома. Французы в колеблющемся густом дыме, одни бросали оружие и выбегали из кустов навстречу казакам, другие бежали под гору к пруду. Петя скакал на своей лошади вдоль по барскому двору и, вместо того чтобы

держат поводья, странно и быстро махал обеими руками и всё дальше и дальше сбивался с седла на одну сторону. Лошадь, набежав на тлевший в утреннем свете костёр, упёрлась, и Петя тяжело упал на мокрую землю. Казаки видели, как быстро задёргались его руки и ноги, несмотря на то, что голова его не шевелилась. Пуля пробила ему голову.

Переговоривши с старшим французским офицером, который вышел к нему из-за дома с платком на шпаге и объявил, что они сдаются, Долохов слез с лошади и подошёл к неподвижно, с раскинутыми руками, лежавшему Пете.

— Готов,— сказал он, нахмурившись, и пошёл в ворота навстречу ехавшему к нему Денисову.

— Убит?! — вскрикнул Денисов, увидав ещё издали то знакомое ему, несомненно безжизненное положение, в котором лежало тело Пети.

— Готов,— повторил Долохов, как будто выговаривание этого слова доставляло ему удовольствие, и быстро пошёл к пленным, которых окружили спешившиеся казаки.— Брать не будем! — крикнул он Денисову.

Денисов не отвечал; он подъехал к Пете, слез с лошади и дрожащими руками повернул к себе запачканное кровью и грязью, уже побледневшее лицо Пети.

«Я привык что-нибудь сладкое. Отличный изюм, берите весь», вспомнилось ему. И казаки с удивлением оглянулись на звуки, похожие на собачий лай, с которыми Денисов быстро отвернулся, подошёл к плетню и схватился за него.

Проследите всё поведение Пети Ростова с момента его появления в лагере Денисова и напишите рассказ: «Петя Ростов в лагере партизан».

1. Что руководило всеми поступками Пети? Каким ему хотелось быть?

2. Почему Петя говорит неправду Денисову о разрешении ему остаться в лагере партизан?

3. Какие чувства волнуют Петю перед боем, как он готовится к нему?

З а д а н и е. Озаглавьте каждую главу рассказа.

Алексей Максимович Горький
(1868—1936).

МАЛЬЧИКИ.

А. М. Горький.

I.

Строгий и молчаливый дом Овсянникова внушал деду почтение.

Этот одноэтажный, но высокий дом вытянулся во двор, заросший дёрном, чистый и пустынный, с колодцем среди его, под крышей на двух столбиках. Дом точно отодвинулся с улицы, прячась от неё. Три его окна, узкие и прорезанные арками¹, были высоко над землёй, и стёкла в них — мутные, окрашены солнцем в радугу. А по другую сторону ворот стоял амбар, совершенно такой же по фасаду, как и дом, тоже с тремя окнами, но фальшивыми: на серую стену набиты наличники², и в них белой

¹ Окна, прорезанные арками — т. е. имеющие форму дуги.

² Наличники — накладные планки в виде рамы.

краской нарисованы переплёты рам. Эти слепые окна были неприятны, и весь амбар снова намекал, что дом хочет спрятаться, жить незаметно. Что-то тихое и обиженное или тихое и гордое было во всей усадьбе, в её пустых конюшнях, в сараях с огромными воротами и тоже пустых.

Иногда по двору ходил, прихрамывая, высокий старик, бритый, с белыми усами, волосы усов торчали, как иголки. Иногда другой старик, с баками и кривым носом, выводил из конюшни серую длинноголовую лошадь; узкогрудая, на тонких ногах, она, выйдя на двор, кланялась всему вокруг, точно смиренная монахиня. Хромой звонко шлёпал её ладонью, свистел, шумно вздыхал, потом лошадь снова прятали в тёмную конюшню. И мне казалось, что старик хочет уехать из дома, но не может, заколдован.

Почти каждый день на дворе, от полудня до вечера, играли трое мальчиков, одинаково одетые в серые куртки и штаны, в одинаковых шапочках, круглолицые, сероглазые, похожие друг на друга до того, что я различал их только по росту.

Я наблюдал за ними в щели забора, они не замечали меня, а мне хотелось, чтобы заметили. Нравилось мне, как хорошо, весело и дружно они играют в незнакомые игры, нравились их костюмы, хорошая заботливость друг о друге, особенно заметная в отношении старших к маленькому брату, смешному и бойкому коротышке. Если он падал — они смеялись, как всегда смеются над упавшим, но смеялись не злорадно, тотчас же помогали ему встать, а если он выпачкал руки или колена, они вытирали пальцы его и штаны листьями лопуха, платками, а средний мальчик добродушно говорил:

— Вот ус неуклюзый!..

Они никогда не ругались друг с другом, не обманывали один другого, и все трое были очень ловки, сильны, неутомимы.

Однажды я влез на дерево и свистнул им, — они остановились там, где их застал свист, потом сошлись не торопясь и, поглядывая на меня, стали о чём-то тихонько совещаться. Я подумал, что они станут швырять в меня камнями, спустился на землю, набрал камней в карманы,

за пазуху и снова влез на дерево, но они уже играли далеко от меня в углу двора и, видимо, забыли обо мне. Это было грустно, однако мне не захотелось начать войну первому, а вскоре кто-то крикнул им в форточку окна:

— Дети,— марш домой!

Они пошли не торопясь и покорно, точно гуси.

Много раз я сидел на дереве над забором, ожидая, что вот они позовут меня играть с ними,— а они не звали. Мысленно я уже играл с ними, увлекаясь иногда до того, что вскрикивал и громко смеялся; тогда они, все трое, смотрели на меня, тихонько говоря о чём-то, а я, сконфуженный, спускался на землю.

Однажды они начали игру в прятки, очередь искать выпала среднему, он встал в угол за амбаром и стоял, честно закрыв глаза руками, не подглядывая, а братья его побежали прятаться. Старший быстро и ловко залез в широкие пошевни¹, под навесом амбара, а маленький, растерявшись, смешно бегал вокруг колодца, не видя, куда девать себя.

— Раз,— кричал средний,— два...

Маленький вспрыгнул на сруб колодца, схватился за верёвку, забросил ноги в пустую бадью, и бадья, глухо постукивая по стенкам сруба, исчезла.

Я обомлел, глядя, как быстро и бесшумно вертится хорошо смазанное колесо, но быстро понял, что может быть, и соскочил к ним во двор, крича:

— Упал в колодезь!..

Средний мальчик подбежал к срубу в одно время со мной, вцепился в верёвку, его дёрнуло вверх, обожгло ему руки, но я уже успел перенять верёвку, а тут подбежал старший; помогая мне вытягивать бадью, он сказал:

— Тихонько, пожалуйста...

Мы быстро вытянули маленького, он тоже был испуган; с пальцев правой руки его капала кровь, щека тоже сильно ссажена, был он по пояс мокрый, бледен до синевы, но улыбался, вздрагивая, широко раскрыв глаза, улыбался и тянул:

¹ *Пошевни* — сани.

— Ка-ак я па-ада-ал...

— Ты с ума сосол, вот сто,— сказал средний, обняв его и стирая платком кровь с лица, а старший, нахмуясь, говорил:

— Идём, всё равно, не скроешь...

— Вас будут бить? — спросил я.

Он кивнул головой, потом сказал, протянув мне руку:

— Ты очень быстро прибежал!

Обрадованный похвалой, я не успел взять его руку, а он уже снова говорил среднему брату:

— Идём, он простудится! Мы скажем, что он упал, а про колодезь,— не надо!

— Да, не надо,— согласился младший, вздрагивая.— Это я упал в лужу, да?

Они ушли.

Всё это разыгралось так быстро, что когда я взглянул на сучок, с которого соскочил во двор,— он ещё качался, сбрасывая жёлтый лист.

II.

С неделю братья не выходили во двор, а потом явились более шумные, чем прежде; когда старший увидал меня на дереве, он крикнул ласково:

— Иди к нам!

Мы забрались под навес амбара, в старые пошевни, и, присматриваясь друг к другу, долго беседовали.

— Били вас? — спросил я.

— Досталось,— ответил старший.

Трудно было поверить, что этих мальчиков тоже бьют, как меня, было обидно за них.

— Зачем ты ловишь птиц? — спрашивал младший.

— Они поют хорошо.

— Нет, ты не лови, пускай лучше они летают, как хотят...

— Ну, ладно, не буду!

— Только ты прежде поймай одну и подари мне.

— Тебе — какую?

— Весёлую. И в клетке.

— Значит — это чиж.

— Коска съест,— сказал младший.— И папа не позволит.

Старший согласился:

— Не позволит...

— А мать у вас есть?

— Нет,— сказал старший, но средний поправил его.

— Есть, только — другая, не наша, а нашей — нет, она померла.

— Другая называется — мачеха,— сказал я; старший кивнул головою:

— Да.

И все трое задумались, отемнели.

По сказкам бабушки я знал, что такое мачеха, и мне была понятна эта задумчивость. Они сидели плотно друг с другом, одинаковые, точно цыплята; а я вспомнил ведьму-мачеху, которая обманом заняла место родной матери, и пообещал им:

— Ещё вернётся родная-то, погодите!

Старший пожал плечами:

— Если умерла? Этого не бывает...

— Не бывает? Господи, да сколько же раз мёртвые, даже изрубленные на куски, воскресали, если их sprysнуть живою водой, сколько раз смерть была не настоящая, а от колдунов и колдуний!

Я начал возбуждённо рассказывать им бабушкины истории; старший сначала всё усмехался и говорил тихонько:

— Это мы знаем, это — сказки...

Его братья слушали молча, маленький — плотно сжав губы и надувшись, а средний, опираясь локтем в колено, наклонился ко мне и пригибал брата рукою, закинутой за шею его.

Уже сильно за вечерело, красные облака висели над крышами, когда около нас явился старик с белыми усами, в коричневой, длинной, как у попа, одежде и в меховой мохнатой шапке.

— Это кто такой? — спросил он, указывая на меня пальцем.

Старший мальчик встал и кивнул головою на дедов дом:

— Он — оттуда...

— Кто его звал?

Мальчики, все сразу, молча вылезли из пошевной и пошли домой, снова напомнив мне покорных гусей.

Старик крепко взял меня за плечо и повёл по двору к воротам; мне хотелось плакать от страха перед ним, но он шагал так широко и быстро, что я не успел заплакать, как уже очутился на улице, а он, остановясь в калитке, погрозил мне пальцем и сказал:

— Не смей ходить ко мне!

Я рассердился:

— Вовсе я не к тебе хожу, старый чёрт!

Длинной рукой своей он снова схватил меня и повёл по тротуару, спрашивая, точно молотком колотя по голове моей:

— Твой дед дома?

На моё горе дед оказался дома; он встал перед грозным стариком, закинув голову, высунув бородку вперёд, и торопливо говорил, глядя в глаза, тусклые и круглые, как семишники¹:

— Мать у него — в отъезде, я человек занятой, глядеть за ним некому, — уж вы простите, полковник!

Полковник крикнул на весь дом, повернулся, как деревянный столб, и ушёл, а меня, через некоторое время, выбросили на двор, в телегу дяди Петра.

III.

Знакомство с барчуками продолжалось, становясь всё приятней для меня. В маленьком закоулке, между стеною дедова дома и забором Овсянникова, росли вяз, липа и густой куст бузины; под этим кустом я прорезал в заборе полукруглое отверстие, братья поочерёдно или вдвое подходили к нему, и мы беседовали тихонько, сидя на корточках или стоя на коленях. Кто-нибудь из них всегда следил, как бы полковник не застал нас врасплох.

¹ Семйшник — двухкопеечная монета.

Они рассказывали о своей скучной жизни, и слышать это мне было очень печально; говорили о том, как живут наловленные мною птицы, о многом детском, но никогда ни слова не было сказано ими о мачехе и отце,— по крайней мере я этого не помню. Чаще же они просто предлагали мне рассказать сказку; я добросовестно повторял бабушкины истории, а если забывал что-нибудь, то просил их подождать, бежал к бабушке и спрашивал её о забытом. Это всегда было приятно ей.

Я много рассказывал им и про бабушку; старший мальчик сказал однажды, вздохнув глубоко:

— Бабушки, должно быть, все очень хорошие,— у нас тоже хорошая была...

Он так часто и грустно говорил: было, была, бывало, точно прожил на земле сто лет, а не одиннадцать. У него были, помню, узкие ладони, тонкие пальцы, и весь он — тонкий, хрупкий, а глаза — очень ясные, но кроткие, как огоньки лампадок церковных. И братья его были тоже милые, тоже вызывали широкое доверчивое чувство к ним,— всегда хотелось сделать для них приятное, но старший больше нравился мне.

1. Каким вы представляете себе маленького рассказчика, какие свойства характера проявил он во всей истории знакомства и дружбы с мальчиками?

2. Почему мальчики дорожили дружбой со своим соседом, что влекло Алёшу к мальчикам?

3. Почему старик запрещал своим детям дружить с Алёшей?

I. В рассказе говорится: «старший мальчик всё *усмеялся*». Объясните значение выделенного слова. Какая разница в значении слов *насмехался*, *смеялся*, *посмеивался*?

II. Объясните сравнения: «Они пошли не торопясь и покорно, *как гуси*». «Полковник крикнул на весь дом, повернулся, *как деревянный столб*, и ушёл».

III. Выберите из рассказа «Мальчишки» эпитеты, рисующие дом и амбар. Какое впечатление создаётся этими эпитетами?

Тема. Составьте рассказ: Вы идёте по лугу, вдоль крутого берега реки. На лугу играют ребята (в какую игру? сколько их? какие они?). Один сорвался с обрыва... Что было дальше?

СТРАСТЬ К ЧТЕНИЮ.

(Из повести «В людях».)

А. М. Горький.

I.

И грустно и смешно вспоминать, сколько тяжёлых унижений, обид и тревог принесла мне быстро вспыхнувшая страсть к чтению!

Я брал маленькие разноцветные книжки в лавке, где по утрам покупал хлеб к чаю.

Читал я в сарае, уходя колоть дрова, или на чердаке, что было одинаково неудобно, холодно. Иногда, если книга интересовала меня или надо было прочитать её скорее, я вставал ночью и зажигал свечу, но старая хозяйка, заметив, что свечи по ночам умяются¹, стала измерять их лучинкой и куда-то прятала мерки. Если утром в свече недоставало вершка, или если я, найдя лучинку, не обламывал её на сгоревший кусок свечи, в кухне начинался яростный крик, и однажды Викторושка возмущённо провозгласил с полатей:

— Да перестаньте же лаяться, мамаша! Жить нельзя! Конечно, он жгёт свечи, потому что книжки читает, у лавочника² берёт, я знаю! Поглядите-ка у него на чердаке...

Старуха сбегала на чердак, нашла какую-то книжку и разодрала её в клочья.

Это, разумеется, огорчило меня, но желание читать ещё более окрепло...

II.

Я всячески исхитрялся читать, старуха несколько раз уничтожала книги, и вдруг я оказался в долгу у лавочника на огромную сумму в сорок семь копеек! Он требо-

¹ Умалѣться — уменьшаться (малый, маленький); говорят: умалить заслуги, умалить значение.

² Лавочник — хозяин лавки.

вал денег и грозил, что станет отбирать у меня за долг хозяйские, когда я приду в лавку за покупками.

— Что тогда будет? — спрашивал он меня, издеваясь.

Был он нестерпимо противен мне и, видимо, чувствуя это, мучил меня разными угрозами, с наслаждением особенным; когда я входил в лавку, его пятнистое лицо расплывалось, и он спрашивал ласково:

— Долг принёс?

— Нет.

Это его пугало, он хмурился.

— Как же? Что же мне к мировому подавать¹ на тебя, а? Чтобы тебя описали, да в колонию²?

Мне негде было взять денег — жалованье моё платили деду, я терялся, не зная, как быть. А лавочник, в ответ на мою просьбу подождать с уплатою долга, протянул ко мне масленую, пухлую, как оладья, руку и сказал:

— Поцелуй — подожду!

Но когда я схватил с прилавка гирию и замахнулся на него, он, приседая, крикнул:

— Что, что ты, что ты — я шучу!

Понимая, что он не шутит, я решил украсть деньги, чтобы разделаться с ним. По утрам, когда я чистил платье хозяина, в карманах его брюк звенели монеты, иногда они выскакивали из кармана и катились по полу, однажды какая-то провалилась в щель под лестницу, в дровяник; я позабыл сказать об этом и вспомнил лишь через несколько дней, найдя двугривенный в дровах. Когда я отдал его хозяину, жена сказала ему:

— Вот видишь? Надо считать деньги, когда оставляешь в карманах.

Но хозяин сказал, улыбаясь мне:

— Он не украдёт, я знаю!

Теперь, решив украсть, я вспомнил эти слова, его доверчивую улыбку и почувствовал, как мне трудно будет

¹ *Подавать к мировому* — обратиться с жалобой к мировому судье.

² *Колония* — здесь: колония для малолетних преступников.

украсть. Несколько раз я вынимал из кармана серебро, считал его и не мог решиться взять. Дня три я мучился с этим, и вдруг всё разрешилось очень быстро и просто; хозяин неожиданно спросил меня:

— Ты что, Пешков, скучный стал, нездоровится, что ли?

Я откровенно рассказал ему все мои печали, он нахмурился.

— Вот видишь, к чему они ведут, книжки-то! От них — так или этак — непременно беда...

Дал полтинник и посоветовал строго:

— Смотри же, не проболтайся жене али матери — шум будет!..

III.

На моё счастье, старуха перешла спать в детскую, — запоем запила нянька. Огня мне не давали, унося свечу в комнаты, денег на покупку свеч у меня не было; тогда

я стал тихонько собирать сало с подсвечников, складывал его в жестянку из-под сардин, подливал туда лампадного масла и, скрутив светильню из ниток, зажигал по ночам на печи дымный огонь.

Когда я перевёртывал страницу огромного тома, красный язычок светильни трепетно колебался, грозя погаснуть, светильня ежеминутно тонула в растопленной пахучей жидкости, дым ел глаза, но все эти неудобства исчезали в наслаждении, с которым я рассматривал иллюстрации и читал объяснения к ним.

Эти иллюстрации раздвигали предо мной землю всё шире и шире, украшая её сказочными городами, показывая мне высокие горы, красивые берега морей. Жизнь чудесно разрасталась, земля становилась заманчивее, богаче людьми, обильнее городами и всячески разнообразнее.

Объяснения к иллюстрациям понятно рассказывали про иные страны, иных людей, говорили о разных событиях в прошлом и настоящем; я многого не могу понять, и это меня мучит... Часто целые фразы долго живут в памяти, как заноза в пальце, мешая мне думать о другом. Помню, я прочитал странные стихи:

В сталь закован, по безлюдью,
Нем и мрачен, как могила,
Едет гуннов царь, Аттила¹,

за ним чёрною тучею идут воины и кричат:

Где же Рим, где Рим могучий?

Рим — город, это я уже знал, но кто такие — гунны? Это необходимо знать.

Выбрав хорошую минуту, я спрашиваю хозяина.

— Гунны? — удивлённо повторяет он. — Чёрт знает, что это такое? Ерунда, наверное...

И неодобрительно качает головой.

¹ *Аттила* — предводитель кочевого народа — гуннов. В IV—V веках гунны совершили поход на Римскую империю.

— Чепуха кипит в голове у тебя, это плохо, Пешков! Плохо ли, хорошо ли, но я хочу знать.

Мне кажется, что полковому священнику Соловьёву должно быть известно, что такое гунны, и, поймав его на дворе, я спрашиваю.

Бледный, больной и всегда сердитый, с красными глазами, без бровей, с жёлтой бородкой, он говорит мне, тыкая в землю чёрным посохом:

— А тебе какое дело до этого, а?

Поручик¹ Нестеров на мой вопрос свирепо ответил:

— Что-о?

Тогда я решил, что о гуннах нужно спросить в аптеке у провизора²; он смотрит на меня всегда ласково, у него умное лицо, золотые очки на большом носу.

— Гунны,— сказал мне провизор Павел Гольдберг,— были кочевым народом, вроде киргизов. Народа этого больше нет, весь вымер.

Мне стало грустно и досадно — не потому, что гунны вымерли, а оттого, что смысл слова, которое меня так долго мучило, оказался столь простым и ничего не дал мне.

Но я очень благодарен гуннам,— после столкновения с ними слова стали меня меньше беспокоить, и, благодаря Аттиле, я познакомился с провизором Гольдбергом.

Этот человек знал простой смысл всех мудрых слов, у него были ключи ко всем тайнам. Поправив очки двумя пальцами, он пристально смотрел сквозь толстые стёкла в глаза мне и говорил, словно мелкие гвозди вбивая в мой лоб.

— Слова, дружище, это — как листья на дереве, и, чтобы понять, почему лист таков, а не иной, нужно знать, как растёт дерево — нужно учиться! Книга, дружище, как хороший сад, где всё есть: и приятное, и полезное...

Краткие поучения провизора внушали мне всё более серьёзное отношение к книгам, и незаметно они стали необходимыми для меня.

¹ Поручик — офицерский чин в царской армии.

² Провизор — аптекарь.

IV.

В одно из воскресений, когда хозяева ушли к ранней обедне, а я, поставив самовар, отправился убирать комнаты,— старший ребёнок, забравшись в кухню, вытащил кран из самовара и уселся под стол играть краном. Углей в трубе самовара было много, и когда вода вытекла из него, он распаялся. Я ещё в комнатах услышал, что самовар гудит неестественно гневно, а войдя в кухню, с ужасом увидел, что он весь посинел и трясётся, точно хочет подпрыгнуть с пола. Отпаявшаяся втулка крана уныло опустилась, крышка съехала набекрень, из-под ручек стекали капли олова,— лиловато-синий самовар казался вдребезги пьяным. Я облил его водой, он зашипел и печально развалился на полу.

Позвонили на парадном крыльце, я отпер двери и на вопрос старухи, готов ли самовар, кратко ответил:

— Готов.

Это слово, сказанное, вероятно, в смущении и страхе, было принято за насмешку и усугубило ¹ наказание. Меня избили. Старуха действовала пучком сосновой лучины, это было не очень больно, но оставило под кожей спины множество глубоких заноз; к вечеру спина у меня вспухла подушкой, а в полдень на другой день хозяин принуждён был отвезти меня в больницу.

Когда доктор, длинный и тощий до смешного, осмотрел меня, он сказал спокойно глухим басом:

— Здесь нужно составить протокол об истязании.

Хозяин покраснел, зашаркал ногами и стал что-то тихо говорить доктору, а тот, глядя через голову его, кратко отвечал:

— Не могу. Нельзя.

Но потом спросил меня:

— Жаловаться хочешь?

Мне было больно, но я сказал:

— Не хочу, лечите скорее...

Меня отвели в другую комнату, положили на стол,

¹ *Усугубить* — усилить, увеличить.

доктор вытаскивал занозы приятно холодными щипчиками и балагурил:

— Превосходно отделили кожу тебе, приятель, теперь ты станешь непромокаемый...

Когда он кончил работу, нестерпимо щекотавшую меня, он сказал:

— Сорок две щепочки вытащено, приятель, запомни, хвастаться будешь! Завтра в этот час приходи на перевязку. Часто бьют?

Я подумал и ответил:

— Раньше — чаще били...

Доктор захохотал басом.

— Всё к лучшему идёт, приятель, всё!

Когда он вывел меня к хозяину, то сказал ему:

— Извольте получить, починен! Завтра пришлите, перевяжем. На ваше счастье, комик он у вас...

Сидя на извозчике, хозяин говорил мне:

— И меня, Пешков, тоже били — что поделаешь? Били, брат! Тебя всё-таки хоть я жалею, а меня и жалеть некому было, некому! Людей везде — теснота, а жалеть — нет ни одного сукина сына! Эх, звери-курицы...

Он всю дорогу ругался, мне было жалко его, и я был очень благодарен ему, что он говорит со мною по-человечески.

Дома меня встретили, как именинника, женщины заставили подробно рассказать, как доктор лечил меня, что он говорил — слушали и ахали, сладостно причмокивая, морщась. Удивлял меня этот их напряжённый интерес к болезням, к боли и ко всему неприятному!

Я видел, как они довольны мною, что я отказался жаловаться на них, и воспользовавшись этим, испросив у них разрешения брать книги у закройщицы. Они не решились отказать мне, только старуха удивлённо воскликнула:

— Ну и бес!

Через день я стоял перед закройщицей, а она ласково говорила:

— А мне сказали, что ты болен, отвезён в больницу, — видишь, как неверно говорят?

Я промолчал. Стыдно было сказать правду — зачем ей знать грубое и печальное?

V.

...Через несколько дней закройщица дала мне Гринвуда «Подлинную историю маленького оборвыша»; заголовки книги несколько уколол меня, но первая же страница вызвала в душе улыбку восторга, — так с этой улыбкою я и читал всю книгу до конца, перечитывая иные страницы по два, по три раза. Так вот как трудно и мучительно даже за границею живут иногда мальчишки! Ну, мне вовсе не так плохо, значит — можно не унывать!

Много бодрости подарил мне Гринвуд, а вскоре после него мне попалась уже настоящая «правильная» книга — «Евгения Грандэ»¹.

Старик Гранде ярко напомнил мне деда, было обидно, что книжка так мала, и удивляло, как много в ней правды.

Таким образом, я понял, какой великий праздник «хорошая, правильная» книга.

1. Почему Алёша так любил читать и как он читал книги?
2. Какие черты характера проявил Алёша в борьбе за право читать книги?
3. Как этот рассказ учит относиться к книге?
4. Придумайте заголовки к каждой главе.

ПОГОВОРКИ.

Испокон века книга растит человека.

Книга в счастье украшает, а в несчастье утешает.

Мир освещается солнцем, а человек знанием.

¹ «Евгения Грандэ» — роман французского писателя Бальзака, жившего в первой половине XIX в.

ЛОВЛЯ ПТИЦ.

А. М. Горький.

Я решил заняться ловлей певчих птиц; мне казалось, что это хорошо прокормит: я буду ловить, а бабушка — продавать. Купил сеть, круг, западни, наделал клеток, и вот, на рассвете, я сижу в овраге, в кустах, а бабушка с корзиной и мешком ходит по лесу, собирая последние грибы, калину, орехи.

Только что поднялось усталое сентябрьское солнце; его белые лучи то гаснут в облаках, то серебряным веером падают в овраг ко мне. На дне оврага ещё сумрачно, оттуда поднимается белёсый туман; крутой глинистый бок оврага тёмн и гол, а другая сторона, более пологая, прикрыта жухлой травой, густым кустарником, в жёлтых, рыжих и красных листьях; свежий ветер срывает их и мечет по оврагу.

На дне, в репьях, кричат щеглята, я вижу в серых отрепьях бурьяна алые чепчики на бойких головках птиц. Вокруг меня щёлкают любопытные синицы; смешно надувая белые щёки, они шумят и суетятся, точно молодые кунавинские мещанки в праздник; быстрые, умненькие, злые, они хотят всё знать, всё потрогать и попадают в западню одна за другою. Жалко видеть, как они бьются, но моё дело торговое, суровое; я пересаживаю птиц в запасные клетки и прячу в мешок — во тьме они сидят смиренно.

На куст боярышника опустилась стая чижей, куст облит солнцем, чижи рады солнцу и щебечут ещё веселей; по ухваткам они похожи на мальчишек-школьников. Жадный, домовитый сорокопут запоздал улететь в тёплые края, сидит на гибкой ветке шиповника, чистит носом перья крыла и зорко высматривает добычу чёрными глазами. Вспорхнул вверх жаворонком, поймал шмеля, заботливо насадил его на шип и снова сидит, вращая серой, вороватой головкой. Бесшумно пролетела вещая птица щур, предмет жадных мечтаний моих, — вот бы поймать! Снегирь, отбившийся от стаи, сидит на ольхе,

красный, важный, как генерал, и сердито поскрипывает, качая чёрным носом.

Чем выше солнце, тем больше птиц и веселее их щебет. Весь овраг наполняется музыкой, её основной тон — непрерывный шелест кустарника под ветром; задорные голоса птиц не могут заглушить этот тихий, сладко-грустный шум, — я слышу в нём прощальную песнь лета, он нащёптывает мне какие-то особенные слова, и они сами

собою складываются в песню. А в то же время память, помимо воли моей, восстанавливает картины прожитого.

Откуда-то сверху кричит бабушка:

— Ты — где?

Она сидит на краю оврага, разостлала платок, разложила на нём хлеб, огурцы, репу, яблоки.

— Хорошо-то как, господи! — благодарно говорит бабушка.

— А я песню сложил!

— Да ну?

— Я говорю ей что-то похожее на стихи:

— Всё ближе зима, всё заметнее,
Прощай, моё солнышко летнее!..

Но она, не дослушав меня, перебивает:

— Такая песня — есть, только она — лучше!

И нараспев говорит:

— Ой, уходит солнце летнее
В тёмные ночи, за далёкие леса!
Эх, осталась я, девушка,
Без весенней моей радости, одна...
Выйду ль утром за околицу,
Вспомню майские гулянки мои, —
Поле чистое нерадостно глядит, —
Потеряла я в нём молодость свою.
Ой, подруженьки, любезные мои!
Уж как выпадет да первый лёгкий снег, —
Выньте сердце из белой моей груди,
Схороните моё сердце во снегу!..

Моё авторское самолюбие нимало не страдает, мне очень нравится песня и очень жалко девушку.

А бабушка говорит:

— Вот, как горе поётся! Чего сам не испытаеть — про то хорошо-верно не скажешь, а она, видишь, как хорошо составила песню!

Когда она впервые продала птиц на сорок копеек, это очень удивило её.

— Гляди-ко ты! Я думала — пустое дело, мальчишья забава, а оно вон как обернулось!

— Дёшево ещё продала...

— Да ну?

В базарные дни бабушка продавала на рубль и более, и всё удивлялась: как много можно заработать пу-
стяками!

— А женщина целый день стирает бельё или полы моет по четвертаку в день, вот и пойми! А ведь нехорошо это! И птиц держать в клетках нехорошо. Брось-ка ты это, Олёша!

1. Как относилась к ловле птиц бабушка? Как относился к этому занятию Алёша?

2. Почему Алёша всё же ловил птиц?

3. Какие особенности и повадки разных птиц подметил Алёша?

4. Что нового прибавил этот рассказ к вашему представлению об Алёше?

5. Выделите описание оврага. Каким настроением овеяно это описание? Какими эпитетами и метафорами создаётся это настроение?

ДЕТИ ПОДЗЕМЕЛЬЯ.

В. Г. Короленко.

Глава I. ЗАМОК И ЕГО ОБИТАТЕЛИ.

Моя мать умерла, когда мне было шесть лет. Отец; весь отдавшись своему горю, как будто совсем забыл о моём существовании. Порой он ласкал мою маленькую сестру и по-своему заботился о ней, потому что в ней были черты матери. Я же рос, как дикое деревцо в поле,— никто не окружал меня особенною заботливостью, но никто и не стеснял моей свободы.

Местечко, где мы жили, называлось Княжье-Вено или, проще, Княж-Городок. С севера и юга городок ограждался широкими водяными гладами и топями. Пруды год от году мелели, зарастали зеленью, и высокие густые камыши волновались, как море, на громадных болотах. Посредине одного из прудов находился остров. На острове — старый полуразрушенный замок.

Было время, когда старый замок служил даровым убежищем всякому бедняку. Всё, что не находило себе места в городе, всякое выскочившее из колеи существование, потерявшее, по той или другой причине, возможность платить хотя бы и жалкие гроши за кров и угол на ночь и в непогоду,— всё это тянулось на остров и там, среди мрачных, грозивших падением развалин, приклоняло свои победные головушки, платя за гостеприимство лишь риском быть погребёнными под горами старого мусора. «Живёт в замке» — вот фраза, которая употреблялась у нас обыкновенно для выражения крайней степени нищеты.

Но вот среди общества, ютившегося под кровом седых руин, пошли раздоры. Старый Януш, бывший одним

из мелких служащих у последнего из владетелей замка, престарелого графа, выпросил себе нечто вроде звания управляющего и разом вымел целую толпу бездомных нищих, нашедших себе приют в подпольях и на чердаках полуразвалившегося замка.

Несчастные изгнанники не нашли себе места в городе. Говорили, что они отыскали себе приют где-то на горе, около часовни (но как они ухитрились пристроиться там, — никто не мог сказать в точности). Все видели только, что с той стороны, с гор и оврагов, окружавших часовню, спустились в город по утрам самые невероятные и подозрительные фигуры, которые в сумерки удалялись в том же направлении.

Среди этой оборванной и тёмной толпы несчастливцев встречались лица, которые по уму и талантам могли бы сделать честь избраннейшему обществу замка, но они предпочли удалиться в часовню.

Самая замечательная личность из толпы бедняков, не ужившихся в старом замке, а теперь командовавшая ими, как верным своим войском, был пан Тыбурций Драб, образ которого живо запечатлелся в моём детском воображении. Роста он был высокого, сильно сутуловатый и с крупными, грубо-выразительными чертами лица. Короткие, слегка рыжеватые волосы торчали врозь; низкий лоб, несколько выдававшаяся вперёд нижняя челюсть, сильная подвижность личных мускулов придавали всей физиономии что-то обезьянье; но глаза, сверкавшие из-под нависших бровей, смотрели как-то упорно и мрачно, и в

Владимир Галактионович
Короленко (1853—1921).

них светились, вместе с лукавством, острая пронизательность, энергия и недюжинный ум. В то время, когда лицо его выделявало уморительные гримасы, глаза сохраняли постоянно одно выражение, и мне, ребёнку, безотчётно жутко бывало смотреть на шутовство этого странного человека.

Тайна, окружавшая происхождение пана Тыбурция, сделала то, что он даже в окрестностях нашего местечка прослыл за колдуна. Вероятно, сам он от души смеялся над людской глупостью, но если его приглашали поколдовать, он не отказывался и, вместо заклинаний, произносил отрывки из поучений Тита Ливия¹.

Были у пана Тыбурция и дети, свои или чужие — никто не мог объяснить; но он привёл их откуда-то, и они жили вместе с ним на горе, около часовни, в подземелье. Мальчику было лет семь, девочке — три года. Мальчик, по имени Вáлек, высокий, тонкий, черноволосый, угрюмо шатался иногда по городу без всякого дела, заложив руки в карманы и кидая по сторонам взгляды, смущавшие калачниц. Девочку видели только один или два раза на руках пана Тыбурция, а затем она куда-то исчезла и где находилась — никто не знал.

Гора близ часовни, изрытая могилами, пользовалась дурной славой.

Глава II. Я И МОЙ ОТЕЦ.

С тех пор как умерла моя мать, а сумрачное лицо отца стало ещё мрачнее, меня очень редко видели дома. В поздние летние вечера я прокрадывался по саду, как молодой волчонок, избегая встречи с отцом, отворял посредством особых приспособлений своё окно, полузакрытое густой зеленью сирени, и тихо ложился в постель. Если маленькая сестрёнка ещё не спала в своей качалке в соседней комнате, я подходил к ней, и мы тихо ласкали друг друга и играли, стараясь не потревожить сон ворчливой старой няньки. А утром, чуть свет, когда в доме все

¹ *Тит Ливий* — древнеримский историк.

ещё спали, я уже прокладывал росистый след в густой высокой траве сада, перелезал через забор и шёл к пруду, где меня ждали с удочками такие же сорванцы товарищи, или к мельнице, где сонный мельник только что отодвинул шлюзы, и вода, чутко вздрагивая на зеркальной поверхности, кидалась в «лотóки» и бодро принималась за дневную работу.

Все меня звали бродягой, злым, негодным мальчишкой и так часто это повторяли, что я, наконец, сам пришёл к убеждению, что это правда. Отец также поверил этому и делал иногда попытки заняться моим воспитанием, но попытки его всегда кончались неудачей. При виде строгого и угрюмого лица, на котором лежала суровая печать неизлечимого горя, я робел и замыкался в себе. Я стоял перед ним, переминаясь, теребя свои штанишки и озираясь. По временам что-то как будто поднималось у меня в груди; мне хотелось, чтобы отец обнял меня, посадил к себе на колени и приласкал. Тогда я прильнул бы к его груди и, быть может, мы вместе заплакали бы — ребёнок и суровый мужчина — о нашей общей утрате. Но он смотрел на меня своими отуманенными глазами, как будто устремлёнными поверх моей головы, и я весь сжимался под этим непонятным для меня взглядом.

— Ты помнишь матушку?..— спрашивал отец.

Помнил ли я её? О да, я помнил её! Я помнил, как, бывало, просыпаясь ночью, я искал в темноте её нежные руки и крепко прижимался к ним, покрывая их поцелуями. Я помнил её, когда она сидела больная перед открытым окном и грустно оглядывала чудную весеннюю картину, прощаясь с нею в последний год своей жизни. О да, я помнил её!..

Но на вопрос отца я молчал, весь съёживался и старался поскорее вырвать свою ручонку из его руки.

Он слишком любил маму, когда она была жива, и из-за своего счастья не замечал малютку-сына. А теперь тяжёлое горе закрывало меня от него.

Ему наговорили со всех сторон, что я дурной, испорченный мальчик, и он всё более и более сторонился меня,

мучаясь сознанием, что он должен любить меня и не может. А я это чувствовал. Порой, спрятавшись в кустах, я наблюдал за ним; я видел, как он шагал по аллеям, всё ускоряя походку, и глухо стонал от нестерпимой душевной муки. Тогда моё сердце сжималось жалостью и сочувствием. Один раз, когда, сжав руками голову, он присел на скамейку и зарыдал, я не вытерпел и выбежал из кустов на дорожку, повинувшись пламенному желанию кинуться на шею отцу. Но услышав мои шаги, он поднял голову, сурово взглянул на меня и осадил холодным вопросом:

— Что нужно?

Мне ничего не было нужно. Я быстро повернулся, стыдясь своего порыва, боясь, чтобы отец не прочёл его в моём смущённом лице. Убежав в чащу леса, я упал лицом в траву и горько заплакал от досады и боли.

В восемь лет я испытал уже весь ужас одиночества. Сестре Соне было четыре года. Я пламенно любил её, и она платила мне такой же любовью; но общий установившийся взгляд на меня, как на отпетого маленького разбойника, успел воздвигнуть между нами высокую преграду. Всякий раз, когда я начинал играть с нею, по-своему шумно и резво, старая нянька, вечно сонная и вечно дравшая с закрытыми глазами куриные перья для подушек, немедленно просыпалась, быстро схватывала мою Соню и уносила к себе, кидая на меня сердитые взгляды. Мне становилось очень горько и досадно. Немудрено поэтому, что скоро я прекратил всякие попытки занимать Соню моими шумными играми, а через несколько времени мне стало душно, тесно у нас в доме и в садике, где я не встречал ни в ком привета и ласки. Я начал бродяжничать, притерпелся к упрёкам и выносил их так же равнодушно, как внезапно раздражавшийся ливень или солнечный зной. Когда все углы города сделались мне известны до последних грязных закоулков, тогда я стал заглядывать на видневшуюся вдали, на горе, часовню. Мне захотелось осмотреть её, заглянуть внутрь, чтобы убедиться окончательно, что и там нет ничего, кроме пыли. Но так как одному было бы и страшно, и

неудобно пускаться в такое предприятие, то я на вербовал на улицах города небольшой отряд из трёх сорванцов, обещав в награду булок и яблоков из нашего сада.

Глава III. Я ПРИОБРЕТАЮ НОВОЕ ЗНАКОМСТВО.

Мы отправились тотчас после обеда. Помогая друг другу, мы торопливо взобрались на гору из последнего обрыва. Солнце начинало склоняться к закату. Косые лучи мягко золотили зелёную мураву старого кладбища, играли на старых покосившихся крестах, переливались в уцелевших окнах часовни. Было тихо; веяло спокойствием и глубоким миром брошенного кладбища.

Мы были одни; только воробьи весело возились кругом да ласточки бесшумно влетали и вылетали в окна старой часовни, которая стояла, как-то грустно понурясь, среди поросших травой могил, скромных крестов и полуразрушенных каменных гробниц, устланных густой зеленью, где пестрели разноцветные головки лютиков, кашки и фиалок.

Дверь часовни была крепко заколочена, окна были высоко над землёю, однако, при помощи товарищей, я надеялся взобраться на них и заглянуть внутрь часовни.

— Не надо! — крикнул один из них, вдруг потерявший всю храбрость, и схватил меня за руку.

— Пошёл прочь, баба! — прикрикнул на него старший из нашей армии, с готовностью подставляя мне спину.

Я храбро взобрался на неё, потом он выпрямился, и я встал на его плечи. В таком положении я без труда достал рукой раму и, убедясь в её крепости, поднялся к окну и сел на него.

— Ну, что же там? — спрашивали меня снизу с живейшим интересом.

Я молчал. Перегнувшись через косяк, я заглянул внутрь часовни; внутренность этого высокого, узкого здания была лишена всякого украшения. Лучи вечернего солнца, свободно вливаясь в открытые окна, разрисовывали

вали ярким золотом старые ободранные стены. Углы были затканы паутиной, и там было темно, как обыкновенно бывает в углах старых зданий. От окна до полу казалось гораздо дальше, чем до травы снаружи. Я смотрел точно в яму и сначала никак не мог разглядеть, какие это странные предметы валяются на полу. Между тем моим товарищам надоело стоять внизу, ожидая от меня известий; тогда один из них, проделав ту же процедуру, какую проделал я раньше, повис рядом со мною, держась за оконную раму.

— А там что такое? — с любопытством указал он на тёмный предмет, видневшийся на полу.

— Поповская шапка.

— Нет, ведро.

— Зачем же тут ведро?

— Может быть, в нём когда-то были угли.

— Нет, это, действительно, шапка. Впрочем, можно посмотреть. Давай привяжем к раме пояс, и ты по нём спустишься.

— Да, как же, так и спущусь!.. Полежай сам, если хочешь.

— Ну, что ж! Думаешь, не полезу?

— И полежай!

Действуя по первому побуждению, я крепко связал два ремня, задел их за раму и, отдав один конец товарищу, сам повис на другом. Когда моя нога коснулась пола, я вздрогнул; но взгляд на участливо склонившуюся ко мне рожицу моего приятеля восстановил мою бодрость, и я храбро ступил на пол. Стук каблука зазвенел под толчком, отдался в пустоте часовни, в тёмных углах. Несколько воробьёв вспорхнули с насиженных мест на хорах и вылетели в большую прореху в крыше.

Мне было жутко; глаза моего друга сверкали захватывающим дух любопытством и участием.

— Ты подойдёшь? — спросил он тихо.

— Подойду, — ответил я так же тихо, собираясь с духом. Но в эту минуту случилось нечто до того неожиданное и ужасное, что кровь сразу застыла у меня в жилах.

Сначала послышался стук и шум обвалившейся на хорах штукатурки. Что-то завозилось вверх, тряхнуло в воздухе тучей пыли, и большая серая масса, взмахнув крыльями, поднялась к прорехе в крыше. Часовня на мгновение как будто потемнела. Огромная старая сова, обеспокоенная нашей вознёй, вылетела из тёмного угла, мелькнула на фоне голубого неба в пролёте и шарахнулась вон.

Я почувствовал прилив судорожного страха.

— Подымай! — крикнул я товарищу, схватившись за ремень.

— Не бойся, не бойся! — успокаивал он, приготовляясь поднять меня на свет дня и солнца.

Но вдруг я увидел, что лицо его исказилось от ужаса; он вскрикнул и мгновенно исчез, спрыгнув с окна. Я инстинктивно оглянулся и увидел странное явление, поразившее меня, впрочем, больше удивлением, чем ужасом.

Тёмный предмет нашего спора — шапка или ведро, — оказавшийся в конце концов горшком, мелькнул в воздухе и на глазах моих скрылся под престолом. Я успел только разглядеть смутное очертание небольшой, как будто детской руки, увлекавшей его в это убежище.

Трудно передать мои ощущения в эту минуту. Чувство, которое я испытывал, нельзя даже назвать страхом. Откуда-то, точно из другого мира, в течение нескольких секунд доносился до меня быстрою дробью тревожный топот двух пар детских ног. Но вскоре затих и он. Я был один, точно в гробу, в виду каких-то странных и необъяснимых явлений.

Времени для меня не существовало, поэтому я не могу сказать, скоро ли услышал я под престолом сдержанный шёпот:

— Почему же он не лезет назад?

— Видишь, испугался.

Первый голос показался мне совсем детским, второй мог принадлежать мальчику моего возраста. Мне даже показалось, что в щели старого престола сверкнула пара чёрных глаз.

— Что же он теперь будет делать? — слышался опять шёпот.

— А вот, погоди, — ответил голос постарше.

Под престолом что-то сильно завожилось; он даже как будто покачнулся, и в то же мгновение из-под него вынырнула фигура. Это был мальчик лет девяти, больше меня ростом, худощавый и тонкий, как тростинка. Одет он был в грязную рубашонку, руки держал в карманах узких и коротких штанишек. Тёмные курчавые волосы лохматились над чёрными задумчивыми глазами.

Хотя незнакомец, явившийся на сцену таким неожиданным и странным образом, подходил ко мне с тем беспечным, задорным видом, с каким всегда на нашем базаре подходили друг к другу мальчишки, готовые вступить в драку, но всё же, увидев его, я сильно ободрился. Я ободрился ещё более, когда из-под того же престола, или, вернее, из люка в полу часовни, который он покрывал, сзади мальчика показалось ещё одно грязное личико — девочки, обрамлённое белокурыми волосами, с устремлёнными на меня детски-любопытными голубыми глазами.

Я несколько отодвинулся от стены и, согласно рыцарским правилам нашего рынка, тоже положил руки в карманы. Это было знаком, что я не боюсь противника и даже, отчасти, намекаю на моё к нему презрение.

Мы стали друг против друга и обменялись взглядами. Оглядев меня с головы до ног, мальчик спросил:

— Ты здесь зачем?

— Так, — ответил я, — а тебе какое дело?

Мой противник повёл плечом, как будто намереваясь вынуть руку из кармана и ударить меня.

Я не моргнул глазом.

— Я вот тебе покажу! — пригрозил он.

Я выпятился грудью вперёд.

— Ну, ударь!.. Попробуй!..

Мгновенье было критическое; от него зависел характер дальнейших отношений. Я ждал, но мой противник, окинув меня тем же испытующим взглядом, не шевелился.

— Я, брат, и сам... тоже...— сказал я, но уже более миролюбиво.

Между тем девочка, опершись маленькими ручонками в пол часовни, старалась тоже выкарабкаться из люка. Она падала, вновь приподнималась и, наконец, направилась нетвёрдыми шагами к мальчишке. Подойдя вплоть к нему, она крепко ухватила за него, прижалась к нему и устремила на меня удивлённый и отчасти испуганный взгляд.

Это решило исход дела; стало совершенно ясно, что в таком положении мальчишка не мог драться, а я, конечно, тоже был слишком великодушен, чтобы воспользоваться его неудобным положением.

— Как твоё имя? — спросил мальчик, глядя рукой белокурую голову девочки.

— Вася. А ты кто такой?

— Я — Вáлек... Я тебя знаю: ты живёшь в саду над прудом. У вас большие яблоки.

— Да, это правда, яблоки у нас хорошие. Не хочешь ли?

Вынув из кармана два яблока, предназначавшиеся для расплаты с моей постыдно бежавшей армией, я подал одно из них Вáлеку, другое протянул девочке. Но она скрыла своё лицо, прижавшись к Валеку.

— Боится,— сказал тот и сам передал яблоко девочке.

— Зачем ты влез сюда? Разве я когда-нибудь лазил в ваш сад? — спросил он затем.

— Что ж, приходи! Я буду рад,— ответил я радушно. Ответ этот озадачил Валека; он задумался.

— Я тебе не компания,— сказал он грустно.

— Отчего же? — спросил я, искренне огорчённый грустным тоном, каким были сказаны эти слова.

— Твой отец — пан судья.

— Ну, так что же? — изумился я чистосердечно.— Ведь ты будешь играть со мною, а не с отцом.

Валек покачал головой.

— Тыбурций не пустит,— сказал он и, как будто это имя напомнило ему что-то, он вдруг спохватился.—

Послушай, ты славный хлопец¹, но всё-таки тебе лучше уйти. Если Тыбурций тебя застанет, будет плохо.

Я согласился, что мне, действительно, пора уходить. Последние лучи солнца исчезали уже сквозь окна часовни, а до города было не близко.

— Как же мне отсюда выйти?

— Я тебе укажу дорогу. Мы пойдём вместе.

— А она? — ткнул я пальцем в нашу маленькую даму.

— Маруся? Она тоже пойдёт с нами.

— Как, в окно?

Валек задумался.

— Нет, вот что: я тебе помогу взобраться на окно, а сами мы выйдем другим ходом.

С помощью моего нового приятеля я поднялся к окну.

¹ Хлопец — по-польски и по-украински мальчик.

Отвязав ремень, я обвил его вокруг рамы и, держась за оба конца, повис в воздухе. Затем, отпустив один конец, я спрыгнул на землю и выдернул ремень. Валек и Маруся ждали меня уже под стенами, снаружи.

Солнце недавно ещё село за гору. Город утонул в лилово-туманной тени, и только верхушки высоких тополей на острове резко выделялись червонным золотом, разрисованные последними лучами заката. Мне казалось, что с тех пор как я явился сюда, на старое кладбище, прошло не менее суток, что это было вчера.

— Как хорошо! — сказал я, охваченный свежестью наступавшего вечера и вдыхая полною грудью влажную прохладу.

— Скучно здесь, — с грустью произнёс Валек.

— Вы все здесь живёте? — спросил я, когда мы втроем стали спускаться с горы.

— Здесь.

— Где же ваш дом?

Я не мог себе представить, чтобы подобные мне дети могли жить без дома.

Валек усмехнулся с обычным ему грустным видом и ничего не ответил.

Мы миновали крутые обвалы, так как Валек знал более удобную дорогу. Пройдя меж камышей по высохшему болоту и переправившись через ручеёк по тонким дощечкам, мы очутились у подножия горы, на равнине.

Тут надо было расстаться. Пожав руку моему новому знакомому, я протянул её также и девочке. Она ласково подала мне свою крохотную ручонку и, глядя снизу вверх голубыми глазами, спросила:

— Ты придёшь к нам опять?

— Приду, — ответил я, — непременно...

— Что ж, — сказал в раздумье Валек, — приходи, пожалуй, только в такое время, когда наши будут в городе.

— Кто это «ваши»?

— Да наши... все: Тыбурций... и другие...

— Хорошо. Я высмотрю, когда они будут в городе, и тогда приду. А пока — прощайте!

— Эй, послушай-ка! — крикнул мне Валек, когда я отошёл несколько шагов: — а ты болтать не будешь о том, что был у нас?

— Никому не скажу, — ответил я твёрдо.

— Ну, вот это хорошо! А этим твоим дуракам-мальчишкам, когда станут приставать, скажи, что видел чёрта.

— Ладно, скажу.

— Ну, прощай.

— Прощай.

Густые сумерки залегли над Княжьим-Веном, когда я приблизился к забору своего сада. Над замком зарисовался тонкий серп луны, загорелись звёзды. Я хотел уже подняться на забор, как кто-то схватил меня за руку.

— Вася, друг! — заговорил взволнованным шёпотом мой бежавший товарищ. — Как же это ты?.. Голубчик!..

— А вот, как видишь... А вы все меня бросили!

Он потупился, но любопытство взяло верх над чувством стыда; он спросил опять:

— Что же там было?

— Что? — ответил я тоном, не допускавшим сомнения, — разумеется, черти!.. А вы трусы.

И, отмахнувшись от сконфуженного товарища, я полез на забор.

Через четверть часа я спал уже глубоким сном.

Глава IV. ЗНАКОМСТВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

С этих пор я весь был поглощён моим новым знакомством. Вечером, ложась в постель, и утром, вставая, я только и думал о предстоящем визите на гору. По улицам города я шатался теперь с единственной целью посмотреть, тут ли пан Тыбурций и его компания. Заметив, как они шныряют по базару, я тотчас же бегом отправлялся через болото на гору, к часовне, предварительно наполнив карманы яблоками, которые мог рвать в саду без запрету, и лакомствами, которые сберегал всегда для своих новых друзей.

Валек, вообще очень солидный, точно взрослый по манерам, принимал эти приношения просто и по большей

части откладывал куда-нибудь, приберегая для сестры, но Маруся всякий раз всплёскивала ручонками, и глаза её загорались огоньком самого неподдельного восторга; бледное лицо девочки вспыхивало румянцем, она смеялась, и этот смех нашей маленькой приятельницы отдавался в наших сердцах, вознаграждая за конфеты, которые мы жертвовали в её пользу.

Это было бледное, крошечное создание, напоминавшее цветок, выросший без живительных лучей солнца. Несмотря на свои четыре года, она ходила ещё плохо, неуверенно ступая кривыми ножками и шатаясь, как былинка; руки её были тонки и прозрачны; головка покачивалась на тонкой шее, как головка полевого колокольчика, но глаза смотрели порой так не по-детски грустно, и улыбка так напоминала мне мою мать в последние дни её жизни, когда она, бывало, сидела против открытого окна и ветер шевелил её белокурые волосы,— что мне, при взгляде на это детское личико, становилось самому грустно, и слёзы подступали к глазам.

Я невольно сравнивал её с моей сестрой; они были одного возраста, но моя Соня была кругла, как пышка, и упруга, как мячик. Она так резво бегала, когда, бывало, разыграется, так звонко смеялась, на ней всегда были такие красивые платья, а в тёмные косы ей каждый день горничная вплетала алую ленту.

А моя маленькая приятельница почти никогда не бегала и смеялась очень редко; когда же смеялась, то смех её звучал, как самый маленький серебряный колокольчик, которого в десяти шагах уже не слышно. Платье её было грязно и старо, в косе не было лент, но волосы у неё были гораздо длиннее и роскошнее, чем у Сони, и Валека, к моему удивлению, очень искусно умел заплетать их, что и исполнял каждое утро.

В первые же дни я внёс оживление в общество своих новых знакомых, старался расшевелить и завлечь в свои игры Валека и Марусю. Однако это удавалось плохо. Валека серьёзно смотрел на меня и на девочку и раз, когда я заставил её бегать со мной взапуски, он сказал:

— Нет, она сейчас заплачет.

Действительно, когда я растормошил её и заставил бежать, Маруся, заслышав мои шаги за собой, вдруг повернулась ко мне, подняв ручонки над головой, точно ища защиты, посмотрела на меня беспомощным взглядом захлопнутой пташки и громко заплакала. Я совсем растерялся.

— Вот видишь,— сказал Валек,— она не любит играть.

Он усадил её на траву, нарвал цветов и кинул ей. Маруся перестала плакать и тихо перебирала растения, что-то говорила, обращаясь к золотым лютикам, и подносила к губам синие колокольчики. Я тоже присмирел и лёг рядом с Валеком около девочки.

— Отчего она такая? — спросил я, наконец, указывая глазами на Марусю.

— Невесёлая? — переспросил Валек и затем сказал тоном совершенно убеждённого человека: — а это, видишь ли, от серого камня...

— Да-а,— повторила девочка, точно слабое эхо: — это от серого камня...

— От какого серого камня? — переспросил я, не понимая.

— Серый камень высосал из неё жизнь,— пояснил опять Валек, по-прежнему смотря на небо.— Так говорит Тыбурций... Тыбурций хорошо знает.

— Да-а,— опять повторила тихим эхом девочка,— Тыбурций всё знает.

Я ничего не понимал в этих загадочных словах, приподнялся на локте и взглянул на Марусю. Она сидела всё в том же положении, в каком усадил её Валек, и всё так же перебирала цветы. При взгляде на эту крохотную грустную фигурку мне стало ясно, что в словах Тыбурция,— хотя я и не понимал их значения,— заключается горькая правда. Несомненно, кто-то высасывал жизнь из этой странной девочки, которая плачет тогда, когда другие на её месте смеются. Но как же может сделать это серый камень?

Под влиянием чувства сожаления я умерил свою резвость. Применяясь к тихой солидности нашей дамы, оба

мы с Валеком, усадив её где-нибудь на траве, собирали для неё цветы, разноцветные камешки, ловили бабочек, иногда делали из кирпичей ловушки для воробьёв. Иногда же, растянувшись около неё на траве, смотрели в небо, как плывут облака высоко над лохматою крышей старой часовни, рассказывали Марусе сказки или беседовали друг с другом.

Эти беседы с каждым днём всё больше закрепляли нашу дружбу с Валеком, которая росла, несмотря на резкую противоположность наших характеров. Всегда порывистый, резвый, я невольно подчинялся грустно-солидному тону Валека и в особенности той независимости, с которой он отзывался о старших. Кроме того, он часто сообщал мне много нового, о чём я раньше и не думал. Слыша, как он отзывался о Тыбурции, точно о товарище, я спросил:

— Тыбурций тебе отец?

— Не знаю,— ответил он задумчиво.

— Он тебя любит?

— Да, любит,— сказал он уже гораздо увереннее.— Он постоянно обо мне заботится и, знаешь, иногда он целует меня и плачет...

— И меня любит и тоже плачет,— прибавила Маруса с выражением детской гордости.

— А меня отец не любит,— проговорил я грустно.— Он никогда не целовал меня... Он нехороший.

— Неправда, неправда,— возразил Валека.— Ты не понимаешь. Тыбурций лучше знает. Он говорит, что судья — самый лучший человек в городе. Твой отец, говорит Тыбурций, не побоится засудить богатого, будь он хоть сам граф; а когда к нему пришла старая Ивана с костылём, он велел принести ей стул. Вот он какой!

Всё это заставило меня глубоко задуматься. Валека указал мне моего отца с такой стороны, с какой мне никогда не приходило в голову взглянуть на него; слова Валека задели в моём сердце струну сыновней гордости. Мне было приятно слушать похвалы моему отцу, высказываемые от имени Тыбурция, который «всё знает»; но,

вместе с тем, дрогнула в моём сердце нота щемящей любви с горьким сознанием, что никогда родной отец не полюбит меня так, как Тыбурций любит Валека и Марусю.

Глава V. СРЕДИ СЕРЫХ КАМНЕЙ.

Прошло ещё несколько дней. Тыбурция и его приятели не было видно в городе, и я напрасно шатался, скучая, по улицам, ожидая их появления, чтобы бежать на гору. Я совсем соскучился, так как не видеть Валека и Марусю стало уже для меня большим лишением. Но вот, когда я однажды шёл с опущенной головой по пыльной улице, Валека вдруг положил мне на плечо руку.

— Отчего ты перестал к нам ходить? — спросил он.

— Я боялся... Тыбурция не видно в городе.

— А-а... а я было думал совсем другое... Подумал, что тебе уже наскучило.

— Нет, нет!.. Я, брат, сейчас побегу, — заторопился я, — даже и яблоки со мною.

При упоминании о яблоках Валека быстро повернулся ко мне, как будто хотел что-то сказать, но не сказал ничего, а только посмотрел на меня странным взглядом.

— Ничего, ничего, — отмахнулся он, видя, что я смотрю на него с ожиданием. — Ступай прямо на гору, а я тут зайду кое-куда, — дело есть. Я тебя догоню на дороге.

Я пошёл тихо и часто оглядывался, ожидая, что Валека меня догонит, однако я успел взойти на гору и пошёл уже к часовне, а его всё не было. Я остановился в недоумении: передо мною было только кладбище, пустынное и тихое, без малейших признаков какого-либо жилья, только воробьи чирикали на свободе да густые кусты черёмухи, жимолости и сирени, прижимаясь к южной стене часовни, о чём-то тихо шептались густо разросшейся тёмной листвой.

Я оглянулся кругом. Куда же мне теперь идти? Очевидно, надо дожидаться Валека. А пока я стал ходить

между могилами, присматриваясь к ним от нечего делать и стараясь разобрать стёртые надписи на обросших мхом надгробных камнях. Шатаясь таким образом от могилы к могиле, я наткнулся на полуразрушенный просторный склеп. Крыша его была сброшена или сорвана непогодой и валялась тут же. Дверь была заколочена. Из любопытства я приставил к стене старый крест и, взобравшись по нему, заглянул внутрь. Гробница была пуста, только в середине пола была вделана оконная рама со стёклами, и сквозь эти стёкла зияла тёмная пустота подземелья.

Вдруг на гору вбежал запыхавшийся и усталый Валек. В руках у него была большая булка, за пазухой что-то оттопырилось, по лицу текли капли пота.

— Ага! — крикнул он, заметив меня, — ты вот где! Если бы Тыбурций тебя здесь увидел, то-то бы рассердился! Ну, да теперь уж делать нечего. Я знаю, ты хлопец хороший и никому не расскажешь, как мы живём. Пойдём к нам!

— Где же это, далеко? — спросил я.

— А вот увидишь. Ступай за мной.

Он раздвинул кусты жимолости и сирени и скрылся в зелени, под стеной часовни; я последовал туда за ним и очутился на небольшой, плотно утоптанной площадке, которая совершенно скрывалась в зелени. Между стволами черёмух я увидел в земле довольно большое отверстие, с земляными ступенями, ведущими вниз. Валек спустился туда, приглашая меня за собой, а через несколько секунд мы оба очутились в темноте, под землёй. Взяв мою руку, Валек повёл меня по какому-то узкому, сырому коридору: круто повернув вправо, мы вдруг вошли в просторное подземелье.

Я остановился у входа, поражённый невиданным зрелищем. Две струи света резко лились сверху, выделяясь полосами на тёмном фоне подземелья; свет этот проходил в два окна; одно в полу склепа, другое, подальше, очевидно, было пристроено впоследствии; лучи солнца проникали сюда не прямо, а прежде отражались от стен старых гробниц; стены были сложены из серого камня.

Большие, толстые колонны массивно поднимались снизу и, раскинув во все стороны свои каменные дуги, крепко смыкались вверху сводчатым потолком. На полу под окном сидела с кучкой цветов, перебирая их по своему обыкновению, Маруся. Струя света падала на её белокурую голову, заливала её всю, но, несмотря на это, она слабо выделялась на фоне серого камня странным и маленьким туманным пятнышком, которое, казалось, вот-вот расплывётся и исчезнет. Глядя на девочку, я невольно вспомнил слова Валека о «сером камне», высасывавшем из Маруси её веселье.

— Валек! — тихо обрадовалась Маруся, увидав брата.

Когда же она заметила меня, в её глазах блеснула слабая искорка.

Я отдал ей принесённые с собой яблоки, а Валек, разломав булку, часть подал ей. Я переминался и ёжился, чувствуя, что меня точно давят эти серые своды.

— Уйдём, уйдём отсюда, — дёрнул я Валека. — Уведи её...

— Пойдём, Маруся, наверх, — позвал Валек сестру.

И мы втроём поднялись из подземелья. Валек был грустнее и молчаливее обыкновенного.

— Ты в городе остался затем, чтобы купить булок? — спросил я у него.

— Купить? — усмехнулся Валек. — Откуда же у меня деньги?

— Так как же?.. Ты выпросил?

— Да, выпросишь!.. Кто же мне даст?.. Нет, брат! Я стянул их с лотка еврейки Суры, на базаре. Она не заметила...

Он сказал это обыкновенным тоном, лёжа враспашку с заложенными под голову руками. Я приподнялся на локте и посмотрел на него.

— Ты, значит... украл?

— Ну да!

Я опять откинулся на траву, и с минуту мы пролежали молча.

— Воровать нехорошо, — проговорил я затем в грустном раздумье.

— Наши все ушли... Маруся плакала, потому что она была голодна...

— Да!.. Голодна...— с жалобным простодушием повторила девочка...

Я не знал ещё, что такое голод, но при последних словах девочки у меня что-то повернулось в груди, и я посмотрел на своих друзей, точно увидел их впервые. Валек по-прежнему лежал на траве и задумчиво следил за парившим в небе ястребом; теперь он уже не внушал мне прежнего безграничного уважения, а при взгляде на Марусю, державшую обеими руками кусок булки, у меня заняло сердце.

— Почему же,— проговорил я с усилием,— почему ты не сказал об этом мне?

— Я и хотел сказать, а потом раздумал; ведь у тебя своих денег нет.

— Ну так что же? Я взял бы булок из дому.

— Как?.. Потихоньку...

— Да-а.

— Значит, и ты бы тоже украл...

— Я... у своего отца.

— Это ещё хуже! — с уверенностью сказал Валеk.— Я никогда не ворую у своего отца.

— Ну, так я попросил бы... мне бы дали...

— Ну, может быть, и дали бы один раз... где же напасть на всех нищих?

— А вы разве... нищие? — спросил я упавшим голосом.

— Нищие! — угрюмо отрезал Валеk.

Я замолчал и через несколько минут стал прощаться.

— Ты уже уходишь? — спросил Валеk.

— Да, ухожу.

Я уходил потому, что не мог уже в этот день играть с моими друзьями по-прежнему, безмятежно. Хотя любовь моя к Валеку и Марусе не ослабла, но к ней примешалась острая струя сожаления, доходившая до жгучей сердечной боли. Дома я рано лёг в постель. Уткнувшись в подушку, я горько плакал, пока благодетельный сон не заглушил своим веянием моего глубокого горя.

Глава VI. НА СЦЕНУ ЯВЛЯЕТСЯ ПАН ТЫБУРЦИЙ.

— Здравствуй! А уж я думал, ты не придёшь больше,— так встретил меня Валеk, когда я на следующий день опять явился на гору.

Я понял, почему он сказал это.

— Нет, я... я всегда буду ходить к вам,— ответил я решительно, чтобы раз навсегда покончить с этим вопросом.

Валеk заметно повеселел при этом, и оба мы почувствовали себя свободнее и принялись за сооружение хитроумной ловушки для воробьёв, для которой я принёс с собой ниток.

Между тем около полудня небо насупилось, надвинулась тёмная туча, и под раскаты грома зашумел ливень. Сначала мне очень не хотелось спускаться в подземелье, но потом, подумав, что ведь Валеk и Маруся живут там постоянно, я победил неприятное ощущение и пошёл туда вместе с ними. В подземелье было темно и тихо; слышно было, как там, наверху, перекатывался гулкий грохот грозы, точно кто ездил в громадной телеге по мостовой. Через несколько минут я освоился с подземельем, и мы весело прислушивались, как земля принимала широкие потоки ливня.

— Давайте играть в жмурки,— предложил я.

Мне завязали глаза; Маруся звенела слабыми переживаниями смеха и шлёпала по каменному полу непроворными ножонками, а я делал вид, что не могу поймать её, как вдруг я наткнулся на чью-то мокрую фигуру и в ту же минуту почувствовал, что кто-то схватил меня за ногу. Сильная рука приподняла меня с полу, и я повис в воздухе вниз головой. Повязка с глаз моих спала. Тыбурций, мокрый и сердитый, страшнее ещё оттого, что я глядел на него снизу, держал меня за ноги и дико вращал зрачками.

— Это что ещё, а? — строго спрашивал он, глядя на Валека.— Вы тут, я вижу, весело проводите время... завели приятную компанию.

— Пустите меня! — хрипел я, удивляясь, что и в та-

ком необычном положении я всё-таки могу говорить, но рука пана Тыбурция только ещё сильнее жала мою ногу.

Пан Тыбурций приподнял меня и заглянул в лицо.

— Эге-ге! Пан судья, если меня не обманывают глаза... Зачем это изволили пожаловать?

— Пусти! — проговорил я упрямо. — Сейчас отпусти! — И при этом я сделал инстинктивное движение, как бы собираясь топнуть ногой, но от этого моя фигура только забилась в воздухе.

Тыбурций захохотал.

— Ого-го! Пан судья изволит сердиться... Ну, да ты ещё меня не знаешь. Я — Тыбурций. Я вот повешу тебя над огоньком и зажарю, как поросёнка.

Отчаянный вид Валека как бы подтверждал мысль о возможности такого печального исхода. К счастью, на выручку подоспела Маруся.

— Не бойся, Вася, не бойся! — ободряла она меня, подойдя к самым ногам Тыбурция. — Он никогда не жарит мальчиков на огне... Это неправда!

Тыбурций быстрым движением повернул меня и поставил на ноги; при этом я чуть не упал, так как у меня закружилась голова, но он поддержал меня рукой и затем, сев на деревянный обрубок, поставил меня между колен.

— И как это ты сюда попал? — продолжал он допрашивать. — Давно ли?.. Говори ты! — обратился он к Валеку, так как я ничего не ответил.

— Давно, — ответил тот.

— А как давно?

— Дней десять.

— Ого! десять дней! — проговорил он, поворачивая меня лицом к себе. — Десять дней — много времени. И ты до сих пор никому ещё не разболтал, куда ходишь?

— Никому.

— Правда?

— Никому, — повторил я.

— Похвально!.. Можно рассчитывать, что не разболтаешь и впредь. Впрочем, я и всегда считал тебя поря-

дочным малым, встречая на улицах. Настоящий «уличник», хоть и судья... А нас судить будешь? Скажи-ка!

Он говорил довольно добродушно, но я всё-таки чувствовал себя глубоко оскорблённым и потому ответил сердито:

— Я вовсе не судья. Я — Вася.

— Одно другому не мешает: и Вася тоже может быть судьёй, не теперь, так после. Твой отец меня судит...— ну, и ты когда-нибудь будешь судить... вот его! — Тыбурций указал на Валека.

— Не буду судить Валека,— возразил я угрюмо.— Неправда.

— Он не будет,— вступилась и Маруся, с полным убеждением отстраняя от меня такое ужасное подозрение.

Девочка доверчиво прижалась к ногам Тыбурция, а он ласково гладил жилистую рукой её белокурые волосы.

— Ну, этого ты вперёд не говори! — сказал странный человек задумчиво, обращаясь ко мне таким тоном, точно он говорил со взрослым.— Каждый идёт своей дорогой; кто знает, может, это и хорошо, что твоя дорога пролегла через нашу. Для тебя хорошо, друг, потому что у тебя в груди есть человеческое сердце, а не холодный камень... понимаешь?..

Я не понимал ничего, но всё же впился глазами в лицо странного человека, пристальный взгляд которого как будто проникал в мою душу.

— Запомни покамест одно,— продолжал Тыбурций,— если ты проболтаешься своему пану судье или хоть птице, которая пролетит мимо тебя в поле, о том, что ты здесь видел, то не будь я Тыбурций Драб, если я тебя не повешу вот в этом камине за ноги и не сделаю из тебя копчёного окорока.

— Я не скажу никому... я... Можно мне опять прийти?

— Приходи, разрешаю... Но с условием. Я уже сказал тебе насчёт окорока. Помни!..

Он отпустил меня и сам растянулся с усталым видом на длинной лавке, стоявшей около стенки.

— Возьми вон там,— указал он Валеку на большую корзину, которую, войдя, оставил у порога,— да разведи огонь. Мы будем сегодня варить обед.

Теперь это был уже не тот человек, что за минуту пугал меня, вращая зрачками, и не уличный комедиант. Он распоряжался как хозяин и глава семейства, вернувшийся с работы и отдающий приказания домочадцам.

Мы с Валеком живо принялись за работу. Валек зажёл лучину, и мы отправились с ним в тёмный коридор, примыкающий к подземелью. Набрав там несколько кусков старых, полугнилых досок и бросив их в камин, мы развели огонь. Через полчаса в горшке закипело какое-то варево, а в ожидании, пока оно поспеет, Валек поставил на треногий кое-как сколоченный столик сковородку, на которой дымились куски жареного мяса.

Тыбурций поднялся.

— Готово? — сказал он.— Ну, и отлично. Садись, малый, с нами: ты заработал свой обед...

Марусю Тыбурций держал на руках. Она и Валек ели с жадностью, которая ясно показывала, что мясное блюдо для них невиданная роскошь. Маруся облизывала свои засаленные пальчики. Тыбурций ел с расстановкой и то и дело обращался с своей беседой к Валеку. Из странных, запутанных речей я понял только, что наш обед приобретён не совсем обыкновенным путём. Я не выдержал и спросил:

— Как? Вы это взяли... сами?

— Малый, ты не лишён проницательности,— заметил мне Тыбурций,— но всё-таки ещё глуп и многого не понимаешь. А вот она понимает: скажи, моя Маруся, хорошо ли я сделал, что принёс тебе жаркое?

— Хорошо! — ответила девочка, слегка сверкнув бирюзовыми глазами.— Маня была голодна.

Под вечер этого дня я с отуманенною головою задумчиво возвращался к себе. В тёмной аллее нашего сада я нечаянно наткнулся на отца. Он, по обыкновению, угрюмо ходил взад и вперёд. Когда я очутился подле него, он взял меня за плечо.

— Откуда это?

— Я... гулял...

Он пристально посмотрел на меня, махнул рукой и опять зашагал по аллее. Я солгал чуть ли не в первый раз в жизни.

Я дрожал при мысли, что отец узнает когда-нибудь о моём знакомстве с детьми подземелья, но признаться ему в этом не мог, чтобы не изменить своим друзьям. А изменить Валеку и Марусе я был не в состоянии. Если бы я нарушил данное слово, то, без сомненья, не мог бы при встрече поднять глаз на них от стыда.

Глава VII. ОСЕНЬЮ.

Близилась осень. В поле шла жатва, листья на деревьях стали желтеть. Вместе с тем наша Маруся начала что-то прихварывать. Она ни на что не жаловалась, только всё худела; лицо её всё больше и больше бледнело, глаза потемнели; веки подымались с трудом. Она большую часть времени проводила теперь в постели, и мы с Валеком из всех сил старались развлечь её и позабавить, чтобы вызвать тихие переливы её слабого смеха.

Теперь грустная улыбка Маруси стала мне почти так же дорога, как улыбка сестры; тут никто не ставил мне вечно на вид мою испорченность, тут не было ворчливой няньки; тут я был нужен; я чувствовал, что каждый раз моё появление вызывает румянец оживления на щеках девочки. Валек обнимал меня, как брата, и даже Тыбурций по временам смотрел на нас троих какими-то странными глазами, в которых что-то мерцало, точно слеза.

На время небо опять прояснилось; с него сбежали тучи, и над просыхающей землёй, в последний раз перед наступлением зимы, засияли солнечные дни. Мы каждый день выносили Марусю наверх, и здесь она как будто оживала; девочка смотрела вокруг широко раскрытыми глазами, на щеках её загорался румянец; казалось, что ветер, обдававший её своими свежими живительными взмахами, возвращал ей частицы жизни, похищенной серыми камнями подземелья. Но это продолжалось не долго...

Между тем над моей головой тоже стали собираться тучи.

Однажды, когда я, по обыкновению, утром проходил по аллеям сада, я увидел в одной из них отца, а рядом — старого Януша из замка. Старик подобострастно кланялся и что-то говорил, а отец стоял с угрюмым видом, и на лбу его резко обозначалась складка нетерпеливого гнева. Наконец, он протянул руку, как бы отстраняя Януша с своей дороги, и сказал:

— Уходите! Вы просто старый сплетник!

Сердце моё дрогнуло предчувствием. Я понял, что подслушанный мною разговор относился к моим друзьям и, быть может, также ко мне.

Тыбурций, которому я рассказал об этом случае, скорчил ужасную гримасу:

— У-уф, малый, какая это неприятная новость!.. О, проклятая старая лисица!

— Отец его прогнал,— заметил я в виде утешения.

— Твой отец, малый, самый лучший из всех судей. Он не считает нужным травить старого беззубого зверя в его последней берлоге... Но, малый, как бы тебе объяснить это?.. Твой отец служит господину, которому имя — закон. У него есть глаза и сердце только до тех пор, пока закон спит себе на полках: когда же этот господин сойдёт оттуда и скажет твоему отцу: «А ну-ка, судья, не взяты ли нам за Тыбурция Драба или как там его зовут?» — с этого момента судья тотчас запирает своё сердце на ключ, и тогда у него такие твёрдые лапы, что скорее мир повернётся в другую сторону, чем пан Тыбурций вывернется из его рук... Понимаешь ты, малый?.. И за это я и все ещё больше уважаю твоего отца, потому что такие люди редки. Будь у закона все такие слуги, он мог бы спать спокойно на своих полках и никогда не просыпаться.

С этими словами Тыбурций встал, взял на руки Марусю и, отойдя с нею в дальний угол, стал целовать её, прижимаясь к её маленькой груди. А я остался на месте и долго стоял в одном положении под впечатлением странных речей.

Глава VIII. КУКЛА.

Ясные дни миновали, и Марусе опять стало хуже. На все наши ухищрения, с целью занять её, она смотрела равнодушно своими большими, потемневшими и неподвижными глазами, и мы давно уже не слышали её смеха. Я стал носить в подземелье свои игрушки, но и они развлекали девочку только на короткое время. Тогда я решился обратиться к своей сестре Соне.

У Сони была большая кукла с ярко раскрашенным лицом и роскошными льняными волосами — подарок покойной матери. На эту куклу я возлагал большие надежды и потому, отозвав сестру в боковую аллею сада, попросил дать мне её на время. Я так убедительно просил её об этом, так живо описал ей бедную больную девочку, у которой никогда не было своих игрушек, что Соня, которая сначала только прижимала куклу к себе, отдала мне её и обещала в течение двух-трёх дней играть другими игрушками.

Действие куклы на больную превзошло все мои ожидания.

Маруся, которая увядала, как цветок осенью, казалось, вдруг опять ожила. Она так крепко меня обнимала, так звонко смеялась, разговаривая с своей новой знакомой... Маленькая кукла сделала почти чудо: Маруся, давно уже не сходившая с постели, стала ходить, водя за собой свою белокурую дочку, и по временам бегала даже, по-прежнему шлёпая по полу слабыми ногами.

Зато мне эта кукла доставила очень много тревожных минут. Прежде всего, когда я нёс её за пазухой, направляясь с нею на гору, в дороге мне попался старый Януш, который долго провожал меня глазами и качал головой.

Потом, дня через два, старушка-нянька заметила пропажу и стала соваться по углам, везде разыскивая куклу. Соня старалась унять её, но своими наивными уверениями, что ей кукла не нужна, что она ушла гулять и скоро вернётся, только вызывала недоумение служанок и возбуждала подозрение, что тут не простая пропажа. Отец ничего ещё не знал, но к нему опять приходил

Януш и был прогнан на этот раз с ещё большим гневом; однако в тот же день отец остановил меня на пути к садовой калитке и велел остаться дома. На следующий день повторилось то же, и только через четыре дня я встал рано утром и махнул через забор, пока отец ещё спал.

На горé дела были плохи. Маруся опять слегла, и ей стало ещё хуже: лицо её горело странным румянцем,

белокурые волосы раскидались по подушке; она никого не узнавала. Рядом с ней лежала злополучная кукла с розовыми щеками и глупыми блестящими глазами.

Я сообщил Валеку свои опасения, и мы решили, что куклу необходимо унести обратно, тем более, что Маруся этого и не заметит. Но мы ошиблись: как только я вынул куклу из рук лежавшей в забытьи девочки, она открыла глаза, посмотрела перед собой смутным взглядом, как будто не видя меня, не сознавая, что с нею происходит, и вдруг заплакала тихо, тихо, но вместе с тем так жалобно, а в исхудалом лице её, под покровом бреда, мелькнуло выражение такого глубокого горя, что я тотчас же с испу-

гом положил куклу на прежнее место. Девочка улыбнулась, прижала куклу к себе и успокоилась. Я понял, что хотел лишить моего маленького друга первой и последней радости в её недолгой жизни.

Валек робко посмотрел на меня.

— Как же теперь будет? — спросил он грустно.

Тыбурций, сидя на лавочке с печально-понуренною головой, также смотрел на меня вопросительным взглядом. Поэтому я постарался придать себе вид по возможности беспечный и сказал:

— Ничего! Нянька, наверное, уже забыла.

Но старуха не забыла. Когда я возвращался на этот раз домой, у калитки мне опять попался Януш; Соню я застал с заплаканными глазами, а нянька кинула на меня сердитый, подавляющий взгляд и что-то ворчала беззубым, шамкавшим ртом.

Отец спросил у меня, куда я ходил, и, выслушав внимательно обычный ответ, ограничился тем, что повторил мне приказ ни под каким видом не отлучаться из дому без его позволения. Приказ был категоричен и очень решителен; послушаться его я не посмел, но не решался также обратиться к отцу за позволением.

Прошло четыре томительных дня. Я грустно ходил по саду и с тоской смотрел по направлению к горе, ожидая, кроме того, грозы, которая собиралась над моей головой. Что будет, я не знал, но на сердце у меня было тяжело.

Меня во всю жизнь никто ещё не наказывал; отец не только не трогал меня пальцем, но я от него не слышал никогда ни одного резкого слова.

Теперь меня томило тяжёлое предчувствие.

Наконец меня позвали к отцу в его кабинет. Я вошёл и робко остановился у притолоки. В окно заглядывало грустное осеннее солнце. Отец сидел в своём кресле, перед портретом матери, и не поворачивался ко мне. Я слышал тревожный стук собственного сердца.

Но вот он повернулся. Я поднял на него глаза и тотчас же опустил их в землю. Лицо отца показалось мне страшным. Прошло около полминуты, и в течение этого

времени я чувствовал на себе тяжёлый и неподвижный, подавляющий взгляд.

— Ты взял у сестры куклу?

Эти слова упали вдруг на меня так отчётливо и резко, что я вздрогнул.

— Да,— ответил я тихо.

— А знаешь ты, что это подарок матери, которым ты должен бы дорожить, как святыней?.. Ты украл её?..

— Нет,— сказал я, подымая голову.

— Как нет? — вскрикнул вдруг отец, отталкивая кресло.— Ты украл её и снёс... кому ты снёс её?.. Говори!

Он быстро подошёл ко мне и положил мне на плечо тяжёлую руку. Я с усилием поднял голову и взглянул вверх. Лицо отца было бледно. Я весь съёжился.

Отец тяжело перевёл дух. Я съёжился ещё более, горькие слёзы жгли мои щёки. Я ждал.

— Эге-ге!..— раздался вдруг за открытым окном резкий голос Тыбурция.— Я вижу,— продолжал Тыбурций, входя через две-три секунды в комнату,— вижу моего молодого друга в затруднительном положении.

Отец встретил его мрачным, угрожающим взглядом, но Тыбурций выдержал его спокойно. Он был серьёзен, не кривлялся, глаза его глядели как-то особенно грустно.

— Пан судья,— заговорил он мягко,— вы человек справедливый... отпустите ребёнка. Видит бог, он не сделал дурного дела, и если его сердце лежит к моим оборванным беднягам, то лучше велите меня повесить, но я не допущу, чтобы мальчик пострадал из-за этого. Вот твоя кукла, малый!..

Он развязал узелок и вынул оттуда куклу.

Рука отца, державшая моё плечо, разжалась. В лице виднелось изумление.

— Что это значит? — спросил он наконец.

— Отпустите мальчика,— повторил Тыбурций, и его широкая ладонь любовно погладила мою опущенную голову.— Вы ничего не добьётесь от него угрозами, а между тем я охотно расскажу вам всё, что вы желаете знать... Выйдем, пан судья, в другую комнату.

Я всё ещё стоял на том же месте, когда дверь из кабинета отворилась и оба собеседника вошли. Я опять почувствовал на своей голове чью-то руку и вздрогнул. То была рука отца, нежно гладившая мои волосы.

Тыбурций взял меня на руки и посадил, в присутствии отца, к себе на колени.

— Приходи к нам,— сказал он,— отец тебя отпустит попрощаться с моей девочкой... Она... она умерла.

Голос Тыбурция дрогнул, он странно заморгал глазами, но тотчас встал, поставил меня на пол, выпрямился и быстро ушёл из комнаты.

Я вопросительно поднял глаза на отца.

Теперь передо мной стоял другой человек, и в этом именно человеке я нашёл что-то родное, чего тщетно искал в нём прежде. Он смотрел на меня обычным своим слегка затуманенным взглядом, но теперь в этом взгляде виднелись только задумчивость, нежность и как будто вопрос.

Я доверчиво взял его руку и сказал:

— Я ведь не украл... Соня сама дала мне, на время...

— Д-да,— ответил он задумчиво,— я знаю... Я виноват перед тобой, мальчик, и ты постарайся когда-нибудь забыть это, не правда ли?

Я с живостью схватил его руку и стал её целовать. Я знал, что теперь никогда уже он не будет смотреть на меня теми строгими глазами, какими смотрел за несколько минут перед тем, и долго сдерживаемая любовь невозбранно хлынула целым потоком. Теперь я уже не боялся его.

— Ты отпустишь теперь меня на гору? — спросил я, вспомнив вдруг приглашение Тыбурция.

— Д-да... Ступай, ступай, мальчик,— ласково проговорил он всё ещё с тем же оттенком недоумения в голосе.— Да, впрочем, постой... пожалуйста, мальчик, погоди немного.

Он ушёл в свою спальню и, через минуту выйдя оттуда, сунул мне в руку несколько бумажек.

— Передай это... Тыбурцию... Скажи, что я покорнейше прошу его... понимаешь?... покорнейше прошу взять

эти деньги... от меня... понял?.. Теперь ступай, мальчик, ступай скорее.

Я догнал Тыбурция уже на горе и, запыхавшись, нескладно исполнил поручение отца.

— Покорнейше просит... отец...— и я стал совать ему в руку данные отцом деньги. Я не глядел ему в лицо. Деньги он взял.

В подземелье, в тёмном углу, на лавочке, лежала Маруся. Слово смерть не имеет ещё полного значения для детского слуха, и горькие слёзы только теперь, при виде этого безжизненного тела, сдавили мне горло...

Кто-то в углу стучал топором, готовя гробик из старых досок, сорванных с крыши часовни. Марусю убирали осенними цветами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Вскоре после описанных событий Тыбурций и Валеk совершенно неожиданно исчезли, и никто не мог сказать, куда они направились теперь, как никто не знал, откуда они пришли в наш город.

Могила, огороженная частоколом, каждую весну зеленела свежим дёрном, пестрела цветами.

Мы с Соней, а иногда даже с отцом, посещали эту могилу; мы любили сидеть на ней в тени смутно лепечущей берёзы, в виду тихо сверкавшего в тумане города. Тут мы с сестрой вместе читали, думали, делились своими первыми молодыми мыслями, первыми планами крылатой и честной юности.

Когда же пришло время и нам оставить тихий родной город, здесь же, в последний день, мы оба, полные жизни и надежды, произносили над маленькой могилкой свои обеты.

1. Найдите описание наружности Валека и Маруси и объясните, как автор показывает, что перед нами дети подземелья.

2. Объясните слова: «серый камень высосал её жизнь».

3. Как переживает Вася открытие, что его друзья живут

кражами? Почему Вася не бросил их, хотя он узнал, что они «нищие» и «воры»?

4. Почему Вася завидует жизни Валека и Маруси? Почему он чувствовал себя так хорошо в семье Тыбурция?

5. Вспомните всё, что говорил Валека и Тыбурций об отце Васи. Объясните, почему бродяга Тыбурций решился прийти к судье.

6. Объясните слова отца: «Я виноват перед тобой, мальчик».

7. Какие хорошие свойства сына раскрылись перед отцом из разговора с Тыбурцием?

8. Объясните слова Тыбурция восьмилетнему Васе: «Может, это и хорошо, что твоя дорога пролегла через нашу».

Составьте сжатый пересказ всего произведения по заголовкам глав.

Темы для рассказов: 1. Жизнь Валека и Маруси среди серых камней. 2. Дружба Валека и Васи. 3. Кукла.

Обычно мы узнаём о переживаниях человека не только по его словам, но и по взгляду, жестам, движениям. Продумайте в этом смысле фразы, взятые из сцены объяснения Васи с отцом:

«Я поднял на него глаза, и тотчас же опустил их в землю».

«Я чувствовал на себе тяжёлый и неподвижный, подавляющий взгляд».

«Он быстро подошёл ко мне и положил мне на плечо тяжёлую руку. Я с усилием поднял голову и взглянул вверх. Лицо отца было бледно. Я весь съёжился».

«Я опять почувствовал на своей голове чью-то руку и вздрогнул. То была рука отца, нежно гладившая мои волосы».

«Я вопросительно поднял глаза на отца. Он смотрел на меня обычным своим слегка затуманенным взглядом, но теперь в этом взгляде виднелись только задумчивость, нежность и как будто вопрос».

«Я доверчиво взял его руку и сказал: — Я ведь не украл...»

«Я с живостью схватил его руку и стал её целовать».

ПАРУС.

М. Ю. Лермонтов.

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнётся и скрипит;
Увы! — он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой,—
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ.

(В сокращении.)

В. Катаев.

І. МОРЕ.

Сколько бы ни смотреть на море — оно никогда не надоест. Оно всегда разное, новое, невиданное.

Оно меняется на глазах, каждый час.

То оно тихое, светло-голубое, в нескольких местах открытое почти белыми дорожками штиля... То оно яркосинее, пламенное, сверкающее. То оно играет барашками. То, под свежим ветром, становится вдруг тёмно-индиговым, шерстяным, точно его гладят против ворса.

То налетает буря, и оно грозно преображается. Штормовой ветер гонит крупную зыбь. По небу летают с криками чайки. Взбаламученные волны волокут и швыряют вдоль берега глянцеовитое тело дохлого дельфина. Резкая зелень горизонта стоит зубчатой стеной над бурными облаками шторма. Малахитовые доски прибоя, размашисто исписанные беглыми зигзагами пены, с пушечным

громом разбиваются о берег. Эхо звенит бронзой в оглушённом воздухе. Тонкий туман брызг висит кисеёй во всю громадную высоту потрясённых обрывов.

Но главное очарование моря заключалось в какой-то тайне, которую оно всегда хранило в своих пространствах.

Разве не тайной было его фосфорическое свечение, когда в безлунную июльскую ночь рука, опущенная в чёрную тёплую воду, вдруг озарялась, вся осыпанная голубыми искрами? Или движущиеся огни невидимых судов и бледные медлительные вспышки неведомого маяка? Или число песчинок, недоступное человеческому уму?

Разве, наконец, не было полным тайны видение взбунтовавшегося броненосца, появившегося однажды очень далеко в море?

Его появлению предшествовал пожар в Одесском порту. Зарево было видно за сорок вёрст. Тотчас разнесся слух, что это горит эстакада¹.

Затем было произнесено слово: «Потёмкин».

Несколько раз, таинственный и одинокий, появлялся мятежный броненосец на горизонте в виду бессарабских берегов.

Батраки бросали работу на фермах² и выходили к обрывам, старались разглядеть далёкий дымок. Иногда им казалось, что они его видят. Тогда они срывали с себя фуражки и рубахи и, с яростью размахивая ими, приветствовали инсургентов³.

Но Петя, как ни щурился, как ни напрягал зрение, по совести говоря, ничего не видел в пустыне моря.

Только однажды, в подзорную трубу, которую ему удалось выпросить на минуточку у одного мальчика, он разглядел светло-зелёный силуэт⁴ трёхтрубного броненосца с красным флажком на мачте.

Корабль быстро шёл на запад, в сторону Румынии.

¹ *Эстакада* — помост на сваях для причала судов.

² *Ферма* — здесь: частное сельскохозяйственное предприятие.

³ *Инсургент* — участник вооружённого восстания.

⁴ *Силуэт* — внешнее очертание какого-нибудь предмета.

А на другой день горизонт вдруг покрылся низким, сумрачным дымом. Это вся черноморская эскадра шла по следу «Потёмкина».

Рыбаки, приплывшие из гирла¹ Дуная на своих больших чёрных лодках, привезли слух о том, что «Потёмкин» пришёл в Констанцу, где ему пришлось сдать ся румынскому правительству. Команда высадилась на берег и разошлась кто куда.

Прошло ещё несколько тревожных дней.

И вот на рассвете горизонт снова покрылся дымом.

Это шла назад из Констанцы в Севастополь черноморская эскадра, таща на буксире, как на аркане, схваченного мятежника.

Пустой, без команды, с машинами, залитыми водой, со спущенным флагом восстания, тяжело ныряя в острой зыби, «Потёмкин» медленно двигался, окружённый тесным конвоем дыма. Он долго шёл мимо высоких обрывов Бессарабии, откуда молча смотрели ему вслед рабочие с экономий², солдаты пограничной стражи, рыбаки, батрачки... Смотрели до тех пор, пока вся эскадра не скрылась из глаз.

И опять стало море таким ласковым и тихим, будто его облили синим маслом.

Между тем на степных дорогах появились отряды конных стражников, высланных к границе Румынии на поимку беглых потёмкинцев.

...Петя решил на прощанье наскоро выкупаться...

Петя вынырнул на поверхность, чтобы набрать побольше воздуха. Но вдруг он увидел на обрыве отца.

Отец размахивал соломенной шляпой и что-то кричал.

Голос отца вернул Петю к горькому чувству разлуки, с которым он встал сегодня. И мальчик закричал таким отчаянно громким голосом, что у него зазвенело в ушах:

— Сейчас иду! Сейчас!

А в обрывах осталось раскатистое:

— айс-айс-айс!..

¹ *Гірло Дуная* — рукав Дуная, разветвление русла.

² *Экономия* — крупное капиталистическое имение.

II. В СТЕПИ.

Дилижанс¹ уже стоял на дороге против ворот. Кучер, став на колесо, привязывал к крыше складные парусиновые кровати уезжающих дачников и круглые корзины с синими баклажанами, которые, пользуясь случаем, отправляли из экономии в Аккерман.

Все сердечно простились с хозяевами, вышедшими их проводить к воротам, уселись в дилижанс и поехали.

Дорога огибала ферму.

Дилижанс, гремя подвязанным ведром, проехал мимо фруктового сада, мимо беседки, мимо скотного и птичьего дворов. Наконец, он поравнялся с гарманом, то-есть с той ровной, хорошо убитой площадкой, на которой молотят и веют хлеб. В Средней России такая площадка называется ток, а в Бессарабии — гарман.

Мелькнули мешки, весы, гири.

Потом проплыл высокий холм только что намолоченного зерна, покрытого брезентом.

И дилижанс выехал в открытую степь.

Одним словом, всё было сначала так же, как и в прошлые годы. Открытое вокруг на десятки вёрст пустынное жнивье. Одинокий курган... Присевший возле своей норки суслик. Кусок верёвки, похожий на раздавленную гадюку...

Но вдруг впереди показалась пыль, и мимо дилижанса крупной рысью проехал небольшой отряд конных стражников.

— Стой!

Дилижанс остановился.

Один из всадников подъехал к дилижансу.

Короткий ствол карабина² прыгал над зелёным погоном с цифрой. Прыгала пыльная фуражка набекрень.

— Кого везёшь? — раздался где-то сверху солдатский голос.

— Дачников на пароход, — ответил неузнаваемо-

¹ *Дилижанс* — большая карета, в которой в прежнее время перевозили пассажиров и почту.

² *Карабин* — ружьё с укороченным стволом.

тонкий, поспешный, какой-то угодливый голос кучера.— Они в Аккерман едут, а там прямо на пароход — и в Одессу. Они тута в экономии всё лето жили. С самого начала июня. Теперь они едут обратно до дому.

— А ну покажь!

И с этими словами в окно заглянуло красное, желтое и желтобровое солдатское лицо с жёстко выскобленным подбородком и с овальной кокардой на зелёном околыше фуражки.

— Кто такие?

— Дачники,— сказал, улыбаясь, отец.

Солдату, видно, не понравилась эта улыбка и это слишком вольное слово «дачники», показавшиеся ему насмешкой.

— Я вижу, что дачники,— с грубым неудовольствием сказал он.— Мало что дачники! А кто такие — дачники?

Нижняя челюсть у отца дрогнула, бородака запрыгала. Побледнев от негодования, он дрожащими пальцами застегнул на все пуговицы летнее пальто, поправил пенсне и резким фальцетом закричал:

— Как вы смеете говорить со мной в таком тоне? Я — преподаватель среднеучебных заведений, коллежский советник Бачей, а это мои дети — Пётр и Павел. Мы направляемся в Одессу.

На лбу у отца выступили розовые пятна.

— Виноват, ваше высокоблагородие,— бодро сказал солдат, вылупив почти белые глаза, и поднёс руку с нагайкой к козырьку.— Обознался!

Как видно, он был смертельно перепуган, услышав хоть до сих пор ему и неизвестный, но столь грозный штатский чин — «коллежский советник».

«Ну его к богу! Ещё нарвёшься на неприятность. Ещё по зубам зарабатываешь».

Он дал лошади шпоры и ускакал.

Тем временем кучер, как это всегда бывает во время долгих поездок на лошадях, в общем замешательстве уже успел потерять ремешок кнута и ходил по дороге, шарпая кнутовищем по придорожным, седым от пыли кустикам полыни.

Наконец он его нашёл и привязал, затянув узел зубами.

— А, чтоб им пусто было! — сказал он, подходя к дилижансу. — Ездят эти стражники по всем дорогам и ездят, только людей пугают.

— Зачем ездят? — спросил отец.

— Кто их знает — зачем. Ловят кого-нибудь. Тут позавчера, вёрст за тридцать, экономию помещика Балабанова спалили. Говорят, какой-то беглый матрос с «Потёмкина» поджёг. Так теперь они скрозь ездят и ловят того беглого матроса. Он, говорят, где-то тут по степу скрывается. Такие дела. Что ж, поедем?

С этими словами кучер взлез на своё высокое место, разобрал вожжи, и дилижанс тронулся дальше.

Однако, как ни прекрасно было это утро, настроение у всех было уже испорчено.

Очевидно, в этом чудесном мире густого синего неба, покрытого дикими табунами белогривых облаков, в мире лиловых теней, волнисто бегущих с кургана на курган по степным травам, среди которых нет-нет да и мелькнёт конский череп или воловьи рога, в мире, который был создан, казалось, исключительно для человеческой радости и счастья, — в этом мире не всё обстояло благополучно.

И об этом думали все в дилижансе: и отец, и кучер, и Петя.

III. БЕГЛЕЦ.

Вёрст за десять до Аккермана начались виноградники. Уже давно и дыню съели, и корки выбросили в окно. Становилось скучно. Время подошло к полудню.

Лёгкий утренний ветер, свежестью своей напоминавший, что дело всё-таки идёт к осени, теперь совершенно упал. Солнце жгло, как в середине июля, даже как-то жарче, суше, шире.

Лошади с трудом тащили громоздкий дилижанс по песку глубиной по крайней мере в три четверти аршина.

Тонкая мука пыли душным облаком окружала путешественников. Брови и ресницы стали седыми. Пыль хрустела на зубах. Павлик тарасил свои светло-шоколадные зеркальные глаза и отчаянно чихал.

Кучер превратился в мельника.

А вокруг, нескончаемые, тянулись виноградники.

Неподвижная духота насыщена пряным запахом чебреца и тмина. Чуть слышно потрескивают подсыхающие стручки мышиного горошка. Хорошо!

Кусты винограда дрожали и струились, облитые воздушным стеклом зноя.

И надо всем этим бледно синело почти обесцвеченное зноем степное, пыльное небо.

Чудесно!

И вдруг произошло событие, до такой степени стремительное и необычайное, что трудно было даже сообразить, что случилось сначала и что потом.

Во всяком случае, сначала раздался выстрел. Но это не был хорошо знакомый, нестрашный, гулкий выстрел из дробовика, столь частый на виноградниках. Нет, это был зловещий, ужасающий грохот трёхлинейной винтовки казённого образца.

Одновременно с этим на дороге показался конный стражник с карабином в руках.

Он ещё раз приложился, прицелился в глубину виноградника, но, видно, раздумал стрелять. Он опустил карабин поперёк седла, дал лошади шпоры, пригнулся и махнул через высокий вал прямо в виноградник. Пришлёпнув фуражку, он помчался, ломая виноградные кусты, напрямик и вскоре скрылся из глаз.

Дилижанс продолжал ехать.

Некоторое время вокруг было пусто.

Вдруг позади, на валу виноградника, в одном месте закачалась берёза. Кто-то спрыгнул в ров, потом выкарабкался из рва на дорогу.

Какой-то человек, скрытый в облаке густой пыли, бросился догонять дилижанс.

Вероятно, кучер заметил его сверху раньше всех. Однако вместо того, чтобы затормозить, он, наоборот,

встал на козлах и отчаянно закрутил над головой кнутом. Лошади пустились вскачь.

Но неизвестный успел уже вскочить на подножку и, открыв заднюю дверцу, заглянул в дилижанс.

Он тяжело дышал, почти задыхался.

Это был коренастый человек с молодым, бледным от испуга лицом и карими не то весёлыми, не то насмерть испуганными глазами.

«Матрос!» — мелькнула у Пети страшная мысль, и тут же на кулаке неизвестного, сжимавшего ручку двери, к ужасу своему мальчик явственно увидел голубой татуированный якорь.

Между тем неизвестный, как видно, был смущён своим внезапным вторжением в дилижанс не менее самих пассажиров.

Увидев остолбеневшего от изумления господина в пенсне и двух перепуганных детей, он беззвучно зашевелил губами, как бы желая не то поздороваться, не то извиниться.

Но кроме кривой, застенчивой улыбки, у него ничего не вышло.

Наконец он махнул рукой и уже собирался спрыгнуть с подножки обратно на дорогу, как вдруг впереди показался разъезд. Неизвестный осторожно выглянул из-за кузова дилижанса, увидел в пыли солдат, быстро вскочил внутрь кареты и захлопнул за собой дверь.

Он умоляющими глазами посмотрел на пассажиров, затем, не говоря ни слова, стал на четвереньки и, к ужасу Пети, полез под скамейку, прямо туда, где были спрятаны коллекции.

Мальчик с отчаянием посмотрел на отца, но тот сидел совершенно неподвижно, с бесстрастным лицом, немного бледный, решительно выставив вперёд бородку. Сцепив на животе руки, он крутил большие пальцы — один вокруг другого.

Весь его вид говорил: ничего не произошло, ни о чём не надо расспрашивать, а надо сидеть на своём месте как ни в чём не бывало и ехать.

Не только Петя, но даже и маленький Павлик поняли отца сразу.

Ничего не замечать. При создавшемся положении это было самое простое и самое лучшее.

Что касается кучера, то о нём нечего было и говорить. Он, зная себе, нахлёстывал лошадей, даже не оборачиваясь назад.

Словом, это был какой-то весьма странный, но единодушный заговор молчания.

Разъезд поравнялся с дилижансом.

Несколько солдатских лиц заглянуло в окно. Но матрос уже лежал глубоко под скамейкой. Его совершенно не было видно.

По-видимому солдаты не нашли ничего подозрительного в этом мирном дилижансе с детьми и баклажанами. Не останавливаясь, они проехали мимо.

По крайней мере полчаса продолжалось общее молчание. Матрос неподвижно лежал под скамейкой. Вокруг всё было спокойно.

Наконец впереди в жидкой зелени акаций показалась черепица крайних домиков города.

Тогда отец первый нарушил молчание. Равнодушно глядя в окно, он сказал как бы про себя, но вместе с тем и рассчитанно громко:

— Ого! Кажется, мы подъезжаем. Уже виднеется Аккерман. Какая ужасная жара! На дороге ни души.

Петя сразу разгадал хитрость отца.

— Подъезжаем! Подъезжаем! — закричал он.

Он схватил Павлика за плечи и стал толкать его в окно, фальшиво-возбуждённо крича:

— Смотри, Павлик, смотри, какая красивая птичка летит!

— Где летит птичка? — спросил Павлик, с любопытством высовывая язык.

— Ах, господи, какой ты глупый! Вот же она, вот.

— Я не вижу.

— Значит, ты слепой.

В это время позади раздался шорох, и сейчас же хлопнула дверь. Петя быстро обернулся. Но всё вокруг было,

как прежде. Только уже не торчал из-под скамейки сапог.

Петя в тревоге заглянул под скамейку: целы ли коллекции. Коробки были целы. Всё в порядке.

А Павлик продолжал суетиться у окна, стараясь увидеть птичку.

— Где же птичка? — хныкал он, кривя ротик. — Покажите птичку. Пе-е-етька, где пти-и-ичка?

— Не ной! — наставительно сказал Петя. — Нет птички. Улетела. Пристал!

Павлик тяжело вздохнул и, поняв, что его грубо обманули, принялся с изумлением заглядывать под скамейку. Там никого не было.

— Папа, — наконец произнёс он дрожащим голосом, — а где же дядя? Куда он девался?

— Не болтай! — строго заметил отец.

И Павлик горестно замолчал, ломая голову над таинственным исчезновением птички и не менее таинственным исчезновением дяди.

Колёса застучали по мостовой. Дилижанс въехал в тенистую улицу, обсаженную акациями.

Судя по солнцу, времени было уже больше часа. А пароход «Тургенев» отходил в два.

Отец велел, не останавливаясь в гостинице, ехать прямо на пристань, откуда как раз только что вытек очень длинный и толстый пароходный гудок.

IV. ПАРОХОД «ТУРГЕНЕВ».

Не следует забывать, что описываемые в этой книге события происходили лет сорок с лишним назад. А пароход «Тургенев» считался даже и по тому времени судном, порядочно устаревшим.

Довольно длинный, но узкий, с двумя колёсами, красные лопасти которых виднелись в прорезах круглого кожуха, с двумя трубами, он скорее напоминал большой катер, чем маленький пароход.

Но Пете он всегда казался чудом кораблестроения, а поездка на нём из Одессы в Аккерман представлялась по меньшей мере путешествием через Атлантический океан.

Был как раз горячий сезон помидоров и винограда. Погрузка шла утомительно долго.

Петя несколько раз выходил на палубу, чтобы узнать, скоро ли, наконец, отчалият. Но каждый раз казалось, что дело не движается. Грузчики шли бесконечной вереницей по трапу, один за другим, с ящиками и корзинами на плечах, а груза на пристани всё не убывало.

Мальчик подходил к помощнику капитана, наблюдавшему за погрузкой, тёрся возле него, становился рядом, заглядывая сверху в трюм, куда осторожно опускали на цепях бочки с вином — сразу по три, по четыре штуки, связанные вместе.

Иногда он как бы нечаянно даже задевал помощника капитана локтем. Специально, чтобы обратить на себя внимание.

— Мальчик, не путайся под ногами, — с равнодушной досадой говорил помощник капитана.

Но Петя на него не обижался. Пете важно было лишь как-нибудь завязать разговор.

— Послушайте, скажите, пожалуйста: скоро мы поедем?

— Скоро.

— А когда скоро?

— Как погрузим, так и поедем.

Петя снова принимался, положив подбородок на перила, рассматривать смертельно надоевшую пристань.

От неподвижного речного зноя, от пыли, от вялого, но непрерывного шума медленной погрузки Петю клонило ко сну.

Мальчик ещё раз, на всякий случай, подошёл к старшему помощнику узнать, скоро ли, наконец, поедем, и ещё раз получил ответ, что как погрузим, так и поедем, а погрузим тогда, когда поедем.

Он даже не заметил, как заснул, а когда проснулся, оказалось, что пароход уже идёт.

Машина работала. Слышался хлопотливый шум колёс.

Петя пропустил интереснейший момент отплытия, пропустил третий гудок, команду капитана, уборку трапа, отдачу концов...

Пристань удалялась, становилась маленькой, поворачивалась.

Пассажиры, которых вдруг оказался полон пароход, столпились, навалившись на один борт. Они продолжали махать платками и шляпами с таким страстным отчаянием, словно отправлялись бог весть куда, на край света, в то время как в действительности они уезжали ровным счётом за тридцать вёрст по прямой линии.

Но уж таковы были традиции морского путешествия.

Капитан отдал команду, расхаживая поперёк палубы между двумя мостиками на крыльях парохода.

Пароход шел задним ходом, медленно поворачивая.

V. ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТОЧКА.

Но вот уже и Аккерман скрылся из глаз. Не стало видно развалин старинной турецкой крепости. А пароход продолжал идти по непомерно широкому днестровскому лиману, и казалось, конца-края не будет некрасивой кофейной воде, облитой оловом солнца.

Вода была так мутна, что тень парохода лежала на ней, как на глине.

Путешествие всё ещё как будто и не начиналось. Измученные лиманом, все ожидали выхода в море.

Наконец, часа через полтора, пароход стал выходить из устья лимана.

Петя прильнул к борту, боясь пропустить малейшую подробность этой торжественной минуты. Вода заметно посветлела, хотя всё ещё была достаточно грязной.

«Тургенев» обогнал несколько чёрных рыбачьих лодок и два дубка с круто надутыми тёмными парусами.

Лодки закачались, поднятые и опущенные волной, оставленной пароходом.

Мимо горячего песчаного мыса Каролино-Бугаз широкая водяная дорога, отмеченная двумя рядами буйков¹, выходила в открытое море.

Близкое присутствие моря возвратило миру свежесть и чистоту, как будто бы сразу сдуло с парохода и пассажиров всю пыль.

— Средний ход!

Чистая темно-зелёная глубокая вода окружала пароход. Едва он вошёл в неё, как его сразу подхватила качка, обдала водяной пылью крепкого ветра.

— Полный ход!

Мрачные клубы сажи обильно повалили из сипящих труб.

Как видно, не так-то легко было старушке-машине бороться с сильной волной открытого моря. Она задышала тяжелей.

Ветер уже успел сорвать чью-то соломенную шляпу, и она уплыла за кормой, качаясь на широкой полосе пены.

Так началось море.

Петя уже успел облезть весь пароход. Он выяснил, что подходящих детей нет и завести приятное знакомство почти не с кем.

Петя нашёл очень интересное занятие: он стал ходить по пятам за одним пассажиром. Куда пассажир, туда и Петя.

Это было очень интересно, тем более, что пассажир уже давно обратил на себя внимание мальчика некоторой странностью своего поведения и одежды.

Может быть, другие пассажиры ничего не заметили. Но Пете бросилась в глаза одна вещь, сильно поразившая его.

Дело в том, что пассажир ехал без билета. А между тем старший помощник отлично это знал.

Однако он почему-то не только ничего не говорил

¹ Буйк — сигнальный поплавок, обозначающий отмель.

странному пассажиру, но даже как бы молчаливо разрешал ему ходить куда угодно, даже в каюту первого класса.

Петя ясно видел, что произошло, когда старший помощник подошёл к странному пассажиру со своей проводочной кассой.

— Ваш билет,— сказал старший помощник.

Пассажир что-то шепнул ему на ухо. Старший помощник кивнул головой и сказал:

— Пожалуйста.

После этого никто уж больше не тревожил странного пассажира. А он стал прогуливаться по всему пароходу, заглядывая всюду: в каюты, в машинное отделение, в буфет, в уборную, в трюм.

Кто же он был?

Мальчику показалось, что незнакомец незаметно, но крайне внимательно осматривает пассажиров, примостившихся на своих узлах и корзинах вокруг мачты, у бортов, среди груза.

Петя готов был держать пари, что этот человек тайно кого-то разыскивает.

Незнакомец довольно бесцеремонно переступил через спящих молдаван. Он протискивался сквозь группы евреев, обедающих маслинами. Он украдкой приподнимал края брезента, покрывавшего ящики помидоров.

Какой-то человек спал на досках палубы, прикрыв щеку картузиком и уткнувшись головой в ту верёвочную подушку, которую обычно спускают с борта, чтобы смягчить удар парохода о пристань. Он лежал, раскинув во сне руки и совсем по-детски поджав ноги.

Вдруг мальчик нечаянно посмотрел на эти ноги в задранных штанах и остолбенел: на них были хорошо знакомые флотские сапоги с рыжими голенищами.

Не было сомнения, что именно эти самые сапоги Петя видел сегодня под скамейкой дилижанса.

Но даже если это и было простым совпадением, то уже во всяком случае не могло быть совпадением другое обстоятельство. На руке у спящего, как раз на том самом мясистом треугольнике под большим и указательным

пальцами, Петя явственно разглядел маленький голубой якорь.

Мальчик чуть не вскрикнул от неожиданности.

Но сдержался: он заметил, что усатый пассажир тоже обратил внимание на спящего.

Усатый прошёл несколько раз мимо, стараясь заглянуть в лицо, прикрытое картузиком. Однако это ему никак не удавалось. Тогда он, проходя мимо, как бы нечаянно наступил спящему на руку.

— Виноват.

Спящий вздрогнул. Он сел, испуганно озираясь ничего не понимающими заспанными глазами.

— А? Что такое? Куда? — бессмысленно бормотал он и тёр кулаком щёку, на которой отпечатался коралловый рубец каната.

Это был тот самый матрос.

Петя спрятался за выступы трюма и, затаив дыхание, стал наблюдать, что будет дальше.

Однако ничего особенного не произошло. Ещё раз извинившись, усатый отправился дальше, а матрос перевернулся на другой бок, но уж не спал, а смотрел по сторонам с тревогой и, как показалось Пете, с какой-то нетерпеливой досадой.

Что делать? Бежать к папе? Рассказать всё старшему помощнику?

— Нет, нет!

Петя хорошо запомнил поведение отца в дилижансе. Очевидно, во всём этом происшествии было нечто такое, о чём никому не надо говорить, никого не надо спрашивать, а молчать, делая вид, что ничего не знаешь.

Тогда мальчик решил отыскать усатого и посмотреть, что он делает.

Он нашёл его на почти пустой палубе первого класса. Тот стоял, прислонившись к спасательной лодке, туго обтянутой зашнурованным брезентом.

Под рубкой шумело невидимое колесо, взбивая почти чёрную воду, покрытую крупным кружевом пены. Шум стоял, как на мельнице. Уже довольно длинная тень

парохода быстро скользила по ярким волнам, которые чем дальше от парохода, тем становились синее.

Слева уже шёл высокий глинистый берег Новороссии. А усатый держал в руке и украдкой рассматривал какую-то вещь.

Петя незаметно подошёл сзади, стал на цыпочки и увидел её. Это была небольшая фотографическая карточка матроса в полной форме, в лихо заломленной бескозырке с надписью на ленте: «Князь Потёмкин Таврический». Матрос был не кто иной, как тот самый, с якорем на руке.

И тут же, в силу какого-то непонятного течения мыслей, Петя вдруг совершенно ясно понял, что именно было странного в наружности усатого: усатый, так же как и тот, с якорем, тоже был переодет.

VI. «ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ».

Ветер дул свежий, попутный. Чтобы помочь машине и наверстать время, потерянное при затянувшейся погрузке, капитан приказал поставить парус.

Пароходик побежал ещё быстрее. Уже чувствовалось приближение к Одессе. Впереди виднелась белая коса Сухого лимана.

Низкая его вода была до того густой, синей, что даже отсвечивала красным.

Чем ближе к городу, тем ветер становился тише и теплей.

Солнца уже совсем не было видно, только ещё верхушка мачты с крошечным красным колпачком флюгера светилась в совершенно чистом розоватом небе.

Стук пароходной машины звучно отдавался в скалах и обрывах берега. Вверх по мачте полз бледно-жёлтый огонь.

Все мысли Пети были тут, на берегу, в Одессе.

Скорее, скорее в каюту, торопить папу, собирать вещи!

Петя повернулся, чтобы бежать, и вдруг похолодел от ужаса.

Тот самый матрос, с якорем на руке, сидел на сту-

пеньке носового трапа¹, а усатый шёл прямо на него, без пенсне, руки в карманах, отчётливо скрипя «скороходами».

Он подошёл к нему вплотную, наклонился и спросил не громко, но и не тихо:

— Жуков?

— Чего Жуков? — тихо, как бы через силу, произнёс матрос, заметно побледнел и встал со ступеньки.

— Сядь. Тихо. Сядь, я тебе говорю.

Матрос продолжал стоять. Слабая улыбка дрожала на его посеревших губах.

Усатый нахмурился.

— С «Потёмкина»? Здравствуй, милый. Ты бы хоть сапожки, что ли, переменял. А мы вас ждали, ждали, ждали... Ну, что скажешь, Родион Жуков? Приехали?

И с этими словами усатый крепко взял матроса за рукав.

Лицо матроса исказилось.

— Не трожь! — закричал он страшным голосом, рванулся и изо всех сил толкнул усатого кулаком в грудь. — Не тр-рожь больного человека, мор-рда!

Рукав затрещал.

— Стой!

Но было поздно.

Матрос вырвался и бежал по палубе, увёртываясь и виляя между корзинами, ящиками, людьми. За ним бежал усатый.

Глядя со стороны, можно было подумать, что эти двое взрослых людей играют в салки.

Они, один за другим, нырнули в проход машинного отделения. Затем вынырнули с другой стороны. Пробежали вверх по трапу, дробно стуча подошвами и срываясь со скользких медных ступенек.

— Стой, держи! — кричал усатый, тяжело сопя.

В руках у матроса появилась оторванная откуда-то на бегу рейка².

¹ Трап — лестница на судах.

² Рейка — узкая, тонкая деревянная доска.

— Держи, держи-и-и!

Пассажиры со страхом и любопытством сбились на палубе. Кто-то пронзительно засвистел в полицейский свисток.

Матрос со всего маху перепрыгнул через высокую крышку люка¹. Он увернулся от усатого, обежавшего сбоку, вильнул, перепрыгнул через люк обратно и вскочил на скамейку. Со скамейки — на перила борта, схватился за флагшток кормового флага, изо всей силы шархнул усатого рейкой по морде и прыгнул в море.

Над кормой взлетели брызги.

— Ах!

Пассажиры все, сколько их ни было, качнулись назад, будто на них спереди дунуло.

Усатый метался возле борта, держась руками за лицо, и хрипло кричал:

— Держите, уйдёт! Держите, уйдёт!

Старший помощник шагал вверх по трапу, через три ступеньки, со спасательным кругом.

— Человек за бортом!

Пассажиры качнулись вперёд, к борту, будто на них дунуло сзади.

Петя протиснулся к борту. Уже довольно далеко от парохода, среди взбитого белка пены, на волне качалась, как поплавок, голова плывущего человека.

Но только он плыл не к пароходу, а от парохода, изо всех сил работая руками и ногами. Через каждые три-четыре взмаха он поворачивал назад злое, напряжённое лицо.

Старший помощник заметил, что человек за бортом, видать, не имеет ни малейшего желания быть «спасённым». Наоборот, он явно старается уйти как можно дальше от спасителей. Кроме того, он превосходно плавает, а до берега сравнительно недалеко.

Так что всё в порядке.

Нет никаких оснований волноваться.

¹ Люк — отверстие с захлопывающейся крышкой в палубе корабля.

Напрасно усатый хватал старшего помощника за рукав, делал зверские глаза, требовал остановить пароход и спустить шлюпку.

— Это политический преступник. Вы будете отвечать! Помощник флегматично пожимал плечами:

— Не моё дело. Не имею приказанья. Обратитесь к капитану.

Капитан же только махнул рукой.

— И так опаздываем. Куда там, батюшка! Очень нужно. Вот через полчаса пришьвартуемся, тогда и ловите своего политического. А у нас пароходство коммерческое и частное. Оно политикой не занимается, и на этот счёт нет никаких инструкций.

Тогда усатый, с ободранной мордой, ругаясь сквозь зубы, стал пробираться в толпе приготовившихся к высадке пассажиров третьего класса к тому месту, куда должны были подать сходни.

Он грубо расталкивал испуганных людей, наступал на ноги, пихал корзины и, наконец, очутился у самого борта с тем, чтобы первому выскочить на пристань, как только причалят.

Между тем голова матроса уже еле-еле виднелась в волне, среди флажков, качавшихся над рыбацкими сетями и перемётами.

VII. ШАЛАНДА¹ В МОРЕ.

Заметив, что пароход не остановился и не спустил шлюпки, а продолжает прежний курс, матрос немного успокоился и пришёл в себя.

Прежде всего он поспешил скинуть робу², мешавшую плыть. Отделаться от пиджака было всего легче. Перевернувшись несколько раз и отплёвываясь от солоноватогорькой волны, матрос в три приёма стянул пиджак, тяжёлый от воды, как чугуна.

Пиджак, раскинув рукава, плыл некоторое время за матросом, как живой, не желая расстаться с хозяином и норовя обвиться вокруг его ног.

Матрос пихнул его несколько раз, пиджак отстал и начал медленно тонуть, качаясь и переходя из слоя в слой, пока не пропал в пучине, куда слабо уходили мутные снопы вечернего света.

Больше всего возни было с сапогами. Они липли, как наполненные клеем.

Матрос яростно нога об ногу сдирал эти грубые флотские сапоги с ржыми голенищами, уличившие его. Гребя руками, он танцевал в воде, то проваливаясь с головой, то высовываясь из волны по плечи.

Сапоги не поддавались. Тогда он набрал в лёгкие побольше воздуха и схватил сапог руками. Погрузившись

¹ *Шалáнда* — плоскодонная баржа.

² *Роба* — так моряки называют свою одежду.

с головой в воду, он рвал его за скользкий каблук, мысленно ругаясь самыми последними словами и проклиная всё на свете.

Наконец ему удалось стащить проклятый сапог. Другой пошёл легче.

Однако когда оба сапога и штаны были сняты и брошены, вместе с облегчением Родион почувствовал сильнейшую усталость. В горле горело от морской воды, которой он, несмотря на все свои старания, порядочно нахлебался. Кроме того, прыгнув с парохода, он сильно ушибся о воду.

Он почти не спал двое суток, прошёл пешком вёрст сорок или пятьдесят, переволновался. В глазах было темновато. Впрочем, может быть, оттого, что быстро наступал вечер.

Вода потеряла свой дневной цвет и стала какой-то хотя и глянцовой, но страшной, почти чёрной в глубине.

Снизу, с поверхности моря, берега совсем не было видно. Горизонт до крайности сузился. Только чистое небо с края светилось прозрачной зеленью заката со слабенькой, еле заметной звёздочкой.

Значит, в той стороне берег, и туда надо плыть.

На матросе остались лишь рубаха и подштанники. Они почти не мешали. Но голова кружилась, руки и ноги ломило в суставах, плыть становилось всё труднее.

Иногда ему казалось, что он теряет сознание. Иногда начинало тошнить. А то вдруг его охватывал короткий припадок страха. Одиночество и глубина пугали его.

Раньше с ним этого никогда не бывало. Похоже на то, что он заболел.

Мокрые короткие волосы казались сухими, горячими и такими жёсткими, что кололи голову.

Вокруг не было ни души. Вверху в пустом вечернем воздухе пролетел мартын¹ на толстых крыльях и сам толстый, как кошка. В длинном, изогнутом на конце клюве он держал маленькую рыбку.

¹ Мартын — птица из породы чаек.

Новый приступ страха охватил матроса. Вот-вот разорвётся сердце и он пойдёт ко дну. Он хотел крикнуть, но не мог разжать зубы.

Вдруг он услышал нежный всплеск вёсел и немного погодя увидел почти чёрный силуэт шаланды.

Он собрал все силы и двинулся за ней, отчаянно толкая воду ногами. Он догнал её и успел схватиться за высокую корму.

Перехватывая руками, кое-как добрался до борта, где было пониже, натужился и заглянул в шаланду.

— А ну, не балуйся! — закричал Гаврик сумрачным басом, увидев мокрую голову, высунувшуюся над качнувшимся бортом.

Появление этой головы несколько не удивило мальчика. Одесса славилась своими пловцами.

Иные из них, случалось, заплывали версты за три, за четыре от берега и возвращались назад поздним вечером. Вероятно, это один из таких пловцов.

Но уже если ты такой герой, так не хватайся за чужую шаланду и не отдыхай, а плыви сам! А здесь люди и без тебя усталые, только что с работы.

— А ну, не валяй дурака, отцепляйся! А то сейчас веслом как двину!..

И мальчик для пушей острастки даже сделал вид, что снимает весло с колышка, точь-в-точь, как это делал в подобных случаях дедушка.

— Я... больной... — задыхаясь, сказала голова.

Из-за борта протянулась дрожащая рука в налипшем рукаве вышитой рубахи.

Тут Гаврик сразу сообразил, что это не пловец: пловцы в вышитых рубахах по морю не плавают.

— Ты что, тонул?

Матрос молчал. Его руки и голова безжизненно висели внутри шаланды, в то время как ноги в подштанниках волоклись снаружи по воде. Он был в обмороке.

Гаврик и дедушка побросали вёсла и с трудом втащили вялое, но страшно тяжёлое тело в шаланду.

— Ух ты, какой горячий! — сказал дедушка, переводя дух.

Действительно, матрос, хотя дрожал и был мокр, весь так и горел сухим, болезненным жаром.

— Дядя, хотите напиться? — спросил Гаврик.

Матрос не ответил. Он только бессмысленно повёл глазами с мутной поволокой и пошевелил воспалённым ртом.

Мальчик подал ему дубовый бочоночек. Матрос отвёл его слабой рукой, с отвращением проглотил слюну, и тут же его стошнило.

Голова упала и стукнулась о банку.

Потом матрос потянулся к бочоночку, нашарил его в потёмках, как слепой, и, стуча зубами по дубовой клёпке, кое-как напился.

Дедушка покрутил головой.

— История!..

— Дядя, откудова вы? — спросил мальчик.

Матрос опять проглотил слюну, хотел сказать, но только протянул руку вдаль и тотчас уронил её в бессилии.

— Ой, ну его к чёрту! — пробормотал он неразборчивой скороговоркой. — Не показывайте меня людям... Я матрос... схойте¹ где-нибудь... а то повесят... ей-богу, правда...

И он опять потерял сознание.

Дедушка и внучек переглянулись, но не сказали друг другу ни слова.

Время было такое, что лучше всего — знать да помалкивать.

Они осторожно положили матроса на решетчатом настиле, в клетках которого хлюпала невычерпанная вода, подсунули ему под голову бочоночек и сели на вёсла.

Гребли они помаленьку, не спеша, с таким расчётом, чтобы добраться до берега, когда уже совсем стемнеет. Чем темнее, тем лучше. Они даже, прежде чем пристать, покрутились немного между знакомых скал.

К счастью, на берегу никого не было.

Стояла тёплая, глубокая тьма, полная сверчков и звёзд.

¹ *Схоййте* (по-украински) — спрячьте.

Дедушка и внучек вытащили шаланду на берег. Таинственно зашуршала галька.

Дедушка остался охранять больного, а Гаврик сбегал посмотреть, нет ли кого поблизости.

Он скоро вернулся неслышными шагами. По этим шагам дедушка понял, что всё в порядке. Они с большим трудом, но осторожно вытащили матроса из шаланды и поставили его на ноги, поддерживая с обеих сторон.

Матрос обнял Гаврика за шею и прижал к своему уже обсохшему, необыкновенно горячему телу. Он грузно повалился на мальчика, едва ли что-нибудь сообщая.

Гаврик расставил ноги покрепче и прошептал:

— Идти можете?

Матрос ничего не ответил, но сделал, шатаясь, несколько шагов, как лунатик.

— Потихонечку, потихонечку,— приговаривал дед, поддерживая матроса за спину.

— Тут недалеко, дядя... два шага...

Они, наконец, поднялись на горку. Их никто не видел. А если бы даже и увидел, то вряд ли обратил бы внимание на белую шатающуюся фигуру, ведомую стариком и мальчиком.

Картина известная. Пьяного рыбака ведут родственники до дому. А что рыбак при этом не ругается и не орёт песни, так это просто потому, что уж чересчур много хватил.

Едва матроса ввели в пахучую, жаркую тьму хибарки, как он тотчас рухнул на дощатую койку.

VIII. «БАШЕННОЕ, ОГОНЬ!»

Кто же такой был этот странный больной?

В числе семисот матросов, высадившихся с броненосца «Потёмкин» на румынский берег, был Родион Жуков.

Ничем замечательным он не отличался от прочих матросов мятежного корабля.

С первой минуты восстания, с той самой минуты, когда командир броненосца в ужасе и отчаянии бросился на

колени перед командой, когда раздались первые винтовочные залпы и трупы офицеров полетели за борт, когда матрос Матюшенко с треском отодрал дверь адмиральской каюты, той самой каюты, мимо которой до сих пор страшно было даже проходить,— с той самой минуты Родион Жуков жил, думал и действовал, так же, как и большинство остальных матросов,— в лёгком тумане, в восторге, в жару — до тех пор, пока не пришлось сдаться румынам и высадиться в Констанце.

Никогда до сих пор не ступала нога Родиона на чужую землю. А чужая земля, как бесполезная воля, широка и горька.

«Потёмкин» стоял совсем близко от пристани.

В последний раз поклонился Родион своему родному кораблю.

— Ладно,— сказал он сквозь зубы,— ладно. За нами не пропадёт. Всё равно всю Россию подыдем.

Через несколько дней, купив на последние деньги вольную одежду, он ночью переправился через гирло Дуная, возле Вилково, на русскую сторону.

План у него был такой: добраться степью до Аккермана, оттуда на барже или на пароходе в Одессу; из Одессы до родного села Нерубайского — рукой подать. А там — как выйдет...

Одно только знал Родион наверняка — что к прошлому для него все пути заказаны, что прежняя его жизнь, подневольная матросская жизнь на царском броненосце и трудная, родная крестьянская жизнь дома, в голубой мазанке с синими окошками среди жёлтых и розовых мальв, отрезана от него навсегда.

Теперь либо на виселицу, либо скрываться, поднять восстание, жечь помещиков, идти в город искать комитет.

Он почувствовал себя худо ещё в дороге. Но останавливаться было уже нельзя. Он шёл больной.

И вот теперь... Что это с ним происходит? Где он лежит? Почему в дверях качаются звёзды! И звёзды ли это?

Чёрным морем обступила Родиона ночь.

И вот он видит себя в оружейной башне.

— Башенное, огонь! Башенное, огонь!

— Ляжь, не кричи... Может, тебе дать напиток? Ляжь тихо...

[Гаврик сообщил о матросе своему старшему брату Терентию, рабочему-железнодорожнику, члену подпольного комитета. Родион Жуков, выздоровев, вернулся к революционной работе. Наступили революционные дни 1905 года.]

IX. ТЯЖЁЛЫЙ РАНЕЦ.

Несмотря на объявленную царём «свободу», беспорядки усиливались. Почта работала плохо. Отец перестал получать из Москвы газету «Русские ведомости» и сидел по вечерам, молчаливый, расстроенный, не зная, что делается на свете и как надо думать о событиях.

Приготовительный класс распустили на неопределённое время. Петя целый день болтался без дела. За это время он успел проиграть Гаврику в долг столько, что страшно было подумать¹.

Однажды пришёл Гаврик и, зловеще улыбаясь, сказал:

— Ну теперь ты не ожидай так скоро своих ушек. На днях пойдёт всеобщая.

Может быть, ещё месяц тому назад Петя не понял бы, о чём говорит Гаврик. Но теперь было вполне ясно: раз «всеобщая» — значит, «забастовка».

Сомневаться же в достоверности Гавриковых сведений не приходилось. Петя уже давно заметил, что на Ближних Мельницах² всё известно почему-то гораздо раньше, чем в городе. Это был нож в сердце...

— Как же будет насчёт долга? — спросил Гаврик настойчиво.

Дрожа от нетерпения поскорее начать игру, Петя поспешно дал честное благородное слово и святой истинный

¹ В пропущенных главах повести рассказано о том, как Гаврик и Петя увлекались азартной игрой в «ушки» («ушками» дети называли металлические пуговицы).

² *Ближние Мельницы* — рабочая окраина Одессы.

крест, что завтра, так или иначе, непременно расквитается.

— Смотри! А то — знаешь... — сказал Гаврик, расставив по-матросски ноги в широких бобриковых штанах лилового, сиротского цвета.

.....
Ходить по улицам было опасно, но всё же Гаврик обязательно появлялся и, остановившись посредине двора, закладывал в рот два пальца. Раздавался великолепный свист.

Петя торопливо кивал приятелю в окно и бежал чёрным ходом вниз.

— Получил ушки? — спрашивал Гаврик.

— Честное благородное слово, завтра непременно будут! Святой истинный крест. Последний раз.

В один прекрасный день Гаврик объявил, что ждать больше не желает. Это значило, что отныне Петя, как несостоятельный должник, поступает к Гаврику в рабство до тех пор, пока полностью не расквитается.

Таков был жестокий, но совершенно справедливый закон улицы.

Гаврик слегка ударил Петю по плечу, как странствующий рыцарь, посвящающий своего слугу в оруженосцы.

— Теперь ты скрозь будешь со мною ходить, — добродушно сказал он и прибавил строго: — Вынеси ранец.

— Зачем.... ранец?

— Чудак-человек, а ушки в чём носить?

И глаза Гаврика снова блеснули весёлым лукавством.

По правде сказать, Пете весьма улыбалась перспектива такого весёлого рабства: ему давно уже хотелось побродяжничать с Гавриком по городу. Но дело в том, что Пете ввиду событий самым строжайшим образом было запрещено выходить за ворота. Теперь же совесть его могла оставаться совершенно спокойной: он здесь не при чём, такова воля Гаврика, которому он обязан беспрекословно подчиняться. И рад бы не ходить, да нельзя: такие правила.

Петя сбегал домой и вынес ранец.

— Надень,— сказал Гаврик.

Петя послушно надел. Гаврик со всех сторон осмотрел маленького гимназиста в длинной, до пят, шинели с пустым ранцем за спиной. По-видимому, он остался вполне доволен.

— Билет гимназический есть?

— Есть.

— Покажь.

Петя вынул билет. Гаврик его раскрыл и по складам прочёл первые слова: «Дорожа своею честью, гимназист не может не дорожить честью своего учебного заведения...»

— Верно,— заметил он, возвращая билет.— Сховай. Может, сгодится.

Затем Гаврик повернул Петю спиной и нагрузил ранец тяжёлыми мешочками ушек.

— Теперь мы всюду пройдем очень свободно,— сказал Гаврик, застёгивая ранец, и с удовольствием хлопнул по его телячьей крышке.

Петя не вполне понял значение этих слов, но подчиняясь общему уличному закону — поменьше спрашивать и побольше знать,— промолчал. Мальчики осторожно вышли со двора.

Так начались их совместные странствования по городу, охваченному беспорядками.

С каждым днём ходить по улицам становилось всё более опасно. Однако Гаврик не прекращал своей таинственной увлекательной жизни странствующего чемпиона. Наоборот. Чем в городе было беспокойнее и страшнее, тем упрямее лез Гаврик в самые глухие, опасные места. Иногда Пете даже начинало казаться, что между Гавриком и беспорядками существует какая-то необъяснимая связь.

С утра до вечера мальчики шлепались по каким-то чёрным дворам, где у Гаврика были с тамошними мальчиками различные дела по части купли, продажи и мены ушек. В одних дворах он получал долги. В других — играл. В третьих — вёл загадочные расчёты со взрос-

лыми, которые, к крайнему Петиному изумлению, по-видимому, так же усердно занимались ушками, как и дети.

Таща на спине тяжёлый ранец, Петя покорно следовал за Гавриком повсюду. И опять, в присутствии Гаврика, город волшебным образом оборачивался перед изумлёнными глазами Пети проходными дворами, подвалами, щелями в заборах, сараями, дровяными складами, стеклянными галереями, открывая все свои тайны.

Петя видел ужасающую и вместе с тем живописную нищету одесских трущоб, о существовании которых до этого времени не имел ни малейшего представления.

Прячась в подворотнях от выстрелов и обходя опрокинутые поперёк мостовой конки, мальчики колесили по городу, посещая самые отдалённые его окраины.

Благодаря Петиной гимназической форме им без труда удавалось проникать в районы, оцепленные войсками и полицией. Гаврик научил Петю подходить к начальнику заставы и жалобным голосом говорить:

— Господин офицер, разрешите нам перейти на ту сторону, мы с товарищем живём вон в том большом сером доме, мама, наверное, сильно беспокоится, что нас так долго нет.

Вид у мальчика в форменной шинели, с телячьим ранцем за плечами, был такой простодушный и приличный, что обыкновенно офицер, не имевший права никого пропускать в подозрительный район, делал исключение для двух испуганных детишек.

— Валяйте, только поосторожней! Держитесь возле стен. И чтоб я вас больше не видел! Брысь!

Таким образом мальчики всегда могли попасть в любую часть города, совершенно недоступную для других.

Несколько раз они были на малой Арнаутской, в старом греческом доме с внутренним двором. Там был фонтан в виде пирамиды губчатых морских камней, с зелёной железной цаплей наверху. Из клюва птицы в былые времена била вода.

Гаврик оставлял Петю на дворе, а сам бегал куда-то вниз, в полуподвал, откуда приносил множество мешочков с необыкновенно тяжёлыми ушками. Он поспешно

набивал ими Петин ранец, и мальчики быстро убегали из этого тихого двора, окружённого старинными покосившимися галереями.

Мальчики заходили в порт, на Чумку, в Дюковский сад, на Пересыпь, на завод Гена. Они побывали всюду, кроме Ближних Мельниц.

На Ближние Мельницы Гаврик возвращался один после трудового дня. Тётя и папа сошли бы, вероятно, с ума, если бы только могли себе представить, в каких местах побывал за это время их Петя.

Х. БОМБА.

Но вот однажды настал конец этой восхитительной, но жуткой бродячей жизни.

В этот памятный день Гаврик пришёл раньше обыкновенного, и мальчики тотчас отправились в город.

У Гаврика было серое, необычайно собранное, неподвижное лицо с пёстрыми от холода, крепко сжатыми губами. Он быстро и валко шёл, глубоко засунув руки в карманы своих широких бобриковых штанов,— маленький, сгорбившийся, решительный. Только в его прозрачных, как у дедушки, стоячих глазах мелькало иногда недоброе оживление. Петя еле поспевал за своим другом. Мальчики почти бежали по улице, безлюдной, как во сне.

Напряжённое ожидание чего-то висело в сером воздухе. Шаги звонко раздавались по плитам тротуара. Под каблуком иногда ломалось оконное стекло льда, затянувшего пустую лужу.

Вдруг где-то далеко, в центре, раздался лёгкий грохот. Можно было подумать, что везли на ломовике пирамиду пустых ящиков и внезапно они развязались и рухнули на мостовую.

Гаврик остановился, прислушиваясь к слабому шуму эха.

— Что это? — шёпотом спросил Петя.— Ящики?

— Бомба,— сухо и уверенно сказал Гаврик.— Когось трахнули.

Через два квартала навстречу мальчикам из-за угла выбежала женщина с корзиной, из которой сыпались древесный уголь и айва.

— Ой, господи Иисусе Христе, ой, мать пресвятая богородица...— бессмысленно повторяла женщина, стараясь дрожащей рукой натянуть сбившийся с головы платок.— Ох, господи, что же это делается? На кусочки разорвало...

— Где?

— На Полицейской... Вот так я иду, а вот так он едет... И как рванёт... На мелкие кусочки... Господи, помилуй... Лошадей поубивало, экипаж на мелкие кусочки...

— Кого?

— Пристава... С Александровского участка... Вот так — я, а вот так — он... А тот боевик — напротив, и у него в руках, представьте себе, обыкновенный пакетик, даже завёрнутый в газету...

— Поймали?

— Боевика-то? Куда там! Как бросились все в разные стороны — его и след простыл... боевика-то... Говорят, какой-то переодетый матрос...

Женщина побежала дальше. Несмотря на всю свою суровую сдержанность, Гаврик схватил Петю за плечо и притопнул ногами.

— Это того самого, который деда бил кулаком по морде,— быстро, горячо зашептал он.— А пускай не даёт волю своим рукам. Верно?

— Верно,— сказал Петя, холодея.

В тот день мальчики два раза заходили на Малую Арнаутскую улицу, во двор с фонтаном и цаплей.

В первый раз, забрав «товар», как выразился Гаврик, они отправились на Александровский проспект, оцепленный войсками. Их без особого труда пропустили.

Пройдя несколько домов, Гаврик втащил Петю в какие-то ворота.

Мальчики прошли через большой безлюдный двор, мимо казачьей коновязи, по пустым обоямам и винтовочным гильзам, вбитым солдатскими сапогами в тугую промёрзшую землю.

Мальчики спустились в подвал и долго шли в сырой темноте мимо деревянных сараев, пока не вышли на другой двор. Из этого двора узкой щелью между двумя высокими и мрачными кирпичными стенами можно было пробраться ещё в один двор.

Как видно, Гаврик хорошо знал здесь все ходы и выходы.

Щель была такая узкая, что Петя, пробираясь за Гавриком, то и дело царапал ранец о стены. Наконец, они выбрались на этот третий двор, узкий, высокий и тёмный, как цистерна.

Судя по тому, как долго пришлось сюда пробираться и сколько сделали поворотов и зигзагов, дом этого двора выходил на какую-то другую улицу. Весь двор был усеян битым стеклом и штукатуркой. Окна дома, окружавшего двор, были плотно закрыты ставнями. Казалось, что дом необитаем.

Гулкая тишина стояла вокруг.

Но за этой тишиной, по ту сторону дома, на незнакомой улице, не столько слышался, сколько угадывался тревожный шум какого-то движения.

Кроме того, сверху, будто с неба, изредка хлопали громкие выстрелы, наполняя двор колодезным шумом. Петя прижался ранцем к стене и, дрожа, зажмурился. Гаврик же, не торопясь, вложил в рот два пальца и свистнул.

Где-то наверху стукнул ставень и раздался голос.

— Сейчас!

Через минуту, показавшуюся Пете часом, из двери чёрного хода выскочил красный, потный человек без пальто, в пиджаке, испачканном мелом.

Петя увидел и ахнул. Это был Терентий.

— Давай, давай, давай! — бормотал Терентий, обтирая рукавом мокрое лицо.

Не обращая внимания на самого Петю, он бросился к его ранцу.

— Давай скорей! Спасибо, в самый раз! А то у нас ни черта не осталось.

Он нетерпеливо расстегнул ремешки, сопя, переложил

мешочки из ранца в карманы и бросился назад, успев крикнуть:

— Пушай Иосиф Карлович сей же час присылает ещё. Ташите, что есть. А то не продержимся.

— Ладно,— сказал Гаврик,— принесём.

Тут под крышу ударила пуля, и на мальчиков посыпался розовый порошок кирпича.

Они поспешили той же дорогой назад, на Малую Арнаутскую, и взяли новую партию «товара». Ранец на этот раз был так тяжёл, что Петя его еле тащил.

Теперь мальчик, конечно, прекрасно понимал уже, какие это ушки. В другое время он бросил бы всё и убежал домой. Но в этот день он, охваченный до самого дна души азартом опасности, гораздо более могущественным, чем азарт игры, ни за что не согласился бы оставить товарища одного. К тому же он не мог отказаться от славы Гаврика. Одна мысль, что он будет лишён права рассказывать потом о своих похождениях, сразу заставила его пренебречь всеми опасностями.

Гаврик и Петя отправились обратно. Но как изменился за это время город! Теперь он кипел.

Улицы то наполнялись бегущим в разные стороны народом, то вдруг пустели мгновенно, подметённые железной метёлкой залпа.

Мальчики подходили уже к заставе, как вдруг Гаврик схватил Петю за руку и быстро втащил в ближайшую подворотню.

— Стой!

— Что?

Не выпуская Петиной руки, Гаврик осторожно выглянул из ворот и тотчас отвалился назад, прижавшись спиной к стене под чёрной доской с фамилиями жильцов.

— Слышь, Петька... Дальше не пройдем... Там ходит тот самый чёрт, который мне уши крутил... Смотри...

Петя на цыпочках подошёл к воротам и выглянул. Возле заставы, мимо вывернутых чугунных решёток сквера и винтовок, составленных в козлы, по мостовой

прогуливался господин в драповом пальто и каракулевой шляпе пирожком. Он повернулся, и Петя увидел бритое грубое лицо с мясистым носом. Что-то было в этом незнакомом лице очень знакомое. Где-то Петя его уже видел. Но где? Что-то мешало мальчику вспомнить. Может быть, мешала синева над верхней губой? И вдруг он вспомнил. Конечно, это был тот самый усатый с парохода «Тургенев», но только бритый, без усов. Он тогда врезался в память на всю жизнь. Петя узнал бы его из тысячи, даже бритым.

— Усатый,— прошептал Петя, становясь рядом с Гавриком, ранцем к стенке.— Который ловил матроса. Только теперь без усов. Помнишь, я тебе говорил, а ты ещё смеялся.

— Ишь, побрился, чтоб не узнали... Он меня знает, как облупленного,— сказал Гаврик с досадой.— Ни за что не пройдем.

— А может, пройдем?

— Смеёшься?

Гаврик выглянул из ворот.

— Ходит...

Гаврик сжал кулачок и стал со злостью грызть костяшки пальцев.

— А они тама сидят и дожидаются... У, дракон!

В наступившей на минуту полной и глубокой тишине восстания слышались отдалённые выстрелы. Их шум перекатывался где-то по крышам города.

— Слышь, Петька,— сказал вдруг Гаврик,— понимаешь, они тама сидят и даром дожидаются... без толвара... Их тама всех перестреляют, очень просто... А я не могу иттить, потому что этот чёрт непременно за мной прилипнет!

Злые слёзы закипели на глазах Гаврика. Он сильно потянул носом, высморкался в землю и сердито посмотрел Пете в глаза.

— Чуешь, что я тебе говорю?

— Чую,— одними губами проговорил Петя, бледнея от этого сердитого, дружеского, настойчивого и вместе с тем умоляющего взгляда товарища.

— Сможешь пойти один? Не сдрейфишь?

От волнения Петя не мог выговорить ни слова. Он крупно глотнул, кивнув головой. Воровато озираясь по сторонам и выглядывая из ворот, Гаврик стал набивать Петины карманы своими мешочками.

— Слышь, всё отдашь, весь товар. И что в ранце, отдашь, и что в карманах. А если поймаешься, молчи и отвечай, что нашёл на улице и ничего не знаешь. Понял?

— Понял.

— Как только отдашь, так беги сюда обратно, я тебя буду тут дожидаться, в воротах. Понял?

— Понял.

С неудобно раздутыми карманами Петя, почти ничего не сознавая от страха и волнения, подошёл к заставе.

— Куда лезешь, не видишь, что ли? — закричал усатый, бросаясь к мальчику.

— Дяденька,— захныкал Петя привычным тоненьким голоском Гаврика,— пожалуйста, пропустите, мы живём тут недалеко, на Александровском проспекте, в большом сером доме, мама очень беспокоится: наверное, думает, что меня убили.

И совершенно натуральные слёзы брызнули из его глаз, катясь по замурзанным пухлым щёчкам. Усатый с отвращением посмотрел на маленькую фигурку пригостишки и взял Петю за ранец.

Он подвёл мальчика к обочине мостовой и слегка поддал коленом.

— Жарь!

Не чувствуя под собой ног, Петя побежал к известному дому.

ХІ. ШТАБ БОЕВИКОВ.

Мальчик шмыгнул в ворота, стал пробираться через двор.

Проходя здесь час тому назад с Гавриком, Петя не испытывал особенного беспокойства. Тогда он чувствовал себя под надёжной защитой друга, ловкого и опытного. Избавленный от необходимости думать самому, он был

лишь послушным спутником, лишённым собственной воли. За него думал и действовал другой, более сильный.

Теперь мальчик был совершенно один. Он мог рассчитывать только на самого себя и ни на кого больше.

И тотчас в отсутствие Гаврика мир стал вокруг Пети грозным, громадным, полным скрытых опасностей.

Опасность пряталась в каменных арках внутренней галереи, среди зловещих ящиков и старой, поломанной мебели. Она неподвижно стояла посредине двора за шелковицей¹, ободранной зубами лошадей. Она выглядывала из чёрной дыры мусорного ящика.

Все вещи вокруг мальчика приобретали преувеличенные размеры. Громадные казачьи лошади теснились, напирая на Петю золотисто-атласными танцующими крупами. Чудовищные хвосты со свистом били по ранцу.

Чубатые казаки в синих шароварах с красными лампасами прыгали на одной ноге, вдев другую в стремя.

— Справа-а по три-и-и! — кричал голос хорунжего.

Вырванная из ножен шашка зеркальной дугой повисла в воздухе над приплюснутыми набекрень фуражками донцов.

Петя спустился в подвал.

Он долго шёл ощупью в душном, но холодном мраке, дыша пыльным воздухом сараев. Ужас охватывал мальчика всякий раз, когда его ресницы задевала паутина, казавшаяся крылом летучей мыши.

Наконец, он выбрался на второй двор. Здесь было пусто.

Только сейчас среди этой невыносимой пустоты, в полной мере ощутил Петя своё страшное одиночество. Он готов был броситься назад, но тысячи вёрст и тысячи страхов отделяли его от улицы, от Гаврика.

В щели между вторым и третьим двором стояла такая невыносимая тишина, что хотелось изо всех сил кричать, не щадя горла. Кричать отчаянно, страстно, иступлённо, лишь бы только не слышать этой тишины.

¹ *Шелковица* — тутовое дерево.

Такая тишина бывает лишь в промежутке между двумя выстрелами.

Теперь надо было сунуть в рот пальцы и свистнуть. Но вдруг Петя сообразил, что не умеет свистеть в два пальца. Плевать сквозь зубы давно научился, а свистеть нет. Не сообразил. Забыл.

Мальчик неловко вложил в рот пальцы и дунул, но свиста не вышло. В отчаянии он дунул ещё раз, изо всех сил. Ничего. Только слюни и шипение.

Тогда Петя собрал все свои душевные силы и, зажмурившись, крикнул:

— Э-э!

Голос прозвучал совсем слабо. Но гулкое эхо тотчас наполнило пустую цистерну двора.

Однако никто не откликнулся. Тишина стала ещё страшней.

Вверху что-то оглушительно щёлкнуло, и вниз полетело колено сбитой водосточной трубы, увлекая за собой куски кирпича, костыли, известку.

— Э-э! Э-э! Э-э! — закричал мальчик изо всей мочи.

Наверху приоткрылся ставень, и выглянуло незнакомое лицо.

— Чего кричишь? Принёс? Беги сюда наверх! Живенько!

И лицо скрылось.

Петя в нерешительности оглянулся. Но он был совершенно один, и не с кем было посоветоваться. Вверху опять щёлкнуло, и вниз полетел большой кусок штукатурки, разбившейся вдребезги у самых Петиных ног.

Съёжившись, мальчик бросился в дверь чёрного хода. Путаясь в полах слишком длинной сшитой «на рост» шинели, он стал взбираться по гремучей железной лестнице наверх.

— Давай, давай, давай! — кричал сверху сердитый голос.

Тяжёлый ранец больно колотил по спине. Раздутые карманы стесняли шаг. Сразу стало жарко. Фуражка внутри стала горячая и мокрая. Пот лился на брови, на глаза. Лицо пылало.

А раздражённый, умоляющий голос продолжал кричать сверху:

— Давай! Давай же, ну тебя к чёрту!

Едва Петя, тяжело дыша и даже высунув от напряжения язык, добрался до площадки четвёртого этажа, как его сразу схватил за плечи человек в хорошем, но грязном пальто с барашковым воротником, без шапки, с мокрыми волосами, прилипшими ко лбу.

Его франтовые усики и бородка совершенно не соответствовали воспалённому простому, курносому лицу, осыпанному извёсткой.

Отчаянные, весёлые и вместе с тем как бы испуганные глаза жарко блестели под побелевшими от извёстки колосистыми бровями. У него был вид человека, занятого какой-то очень трудной и, главное, очень спешной работой, от которой его оторвали.

Он ужасно торопился назад. Он схватил Петю сильными руками за плечи.

Мальчику показалось, что сейчас его будут трясти, как папа в минуту ярости. Петя даже присел от страха. Но человек ласково заглянул в глаза.

— Принёс? — торопливым шёпотом спросил он и, не дожидаясь ответа, втащил мальчика в пустую кухню какой-то квартиры, в глубине которой — Петя сразу это почувствовал — делалось что-то громадное и страшное, что обычно в квартире делаться не может.

Человек бегло осмотрел Петю и сразу же, не говоря ни слова, полез в его оттопыренные карманы. Он торопливо стал вытаскивать из них грузные мешочки. Петя стоял перед ним, расставив руки.

Что-то было в этом незнакомом человеке с усиками и бородкой очень знакомое. Несомненно, где-то Петя его уже видел. Но где и когда?

Мальчик изо всех сил напрягал память, но никак не мог вспомнить. Что-то ему мешало, сбивало с толку. Может быть, усики и бородка?

Между тем человек проворно вытащил из карманов мальчика все четыре мешочка.

— Всё? — спросил он.

— Нет, ещё есть в ранце.

— Молодец мальчик! — закричал человек. — Ай, спасибо! А ещё гимназист!

Он в знак восторга крепко взялся за козырёк Петинной фуражки и глубоко насунул её мальчику по самые уши.

И тут Петя увидел возле самого своего носа закопчённую, тухло пахнущую порохов коренастую руку с маленьким голубым якорем.

— Матрос! — воскликнул Петя.

Но в этот же миг в глубине квартиры что-то рухнуло. Рванулся воздух. С полки упала кастрюля. Матрос мягким, кошачьим движением бросился в коридор, успев крикнуть:

— Сиди тут!

Через минуту где-то совсем рядом раздалось подряд шесть отрывистых выстрелов. Петя поскорей сбросил ранец и стал его растёгивать дрожащими пальцами.

В это время из коридора в кухню, шатаясь, вошёл Терентий. Он был без пиджака, в одной сорочке с оторванным рукавом. Этим рукавом была перевязана его голова. Из-под перевязки по виску текла кровь. В правой руке он держал револьвер.

Увидев Петю, он хотел что-то сказать, но махнул рукой и сперва напился воды, опрокинув лицо под кран.

— Принёс? — спросил он, задыхаясь, между двумя глотками воды, шумно бившей в его неправдоподобно белое лицо. — Где Гаврюшка? Живой?

— Живой.

Но, как видно, расспрашивать не было времени. Не вытирая с лица воду, Терентий тотчас стал доставать из ранца мешочки.

— Всё равно не удержимся, — бормотал он, еле держась на ногах. — Будем по крышам уходить... Они там оружие ставят... А ты, мальчик, тикай, а то тебя здесь подстрелят... Тикай скорей. Спасибо, будь здоров.

Терентий присел на табурет, но тотчас встал и, обтирая револьвер о колено, побежал по коридору туда, откуда слышалось непрерывное хлопанье выстрелов и звон разбивающихся стёкол.

Петя схватил лёгкий ранец и бросился к двери. Но любопытство всё-таки заставило его на минуту задержаться и посмотреть в глубину коридора. В раскрытую настежь дверь Петя увидел комнату, заваленную сломанной мебелью.

Посредине стены, оклеенной обоями с коричневыми букетами, Петя заметил зиявшую дыру с обнажившейся решёткой дранки.

Несколько человек, припав к подоконникам высаженных окон, часто стреляли вниз из револьверов.

Петя увидел перевязанную голову Терентия и барашковый воротник матроса. Мелькала ещё какая-то чёрная косматая бурка и студенческая фуражка.

И всё это плыло и тонуло в синеватых волокнах дыма.

Матрос стоял на одном колене у подоконника, на котором лежала спальная тумбочка, и поминутно высовывал наружу дёргающуюся от выстрела руку. Он кричал бешеным голосом:

— Огонь! Огонь! Огонь!

И среди всего этого движения, беспорядка, суеты, дыма лишь один человек — с жёлтым, равнодушным, восковым лицом и чёрной дыркой над закрытым глазом — был совершенно спокоен.

Он неудобно лежал поперёк комнаты, лицом вверх, на полу, среди пустых обоев и гильз.

Разбитое пенсне, зацепившееся чёрным шнурком за его твёрдое белое ухо, лежало рядом на паркете, запудренным извёсткой. И тут же, на паркете, аккуратно стояла очень старая техническая фуражка с треснувшим козырьком.

Петя посмотрел на этого человека и вдруг понял, что это — труп.

Мальчик бросился назад. Он не помнил, как выбрался и добежал до подворотни, где его ждал Гаврик.

— Ну как, отнёс?

— Отнёс.

Петя, захлёбываясь, рассказал всё, что видел в страшной квартире.

— Они всё равно не удержатся... Будут уходить по крышам...— шептал Петя, тяжело дыша:— там против них пушку ставят...

Гаврик побледнел и перекрестился. Первый раз в жизни Петя видел своего друга таким испуганным.

Совсем недалеко, почти рядом, ударил орудийный выстрел. Железное эхо шарахнуло по крышам.

— Пропало! — закричал Гаврик в отчаянии.— Тикай!

Мальчики выскочили на улицу и побежали по городу, в третий раз изменившемуся за это утро.

Теперь в нём безраздельно хозяйничали казаки. Всюду слышалось льющееся цоканье подков.

Чубатые сотни донцов, спрятанные во дворах, стремительно выскакивали из ворот, лупя направо и налево нагайками.

От них некуда было спрятаться: все парадные и ворота были наглухо заперты и охранялись нарядами войск и полиции. Каждый переулок представлял собой ловушку.

Остатки рассеянных демонстраций бежали враспыленную, куда глаза глядят, без всякой надежды на спасение. Казаки настигали их и рубили поодиночке.

На Малой Арнаутской мимо мальчиков, посередине мостовой, пробежал кривоногий человек без пальто и шапки. Он держал подмышкой палку с красным флагом. Это был хозяин тира. Он бежал, прихрамывая и виляя, бросаясь то туда, то сюда.

Может быть, в другое время это могло бы вызвать в мальчиках удивление, но сейчас это вызывало только ужас.

Через каждые десять шагов Иосиф Карлович поворачивал назад страшно бледное, истерзанное лицо с безумными глазами. За ним дробной рысью мчались два донца.

Звонко выворачивались подковы, высекая из гранитной мостовой искры, бледные при дневном свете.

Через минуту Иосиф Карлович оказался уже между лошадьми. Он пропустил их, увернулся и, бросившись в сторону, схватился за ручку парадного.

Дверь была заперта. Он рвал её с отчаянием, он бил в неё изо всех сил ногами, ломился плечом. Дверь не поддавалась. Казаки повернули лошадей и въехали на тротуар.

Иосиф Карлович сгорбился, наклонил голову и обеими руками прижал к груди флаг. Блеснула шашка. Спина покачнулась. Пиджак лопнул наискось. Хозяин тира дёрнулся и повернулся.

На один миг мелькнуло его искажённое болью лицо с косо подрубленными бачками.

— Негодяи! Сатрапы! Палачи! — страстно закричал он на всю улицу. — Долой самодержавие!

Но в тот же миг — резко и одновременно — блеснули две шашки. Он упал, продолжая прижимать знамя к раскрытой волосатой груди с синей татуировкой.

Один из донцов наклонился над ним и что-то сделал.

Через минуту оба казака уже мчались дальше, волоча за собой на верёвке тело человека, оставлявшее на мёртвенно-серой мостовой длинный, красный, удивительно яркий след.

Из переулка хлынула толпа и разъединила мальчиков.

[Петя проболел всю зиму и только весной встретился с Гавриком.]

XII. МАЁВКА.

Тёплый дождик шёл всю ночь. Он начался в апреле и кончился в мае. В девятом часу утра ветер унёс последние капли. Море курилось туманом.

Гаврик и Петя гребли, с наслаждением опуская вёсла в воду, тёплую даже на вид.

Сначала навалились — кто кого перегребёт. Но Пете трудно было тягаться с Гавриком. Маленький рыбак без особого труда одолевал гимназистика, и лодка всё время крутилась.

— А ну, хлопцы, не валяйте дурака! — покрикивал Терентий, сидевший на корме. — Шаланду перекинете!

Мальчики перестали тягаться, но сейчас же придумали новую игру — кто меньше брызнет.

До сих пор брызгали довольно мало. Но едва только начали стараться, брызги, как нарочно, так и полетели из-под вёсел.

Тогда мальчики стали толкать друг друга плечами и локтями.

Ветерок уносил туман. Из воды в глаза ударило солнце, словно под лодку вдруг подставили зеркало.

Берег проявлялся из мути, как переводная картинка. Яркий майский день заиграл всеми своими голубыми, сиреневыми и зелёными красками.

— Ну, побаловались и будет,— строго сказал Терентий, вытирая рукавом мокрый лоб с белым шрамом.— Пошли дальше...

Мальчики стали серьёзны и налегли на вёсла.

Петя старательно сопел, высунув язык. Правду сказать, он немного уже устал. Но он ни за что не сознался бы в этом перед Гавриком.

Кроме того, мальчика сильно беспокоил вопрос: маёвка это уже или ещё не маёвка? Однако ему не хотелось спрашивать, чтобы опять не оказаться в дураках.

Всё же в конце концов мальчик не выдержал.

— Послушайте,— сказал он Терентию,— это уже самая маёвка или ещё нет?

— Ещё не маёвка.

— А когда она будет? Скоро?

Сказав это, Петя тотчас приготовил преувеличенно весёлую, льстивую улыбку.

На основании долголетнего опыта разговоров со взрослыми он знал, что сейчас ему ответят: «Как начнётся, так и будет». — «А когда начнётся? — «Как будет, так и начнётся».

Но к Петиному удивлению Терентий ответил ему, совершенно как взрослому:

— Сначала подъедем до Малого фонтана — заберём одного человека, а там и маёвку будем начинать.

Действительно, на Малом фонтане в шаланду прыгнул франтоватый господин с тросточкой и верёвочной кошёл-

кой. Он со всего маху сел рядом с Терентием, воровато оглянулся на берег и сказал:

— Навались. Поехали.

Это был матрос.

Но, боже мой, как он был наряжен!

Мальчики смотрели на него с полуоткрытыми ртами, восхищённые и подавленные его неожиданным великолепием. Они до сих пор даже не предполагали, что человек может быть так прекрасен.

Мало того что на нём были кремовые брюки, зелёные носки и ослепительно белые парусиновые туфли.

Мало того что из кармана синего пиджака высовывался алый шёлковый платок и в галстук сверкала сапфировая подковка.

Мало того что на груди коробом стояла крахмальная манишка, а щёки подпирал высокий крахмальный воротник с отогнутыми углами.

Наконец, мало того что твёрдая соломенная шляпа с полосатой лентой франтовски сидела на затылке.

Всего этого было ещё мало.

На животе у него болталась цепочка, а на изящно растопыренных руках красовались серые матерчатые перчатки.

Мальчики даже грести перестали, заглядевшись на франта.

— Ой, Петька! — воскликнул Гаврик. — Смотри, у него перчатки!

Матрос, сердито посмотрев на Гаврика, сказал:

— А кому это надо, чтоб каждый-всякий клал глаз на мой якорь? Я на него чехол одел. Ну, братишечки, будет дурака валять.

Матрос вдруг приосанился, закрутил усы, чёртом посмотрел на Терентия, подылавшего со смеху, и гаркнул:

— Эй, на катере! Слушать мою команду! Вёсла-а-а на воду! Ать! Ать! — запел он, представляя боцмана.

Мальчики навалились. Лодка повернула в открытое море, горевшее впереди серебряным пламенем полудня.

Там, в полуверсте от берега, виднелись рыбацьи шаланды.

Жгучее чувство радостного страха охватило Петю. С таким же точно чувством он в первый раз шёл за Гавриком осенью по оцеплённым кварталам города.

Но тогда мальчики были одни. Теперь же с ними находились могущественные и таинственные взрослые, которые даже и виду не подавали, что когда-нибудь прежде видели Петю.

А между тем мальчик понимал, что они его прекрасно помнят и знают. Матрос даже один раз подмигнул Пете, как бы желая сказать: ничего, брат, живём!

Со своей стороны, Петя тоже делал вид, что в первый раз в жизни видит матроса.

Скоро шаланда очутилась среди множества других рыбацких шаланд, болтавшихся на одном месте против Аркадии¹, как это и было условлено заранее.

Целая флотилия разноцветных лодок окружила старую облезшую посудину покойного дедушки.

Все рыбаки, шедшие вчера за гробом старика, собрались сегодня здесь.

Все были между собой хорошо знакомы — друзья и соседи.

Терентий жмурился и улыбался, растянув рот до ушей. Он с удовольствием посматривал вокруг, читая вслух названия лодок, окружавших его.

Когда водворилась тишина и порядок, Терентий толкнул матроса локтем:

— Начинай, Родя.

Матрос не спеша снял шляпу, положил её на колени и крошечным гребешком расчесал усики. Затем он встал и, расставив для устойчивости ноги, произнёс ясно и громко, так, чтобы его услышали все:

— Здравствуете, товарищи одесские рыбаки! С первым вас мая!

Лицо его сразу сделалось скуластым, курносым, решительным.

— Вот я смотрю вокруг, товарищи, и думаю про нашу воду и землю. Солнышко светит. В море до чёрта всякой

¹ Арка́дия — здесь: один из приморских районов Одессы.

рыбы. На полях до чёрта пшеницы. В садах разная фрукта: яблоки, абрикосы, вишня, черешня, груша. Растёт виноград. На степу кони, волю, коровы, овечки. В земле золото, серебро, железо, всякие-разные металлы. Живи — не хочу. Кажется, на всех хватает. Кажется, все люди свободно могут быть довольные и счастливые. Так что же вы думаете? Нет! Всюду непременно есть богатые, которые совсем не работают, а забирают себе всё, и всюду есть бедные, нищие люди, которые работают день и ночь, как проклятые, и не имеют с этого ни черта!

Значит, выходит, что у рыбака буржуи отнимают три четверти его труда. А мы что? Как только мы подыдем голову, так они нас сейчас шашкой по черепу. Бьют ещё нас, товарищи, сильно бьют. Подняли мы красный флаг на «Потёмкине» — не удержали в руках. Сделали восстание — то же самое. Сколько нашей рабочей крови пролилось по всей России — страшно подумать! Сколько нашего брата погибло на виселицах, в царских застенках, в охранках! Говорить вам об этом не приходится, сами знаете.

Полная, глубокая тишина стояла над шаландами.

А с берега уже доносились тревожные свистки городских. Матрос посмотрел туда и мигнул.

— Друзья наши забеспокоились. Ничего. Свисти, свисти! Может, что-нибудь и высвистишь.

Он злобно согнул руку и выставил локоть в сторону берега, усеянного нарядными зонтиками.

— На, укуси!

Откуда ни возьмись, на всех шаландах появились крашенки, таранька, хлеб, бутылки.

Матрос полез в свою кошелку, достал закуску и разделил её поровну между всеми в лодке. Пете достались превосходная сухая таранька, два бублика и лиловое яйцо.

Городовые, свистя, бегали по берегу. Шаланды стали разъезжаться в разные стороны.

Маёвка кончилась.

Но к берегу пристали не скоро, — часа два ещё крутились в море, выжидая удобного момента.

Сначала высадили Терентия, а потом отвезли матроса.

Прежде чем сойти на берег, матрос долго осматривался по сторонам. Наконец, он махнул рукой: «Ничего. Авось-небось, как-нибудь...», — подхватил подмышку свою щегольскую тросточку и выпрыгнул из шаланды.

— Спасибо, хлопчики! — пробормотал он поспешно. — До приятного свидания.

И с этими словами исчез в толпе гуляющих.

Петя вернулся домой к обеду, с пузырями на ладонях и красным, за один день обгоревшим лицом.

ХІІІ. ПОПУТНЫЙ ВЕТЕР.

Прошла неделя.

За это время Петя ни разу не побывал на море. Он был занят приготовлениями к отъезду в экономию. Приходилось то с папой, то с тётёй отправляться в город за покупками.

Всё вокруг было уже летнее.

Однажды рано утром во дворе раздался знакомый свист.

Мальчик подбежал к окну и увидел посредине двора Гаврика.

Через минуту Петя очутился внизу. У Гаврика был необыкновенно озабоченный вид. Его сероватое лицо, решительно поджатые губы и слишком блестящие глаза говорили о том, что произошло какое-то несчастье.

Сердце у Пети сжалось.

— Ну,— против воли понижая голос до шёпота, спросил он,— что?

Гаврик, насупившись, отвернулся.

— Ничего. Хочешь идти с нами на шаланде?

— Когда?

— А сейчас. Я, Мотька и ты. Под парусом.

— Кататься?

— Пускай кататься. Хочешь?

— Спрашиваешь!

— Тогда — быстро!

Идти на шаланде под парусом!

Нечего и говорить, что Петя даже не сбегал домой за фуражкой. Через десять минут мальчики были уже на берегу.

Шаланда со вставленной мачтой и свёрнутым парусом, до половины выдвинутая в море, покачивалась на лёгкой волне.

Босая Мотя возилась на дне лодки, укладывая в ящик под кормой дубовый бочонок с водой и буханку житного хлеба.

— Петька, берись! — сказал Гаврик, упираясь плечом в корму.

Мальчики навалились и, без особого труда столкнув шаланду, вскочили в неё уже на ходу.

— Поехали!

Гаврик ловко развязал и поднял новый четырёхугольный парус. Слабый ветерок медленно его наполнил. Шаланду потянуло боком.

Став коленями на корму, Гаврик с усилием надел тяжёлый руль и набил на него румпель.

Почувствовав руль, шаланда пошла прямее.

— Побережись!

— Куда мы едем? — спросил Петя.

— Увидишь.

— А далеко?

— Узнаешь.

В глазах Гаврика опять появился тот же недобрый, сосредоточенный блеск.

Петя посмотрел на Мотю. Девочка сидела на носу, свесив босые ноги за борт, и неподвижно смотрела вперёд. Её щёки были строго втянуты, и ветер трепал волосы, ещё недостаточно отросшие, чтобы заплести их в косичку.

Некоторое время все молчали.

Вдруг Гаврик полез в карман и вытащил довольно большие часы. Он с важностью приложил их к уху, послушал, как они тикают, и затем не без труда отколупнул крышку ногтем со множеством белых пятнышек, как известно, приносящих человеку счастье.

Если бы Гаврик вытащил из кармана живую гадюку

или горсть драгоценных камней, то и тогда Петя удивлён был бы меньше.

Собственные карманные часы! Это было почти то же самое, что собственный велосипед или собственное монте-кристо. Даже, может, больше.

У Пети захватило дух. Он не верил своим глазам. Он был подавлен.

А Гаврик между тем принялся сосредоточенно отсчитывать указательным пальцем цифры, шепча себе под нос:

— Один час, два, три, четыре, пять... Девять и ещё трошки¹. Ничего. Поспеем.

— Покажи! — закричал Петя вне себя от изумления. — Это твои?

— Не.

И, притянув Петю за рукав, Гаврик таинственно шепнул ему:

— Казённые. С комитета. Понятно?

— Понятно, — прошептал Петя, хотя ему совершенно ничего не было понятно.

— Слухай, — сказал Гаврик, искоса поглядывая на Мотю. — Матроса нашего поймали. Чуешь? Он теперь сидит в тюрьме. Шестой день. Его после той самой маёвки схватили. Только у него, понятно, документ на другую фамилию. Пока ничего. Ну, только если те драконы его откроют, то молись богу, ставь чёрный крест, — сейчас же и повесят.

— Врёшь! — испуганно воскликнул Петя.

— Раз я тебе говорю, значит знаю. Теперь слухай опять. Пока он сидит там ещё не открытый, ему на воле подстраивают убежать. Комитет подстраивает. Сегодня как раз в десять и с половиной ровным счётом он будет бежать с тюрьмы прямо на Большой фонтан, а отсюда на нашей шаланде под парусом обратно в Румынию. Теперь чуешь, куда мы идём? На Большой фонтан. Шаланду переправляем. А часы мне Терентий из комитета принёс, чтобы не было опоздания.

¹ *Трѣшки* (по-украински) — немножко.

Гаврик снова достал часы и начал на них старательно смотреть.

— Без чуточки десять. Успеем в самый раз.

Гаврик опустил парус. Шаланда стукнулась о маленькие лодочные мостки. Берег был пуст и дик.

— У тебя платочка нема? — спросил Гаврик Петю.

— Есть.

— Покажь!

Петя достал из кармана носовой платок.

Гаврик остался вполне доволен. Он серьёзно и важно кивнул головой.

— Годится. Сховай.

Затем он посмотрел на часы. Было «десять и ещё самые трошки».

— Я останусь в шаланде, — сказал Гаврик, — а ты и Мотька бежите вверх и стойте в переулочке. Будете их встречать. Как только они подъедут, замахайте платочком, чтобы я подымал парус. Соображаешь, Петька?

— Соображаю...

Петя и Мотя вылезли из шаланды и побежали наверх.

Отсюда было видно и шоссе, и море.

Далеко внизу маленькая шаланда покачивалась возле совсем маленьких мостков. А самого Гаврика было еле видно.

— Мотька, слушай, — сказал Петя, осмотревшись по сторонам. — Я влезу на шелковицу — оттуда дальше видно, — а ты ходи по переулку и тоже хорошенько смотри. Кто раньше заметит.

По правде сказать, на шелковицу можно было и не лазить, так как снизу тоже всё было прекрасно видно. Но Петя уже почувствовал себя начальником. Ему хотелось совершать поступки и командовать.

Мальчик разбежался и, кряхтя, вскарабкался на дерево, сразу же разорвав на коленях штаны. Но это не только его не смутило, а наоборот, сделало ещё более суровым и гордым.

Он уселся верхом на ветке и нахмурился.

— Ну? Чего же ты стоишь? Ходи!

— Сейчас.

Девочка посмотрела на Петю снизу вверх испуганными глазами, обеими руками одёрнула юбочку и чинно пошла по переулку к дороге.

Она дошла до угла, постояла там и вернулась обратно.

— Ещё не едут. А у вас?

— И у меня не едут. Ходи дальше.

Девочка снова отправилась до угла и снова вернулась, сообщив, что у неё ещё не едут.

— И у меня не едут. Ходи ещё.

Сначала мальчику очень нравилась эта игра.

Необыкновенно приятно было сидеть высоко на дереве, с напряжением вглядываясь в конец переулка — не покажется ли мчащийся извозчик.

Но время шло, а никого не было. Становилось скучновато.

Мальчик уже давно успел рассмотреть во всех подробностях соседнюю дачу и художника, пишущего пейзаж.

...А между тем уже давно подъехал пыльный извозчик, и по переулку медленно шли два человека. Впереди них бежала Мотя, крича:

— У меня уже приехали! Махайте, махайте!

Петя чуть не свалился с дерева. Он вырвал из кармана платок и стал отчаянно крутить им над головой.

Шаланда закачалась сильнее, и Петя увидел, что Гаврик прыгает и машет руками.

Под шелковицей, на которой сидел Петя, прошли Терентий и матрос. По их пламенно-красным лицам струился пот. Мальчик слышал их тяжёлое дыхание.

Матрос шёл без шапки, сильно хромя. Его щегольские кремовые брюки — те самые, в которых Петя видел его в последний раз, на маёвке, — были порваны и выпачканы кирпичным порошком.

Грязная, полуоторванная манишка обнажала выпуклую, блестящую от пота грудь.

Сжатые кулаки были как бы опутаны голубыми верёвками жил. Усики висели. На обросшем лице сильно

выдавались скулы. Глаза сухо искрились. Горло двигалось.

— Здравствуйте, дядя! — крикнул Петя.

Терентий и матрос посмотрели на мальчика и усмехнулись. Пете показалось даже, что матрос подмигнул ему.

Но они уже бежали вниз, оставляя за собой облако пыли.

— А я первая увидела, ага! — сказала Мотя.

Петя слез с дерева, делая вид, что не слышит.

Мальчик и девочка стояли рядом, глядя вниз на шаланду, подымавшую парус.

Они видели, как маленькая фигурка матроса прыгнула в лодку. Парус надулся. Его стало относить от берега.

Теперь на опустевших мостках стояли только Терентий и Гаврик. Через минуту Терентий исчез.

Остался один Гаврик. Он махнул Пете и Моте рукой и стал, не торопясь, подниматься по обрыву.

Шаланда, подпрыгивая и разбивая волну, быстро уходила в открытое море, ярко синевшее крепкой зыбью.

— Поехал один, — сказал Петя.

— Ничего. Мы ему хлеба положили. Целую буханку. И восемь таранек.

Скоро к Пете и Моте присоединился и Гаврик.

— Слава богу, отправили, — сказал он. — А то прямо наказание.

— А как же шаланда? — спросил Петя. — Так теперь и пропала?

— Шаланда пропала, — сумрачно сказал Гаврик, почесав макушку.

— Как же вы будете без шаланды?

— Не пропадём как-нибудь.

Торопиться было некуда. Дети перелезли через забор и тихонько остановились за спиной художника.

Теперь почти уже весь пейзаж был готов. Затаив дыхание, они засмотрелись, очарованные чудесным возникновением на маленьком холсте целого мира, совсем

другого, чем на самом деле, и вместе с тем как две капли воды похожего на настоящий.

— Море есть, а шаланды нету,— шепнула Мотя, как бы нечаянно положив руку на Петино плечо, и тихонько хихикнула.

Но вот художник набрал тонкой кистью каплю белил и в самой середине картины на лаковой синеве только что написанного моря поставил маленькую выпуклую запятую.

— Парус! — восхищённо вздохнула Мотя.

Теперь нарисованное море невозможно было отличить от настоящего. Всё как там. Даже парус.

И дети, тихонько толкая друг друга локтями, долго смотрели то на картину, то на настоящее, очень широко открытое море, в туманной голубизне которого таял маленький парус дедушкиной шаланды, лёгкий и воздушный, как чайка.

... Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой,
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

1. Какие исторические события изображены в этом рассказе?

2. Кто был Родион Жуков? Почему он был вынужден скрываться от царского правительства? За что боролся матрос Жуков? Каким показал себя Жуков в трудные моменты борьбы?

3. Какое участие принимали Гаврик и Петя в революционных событиях того времени? Какими показали себя мальчики в этих событиях? Какую роль сыграл Гаврик в жизни Пети?

4. Напишите изложение главы «Человек за бортом».

5. Напишите историю Родиона Жукова.

6. Составьте план главы «Штаб боевиков».

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ О СОВЕТСКОЙ РОДИНЕ

МЕТЕЛИЦА.

А. А. Фадеев.

I.

В сырую полночь в начале августа пришла в отряд Левинсона конная эстафета¹. Прислал её старый Суховей-Ковтун — начальник штаба партизанских отрядов. Старый Суховей писал о нападении японцев на главные партизанские силы, о смертном бое под Извёсткой, о том, что сам он прячется в охотничьем зимовье, раненный девятью пулями...

Левинсон получил эстафету в половине первого ночи, а через полчаса конный взвод пастуха Метелицы разлетелся по дорогам, разнося тревожную весть.

Забравшись в глухие места, Левинсон почти потерял связь с другими отрядами. Таёжными² тропами, где много лет уже не ступала человеческая нога, вёл он своих партизан.

Вся Улахинская долина была занята японцами и колачакцами. Неприятельская разведка шарила по всем направлениям и не раз натыкалась на дозорных Левинсона.

Ранним утром Левинсона отрезали от гор, но после двухчасового боя, потеряв до тридцати человек, он про-

¹ *Эстафета* — здесь: спешное сообщение.

² *Таёжный* — от слова тайга; тайгой в Сибири и на Дальнем Востоке называют дремучие леса, которые тянутся на огромные расстояния.

рвался сквозь отряды противника. Колчаковская конница преследовала его по пятам.

— Дальше держаться в этом районе немислимо,— сказал сумрачно Левинсон.— Единственный путь — на север.— Он расстегнул полевую сумку и вынул карту.— Вот... Здесь можно пройти хребтами... Далеко, правда, но что ж поделаешь...

Левинсон решил заночевать в тайге. Он надеялся, прощупав путь разведкой, пробраться в долину Тудоваки, богатую лошадьми и хлебом.

— В разведку Метелица поедет, ночевать здесь будем,— сказал Левинсон своему помощнику Бакланову и отдал распоряжение.

— Стой! — закричали впереди. Возглас передавался по цепи, и в то время как передние уже стали, задние продолжали напирать.

— Метелицу!

— Метелицу зовут...— снова побежало по цепи.

Через несколько секунд, согнувшись по-ястребиному, примчался Метелица, и весь отряд с гордостью проводил глазами его цепкую пастушью посадку.

Отправляя Метелицу в разведку, Левинсон наказал ему вернуться этой же ночью. Метелица покинул отряд около четырёх часов пополудни и на совесть гнал своего жеребца. Уже совсем стемнело, когда он выбрался из тайги и придержал жеребца возле старого и гнилого, с провалившейся крышей, омшаника¹.

Он привязал лошадь и, хватаясь за рыхлые, осыпающиеся под руками края сруба, взобрался на угол, рискуя провалиться в тёмную дыру. Приподнявшись на цепких полусогнутых ногах, стоял он минут десять, не шелохнувшись, зорко вглядываясь и вслушиваясь в ночь...

Метелица вспрыгнул в седло и выехал на дорогу. Её чёрные, давно неезженные колеи едва проступали в траве. Тонкие стволы берёз тихо белели во тьме, как потушенные свечи.

¹ Омшáник — кладовая, подклеть, строение, проконопаченное мхом.

Он поднялся на бугор: слева шла чёрная гряда сопок¹, изогнувшаяся, как хребет гигантского зверя; шумела река, верстах в двух, должно быть, возле самой реки, горел костёр; дальше, пересекая дорогу, тянулись жёлтые немигающие огни деревни.

Метелице стало холодно: он был в расстёгнутой солдатской фуфайке поверх гимнастёрки с оторванными пуговицами, с распахнутым воротом. Он решил ехать сначала к костру. На всякий случай вынул из кобуры револьвер и сунул за пояс, под фуфайку, а кобуру спрята- л в сумку за седлом.

Он был уже совсем близко от костра, — вдруг конское тревожное ржанье раздалось во тьме. Жеребец рванулся и, вздрагивая могучим телом, прядая ушами, ответил на ржанье. В то же мгновение у огня качнулась тень. Метелица с силой ударил плетью и взвился вместе с лоша- дью.

У костра, вытаращив испуганные глазёнки, держась одной рукой за кнут, а другую приподняв, точно защи- щаясь, стоял худенький черноголовый мальчишка. Он был в лаптях, в изорванных штанишках, в длинном не по росту пиджаке, обёрнутом вокруг тела и подпоясанном пенькой. Метелица свирепо осадил жеребца перед самым носом мальчишки, едва не задавив его. Он увидел перед собой испуганные глаза, штанишки с просвечивающими голыми коленками и убогий, с хозяйского плеча, пиджак, из которого так виновато и жалко смотрела тонкая и смешная детская шея.

— Чего же ты стоишь? Напужался?.. Ах ты, воробей, воробей! Вот дурак-то тоже! — заговорил Метелица. — Стоит, и крышка! А ежели б задавил тебя?..

Мальчишка от испуга едва перевёл дух.

— А чего же ты налетел, как бузуй²? — сказал он, всё ещё робея. — Напужаисси — тут у меня кони...

— Ко-они? — насмешливо протянул Метелица. — Ска-

¹ *Сопка* — так на Дальнем Востоке называют горы с безлес- ными вершинами.

² *Бузуй, бузуйн* — в просторечье: драчун, забияка.

жите на милость! — Он упёрся в бока, откинулся назад, рассматривая парнишку, и вдруг засмеялся.

Парнишка смущённо, недоверчиво шмыгнул носом, но, поняв, что страшного ничего нет, а всё, наоборот, выходит ужасно весело, сморщился так, что нос его вздёрнулся кверху, и тоже — совсем по-детски — залился озорно и тоненько. От неожиданности Метелица прыснул ещё громче, и оба они хохотали так несколько минут: один — раскачиваясь в седле взад и вперёд, а другой — упав на траву, упёршись в землю ладонями и откидываясь назад всем телом при каждом новом взрыве.

— Ну, и насмешил, хозяин! — сказал, наконец, Метелица, выпрастывая ногу из стремени. — Чудак ты, право... — Он соскочил на землю и протянул руки к огню.

Парнишка, перестав смеяться, смотрел на него с серьёзным и радостным изумлением, как будто ждал от него ещё самых неожиданных чудачеств.

— И весёлый же ты, дьявол, — выговорил он наконец.

— Я-то? — усмехнулся Метелица. — Я, брат, весёлый...

— А я тут напужался, — сознался парнишка. — Кони тут у меня. А я картошку пеку...

— Картошку? Это здорово! — Метелица уселся рядом, не выпуская из рук уздечки. — Где же ты берёшь её, картошку?

— Вона, где берёшь... Да тут её гибель! — и парнишка повёл руками вокруг.

— Воруешь, значит?

— Вору. Давай я подержу коня-то... Да я, брат, не упущу, не бойся. Хороший жеребец! — сказал парнишка, опытным взглядом окинув ладную, худую, с подтянутым животом и мускулистую фигуру жеребца. — А ты откуль сам?

— Ничего жеребец, — согласился Метелица. — А ты откуда?

— А вон, — кивнул мальчишка в сторону огней. — Ханьеза село наше... Сто двадцать дворов...

— Так... А я с Воробьёвки, за хребтом. Может слышал?

— С Воробьёвки? Не, не слышал,— далеко, видать...

— Далеко.

— А к нам зачем?

— Да как сказать... Это, брат, долго рассказывать... Коней думаю у вас купить, коней, говорят, у вас тут много... Я, брат, их люблю, коней-то,— хитро сказал Метелица,— сам всю жизнь пас, только чужих.

— А я, думаешь, своих? Хозяйские...

Парнишка выпростал из рукава худую грязную ручонку и кнутовищем стал раскапывать золу, откуда заманчиво и ловко покатались чёрные картофелины.

— Может, ты хлеба хочешь? — спросил он. — У меня есть, только мало...

— Спасибо, я только что нажрался — вот,— сказал Метелица, показав по самую шею.

Парнишка разломил картофелину, подул на неё, сунул в рот половинку вместе с кожурой, повертел на языке и с

аппетитом стал жевать. Прожевав, он посмотрел на Метелицу и сказал:

— Сирота я, полгода уж как сирота. Тятюку у меня казаки вбили, и мамку вбили, и брата тоже.

— Казаки? — встрепнулся Метелица.

— А кто же? Вбили почём зря. И двор весь попалили, да не у нас одних, а дворов двенадцать, и каждый месяц наезжают, сейчас тоже человек сорок стоит. А волостное село за нами, Ракитное, так там целый полк всё лето стоит. Ох, и лютуют. Бери картошку-то...

— А как же вы так — и не бежали?.. Вон лес у вас какой... — Метелица даже привстал.

— Что ж лес? Век в лесу не просидишь. Да и болото там — не вылезешь — такое бучило¹...

— Знаешь что, — сказал Метелица, подымаясь, — попаси-ка коня моего, а я в село схожу. У вас, я вижу, тут не то что купить, а и последнего отберут...

— Что ты скоро так? Сиди!.. — сказал пастушонок, сразу огорчившись, и тоже встал. — Одному скушно тут, — пояснил он жалостным голосом, глядя на Метелицу большими, просящими и влажными глазами.

— Нельзя, брат, — Метелица развёл руками. — Самое разведать, пока темно... Да я вернусь скоро, а жеребца спутаем... Где у них там самый главный стоит?

Парнишка объяснил, как найти дом попа, где стоит начальник эскадрона и как лучше пройти задами.

— А собак у вас много?

— Собак хватает, да они не злые.

Метелица, спутав жеребца и попрощавшись, двинулся по тропинке вдоль реки. Парнишка с грустью смотрел ему вслед, пока он не исчез во тьме.

II.

Через полчаса Метелица был под самым селом. Тропинка отвернула вправо, но он продолжал идти по скошенному лугу, пока не наткнулся на мужицкие огороды.

¹ Бучило — низкое место, залитое водой.

Село уже спало; огни потухли; чуть видны были при свете звёзд тёмные соломенные крыши хатёнок.

Метелица, миновав два переуллка, свернул в третий. Собаки провожали его неверным хриплым лаем, точно напуганные сами, но никто не вышел на улицу, не окликнул его.

Метелица прошёл ещё несколько переулков, кружа возле церкви, и, наконец, упёрся в крашеный забор поповского сада. Метелица пошарил глазами, прислушался и, не найдя ничего подозрительного, бесшумно и быстро перемахнул через забор.

Сад был густой и ветвистый, но листья уже опали. Метелица, почти не дыша, пробирался вглубь. Кусты вдруг оборвались, и налево от себя он увидел освещённое окно. Оно было открыто. Там сидели люди. Ровный, мягкий свет струился по опавшей листве, и яблони стояли в нём, как золотые...

Люди играли в карты за столом, в глубине комнаты. По правую руку сидел маленький старый попик в прилизанных волосиках, он ловко сновал по столу худыми, маленькими ручками, неслышно перебирая карты игрушечными пальцами. Лицом к Метелице сидел красивый, полный офицер с трубкой в зубах. Метелица принял его за начальника эскадрона. Слева сидел офицер в чёрной папачке¹ и в бурке² без погон, в которую кутался всякий раз после того, как сбрасывал карту.

Метелица, согнувшись и пятясь боком, полез от окна. Он только свернул в аллею, как вдруг лицом к лицу столкнулся с человеком в казачьей шинели, брошенной на одно плечо; позади него виднелись ещё двое.

— Ты что тут делаешь? — удивлённо спросил этот человек, придерживая шинель, чуть не упавшую, когда он наткнулся на Метелицу.

Метелица отпрыгнул в сторону и бросился в кусты.

— Стой! Держи его! Держи! Сюда!.. Эй!.. — закричало

¹ *Папáха* — высокая шапка из бараньего меха.

² *Бýрка* — род плаща или накидки из войлока; носят бурки преимущественно на Кавказе.

несколько голосов. Резкие, короткие выстрелы затрещали вслед.

Метелица, путаясь в кустах и потеряв фуражку, рвался наугад, но голоса стонали, были уже где-то впереди, и злобный собачий лай доносился с улицы.

— Вот он, держи! — крикнул кто-то, бросаясь к Метелице с вытянутой рукой. Пуля визгнула у самого уха.

Метелица тоже выстрелил. Человек, бежавший на него, споткнулся и упал.

— Врёшь, не поймаешь... — торжественно сказал Метелица, до самой последней минуты действительно не веривший в то, что его смогут скрутить.

Но кто-то большой и грузный навалился на него сзади и подмял под себя. Метелица попытался высвободить руку, но жестокий удар по голове оглушил его...

Потом его били подряд, и, даже потеряв сознание, он чувствовал на себе эти удары ещё и ещё...

III.

Метелица очнулся в большом тёмном сарае; он лежал на голой сырой земле. Он сразу вспомнил всё, что произошло с ним. Удары, нанесённые ему, ещё шумели в голове, волосы ссохлись в крови, — он чувствовал эту запёкшуюся кровь на лбу и на щеках.

Первая мысль, которая пришла ему в голову, была мысль о том, нельзя ли уйти. Он обшарил весь сарай, ощупал все дырочки, попытался даже выломать дверь. Он наткался всюду на холодное дерево, а щели были так малы, что они с трудом пропускали тусклый рассвет осеннего утра.

Метелица не успел ещё осмотреть сарай, как за дверями послышалась возня, заскрипел засов, и вместе с серым утренним светом вошли в сарай два казака с оружием и в лампадах¹. Метелица, расставив ноги, прищурившись, смотрел на них.

¹ *Лампады* — цветные нашивки по наружному шву брюк (принадлежность казачьей формы).

Заметив его, они в нерешительности помялись у дверей; тот, что был позади, беспокойно зашмыгал носом.

— Пойдём, землячок,— сказал, наконец, передний.

Метелица, упрямо склонив голову, вышел наружу.

Через некоторое время он стоял перед знакомым ему человеком — в чёрной папахе и в бурке — в той самой комнате, в которую засматривал ночью из поповского сада. Тут же, подтянувшись в кресле, удивлённо, нестрого поглядывая на Метелицу, сидел красивый, полный офицер, которого Метелица принял вчера за начальника эскадрона. Теперь, рассмотрев обоих, он понял, что начальником был как раз не этот полный офицер, а другой — в бурке.

— Можете идти,— отрывисто сказал этот другой, взглянув на казаков, остановившихся у дверей.

Они, неловко подталкивая друг друга, выбрались из комнаты.

— Что ты делал вчера в саду? — быстро спросил начальник, остановившись перед Метелицей и глядя на него своим точным, немигающим взглядом.

Метелица молча, насмешливо уставился на него, выдерживая его взгляд, чуть пошевеливая атласными чёрными бровями и всем своим видом показывая, что он не скажет ничего.

— Ты брось эти глупости,— снова сказал начальник, нисколько не сердясь и не повышая голоса.

— Что же говорить зря? — снисходительно улыбнулся взводный.

Начальник эскадрона несколько секунд изучал его застывшее рябое лицо, вымазанное засохшей кровью.

— Что ж ты — здешний или прибыл откуда?

— Брось, ваше благородие!.. — решительно сказал Метелица, сжав кулаки и едва сдерживаясь, чтобы не броситься на него.

— Ого! — в первый раз изумлённо и громко воскликнул человек в бурке. Он вынул из кобуры револьвер и потряс им перед носом Метелицы. Взводный, отвернувшись к окну, застыл в молчании.

После того, сколько ни грозили ему револьвером,

сколько ни упрашивали правдиво рассказать обо всём, обещая полную свободу, он не произнёс ни единого слова, даже ни разу не посмотрел на спрашивающих.

В самом разгаре допроса легонько приоткрылась дверь, и чья-то волосатая голова, с большими испуганными и глупыми глазами, просунулась в комнату.

— Ага,— сказал начальник эскадрона,— собрались уже? Скажи ребятам, чтобы взяли этого молодца.

Те же два казака пропустили Метелицу во двор и, указав ему на открытую калитку, пошли вслед за ним. Метелица не оглядывался, но чувствовал, что оба офицера тоже идут позади. Они вышли на церковную площадь. Там, возле бревенчатой избы, толпился народ, оцепленный конными казаками.

Метелица вскинул голову и оглядел эту колеблющуюся, пёструю, тихую толпу мужиков, мальчишек, напуганных баб в панёвах¹, девушек в цветных платочках, бойких верховых с чубами, точно раскрашенных, подтянутых и чистеньких, как на лубочной картинке. Он прошёл сквозь толпу и остановился у избы. Офицеры, обогнав его, вошли на крыльцо.

— Сюда, сюда,— сказал начальник эскадрона, указав ему место рядом.

Метелица, разом перешагнув ступеньку, стал рядом с ним.

Теперь он был хорошо виден всем — тугой и стройный, черноволосый, в мягких оленьих улах², в расстёгнутой рубаше, перетянутой шнурком с густыми зелёными кистями, выпущенными из-под фуфайки.

— Кто знает этого человека? — спросил начальник, обводя всех острым сверлящим взглядом, задерживаясь на секунду то на одном, то на другом лице.

И каждый, на ком останавливался этот взгляд, суетясь и мигая, опускал голову.

— Никто не знает? — переспросил начальник. — Это мы сейчас выясним... Нечитайло! — крикнул он, сделав

¹ *Панёва* — цветная шерстяная юбка, какую носили в некоторых местах замужние женщины-крестьянки.

² *Улы* — вид обуви.

движение рукой в ту сторону, где на кауром¹ жеребце гарцовал высокий офицер в длинной казачьей шинели.

Толпа глухо заволновалась; стоящие впереди обернулись назад,— кто-то в чёрной жилетке решительно проталкивался сквозь толпу, наклонив голову так, что видна была только его тёплая, меховая шапка.

— Пропустите, пропустите! — говорил он скороговоркой, расчищая дорогу одной рукой, а другой ведя кого-то вслед.

Наконец он пробрался к самому крыльцу, и все увидели, что ведёт он худенького черноголового парнишку в длинном пиджаке, боязливо упиравшегося и тарасившего чёрные глаза то на Метелицу, то на начальника эскадрона. Толпа заволновалась, громче слышались вздохи и сдержанный бабий говорок. Метелица посмотрел вниз и вдруг признал в черноголовом парнишке того самого пастушонка, которому он оставил вчера свою лошадь.

Мужик, державший его за руку, снял шапку и, поклонившись начальнику, начал было:

— Вот тут пастушок у меня...

Но, видимо, испугавшись, что не послушают его, он наклонился к парнишке и, указав пальцем на Метелицу, спросил:

— Этот, что ли?

В течение нескольких секунд пастушонок и Метелица смотрели прямо в глаза друг другу. Потом парнишка перевёл взгляд на начальника эскадрона, потом на мужика, державшего его за руку, вздохнул глубоко и отрицательно покачал головой... Толпа, притихшая настолько, что слышно было, как возится телёнок в клетке у церковного старосты, чуть колыхнулась и снова замерла.

— Да ты не бойся, дурачок, не бойся,— с ласковой дрожью убеждал мужик, быстро тыча пальцем в Метелицу.— Кто же тогда, как не он?.. Да ты признай, признай... А-а, гад!..— со злобой оборвал он вдруг и изо всей силы дёрнул парнишку за руку.— Да он, ваше благоро-

¹ *Кау́рый* — рыжеватый, светлобурый (конская масть).

дие, кому же другому быть? Только боится парень, а кому же другому, когда в седле конь-то и кобура в сумке... Наехал вечер ¹ на огонёк. «Попаси,— говорит,— коня моего», а сам в деревню, а парнишка-то не дождал — светло уж стало,— не дождал, да и пригнал коня, а конь в седле и кобура в сумке... Кому же другому быть?

— Кто наехал? Какая кобура? — спросил начальник.

Мужик ещё растеряннее засучил шапкой и вновь, сбиваясь и путаясь, рассказал о том, как его пастух пригнал утром чужого коня в седле и с револьверной кобурой в сумке.

— Вот оно что,— протянул начальник эскадрона.— Так ведь он не признаёт? — сказал он, кивнув на парнишку.— Впрочем, давай его сюда — мы его допросим по-своему.

Парнишка, подталкиваемый сзади, приблизился к крыльцу, не решаясь, однако, взойти на него. Офицер сбегал по ступенькам, схватил его за худые, вздрагивающие плечи и, притянув к себе, уставился в его круглые от ужаса глаза своими — пронзительными и страшными.

— А-а... а!..— вдруг завопил парнишка, закатив белки.

— Да что ж это будет? — вздохнула, не выдержав, какая-то из баб.

В то же мгновение чьё-то стремительное и гибкое тело взметнулось с крыльца. Толпа шарахнулась, всплеснув многоруким туловом, начальник эскадрона упал, сбитый сильным толчком...

— Стреляйте в него!.. Да что ж это такое? — закричал красивый офицер, беспомощно выставив ладонь, забыв, как видно, что он сам умеет стрелять.

Несколько верховых ринулись в толпу, конями раскидывая людей. Метелица, навалившись на врага всем телом, старался схватить его за горло, но тот извивался, раскинув бурку, похожую на чёрные крылья, и судорожно цеплялся рукой за пояс, стараясь вытащить револьвер. Наконец, ему удалось отстегнуть кобуру, и в то же мгно-

¹ Вечёр — вчера вечером.

вание, как Метелица схватил его за горло, он выстрелил в него несколько раз подряд.

Когда подоспевшие казаки тащили Метелицу за ноги, он ещё цеплялся за траву, стараясь поднять голову, но она бессильно падала и волочилась по земле.

— Нечитайло! — кричал красивый офицер. — Собрать эскадрон!.. Вы тоже поедете? — спросил он начальника. — Лошадь командиру!

Через полчаса казачий эскадрон в полном боевом снаряжении выехал из села и помчался кверху, по той дороге, по которой прошлой ночью ехал Метелица.

IV.

Бакланов, вместе со всеми испытывавший сильное беспокойство, наконец, не выдержал.

— Слушай, дай я вперёд проеду, — сказал он Левинсону. — Ведь чёрт его знает на самом деле!

Он пришпорил коня и скорее даже, чем ожидал, выехал на опушку, к заросшему омшанику. Ему не понадобилось, однако, влезать на крышу — не дальше как в полуверсте спускалось с бугра человек пятьдесят конных.

Бакланов задержался, спрятавшись в кусты, желая проверить, не покажутся ли из-за бугра новые отряды. Никто не появился больше; эскадрон ехал шагом, расстроив ряды; судя по сбитой посадке людей и по тому, как мотали головами разыгравшиеся лошади, эскадрон только что шёл на рысях.

Бакланов повернул обратно и чуть не налетел на Левинсона, выезжавшего на опушку. Он сделал знак остановиться.

— Много? — спросил Левинсон, выслушав его.

— Человек пятьдесят.

— Пехота?

— Нет, конные.

— Кубрак, Дубов, спешиться! — тихоскомандовал Левинсон. — Кубрак — на правый фланг. Дубов — на левый...

Передав Бакланову командование взводом Метелицы и приказав ему остаться здесь, он спешился сам и пошёл впереди цепи, чуть ковыляя и размахивая маузером.

Не выходя из кустов, он положил цепь, а сам в сопровождении одного партизана пробрался к омшанику.

Эскадрон был совсем близко. По жёлтым околышам и лампасам Левинсон узнал, что это были казаки. Он разглядел и командира в чёрной бурке.

— Скажи, пусть сюда ползут,— шепнул он партизану,— только пусть не встают, а то... Ну, чего смотришь? Живо! — и он подтолкнул его, нахмутив брови.

Эскадрон был уже так близко, что слышен был конский топот и сдержанный говор всадников, можно было различить даже отдельные лица.

Левинсон видел их выражения, особенно у одного, красивого и полного офицера, только что выехавшего вперёд с трубкой в зубах и очень плохо державшегося в седле.

— Взво-о-од!..— закричал Левинсон вдруг тонким протяжным голосом.— Пли!..

Красивый офицер, услышав первые звуки его голоса, удивлённо поднял голову. Но в ту же секунду фуражка слетела с его головы, и лицо его приняло невероятно испуганное и беспомощное выражение.

— Пли!..— снова крикнул Левинсон и выстрелил сам, стараясь попасть в красивого офицера.

Эскадрон смешался; многие, в том числе и красивый офицер, попадали на землю. В течение нескольких секунд растерявшиеся люди и лошади, вздымавшиеся на дыбы, бились на одном месте. Потом из этой сумятицы вырвался отдельный всадник, в чёрной папахе и в бурке, и заплясал перед эскадроном, сдерживая лошадь, размахивая шашкой. Остальные, как видно, плохо повиновались ему,— некоторые уже мчались прочь, нахлёстывая лошадей; весь эскадрон ринулся за ними.

Партизаны повскакали с мест, наиболее азартные побежали вдогонку, стреляя на ходу.

— Лошадей! — кричал Левинсон.— Бакланов, сюда! По коням!..

Бакланов пронёсся мимо, откинув понизу руку с шашкой, блестящей, как слюда; за ним с лязгом и гиком мчался взвод Метелицы...

Когда бой был кончен и казачий эскадрон, теряя людей и коней, скрылся в берёзовой роще, партизаны

отыскивали своего разведчика. Казаки кинули его в переулке за большой избой, под изгородью. Метелица лежал на боку, и волосы его перепутались с осенней блёклой травой.

Первым прискакал в село взвод Метелицы. Люди спешили, плотно обступили тело своего командира, а Бакланов, став на колени, бережно приподнял с земли черноволосую голову взводного.

— Ну что? — спросил подъехавший Левинсон.

— Не дышит... — тихо ответил Бакланов, не подымаясь с земли.

В это время в толпе партизан показался пастушонок. Он пробирался сквозь ряды, ведя за собой коня Метелицы.

Люди расступились, пропустили их вперёд.

— Вот он, конь-то его, — сказал мальчишка. — Покарауль, говорит... А сам не пришёл больше... Ваш конь, берите...

1. Какие черты характера Метелицы, советского партизана и патриота, проявились при встрече с пастушонком, во время ареста, при допросе и в последние минуты его жизни?

2. Перечитайте строки, рассказывающие, как Метелица идёт по деревне. Какими словами автор показал, что идёт смелый разведчик?

3. Говоря о движениях Метелицы, Фадеев употребляет такие глаголы: *примчался*, *вспрыгнул* на седло, *взвился* над костром вместе с лошадью, *перемахнул* через забор, *отпрыгнул*, тело его *взметнулось*. Как характеризуют эти слова героя-взводного?

4. В чём сказались сообразительность, стойкость и честность пастушонка? Выделите относящиеся к нему слова с уменьшительными и ласкательными суффиксами. Почему автор пользуется этими словами?

5. Как показаны белые?

-
- I. Придумайте заголовки к каждой главе.
 - II. Перескажите встречу с Метелицей от лица пастушонка.
 - III. Перескажите сцену допроса; при этом опишите выражение лица, поведение Метелицы, поведение офицера, жесты и движения пастушонка.

ПО ДОЛИНАМ И ПО ВЗГОРЬЯМ.

(Русская песня.)

Пограничник с собакой.
С деревянной скульптуры.

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперёд,
Чтобы с бою взять

Приморье —
Белой армии оплот.
Наливались знамёна
Кумачом последних ран.
Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан.
Этих лет не смолкнет

слава,
Не померкнет никогда!
Партизанские отряды
Занимали города.
И останутся, как сказка,
Как манящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни.

Разгромили атаманов,
Разогнали воевод
И на Тихом океане
Свой закончили поход.

В этой песне народ воспевал героев-партизан, участников боёв в далёкой Сибири. Когда в 1919 г. Красная Армия разбила войска белого генерала Колчака, остатки его армии бежали за Урал, в Сибирь.

Рабочие и крестьяне Сибири создали партизанские отряды и разбили банды белых под городом Спасском и Волочаевкой.

Какие события наших дней останутся в памяти народа, «как сказка, как манящие огни»?

КРАСНЫЕ ФЛАГИ.

А. Фадеев.

(Из романа «Молодая гвардия».)

I.

Шестого ноября, в канун Октябрьского праздника, днём, штаб «Молодой гвардии» собрался в полном составе на квартире Кошевого. Олег решил ознаменовать этот день торжественным принятием в комсомол Радика Юркина. После своего участия в казни Фомина Радик Юркин был включён в боевую группу Тюленина и участвовал в ночных нападениях на немецкие грузовые машины. Он довольно уверенно сидел на стуле у двери и прямо, не мигая, смотрел в окно напротив, через комнату, пока Олег произносил вступительную речь, а потом Тюленин давал характеристику ему, Радикю.

— Будут вопросы к товарищу Радикю Юркину? — спросил Олег.

Все молчали.

— Пусть биографию расскажет, — сказал Ваня Туркенич.

— Расскажи биографию...

Радик Юркин встал и, глядя в окно, звонким голосом, каким он отвечал урок в классе, сказал:

— Я родился в городе Краснодоне в тысяча девятьсот двадцать восьмом году. Учился в школе имени Горького... — На этом и кончалась биография Радика Юркина, но он сам чувствовал, что этого мало, и менее уверенно добавил: — А как немцы пришли, теперь уже не учусь...

Все опять помолчали.

— Общественных обязанностей не нёс? — спросил Ваня Земнухов.

— Не нёс, — с глубоким мальчишеским вздохом сказал Радик Юркин.

— Задачи комсомола знаешь? — снова спросил Ваня, уставившись в стол сквозь свои роговые очки.

— Задача комсомола — бить немецко-фашистских захватчиков, пока не останется ни одного,— очень чётко сказал Радик Юркин.

— Что ж, я считаю, парень вполне политически грамотный,— сказал Туркенич.

— Конечно, принять! — сказала Любка, всем сердцем болевшая за то, чтобы всё вышло хорошо у Радика Юркина.

— Принять, принять!..— сказали и другие члены штаба.

— Кто за то, чтобы принять в члены комсомола товарища Радика Юркина? — с широкой улыбкой спросил Олег и сам поднял руку.

Все подняли руки.

— Единогласно,— сказал Олег и встал.— Подойди сюда...

Радик слегка побледнел и подошёл к столу меж раздвинувшимися, чтобы дать ему место, и серьёзно смотревшими на него Туркеничем и Улей Громовой.

— Радик! — торжественно сказал Олег.— По поручению штаба, вручаю тебе временный комсомольский билет. Храни его, как собственную честь. Членские взносы будешь уплачивать в своей пятёрке. А когда вернётся Красная Армия, райком комсомола обменяет тебе этот временный билет на постоянный...

Радик протянул тонкую загорелую руку и взял билет. На лицевой стороне вверху маленькими скачущими типографскими буквами было напечатано: «Смерть немецким оккупантам!» Немного ниже: «Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи». Ещё ниже, немного покрупнее: «Временный комсомольский билет».

— Я зашью его в курточку и буду всегда носить с собой,— сказал Радик чуть слышно и спрятал билет во внутренний карман курточки.

— Можешь идти,— сказал Олег.

Все поздравили Радика Юркина и пожали ему руку.

Радик вышел на Садовую. Дождя не было, но было очень ветрено и холодно. Близились сумерки. Этой ночью Радик должен был возглавить группу из трёх ребят для

проведения большого праздничного задания. Чувствуя у себя на груди билет, Радик с суровым и счастливым выражением лица пошёл по улице домой.

Этой ночью не только Радик Юркин, а почти вся организация участвовала в большом праздничном задании...

II.

Ночь была так черна, что, вплотную соткнувшись лицами, нельзя было видеть друг друга. Сырой, холодный ветер мчался по улицам; он погромыхивал крышами, стонал по трубам, свистел в проводах, дудел в столбах. Нужно было знать город так, как они, чтобы по невылазной грязи, во тьме выйти точно к проходной будке.

Обычно на этом отрезке дороги — от Ворошиловградского шоссе до клуба имени Горького — ходил ночью дежурный «полицай»¹. Но, видно, грязь и стужа загнали его куда-нибудь под крышу.

Проходная будка была сложена из камня, это была не будка, а целая башня с зубцами наверху, как в замке.

Они были точно созданы для того, чтобы проделать это вдвоём — широкоплечий Сергей Левашов и Любка со своими сильными ногами и лёгкая, как огонь. Сергей выставил колено и протянул Любке руки. Она, не видя их, сразу попала в них своими маленькими ручками и тихо засмеялась. Она поставила ногу в ботинке на колено к нему и в то же мгновение была уже у него на плечах и положила руки на каменную ограду. Он крепко держал её за ноги повыше ботинок, чтобы она не упала. Она легла животом на ограду, уцепившись с той стороны за стену поджатыми под себя руками; в такой позе она смогла удержаться, когда он, упираясь ногами в стену, сам подтянулся на руках и быстрым, сильным движением перенёс одну, потом другую руку на стену. Теперь Любке осталось только освободить ему место, — он был уже рядом с ней.

Поверхность толстой стены была ребром и мокрая, и

¹ *Полицай* — так немцы называли полицейских.

очень легко было соскользнуть. Но Сергей стоял крепко, прислонившись к стене башни и распластав по ней руки. Теперь Любка уже сама влезла ему на плечи по спине,— всё-таки он был очень силен. Зубцы башни оказались на уровне её груди, и она легко влезла на башню. Ветер так рвал её платье и жакет, что казалось — вот-вот сбросит её. Но теперь самое трудное было позади...

Она вынула из-за пазухи свёрточек, нащупала шпагат¹ и, не давая развернуться на ветру, прикрепила к флагштоку². И только она отпустила, ветер подхватил это с такой яростной силой, что у Любки забилося сердце от волнения. Она достала второй, меньший свёрточек и надвязала у самого подножия флагштока.

Таким же образом, по спине Сергея, она спустилась на стену. Сергей прыгнул и снизу тихо позвал её, подставив руки. Она не видела его, а только чувствовала его по голосу. У неё вдруг замерло сердце,— она протянула вперёд руки, зажмурила глаза и прыгнула.

— Серёжка! Захватим гитару, а?

— Идёт! И я переоденусь — ты меня всего вывозила своими ботиками,— сказал он, счастливый.

— Ни-ни! Примут нас, какие есть! — Она весело засмеялась.

III.

Вале и Серёжке Тюленину достался центр города — самый опасный район: немецкие часовые стояли у здания райисполкома, у здания биржи, «полицей» дежурил у дирекциона, под горой была жандармерия. Но тьма и ветер благоприятствовали им. Серёжка облюбовал пустующий дом «бешеного барина»³. Пока Валя дежурила с той стороны дома, что была обращена к райисполкому, Серёжка взобрался по гнилой лестнице, приставленной к чердаку, и всё обстрепал в пятнадцать минут.

¹ Шпагат — тонкая прочная верёвка.

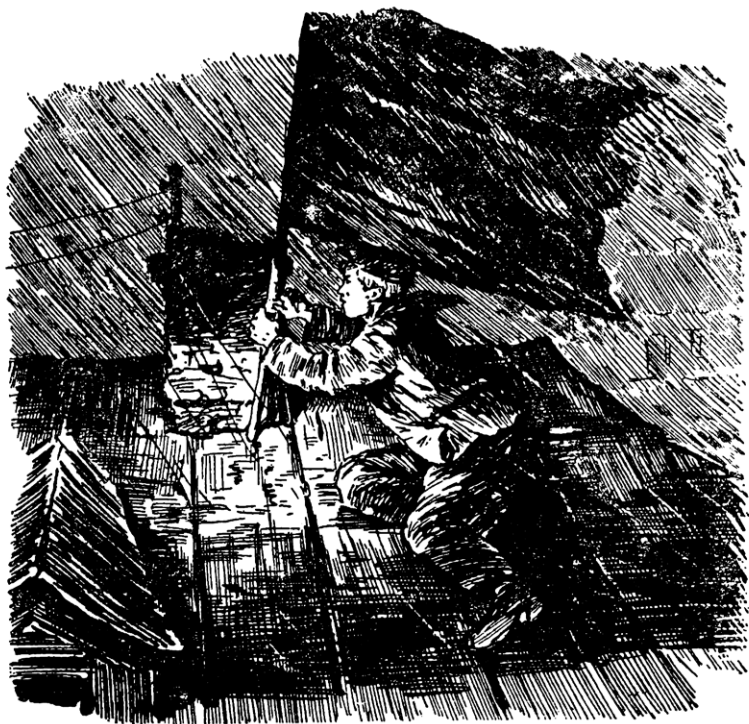
² Флагшток — вертикально укреплённый шест, служащий для подъёма флага.

³ Так рабочие называли одинокого сумасбродного барина, которому до революции принадлежали шахты.

Вале было очень холодно, и она рада была, что всё так быстро кончилось. Но Серёжка, склонившись к самому её лицу и смеясь, тихо сказал:

— А у меня ещё один в запасе. Давай на дирекцион?

— А «полицай»?

— А пожарная лестница?

В самом деле, пожарная лестница была со стороны, противоположной главному подъезду.

— Пошли,— сказала она.

В чернильной тьме они спустились на железнодорожную ветку и долго шли по шпалам. Серёжка видел в темноте, как кошка.

— Вот здесь,— сказал он.— Только иди за мной, а то слева косогор и вылезешь прямо на школу «полицаев»...

Ветер бушевал среди деревьев парка, стучал голыми ветками и кропил Валю и Серёжку холодными каплями с веток. Серёжка уверенно и быстро вёл её из аллеи в аллею, и Валя догадалась, что они подошли к школе, — так сильно грохотала крыша.

Вот уже не слышно стало дрожания железной лестницы, по которой поднимался Серёжка. Его всё не было и не было... Валя стояла одна в темноте у подножия лестницы. Как бесприютна и ужасна была эта ночь с этим стуком голых веток! Валя представила себе всё огромное пространство донецкой степи, взорванные шахты, мокрые городки и посёлки без света, с этими жандармериями... Вдруг ей показалось, что Серёжка никогда не спустится с этой грохочущей крыши, и мужество покинуло её. Но в это мгновение она почувствовала дрожание лестницы, и лицо её приняло холодное и независимое выражение.

— Ты здесь... — Он улыбался в темноте.

Она почувствовала, что он протянул к ней руку, и подала свою. Рука его была холодна, как ледышка. Что только он не переносил, — худенький, в дырявых ботинках, в которых он уже столько часов ходил по грязи, — наверно, они были полны воды, — в старенькой, прохудившейся курточке нараспашку!.. Обеими руками она взяла его за щёки, они тоже были холодные, как ледышки.

— Ты же совсем окоченел, — сказала она, не отнимая рук от его лица.

Он мгновенно притих, и так они постояли некоторое время. Только голые ветки стучали. Потом он прошептал:

— Больше не будем кружить... Отойдём немного — да через забор...

Она отняла руки.

Они подошли к домику Олега с той стороны, где жили соседи. Вдруг Серёжка схватил Валю за руку, и они оба прижались к стенке. Валя, ничего не понимавшая, подставила ему ухо к самым губам.

— Шли двое навстречу. Услышали нас и тоже остановились... — прошептал он.

— Показалось!

— Нет, стоят...

— Давай отсюда во двор!

Но едва они обогнули дом со стороны соседей, как Серёжка опять остановил Валью: те двое проделали то же самое с противоположной стороны дома.

— Тебе почудилось, наверно...

— Нет, стоят.

Открылась дверь в квартире Кошевых, кто-то вышел и наткнулся на людей, от которых прятались Серёжка и Валя.

— Любка? Чего вы не заходите? — раздался тихий голос Елены Николаевны¹.

— Тсс!..

— Свои! — сказал Серёжка и, схватив Валью за руку, повлёк за собой.

В темноте послышался тихий смех Любки. И она с Сергеем Левашовым с гитарой и Серёжка с Валею, давась от смеха, вбежали на кухню к Кошевым. Они были такие мокрые, грязные и такие счастливые, что бабушка Вера подняла длинные костлявые руки в цветастых рукавах и сказала:

— Ратуйте², люди добрые!

За всю их жизнь не было у них такой вечеринки, как эта, при свете коптилок, в нетопленной комнате, в городе, где уже более трёх месяцев господствовали немцы.

IV.

Ещё днём штаб «Молодой гвардии», с разрешения подпольного райкома, выдал денежное вспомоществование некоторым, находящимся в наиболее бедственном положении, семьям фронтовиков.

Средства «Молодой гвардии» составлялись не столько из членских взносов, сколько от продажи из-под полы папирос, спичек, белья, разных продуктов, особенно спирта, которые они похищали с немецких грузовых машин.

Днём Володя Осьмухин зашёл к своей тётке Литви-

¹ Елена Николаевна — мать Олега Кошевого.

² Ратуйте (по-украински) — спасите.

новой и подал пакет с советскими деньгами: они ходили наряду с марками¹, только по очень низкому курсу.

— Тётя Маруся, это тебе и Калерии Александровне от наших подпольщиков,— сказал Володя.— Купи что-нибудь детям ради великого праздника...

Калерия Александровна была соседка Литвиновой, тоже жена командира. У обеих были дети, обе сильно бедствовали: немцы не только отобрали у них все вещи, но вывезли на грузовике большую часть мебели.

Калерия Александровна и тётя Маруся решили отметить праздник званым ужином: купили немного самогонки, испекли пшеничный пирог с начинкой из капусты и картофеля.

К восьми часам на квартире Калерии Александровны, где она жила с матерью и детьми, собрались Елизавета Алексеевна — мать Володи, его сестра Людмила и тётя Маруся с двумя девочками. Взрослые выпили немного, посетовали на то, что такой праздник приходится праздновать украдкой. Дети вполголоса спели несколько советских песенок. Родители прослезились. Потом детей отпраздники спать.

V.

По привычке заботиться о доме и детях, тётя Маруся проснулась, едва рассвело; сунула ноги в шлёпанцы², накинула домашнее платье, быстро растопила плиту и поставила чайник и, задумавшись, подошла к окну, выходящему на пустырь, с левой стороны которого виднелись здания детской больницы и школы имени Ворошилова, а с правой, на холме,— здания райисполкома и «бешеного барина». И вдруг она издала лёгкий крик... Под сильно пасмурным, с мчащимися по нему низкими равными тучами небом на здании школы имени Ворошилова развевался на ветру красный флаг. Ветер то натягивал его с такой силой, что он весь вытягивался в трепещущий прямоугольник, то чуть отпускал его, и тогда он ниспадал складками, и края его завивались и развивались.

¹ *Мάρка* — немецкая монета.

² *Шлёпанцы* — просторные домашние туфли.

Красный флаг ещё больших размеров развевался на здании «бешеного барина». Большая группа немецких солдат и несколько человек в штатском стояли у дома, у приставной деревянной лестницы и смотрели на флаг. Двое солдат стояли на самой лестнице, один в том месте, где она опиралась на крышу, другой чуть пониже, и то поглядывали на флаг, то переговаривались со стоявшими внизу. Но почему-то никто из них не лез выше и не убирал флага. На этой самой высокой точке флаг величественно развевался, видный всему городу.

Тётя Маруся, не помня себя, сбросила шлёпанцы, сунула ноги в туфли и, даже не накинув платка, нечёсаная, побежала к соседке.

Калерия Александровна в нижней рубашке, с опухшими ногами, на коленях стояла на подоконнике и глядела на флаги с выражением экстаза¹ на лице. Слезы ручьями бежали по её худым тёмным щекам.

— Маруся! — сказала она. — Маруся! Это сделано для нас, советских людей. О нас помнят, мы нашими не забыты... Я... я поздравляю тебя...

И они кинулись друг другу в объятия.

VI.

Красные флаги развевались не только над зданиями «бешеного барина» и школы имени Ворошилова. Красные флаги развевались над дирекционом, над шахтами № 12, № 7, № 10, № 2-бис, № 1-бис, над шахтами Первомайки и посёлка Краснодон.

Народ со всех концов города стекался смотреть на флаги... У зданий и пропускных будок собирались целые толпы. Жандармы и полицейские сбились с ног, разгоняя народ, но никто не решился снять флаги — у подножья каждого флага прикреплён был кусок белой материи с чёрной надписью: «Заминировано».

Унтер Фенбонг, поднявшийся на здание школы имени Ворошилова, обнаружил провод, идущий от флага в чер-

¹ Экста́з — высшая степень восторга.

дачное окно. И на чердаке действительно лежала мина под стрехой, она даже не была замаскирована.

Ни в жандармерии, ни в команде СС не было никого, кто умел бы обращаться с минами. Гауптвахтмайстер¹ Брюкнер послал свою машину в окружную жандармерию в Ровеньки за минёрами. Но минёров не оказалось и в Ровеньках, и машина помчалась в Ворошиловград.

Во втором часу дня прибывшие из Ворошиловграда минёры разрядили мину на чердаке школы, а во всех остальных местах мин обнаружено не было.

Молва о красных флагах, вывешенных в Краснодоне в честь Великой Октябрьской революции, прошла по всем городам и посёлкам Донецкого бассейна. Позор немецкой жандармерии уже не мог быть скрыт от фельдкоменданта области в Юзовке, генерал-майора Клера. И майстер Брюкнер получил приказ во что бы то ни стало раскрыть и выловить подпольную организацию, в противном случае ему предлагалось снять с погон серебряные молнии и пойти в солдаты.

Не имея никакого представления об организации, которую ему предстояло выловить, майстер Брюкнер поступил так, как поступали на его месте все жандармерии и гестапо²: в городе и в районе были арестованы десятки невинных людей, но как ни част был бредень, он не захватил никого из районной партийной организации, по указанию которой вывешены были флаги, и никого из членов «Молодой гвардии». Немцы никак не могли предположить, что организация, на деле осуществившая это, состоит из мальчиков и девочек.

1. В каком большом задании участвовала комсомольская организация? В чём заключались трудности и опасности этого задания? Какие черты характера проявили краснодонцы?

2. Кто руководил подпольной работой комсомольцев?

3. Какое впечатление произвели на жителей города красные флаги?

¹ *Гауптвахтмайстер* — начальник арестного помещения для военных.

² *Гестапо* — фашистское государственное учреждение, занимавшееся военной и политической разведкой.

4. Почему с такой торжественностью штаб «Молодой гвардии» принимал в комсомол Радика Юркина?
5. Какими показаны в этом рассказе фашисты?
6. Расскажите какой-нибудь другой интересный отрывок из романа «Молодая гвардия».

* * *

А. Сурков.

Шуршит по крышам снеговая крупка.
На Спасской башне в полночь бьют часы...
Знакомая, негаснущая трубка,
Чуть тронутые проседью усы.
Он наш корабль к победам вёл сквозь годы,
Для нашей славы временем храним,
И в эту ночь над картой все народы
В седом Кремле склонились вместе с ним.
На карте фронт узорной вязью вьётся,
И он, нацелясь в чёрные кружки,
Привычным, точным жестом полководца
Отодвигает к западу флажки.
Он встал над фронтом, над Москвой, над нами,
Он руку к Западу простёр свою:
«Пусть осенит вас Ленинское знамя,
Сыны мои, в решительном бою!»

Придумайте заглавие к этому стихотворению.

СЫН АРТИЛЛЕРИСТА.

К. Симонов.

(Фронтальная поэма.)

I.	Вместе рубали белых
Был у майора Деева	Шашками на скаку,
Товарищ, майор Петров,	Вместе потом служили
Дружили ещё	В артиллерийском полку.
с гражданской,	А у майора Петрова
Ещё с двадцатых годов.	Был Лёнька, любимый сын,

Потом, приехавши с юга,
Кто-то сказал ему,
Что Петров, Николай
Егорыч,
Геройски погиб в Крыму.

Деев вынул газету,
Спросил: — Какого
числа? —

И с грустью понял, что
почта
Сюда слишком долго шла.

А вскоре, в один из
пасмурных
Северных вечеров,
К Дееву в полк назначен
Был лейтенант Петров.

Деев сидел над картой
При двух чадающих свечах.
Вошёл высокий военный,
Косая сажень в плечах.

В первые две минуты
Майор его не узнал,
Лишь голос у лейтенанта
О чём-то напоминал.

— А ну, повернитесь
к свету! —
И свечку к нему поднёс.
Всё те же детские губы,
Тот же курносый нос.

А что усы — так ведь это
Сбрить! — и весь разговор.

— Лёнька? — Так точно,
Лёнька,
Он самый, товарищ майор!

— Значит, окончил школу,
Будем вместе служить.
Жаль, до такого счастья
Отцу не пришлось
дожить! —

У Лёньки в глазах блеснула
Непрошенная слеза,
Он, скрипнув зубами, молча
Отёр рукавом глаза.

И снова пришлось майору,
Как в детстве, ему сказать:
— Держись, мой мальчик:
на свете
Два раза не умирать.

Ничто нас в жизни
не может
Вышибить из седла! —
Такая уж поговорка
У майора была.

III.

А через две недели
Шёл в скалах тяжёлый бой,
Чтоб выручить всех, был
должен
Кто-то рискнуть собой.

Майор к себе вызвал
Лёньку,
Взглянул на него в упор.
— По вашему приказанью
Явился, товарищ майор!

Отцовский мой долг
и право
Сыном своим рисковать.

Оставь документы мне,
Пойдёшь один, без радиста,
Рация ¹ — на спине.

Раньше других я должен
Сына вперёд посылать.
Держись, мой мальчик:
на свете
Два раза не умирать.

И через фронт, по скалам,
Ночью в немецкий тыл
Пройдёшь по такой
тропинке,
Где никто не ходил.

Ничто нас в жизни
 не может
Вышибить из седла! —
Такая уж поговорка
У майора была.

Будешь оттуда по радио
Вести огонь батарей.
Ясно? — Так точно, ясно.
— Ну, так иди скорей.

— Понял меня? — Всё
понял.
Разрешите идти? — Иди. —
Майор остался
в землянке.
Снаряды рвались впереди.

Нет, погоди немножко.—
Майор на секунду встал,
Как в детстве, двумя
руками
Лёньку к себе прижал:

— Идѣшь на такое дело,
Что трудно прийти назад,
Как командир тебя я
Туда посылать не рад.

Где-то гремело и ухало.
Майор следил по часам.
В сто раз ему было б
 легче,
Если бы шёл он сам.

Но как отец... Ответь мне:
Отец я тебе или нет?
— Отец,— сказал ему
Лёнька

Двенадцать... Сейчас,
наверно,
Прошёл он через посты.
Час... Сейчас он добрался
К подножию высоты.

И обнял его в ответ.

— Так вот, как отец, раз
вышло
На жизнь и смерть воевать

Прошёл он через посты.
Час... Сейчас он добрался
К подножию высоты.

IV.

¹ *Рация* — передвижная радиостанция.

Два... Он теперь, должно
быть,
Ползёт на самый хребет.
Три... Поскорей бы, чтобы
Его не застал рассвет!

Деев вышел на воздух.
— Как ярко светит луна!
Не могла подождать до
завтра,
Проклята будь она!

Всю ночь, шагая, как
маятник,
Глаз майор не смыкал,
Пока по радио утром
Донёсся первый сигнал:

«Всё в порядке. Добрался.
Немцы левой меня.
Координат¹ — три десять.
Скорей давайте огня!»

Орудия зарядили,
Майор рассчитал всё сам,
И с рёвом первые залпы
Ударили по горам.

И снова сигнал по радио:
«Немцы правой меня.
Координат — пять десять.
Скорее ещё огня!»

Летели земля и скалы,
Столбом поднимался дым,
Казалось, теперь оттуда
Никто не уйдёт живым.

Третий сигнал по радио:
«Немцы вокруг меня.
Бейте — четыре десять,
Не жалейте огня!»

Майор побледнел, услышав
«Четыре десять», — как раз
То место, где его Лёнька
Должен сидеть сейчас.

Но, не подавши виду,
Забыв, что он был отцом,
Майор продолжал
командовать
Со спокойным лицом:

— Огонь! — Летели
снаряды.
— Огонь! Заряжай
скорей!
По квадрату четыре
десять
Било пять батарей.

Радио час молчало.
Потом донёсся сигнал:
«Молчал — оглушило
взрывом.
Бейте, как я сказал.

Я верю, свои снаряды
Не могут тронуть меня.
Немцы бегут, нажмите,
Дайте море огня!»

И на командном пункте,
Приняв последний сигнал,

¹ Координаты — здесь: числа, определяющие расположение вражеских батарей.

Майор в оглохшее радио,
Не выдержав, закричал:
— Ты слышишь меня?

Я верю,
Смертью таких не взять,
Держись, мой мальчик:
на свете
Два раза не умирать.

Ничто нас в жизни
не может
Вышибить из седла! —
Такая уж поговорка
У майора была.

В атаку пошла пехота.
К полудню была чиста
От убежавших немцев
Скалистая высота.
Всюду валялись трупы.

Раненый, но живой,
Был найден в ущелье
Лёнька
С обвязанной головой.

Когда размотали повязку,
Что наспех он завязал,
Майор поглядел на

Лёньку —
И вдруг его не узнал:

Был он всё тот же,
прежний,

Спокойный и молодой,
Всё те же глаза
мальчишки,
Но только — совсем седой.

Он обнял майора, прежде
Чем в госпиталь уезжать:
— Держись, отец: на свете
Два раза не умирать.

Ничто нас в жизни
не может
Вышибить из седла! —
Такая уж поговорка
Теперь у Лёньки была...

V.

Вот такая история
Про славные эти дела
На полуострове Среднем
Рассказана мне была.

И при свече в землянке
В ту ночь мы подняли тост

За тех, кто в бою
не дрогнул,
Кто мужественен и прост!
За то, чтоб у этой истории
Был счастливый конец,
За то, чтобы выжил

Лёнька,
Чтоб им гордился отец.

За бойцов, защищавших
Границы страны своей,
За отцов, воспитавших
Достойных их сыновей!

А вверху, над горами,
Всё так же плыла луна,
Близко грохали взрывы,
Продолжалась война.

Трещал телефон, и, И кто-то, так же, как
волнуясь, Лёнька,
Командир по землянке Шёл к немцам сегодня
ходил, в тыл.

1. Какой подвиг совершил лейтенант Петров?
2. Как вы понимаете поговорку майора Деева: «Ничто нас в жизни не может вышибить из седла»?
3. Что дало право лейтенанту Петрову произнести так же решительно любимую поговорку Деева?

ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ.

(Отрывки.)

Борис Полевой.

«ПОДБИЛИ».

1.

Лес, стряхнувший с себя остатки ночного мрака, вставал во всём своём зелёном величии. Поднялось солнце.

Стало совсем светло. Волки ушли в лесные чащобы, убралась с поляны лисица, оставив на снегу хитро запутанный след. Старый лес зашумел ровно, неумолчно. Только птичья возня да стук дятла разнообразили этот тягучий и грустный шум.

Из хвои высунулась длинная бурая морда, увенчанная тяжёлыми ветвистыми рогами. Испуганные глаза осмотрели огромную поляну.

Старый лось застыл в сосняке, как изваяние.

Внимание лося привлёк звук, послышавшийся сверху. Зверь вздрогнул, кожа на спине его передёрнулась, задние ноги ещё больше поджались.

Что-то громадное ударило по вершинам сосен и брякнулось о землю так, что весь лес загудел, застонал. Эхо понеслось над деревьями, опережая лося, рванувшегося во весь дух в чащу.

Сверкая и искрясь, осыпался иней с древесных вершин, сбитых падением самолёта. Тишина вновь овладела

лесом. И в ней отчётливо послышалось, как простонал человек и как тяжело захрустел наст под ногами медведя, которого необычайный гул и треск выгнали из леса на поляну.

Медведь был велик, стар и космат. Неопрятная шерсть бурыми клочьями торчала на его впалых боках, сосульками свисала с тощего зада. В этих краях с осени бушевала война. Она проникла даже сюда, в глушь, куда раньше, и то не часто, заходили только лесники да охотники. Грохот близкого боя ещё осенью поднял медведя из берлоги, нарушив его зимнюю спячку, и вот теперь, голодный и злой, бродил он по лесу, не зная покоя.

Медведь остановился на опушке там, где только что стоял лось. Понюхал его свежие, вкусно пахнущие следы, тяжело и жадно задышал впалыми боками, прислушался. Рядом раздавался звук, производимый каким-то живым и, вероятно, слабым существом. Шерсть поднялась на загривке зверя. Он вытянул морду. И снова этот жалобный звук чуть слышно донёсся с опушки.

Медленно, осторожно ступая мягкими лапами, под которыми с визгом проваливался сухой и крепкий наст, зверь направился к неподвижной, вбитой в снег человеческой фигуре...

2.

Лётчик Алексей Мересьев «попал в клещи». Его, расстрелявшего все боеприпасы, безоружного, обступили четыре немецких самолёта и, не давая ему ни вывернуться, ни уклониться с курса, повели на свой аэродром.

«Плен? Никогда!» — решил лётчик.

Мересьев крепко сжал зубы, дал полный газ и, поставив машину вертикально, попытался нырнуть под верхнего немца, прижимавшего его к земле. Ему удалось вырваться из-под конвоя. Но немец успел вовремя нажать гашетку. Мотор сбился с ритма и заработал частыми рывками. Весь самолёт задрожал.

Подбили!

Развязка наступила сразу. Мотор осёкся и замолчал. Самолёт, точно соскальзывая с крутой горы, стремительно понёсся вниз. Под самолётом переливался зелёно-серыми волнами необозримый, как море, лес... «И всё-таки не плен!» — успел подумать лётчик, когда близкие деревья стремительно неслись под крыльями самолёта.

Падая, самолёт задел верхушки сосен. Это смягчило удар. Сломав несколько деревьев, машина развалилась на части. Алексея вырвало из сиденья, подбросило в воздух. Упав на широкую, вековую ель, он соскользнул по ветвям в глубокий сугроб, наметённый ветром у её подножия. Это спасло ему жизнь.

3.

Сколько пролежал он без движения, без сознания, Алексей вспомнить не мог. Во всём его теле ощущалась тупая боль.

Он сделал движение, чтобы подняться, и услышал возле себя хрустящий скрип наста под чьими-то ногами и шумное хриловатое дыхание. «Немцы!» — тотчас же догадался он, подавляя в себе желание раскрыть глаза и вскочить, защищаясь. «Плен, значит, всё-таки плен!.. Что же делать?»

Он вспомнил, что, вылетая, он положил пистолет в карман комбинезона. Теперь, чтобы его достать, надо было перевернуться на бок. Это нельзя, конечно, сделать незаметно для врага. Алексей лежал неподвижно: может быть, враг примет его за мёртвого и уйдёт.

Немец потоптался возле, как-то странно вздохнул, снова подошёл к Мересьеву, похрустел настом, наклонился. Алексей ощутил смрадное¹ дыхание его глотки.

Не меняя позы, медленно, очень медленно Алексей приоткрыл глаз и сквозь опущенные ресницы увидел перед собой вместо немца бурое мохнатое пятно. Приоткрыл глаз пошире и тотчас же плотно зажмурил: перед ним на задних лапах сидел большой, тощий и ободранный медведь.

¹ *Смрадное* — дурно пахнущее, отвратительное.

Его грязные ноздри тихо подёргивались.

Тихо, как умеют только звери, медведь сидел возле неподвижной человеческой фигуры, едва видневшейся из сверкавшего на солнце сугроба.

Поднятый войной из зимней берлоги, он был голоден и зол. Но медведи не едят мертвечины. Обнюхав неподвижное тело, остро пахнущее бензином, медведь лениво отошёл на поляну, где в изобилии лежали такие же неподвижные вмёрзшие в наст человеческие тела. Стон и шорох вернули его обратно.

И вот он сидел около Алексея. Голод боролся в нём с отвращением к мёртвому мясу. Голод стал побеждать. Зверь вздохнул, поднялся, лапой перевернул человека в сугробе и рванул когтями «чёртову кожу»¹ комбинезона². Комбинезон не поддался. Медведь глухо зарычал. Больших усилий стоило Алексею в это мгновение подавить в себе желание открыть глаза, закричать, оттолкнуть эту грязную, навалившуюся ему на грудь тушу. Он заставил себя медленным, незаметным движением опустить руку в карман, нащупать там рукоять пистолета, осторожно, чтобы не щёлкнул, взвести большим пальцем курок и начать незаметно вынимать уже вооружённую руку.

Зверь ещё сильнее рванул комбинезон. Крепкая материя затрещала, но опять выдержала. Медведь неистово заревел, схватил комбинезон зубами, защебив через мех и вату тело. Алексей последним усилием воли подавил в себе боль в тот момент, когда зверь вырвал его из сугроба, вскинул пистолет и нажал курок.

Глухой выстрел треснул раскатисто и гулко.

Зверь медленно выпустил жертву. Алексей упал в снег, не отрывая от противника глаз. Тот сидел на задних лапах, и в чёрных, гноящихся его глазах застыло недоумение. Густая кровь струйкой пробивалась меж его клы-

¹ Чёртова кожа — особый сорт плотной материи.

² Комбинезон — производственный костюм у авиаторов, шахтёров и др., представляющий собой комбинацию (сочетание) куртки и брюк.

ков и падала на снег. Он зарычал хрипло и страшно, грузно поднялся на задние лапы и тут же замертво осел в снег, прежде чем Алексей успел выстрелить ещё раз. Медведь был мёртв.

Напряжение Алексея схлынуло. Он ощутил острую, жгучую боль в ступнях и, повалившись на снег, потерял сознание.

Очнулся он, когда солнце стояло уже высоко.

5.

«Что же, медведь померещился¹, что ли?» — было первой мыслью Алексея.

Бурая, лохматая, неопрятная туша валялась подле на голубом снегу. Лес шумел. Звучно долбил кору дятел.

«Жив, жив, жив!» — мысленно повторял Алексей. И весь он, всё тело его ликовало, впитывая в себя чудесное ощущение жизни, которое приходит к человеку и захватывает его всякий раз после того, как он перенёс смертельную опасность.

Повинуясь этому могучему чувству, он вскочил на ноги, но тут же, застонав, сел на медвежью тушу. Боль в ступнях прожгла всё его тело.

«Плохо. Должно быть, контузило при падении, и с ногами что-то случилось», — подумал Алексей.

Приподнявшись, он оглядел широкое поле, видневшееся за лесной опушкой и ограниченное на горизонте сизым полукругом далёкого леса.

Планшет² с картой он потерял при падении. Но и без карты Алексей ясно представлял себе сегодняшний маршрут. Упал он приблизительно километрах в тридцати пяти от линии фронта, далеко за спиной передовых немецких дивизий, где-то в районе огромного, так называемого Чёрного леса, через который не раз приходилось ему летать, сопровождая бомбардировщиков и штурмовиков в их короткие рейды по ближним немецким тылам.

¹ Померещился — показался, представился в воображении.

² Планшет — плоская сумка для ношения карт, с прозрачной пластинкой на наружной стороне.

6.

То, что он рухнул в центре этого леса, было и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что вряд ли здесь, в этих чащах, можно было встретить немцев, тяготевших обычно к дорогам и жилью. Плохо же потому, что предстояло совершить хотя и не очень длинный, но тяжёлый путь по лесным зарослям, где нельзя надеяться на помощь человека, на кусок хлеба, на крышу, на глоток тёплого кипятку. Ведь ноги... поднимут ли ноги? Пойдут ли?..

Он тихо привстал с медвежьей туши. Та же острая боль, возникавшая в ступнях, пронзила его тело снизу вверх. Он вскрикнул. Пришлось снова сесть. Попытался скинуть унт¹. Унт не слезал, и каждый рывок заставлял стонать. Тогда Алексей стиснул зубы, зажмурился, изо всех сил рванул унт руками — и тут же потерял сознание. Очнувшись, он осторожно развернул байковую портянку. Вся ступня распухла и представляла собой сплошной сизый синяк. Она горела и ныла каждым своим суставом. Алексей поставил ногу на снег, боль стала слабее. Таким отчаянным рывком, как будто он сам у себя вырывал зуб, сорвал он второй унт.

Обе ноги никуда не годились. Очевидно, когда удар самолёта по верхушкам сосен выбросил его из кабины, ступни что-то прищемило и раздробило мелкие кости плюсны² и пальцев. Конечно, в обычных условиях он даже и не подумал бы подняться на эти разбитые, распухшие ноги. Но он был один в лесной чаще, в тылу врага, где встреча с человеком сулила не облегчение, а смерть. И он решил идти, идти на восток, идти через лес, не пытаясь искать удобных дорог и жилых мест, идти, чего бы это ни стоило.

Он решительно вскочил с медвежьей туши, охнул, закрипел зубами и сделал первый шаг. Постоял, вырвал другую ногу из снега, сделал ещё шаг. В голове шумело.

Алексей чувствовал, что слабеет от напряжения и боли.

¹ Унт — высокая меховая обувь.

² Плюсна — часть ступни между пяткой и пальцами.

Он сел на снег, снова теми же решительными, короткими рывками сорвал унты, ногтями и зубами разорвал их в подъёмах, чтобы не теснили они разбитые ступни, снял с шеи большой пуховой шарф, разодрал его пополам, обмотал ступни и снова обулся.

Теперь идти стало легче. Впрочем, идти — это неправильно сказано: не идти, а двигаться, двигаться осторожно, наступая на пятки и высоко поднимая ноги, как ходят по болоту. От боли и напряжения через несколько шагов начинала кружиться голова. Приходилось стоять, закрыв глаза, прислонившись спиной к стволу дерева, или присаживаться и отдыхать.

1. О чём прежде всего подумал лётчик, когда понял, что «попал в клещи»?

2. Придумайте заголовки к каждой из глав, беря по возможности в заголовок слова из текста.

НА ВОСТОК.

1.

На седьмые сутки своего похода Алексей, совершенно уже измученный, поминутно останавливаясь, чтобы передохнуть, тащился по оттаявшей лесной дороге.

Вдруг у поворота лесной дороги, резко бравшей здесь влево, он остановился и застыл. Там, где дорога была особенно узка, он увидел немецкие машины. Путь им преграждали две огромные сосны. Возле самых этих сосен стоял броневик. Стоял он низко на железных ободьях, так как шины его сгорели вместе с машиной. Башня валялась в стороне на снегу под деревом, отброшенная, очевидно, силою взрыва. Возле броневика лежало три трупа — его экипаж. А вокруг, в придорожных кустах, валялись тела немецких солдат. К дереву был привязан труп офицера. К зелёному его френчу¹, с тёмным воротником, была приколота записка. «За чем пойдёшь, то и найдёшь»,—

¹ Френч — куртка военного образца.

написано было на ней. И ниже, другим почерком, уже расплывшимся чернильным карандашом, было добавлено слово — «собака».

Алексей долго осматривал место побоища, ища чего-нибудь съестного. Только в одном месте обнаружил он втоптаный в снег сухарь и поднёс его ко рту, жадно вдыхая запах ржаного хлеба. Хотелось втиснуть этот сухарь целиком в рот и жевать, жевать, жевать. Но Алексей разделил его на три части, две убрал поглубже в карман, а одну стал щипать на крошки и крошки эти сосать, как леденцы, стараясь как можно дольше растянуть удовольствие.

Он обошёл ещё раз поле боя. Тут его осенила мысль: партизаны должны быть где-то здесь, поблизости. Ведь это их ногами истоптан снег в кустах и вокруг деревьев. Может быть, его, бродящего меж трупов, уже заметили и откуда-нибудь с вершины ели, из-за кустов, наблюдает за ним партизанский разведчик. Алексей приложил руку ко рту и закричал что есть мочи:

— Ого-го! Партизаны! Партизаны!

Его удивило, как вяло и тихо звучит его голос. Даже эхо, отзывавшееся ему из лесной чащи, казалось громче.

— Партизаны! Партизан-ны-ы-ы! Эге-ей! — звал Алексей, сидя на снегу среди чёрной машинной гари и молчаливых вражеских тел.

2.

Звал и напрягал слух. Он уже охрип, сорвал голос. Он уже понял, что партизаны, сделав своё дело, собрав трофей, давно ушли, но всё кричал, надеясь на чудо.

Только лес отвечал ему звучным эхо. И вдруг — или это, может быть, показалось от большого напряжения — Алексей услышал сквозь мелодичный шум хвои глухие и частые, то отчётливые, то совсем затухавшие удары. Он весь встрепенулся, точно издали донёсся до него в лесную пустыню дружеский зов. Но он не поверил слуху и долго

сидел, вытянув шею. Нет, он не обманывался. Влажный ветер потянул с востока и опять донёс глухие, но отчётливо различные теперь звуки канонады.

Линия фронта, судя по звуку, была километрах в десяти. Радостные слёзы текли по щекам Алексея.

Он смотрел на восток. Оттуда слышал он этот зовущий звук. Туда вели темневшие в снегу продолговатые ямки партизанских следов, где-то в этом лесу жили они, отважные лесные люди.

Бормоча себе под нос: «Ничего, ничего, товарищи, всё будет хорошо», — Алексей смело ткнул палку в снег, опёрся о неё подбородком, перебросил на неё тяжесть тела, с трудом, но решительно переставил ноги в сугроб.

3.

За болотцем, которое он переполз, открывалась поляна, пересечённая старой изгородью из посеревших от ветров жердей.

Меж двумя рядами изгороди кое-где проглядывала из-под снега колея заброшенной дороги. Значит, где-то недалеко жильё. Сердце Алексея тревожно забилося. Вряд ли немцы заберутся в такую глушь! А если и так, там всё же есть и свои, а они, конечно, спрячут, укроют раненого, помогут.

Чувствуя близкий конец скитаний, Алексей пополз, не жалея сил, не отдыхая. Он полз, падая лицом в снег, теряя сознание от напряжения, полз, торопясь скорее добраться до гребня пригорка, с которого, наверное, должна быть видна спасительная деревня.

Вот, наконец, и вершина земляного горба. Алексей, еле переводя дыхание и судорожно глотая воздух, поднял глаза. Поднял и тотчас же опустил — таким страшным показалось ему то, что открылось перед ним. Несомненно, ещё недавно это было небольшой лесной деревенькой. Очертания её без труда угадывались по двум неровным рядам печных труб, торчавших над замётёнными снегом холмами пожарищ. Кое-где сохранились палисадники, плетни, метёлки рябин, стоявших когда-то у окошек.

И ни души, ни звука, ни дымка. Как будто и не жил здесь никогда человек.

Алексей пополз по тому, что когда-то было деревенской улицей. Тяжёлым, трупным запахом несло от пожарищ.

Нет, прочь, скорее прочь отсюда! Используя последние минуты светлого времени, Алексей, не разбирая дороги, прямо по целине, пополз в лес, туда, где теперь уже совсем ясно были различимы звуки канонады.

4.

Так полз он ещё день, два или три. Счёт времени он потерял. Порой не то дрёма, не то забытьё овладевали им. Он засыпал на ходу, но сила, тянувшая его на восток,

была так велика, что и в состоянии забытья он продолжал медленно ползти, пока не натыкался на дерево или куст, и он падал лицом в талый снег. Вся его воля, все неясные его мысли были сосредоточены в одной маленькой точке: ползти, двигаться, двигаться вперёд во что бы то ни стало.

Но ползти было уже трудно. Руки дрожали и не держивали тяжести тела.

Когда руки перестали держать, он попробовал ползти на локтях. Это было очень неудобно. Тогда он лёг и, отталкиваясь от снега локтями, попробовал катиться. Это удалось. Перекатываться с боку на бок было легче, не требовалось больших усилий. Только очень кружилась голова, поминутно уплывало сознание и часто приходилось останавливаться и садиться на снег, выжидая, пока прекратится круговое движение земли, леса, неба.

5.

Алексей не помнил, как провёл он эту ночь и много ли ещё прополз утром. Всё тонуло во мраке мучительного полубытья.

Посторонний звук вдруг вернул ему сознание, заставил сесть и оглядеться. Он увидел себя посреди большой лесной вырубki, залитой солнечными лучами, заваленной срубленными деревьями, брёвнами, уставленной штабелями дров. Полуденное солнце стояло над головой, густо пахло смолой, разогретой хвоей, и где-то высоко над не оттаявшей ещё землёй звенел, заливался жаворонок.

Алексей оглядел лесосеку. Вырубка была свежая, хвоя на деревьях не успела ещё повянуть и пожелтеть, медовая смола капала со срезов, пахло свежими щепками и сырой корой. Значит, лесосека жила. Может быть, немцы заготавливают здесь лес для блиндажей и укреплений. Тогда нужно поскорее убираться. Лесорубы могут вот-вот прийти. Но тело точно окаменело, скованное болью, и нет сил двигаться.

Он не видел, нет, он по-звериному чувствовал, что кто-то внимательно и неотрывно следит за ним.

Треснула ветка. Он оглянулся и увидел в сизых клубах частого соснячка несколько ветвей, которые вздрагивали. И почудилось Алексею, что оттуда доносился тихий, взволнованный шёпот, человеческий шёпот.

Он выхватил из-за пазухи пистолет и принуждён был взводить курок усилиями обеих рук. Когда курок щёлкнул, в сосенках точно кто-то отпрянул, и всё стихло.

«Что это — зверь, человек?» — подумал Алексей, и ему показалось, в кустах кто-то тоже вопросительно сказал: «Человек?» Показалось или действительно там, в кустах, кто-то говорит по-русски? Ну да, именно по-русски. И оттого, что говорили по-русски, он почувствовал вдруг такую сумасшедшую радость, что, совершенно не задумываясь над тем, кто там — друг или враг, издал торжествующий вопль, вскочил на ноги, всем телом рванулся вперёд и тут же со стоном упал, как подрубленный, уронив в снег пистолет...

Алексей на мгновение потерял сознание, но то же ощущение близкой опасности привело его в себя. Несомненно, в сосняке скрывались люди, они наблюдали за ним и о чём-то перешёптывались.

Он приподнялся на руках, поднял со снега пистолет и, незаметно держа его у земли, стал наблюдать. Опасность вернула его из полузабытья. Сознание работало чётко. Кто они были? Может быть, лесорубы, которых немцы гоняют сюда на заготовку дров? Может, русские, такие же, как и он, пробирающиеся из немецких тылов через линию фронта к своим? Или кто-нибудь из местных крестьян? Ведь слышал же он, как кто-то отчётливо вскрикнул: «Человек?»

Пистолет дрожал в его руке. Алексей приготовился бороться и хорошо израсходовать оставшиеся три патрона...

6.

В это время из кустов раздался взволнованный детский голос:

— Эй, ты кто? Дойч? Ферштеешь?

Странные эти слова насторожили Алексея, но кричал, несомненно, русский и, несомненно, ребёнок.

— Ты что тут делаешь? — спросил другой детский голос.

— А вы кто? — ответил Алексей и смолк, поражённый тем, как тих был его голос.

За кустами его вопрос произвёл переполох. Там долго шептались.

— Ты нам шарики не крути, не обманешь! Я немца за пять вёрст по духу узнаю. Ты есть дойч?

— Я русский.

— Врёшь... Лопни глаза, врёшь, фриц!

— Я русский, русский, я лётчик, меня немцы сбили.

Теперь Алексей не осторожничал. Он убедился, что за кустами свои, русские, советские. Они не верят ему,

что же, война учит осторожности. Впервые за весь свой путь он почувствовал, что совершенно ослаб, что не может уже больше шевелить ни ногой, ни рукой, ни двигаться, ни защищаться. Слёзы текли по чёрным впадинам его щёк.

— Гляди, плачет! — раздалось за кустами. — Эй, ты, чего плачешь?

— Да русский, русский я, свой, лётчик.

— А с какого аэродрома?

— С Мончаловского, помогите же мне, выходите!

В кустах зашептались оживлённее. Теперь Алексей отчётливо слышал фразы:

— Ишь, говорит, с Мончаловского... Может, верно... И плачет... Эй ты, лётчик, брось наган-то! — крикнули ему. — Брось, говорю, а то не выйдем, убежим!

Алексей откинул в сторону пистолет. Кусты раздвинулись, и два мальчугана, насторожённые, как любопытные синички, готовые каждую минуту сорваться и дать стрелка, осторожно держась за руки, стали подходить к нему. Старший, худенький, голубоглазый, с русыми волосами, держал в руке наготове топор, решив, должно быть, применить его при случае. За ним, прячась за его спину и выглядывая из-за неё полными любопытства глазами, шёл меньший, рыженький, с пятнистым от веснушек лицом, шёл и шептал:

— Плачет. И верно, плачет. А тощей-то, тощей-то!

Старший, подойдя к Алексею, всё ещё держа наготове топор, отбросил подальше лежащий на снегу пистолет:

— Говоришь, лётчик? А документ есть? Покажь.

— Кто тут? Наши? Немцы? — шёпотом, невольно улыбаясь, спросил Алексей.

— А я знаю? Мне не докладывают. Лес тут, — дипломатично ответил старший.

Пришлось лезть в гимнастёрку за удостоверением. Красная командирская книжка со звездой произвела на ребят волшебное впечатление. Точно детство, утерянное в дни оккупации, вернулось к ним разом от того, что перед ними оказался свой, родной Красной Армии лётчик:

— Свои, свои.

— ...Их тут наши так тряхну́ли, так бабахнули! Бой тут был, страсть! Набито их ужась, ну, ужась сколько!

— А удирали кто на чём... Один привязал к оглоблям корыто и в корыте едет. А то двое раненые идут, за лошадиный хвост держатся, а третий на лошади верхом, как фон барон... Где ж тебя, дяденька, сбили?

7.

Пострекотав, ребята начали действовать. До жилья было от вырубки, по их словам, километров пять. Старший, которого звали Серёнькой, приказал брату Федьке бежать во весь дух в деревню и звать народ, а сам остался возле Алексея караулить его, как он пояснил, от немцев, втайне же не доверяя ему и думая: «А ляд его знает, фриц хитёр — и помирающим прикинется и документик достанет...» А впрочем, понемногу опасения эти рассеялись, мальчуган разболтался, и от него Алексей, дремавший с полужакрытыми глазами на тёплой пушистой хвое, узнал печальную историю деревни.

Странное ощущение испытал лётчик, слушая болтовню маленького белокурого мужичка с большими грустными, усталыми глазами. Необоримая усталость крепко опутывала всё его измотанное нечеловеческим напряжением тело. Он не мог шевельнуть даже пальцем и просто не представлял себе, как это он всего часа два тому назад ещё передвигался.

— А вот и дедя с Федькой, глянь!

На опушке леса стоял рыженький Федька и показывал на Алексея пальцем высокому сутулому старику в рваном армяке, подвязанном верёвкой, и в офицерской немецкой фуражке.

Старик дедя Михайла, так называли его ребятишки, был высок, сутул, худ. У него было доброе лицо с чистыми, светлыми, детскими глазами и мягкой бородкой, совершенно серебряной. Закутывая Алексея в старую баранью шубу, без труда поднимая и перевёртывая его лёгкое тело, он всё приговаривал с удивлением:

— Ах ты, грех-то какой! До чего дошёл, ах ты, боже ты мой, ну сущий шкилет!¹ И что только война с людьми делает. Ай-яй-яй! Ай-яй-яй!

Осторожно, как ребёнка, опустил он Алексея на салазки, прикрутил к ним верёвочной вожжой, подумал, стащил с себя армяк, свернул и подмости́л ему под голову. Потом вышел вперёд, впрягся в маленький хомут, сделанный из мешковины, дал по верёвке мальчикам, сказал: «Ну, с богом!» — и втроём они потянули салазки по талому снегу, который скрипел, как картофельная мука, и оседал под ногами.

Оглянувшись, дед Михайла улыбнулся Алексею, подмигнул и гикнул весело и молодо:

— Эге-й, тройка! Понесли...

8.

Беглая деревня² жила в вековом бору. Землянки, прикрытые сверху хвоей, с первого взгляда трудно было даже заметить, дым из них валил точно из земли. В день появления здесь Алексея было тихо и сыро.

Всё население — преимущественно бабы и дети да несколько стариков, — узнав, что Михайла везёт из лесу неведомо откуда взявшегося советского лётчика, по рассказам Федьки похожего на «сущий шкилет», высыпало встречать.

— Бабы, бабы, ах, бабы! Ну что собрались, ну что? Театра это вам? Спиктакля? — серчал Михайла, нажимая на свой хомутик.

А из толпы баб до Алексея доносилось:

— Ой, какой! Верно, шкилет! Не шевелится, жив ли?

— Без памяти он... Ой, бабоньки, уж тощ, уж тощ!

Пока сани тащились по опушке, медленно приближаясь к подземной деревне, затеялся спор: у кого жить Алексею?

¹ *Шкилёт* — искажённое слово скелет.

² Деревня Плавни, сожжённая немцами, из которой жители ушли в лесную глушь.

— У меня землянка суха. Песок-песочек и воздух вольный... Печура¹ у меня,— доказывала маленькая круглолицая женщина с бойко сверкавшими, как у молодого негра, белками глаз.

— ...«Печура»! А живёт-то вас сколько? Михайла, давай ко мне, у меня три сына в красноармейцах, и мучки малость осталось, я ему лепёшки печь стану!

— Нет, нет, ко мне, у меня просторно, вдвоём живём, места хватит, лепёшки тащи к нам, всё равно ведь ему, где есть.

Но Михайла подтащил сани к своей землянке, находившейся посредине подземной деревни.

...Алексей помнит: лежит он в маленькой тёмной земляной норе; слегка потрескивая и роняя искры, горит воткнутая в стену лучина.

Дым от камелька, сложенного на земле в углу, стелется сизыми, живыми слоями, и кажется Алексею, что не только этот дым, а и стол и серебряная голова деда Михайлы — всё это расплывается, колеблется. Алексей закрывает глаза. Открывает он их, разбуженный током холодного воздуха, пахнувшего в дверь. У стола какая-то женщина. Она положила на стол мешочек и ещё держит на нём руки, точно колеблясь, не взять ли его обратно, вздыхает и говорит:

— Манка это... С мирного времени для Костюньки берегли. Не надо ему теперь ничего, Костюньке-то. Возьмите, кашки вот постояльцу своему сварите. Она для ребяташек, кашка-то, ему как раз.

Повернувшись, она тихо уходит. Кто-то приносит мороженого леща, кто-то — лепёшки, распространяющие по всей землянке кислый, тёплый хлебный запах.

Приходит Серёнька с Федькой. Серёнька снимает в дверях с головы пилотку, говорит: «Здравствуйте вам», кладёт на стол два кусочка пилёного сахара с прилипшими к ним крошками махры и отрубей.

— Мамка прислала. Он полезный, сахар-то, ешьте,— говорит он.

¹ Печу́ра — печка.

А Федька, выглядывая из-за брата, жадно смотрит на белеющие на столе кусочки сахара и с шумом втягивает слюну.

Только уже гораздо позже, обдумывая всё это, Алексей сумел оценить приношения, которые делались ему в селении, где в эту зиму около трети жителей умерло от голода, где не было семьи, не похоронившей одного, а то и двух покойников.

— Эх, бабы, бабы, цены вам, бабы, нет! А? Слышь, Алёха, говорю — русской бабе, слышь, цены нет. Её стоит за сердце тронуть, она последнее отдаст, головушку положит, баба-то наша. А? Не так? — приговаривал дедя Михайла, принимая все эти дары для Алексея и снова берясь за какую-нибудь свою вечную работёнку — за починку сбри, пошивку хомутов или подшивку протоптавшихся валенок¹.

1. Почему автор назвал свой рассказ «Повесть о настоящем человеке»? А как иначе можно было бы назвать этот рассказ?

2. Каких ещё «настоящих» людей вы видите в этой повести?

РАЗГОВОР НА КРЫЛЬЦЕ.

М. В. Исаковский.

День погожий. Тихо. Сухо.	И пахоть, и жать умела,
Предвечерний час.	И косить могла.
На крыльце сидит старуха	Молотила, лён трепала
И ведёт рассказ:	До вечерних звёзд.
Я любое знала дело,	Одного холста наткала,
На любое шла.	Может, на сто вёрст.

¹ В «Повести о настоящем человеке» рассказано об Алексее Маресьеве — ныне Герое Советского Союза, подлинном лице. В результате ранений, полученных им при падении, у него отрезаны обе ноги по середину голени. Мужественный лётчик добился того, что научился не только ходить на протезах, но и свободно управлять самолётом. Маресьев вернулся на фронт и принимал участие в боях под Орлом. За один вылет Маресьев сбил три вражеских самолёта и получил высокое звание Героя Советского Союза.

А уж сколько спряла пряжи
За свои года!..
А никто спасибо даже
Не сказал тогда.

Да и было ль от кого там
Ожидать его?
Каждый знал свою
заботу —
Больше ничего.

И какого ж я спасибо
Ждать-просить могла?
Впрочем, я и не просила,
Я и не ждала.

Мне о том лишь для
примера
Вспомнилось сейчас,
Потому — иная мера
В жизни есть у нас:

Кто б ты ни был — ткёшь
иль пашешь,
Роешь ли руду,—
Все мы, все в державе
нашей
Нынче на виду.

Нынче всякий труд
почётен,
Где какой ни есть.
Человеку по работе
Воздаётся честь.

Пригляделась я, решила —
И в колхоз пошла,
Брала лён, телят растила,
Птицу развела.

За телят, за эту птицу
Из родимых мест
Повезли меня в столицу
На колхозный съезд.

Там в Москве, в кремлёв-
ском зале,
Как в каком-то сне,
Самый важный орден дали
За работу мне.

Самый главный орден дали
За большой успех.
И своё спасибо Сталин
Мне сказал при всех.

Вот же как оно случилось!
Говорила я.
И, как орден тот, светилась
Вся душа моя.

Я на том большом совете
Поняла тогда,
Что не может быть на свете
Счастья без труда.

Только труд—всему основа,
Честный труд людской...
Вот моё какое слово,
Вот мой сказ какой!

Ну, да я — старуха
всё же,—
Очень уж стара.
А вот вам-то, молодёжи,
Это знать пора.

Вы живёте по науке,
Вы идёте в рост.

Вам теперь и книги в руки,
С вас — особый спрос.

Вам, наследникам, по
праву —

Думать и решать.
За Советскую державу
Вам ответ держать,

За её красу и силу,
За её дела
И за свет неугасимый,
Что она зажгла.

Вам руками молодыми,
Сердцем и умом
Укреплять её твердыню
И стоять на том:

Чтобы те, что в битвах пали
За её права,
И за гробом даже знали,
Что она жива;

Что без горя, честь по чести
Люди там живут,
Что хранит её от бедствий
Ваш сыновний труд.

Где бы вам по белу свету
Ни пришлось бродить, —
Вам нельзя, вам права нету
Это позабыть.

Вас она зовёт на подвиг,
Подвиг трудовой...
Вот какой вам сказ сегодня,
Вот наказ какой!

1. Кто в этом стихотворении даёт завет нашей молодёжи?

2. Когда труженица-крестьянка почувствовала себя счастливой?

3. В чём главный смысл завета? что является основой нашей жизни? Какой «свет неугасимый» зажгла Советская держава?

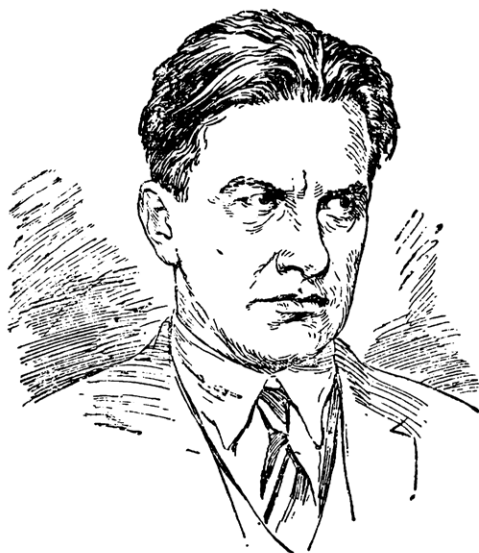
4. Что должна сознавать наша молодёжь, принимая завет старшего поколения?

*Труд в СССР — дело чести, дело славы,
дело доблести и геройства.*

С Т А Л И Н.

Письмо с фронта. С картины А. Лактионова.

Владимир Владимирович Маяковский
(1893—1930).

ПЕСНЯ-МОЛНИЯ.

В. В. Маяковский.

За море синеволное,	Китайские акулы,
за сто земель	умерьте
и вод	вашу прыть,—
разлейся, песня-молния,	мы
про пионерский слёт.	с китайчонком-кули
Идите,	пойдём
слов не тратя,	акулу крыть.
на красный	Веди
наш костёр!	светло и прямо
Сюда,	к работе
миллионы братьев!	и к боям,
Сюда,	моя
миллион сестёр!	большая мама —
	республика моя.

Растём от года к году мы,	Иди
смотри,	учиться рядышком,
Земля-старик,—	безграмотная старь.
садами,	Пора,
огородами	товарищ бабушка,
сменили пустыри.	сидиться за букварь.
Везде	Вперёд,
родные наши,	отряды сжатые,
куда ни бросишь глаз.	по ленинской тропе!
У нас большой папаша —	У нас один вожатый —
стальной рабочий	товарищ ВКП.
класс.	

1. Найдите слова, в которых поэт определяет значение ВКП(б) и рабочего класса для подрастающего поколения.
2. Почему песня называется молнией?

ИСТОРИЯ ТРЁХ КОЛОСКОВ.

А. Мусатов.

(Из повести «Стожары».)

1. ВЕСНА.

Из школы Маша возвращалась вместе с Санькой. До деревни Стожары, где они жили, было километра три.

Озорные ручейки, точно сговорившись, поминутно преграждали им путь. Они то разливались широкой лужей, то, размыв дорогу, неслись сердитым потоком.

Показались Стожары. Деревня двумя длинными рядами раскинулась на высоком берегу извилистой реки Стожарки. Были тут вновь отстроенные после войны дома и старые избы. На задворках ютились подслеповатые временные клетушки и даже землянки.

На улицах было безлюдно. Санька с Машей свернули на усадьбы.

Санька посмотрел в поле, прислушался, как в овраге за кузницей клекотала вода, и улыбнулся.

— Весна-то какая, Маша! Будто на тройке гонит... —

И неожиданно спросил: — Ты что летом собираешься делать?

— До лета ещё далеко! — удивилась Маша.

— Знаю. А думать загодя надо, — заметил Санька. — Слышала про ребят из Локтева? Всё прошлое лето в урожайной бригаде работали. Сами пахали, сами сеяли. И знаешь, хлеб какой вырастили... Вот и мы со Стёпой Карасёвым в бригаду думаем записаться.

— В бригаду? — остановилась Маша.

— Да! К матери к моей. Слыхала, какое она дело начинает? Ты моего отца хорошо помнишь?

— Дядю Егора? А как же! — оживилась Маша.

— Помнишь, он целину начал поднимать за оврагом, на Старой пустоши?

— Ну, помню... — ответила Маша.

— А засеять не успел — война помешала. Вот матери и запала думка — вырастить в этом году хлеб на Старой пустоши...

— Ей правление пополнение даёт из комсомольцев — Лену Одинцову с подругами. А только матери всё равно людей нехватает.

— Нет, не примут вас, — вздохнула Маша.

— Это почему же? — обиделся Санька. — Что, я работать не умею? Вот скажу матери — и запишет. Ей теперь в бригаде каждый человек дорог... — Он покосился на девочку. — Желает, могу и тебя записать.

— Правда, Саня? — обрадовалась Маша.

— Сказал, значит запишу.

— И знаешь, Саня, — загорелась девочка, — если бы Старую пустошь да тем зерном засеять, что твой отец вырастил! Ты видел его? Оно где хранится? Мать твоя знает?

— Наверное, знает, — не очень уверенно ответил Санька.

— Зайдём к вам, Саня, спросим тётю Катю.

Изба Коншаковых стояла на том конце деревни, который в Стожарах назывался Большим, и смотрела окнами на реку. Она была построена прошлым летом на месте добротного пятистенного дома, сожжённого немцами.

— А тётеньки Катерины нету? — спросила Маша.

— Ничего. Мы без неё поищем,— сказал Санька.

Он осмотрел сени, чулан, заглянул во все старые кадки, ящики, вёдра. Ему уже не терпелось обшарить весь дом. Он заметил под кроватью крашенный фанерный ящик. Санька вытащил ящик из-под кровати и принялся рыться в вещах. На пол полетел столярный и сапожный инструмент, какие-то бумаги.

— Саня, твоя мамка идёт! — вдруг вскрикнула Маша, выглянув в окно.

2. ТРИ КОЛОСА.

Ребята не успели ещё ничего прибрать, а Катерина уже перешагнула через порог и ахнула от изумления — такой беспорядок стоял в избе.

— Разбойники! — только и нашлась она сказать.

— Тётя Катя,— виновато поднялась Маша,— вы не очень сердитесь... Мы тут зерно ищем.

— Какое зерно?

— Ну, то самое, что Егор Платоныч вырастил... из трёх колосков.

Катерина посмотрела на Саньку и Машу, которые всё ещё рылись в ящике.

— А зерно вы напрасно ищете. Нет его у меня. Тут ещё до вас заезжал ко мне агроном один. Хоть десять зёрнышек на развод просил подарить. А где их возьмишь!

— Так где же оно? Расскажите, тётя Катя,— попросила Маша.

— Что ж там рассказывать, только сердце бередить,— отмахнулась Катерина, но, заметив умоляющие взгляды Маши и Саньки, присела на лавку.— Так уж и быть, слушайте. Может, и на пользу пойдёт.

Как-то пошли мы с отцом по грибы на Старую пустошь. Вдруг Егор Платоныч подзывает меня. Подхожу, а он сидит посреди полянки и радуется:

— Смотри, Катерина, какой я пшеничный колос нашёл!

— Экая,— говорю,— невидаль колос. Я думала, ты на грибной курень попал.

А он опустился на колени и пополз по траве. «Ищи, Катерина, ищи! Это же редкая пшеница, старинный сорт. Про неё старики чудеса рассказывают. Не полегает, не осыпается, ни морозов не боится, ни засухи».

Нашли мы ещё два колоска. И правда, крупные они были, тяжёлые, я таких отродясь не встречала.

Собрал Егор Платоныч урожай с трёх колосков, посоветовался с учителем Андреем Ивановичем, и весной посеяли они зёрна в огороде на грядке. Грядка маленькая со стол, а отец с учителем говорят: «Это наше опытное поле. Хлеб будущего растёт».

А перед самой войной засеял отец новым сортом пшеницы уже целую сотку. Из всех колхозов эту сотку смотреть ходили. И он всем семена обещал. А тут война, немец, как снег на голову... Пришлось нам уходить из колхоза. Прибежала я на Егорову делянку, хотела хлеб поджечь, а он зелёный, не горит. Что делать? Давай я его с корнями выдёргивать да ногами топтать.

— Так всё и загубила? — привстал Санька.

— Так и загубила.— Катерина отвернулась к окну.

Санька посмотрел на Машу и придвинулся к матери.

— Ты нас в бригаду запиши. Мы тоже с тобой хотим работать.

— Кто это?

— Я вот, Стёпа... Маша ещё...

— А школа?

— Чего там школа,— запнулся Саня,— не маленькие! И пахать сможем, и полоть... Лену Одинцову с подругами приняла. А мы им вот ни столечко по работе не уступим.

— Да что ты, право...— нахмурилась Катерина.— Будет время — наработаетесь. А пока учиться надо.

Маша тихонько выскользнула из избы. Санька вышел за ней следом.

— Говорила я — не запишут. Не так ты разговор начал,— упрекнула его Маша.

— Я напрямик люблю.

— По-другому надо... Так, мол, и так, желаем помогать бригаде. В свободное, конечно, время, после уроков... Знаешь, Саня, пойдём завтра к председательнице колхоза.

— Пойдём, пожалуй...

— Только, чур, я первая говорить буду. А то ты опять раз-раз — и всё испортишь.

Они расстались.

Маша побежала домой. Санька вернулся в избу.

3. ХОЗЯЙСТВО ДЕДА ВЕКШИНА.

На другой день после школы Маша с Санькой направились в контору колхоза.

Контора стояла на бойком углу проулка, где полевая дорога вливалась в большак, и, как большинство домов в Стожарах, была ещё не достроена.

Маша с Санькой вошли в контору. Просторное помещение было ещё свободно от перегородок и пахло смолой и хвоей.

В конторе было шумно и оживлённо.

Председатель колхоза, приземистая, крупнолицая Татьяна Родионовна Парфёнова, спустив с головы платок, наклонилась над столом и вместе с бригадирами рассматривала план колхозных угодий.

Вскоре бригадиры ушли, и Татьяна Родионовна заметила Саньку и Машу.

— Ко мне, ребятишки?

— К вам, Татьяна Родионовна, — выступила вперёд Маша, — нам об одном деле поговорить нужно.

— Да... о деле, — поддержал её Санька.

— Ну что ж, давайте! — Татьяна Родионовна чуть заметно улыбнулась. — А может, я уже знаю, о чём разговор будет. В бригаду к Катерине вас записать? Так ведь?

— Так, — согласился Санька и переглянулся с Машей. — А почему вы знаете?

Не успела Татьяна Родионовна ответить, как в правление вбежала невысокая крупная девушка с широким

обветренным лицом. Это была Лена Одинцова. Она торопливо объяснила Татьяне Родионовне, что дед Векшин ни в какую не хочет отпускать девчат со своего опытного участка в бригаду к Катерине Коншаковой, бранится на чём свет стоит и сейчас явится сюда собственной персоной.

И верно, через несколько минут, сердито постукивая можжевелевой клюшкой, высокий, худощавый старик вошёл в контору.

Татьяна Родионовна поднялась ему навстречу.

— Под корень рубишь, значит, моё хозяйство? — с обидой заговорил Векшин. — Учил девчат, пестовал¹, и, пожалуйста, — переманили...

— Захар Митрич... — попыталась перебить его Татьяна Родионовна.

— Что «Захар Митрич»? А солдаты домой вернутся... Где, спросят, бывшая слава колхозная, где хлеба знаменитые стожаровские, семена добрые? Что ответим? Нет, Родионовна, я по-другому хочу. Чтобы поля у нас, как океан-море, шумели, чтоб цвело всё кругом, будто и лиха-беда в Стожары не заглядывала...

— А я думаю, не желаю этого, — наконец заговорила Татьяна Родионовна. Да не сам ли ты совет подал Катерине — Старую пустошь поднять...

— Это верно, — согласился старик, — была и моя под-сказка.

— Видишь вот... кого же на передовую линию выдвигать, как не комсомолок.

— Да, Захар Митрич! — вспомнила вдруг Татьяна Родионовна. — Отменные есть помощники. Сами до работы рвутся. — И она обернулась к Саньке и Маше. — Вы как, ребята, согласны с дедом Захаром компанию водить?

Не успели озадаченные Маша и Санька ответить, как дед Векшин тяжело повернулся на стуле и в упор посмотрел на мальчика.

— Мальчишек к себе принять?! Пусти козла в огород,

¹ Пёстовал — воспитывал, растил.

как говорят... Да они... они ж у меня прошлым летом семенные огурцы оборвали. А третьего дня камнем запустили в парник, стёкла побили...

Захар Митрич уныло махнул рукой и поднялся.

— И не сватай ты меня с ними, Родионовна. Не будет у нас мира. Лучше бабу Манефу присылай на подмогу да дедов каких-нибудь отставных.

— Ничего, ничего, Захар Митрич! Стерпится-слюбится,— успокоила его Татьяна Родионовна.— Ты их поостроже держи. Ребятам это только на пользу пойдёт. А помощники они тебе верные будут.

— Ну, вот, поговорили, называется! — с досадой бросил Санька.

— А может, это к лучшему,— примирённо сказала Маша.— В бригаду нас всё равно не запишут. Соберём пионеров побольше да к деду Векшину. Сами землю копать будем, сами сеять. Опыты разные заведём. Правда, Саня? «Хозяйство Векшина» — оно ведь тоже важное.

4. ФЕДЯ ЧЕРКАШИН.

Утром по пути в школу Санька заметил, что верховая вода у моста сильно поднялась и ветер из-за синей гряды елового бора дул тёплый и сильный.

«Такой ветер лёд разбивает,— подумал он.— Теперь жди, скоро тронется».

Долго в этот день тянулся последний урок.

Ребята собрались у реки. Она уже была не та, какой школьники видели её из окна класса.

Словно почуяв, что путь свободен, лёд шёл могучей, живой лавиной. Угловатые льдины со скрежетом налезали друг на друга, опрокидывались, вставали на ребро. Чёрная вода кипела между ними.

Любуясь рекой, ребята не заметили, как к ним подошёл паренёк в короткой куртке серого шинельного сукна, в тяжёлых не по ногам сапогах и солдатской шапке-ушанке и довольно нелюбезно спросил:

— Как мне пройти в Стожары? В колхоз имени Пушкина?

— В Стожары?! — воскликнула Маша. — К нам, значит. Мы все тут стожаровские. Вот она, за рекой, деревня наша. А ты к кому?

— Дед Векшин — у вас есть такой?.. Захар Митрич?

— А ты... ты к деду идёшь?

— К нему.

Маша отступила на шаг назад, обошла паренька кругом.

— Тебя Федей зовут? Да? Федя Черкашин?

Пареньк, недоумевая, кивнул головой.

— Ребята! — закричала Маша. — К Векшину внук приехал! Федя Черкашин! — И, схватив мальчика в ушанке за руку, потянула за собой: — Пойдём, я тебя провожу.

5. «ТЕРЕМ-ТЕРЕМОК».

Изба Захара Векшина стояла на краю деревни. Чудом сохранившаяся при немцах, просторная, грузно осевшая в землю, она наклонилась вперёд, словно хотела выбежать поближе к большой дороге, чтобы сказать каждому, кто заходил в Стожары: «Добро пожаловать! Заходи, места хватит».

Школьники звали Захаров дом «терем-теремок» и по вечерам забирались в него учить уроки, слушать дедовы сказки или просто «на огонёк», который нигде не горел так ярко и приветливо, как в «теремке», потому что заезжие шофёры щедро снабжали Захара керосином.

Сейчас Маша первая подбежала к «терем-теремку», пошарила под ступенькой крыльца, нашла ключ и открыла калитку.

— Входи, входи! — радушно пригласила она Федю. — Это ничего, что дедушки нет... Он не взыщет...

Вслед за Машей и Федей в избу вошли ещё несколько ребят.

Санька с приятелями в нерешительности переминались около крыльца.

— Кому интересно, идите, — дёрнул Санька плечом. — А мне домой нужно. — И он зашагал вдоль деревни.

Приятели переглянулись и поплелись за ним следом.

Маша, войдя в избу, повесила пальтишко на гвоздик и залезла на печь.

Федя оглядел коричневые щелястые стены, увешанные пучками сухих душистых трав, снопами пшеницы, ржи, овса, и спросил:

— А дедушка скоро будет?

— Он придёт, придёт... Ты забирайся сюда,— позвала его с печки Маша.— Здесь тепло.

Федя не отказался. Полезли на печь и остальные ребята.

— Не все сразу! — осердилась Маша.— Раздавайте печку, она и так старенькая.

Искоса поглядывая на Федю, девочка вспомнила, как однажды дед Захар позвал её к себе и рассказал, что у него большая радость — нашёлся Федя Черкашин, тот самый мальчик-сирота, с которым он подружился, когда был в партизанском отряде. Мальчик стал ему вместо родного внука, но из-за немцев они потеряли друг друга. А теперь Федя пишет, что лечится в госпитале в далёком городе Ташкенте, а потом будет жить в санатории. И надо ему немедленно написать ответное письмо: он, Захар, живёт бобылём, старуха его померла, и пусть внук скорее приезжает к своему дедушке. Маша написала. Потом она рассказала о партизанском внуке Зине Колесовой, и они связали ему в подарок две пары варежек. Время шло, а Федя Черкашин всё не приезжал. Тогда Маша с подругой стали писать ему чаще.

Они на все лады убеждали Федю, что жить ему в каком-то там санатории совсем необязательно — пусть приезжает скорее в Стожары.

— Из санатория сейчас? — неожиданно спросила Маша.

— А ты откуда знаешь? — удивился Федя.

— Я про тебя много знаю. Ты ведь внук дедушке Захару, партизанский внук... Мы тебя давно ждём...

— Так это твои письма были? Тебя Машей зовут?

— Машей! — засмеялась девочка.— А это вот Зина Колесова, она тебе варежки связала. А это — Сёмушкин. Его у нас все суслики боятся. А это...— Маша называла

каждого по имени, говорила, кто чем знаменит, и ребята тянулись к Феде, пожимали ему руку.

В сенях заскрипели половицы.

— Дедушка идёт,— догадалась Маша и, подмигнув ребятам, обернулась к Феде: — Ты не сразу показывайся. Спрячься пока.

Мальчишки оттеснили Федю в угол печи. Захар открыл дверь и ворчливо спросил:

— А ну, терем-теремок, кто в тереме без прописки живёт?

— Я, мышка-норушка,— пискнула Маша.

— Я, лягушка-квакушка,— отозвалась Зина.

— Я, комар-пискун,— тоненьким голоском сказал Сёмушкин.

Захар покосился на стоявшие у порога мокрые ребячьи сапоги, башмаки, обшитые кожей валенки и покачал головой.

— Что, гуси лапчатые, промочили ноги да на печку к деду Векшину? Дома-то за это не жалуют. Выведу я вас на чистую воду, дайте срок!

— Дедушка, а мы не отогреться. Мы к вам с новостью,— сказала Маша.

— Знаю я ваши новости!

— Правда, дедушка!

И вдруг с печки, из дальнего её угла, полились такие переливчатые звонкие соловьиные трели, что все ребята в изумлении насторожили уши, а дед Захар даже попятился к двери.

— Что за наваждение! Кто там балуется? А ну, слазь, слазь, говорю!

— Это я, дедушка, я...

Федя легко прыгнул с печки и вновь защёлкал, залился, как настоящий соловей.

— Узнаёте, дедушка, чуете? ¹

Точно солнечные блики заиграли на лице старика.

— Чую, соловушко, чую! — И Захар, словно ему не было семидесяти лет, в ответ на соловьиное щёлканье

¹ Ч^уете (по-украински) — слышите. Ч^ую — слышу.

гукнул филином, мальчик отозвался криком ночной выпы, старик тонко и нежно засвистал иволгой, мальчик закуковал кукушкой.

Потом, устыдившись, что разыгрался, как мальчишка, старик смущённо рассмеялся, привлёк Федю к себе и обнял.

Вскоре на столе запел свою песенку кособокий самовар. Захар открыл банку консервов, достал горшочек с мёдом, мочёной брусники, яблок, грибов, усадил Федю в передний угол. Потом оглядел сияющие лица детей и совсем подобрел:

— Все садитесь! Пируйте! Такой день, ничего не жалко.

Ребята разместились за столом.

Захар пристально вглядывался в мальчика.

Федя был гладко острижен, худощав и казался неразговорчивым.

«Ничего... Это его солнышко тамошнее присушило,— успокаивал себя Захар.— Он у нас тут, как на дрожжах, поднимется». И старик в который раз спрашивал Федю, не болит ли у него где.

— Ничего не болит, дедушка. Я левой рукой пудовую гирию выжимаю.

— А мы его старшим поставим над всеми ребятами,— вдруг заявила Маша, которой давно хотелось сказать Феде что-нибудь приятное.— Мы его вот как слушаться будем!

— Что ещё за старшим? — покосился Захар.— Внушек отдыхать приехал.

— Я ненадолго, дедушка. В ремесленное училище поступать хочу,— сказал Федя.

— Ну вот,— нахмурился Захар,— только через порог перешагнул, а уж на дверь оглядываешься. Ты поживи, присмотришься, может, и другая какая путёвка выйдет.

Ребята готовы были просидеть с Федей до позднего вечера, но Захар вовремя намекнул, что дорогим гостям пора честь знать, и они, поблагодарив за угощение и распрощавшись, направились по домам.

Захар вышел проводить их до угла.

Мороз, точно искусный стекольщик, застеклил лужи хрупким ледком.

Где-то близко, в придорожной канаве, звенел неугомонный ручеёк, словно хотел сказать, что никакие заморозки теперь не остановят шествующей весны.

И Захару показалось, что вот и к нему в дом заглянула весна — приехал внучек.

Старик улыбнулся и направился в избу.

6. ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРНО.

На лавке, подложив под голову вещевой мешок, Федя крепко спал.

— Умаялся, соловушко! — шепнул Захар.

«Никуда я его не отпущу, — подумал он про Федю, — доброго колхозника выращу. Стожары ему родным домом станут. Не забудут Векшина в деревне».

Неожиданно мальчик шевельнул во сне губами, перевернулся на другой бок. И тут старик услышал, как из развязавшегося мешка на пол что-то посыпалось. Он нагнулся, протянул руку, и зёрна тонкой струёй потекли ему в ладонь.

Захар подошёл к лампе, прибавил огня и замер от удивления: на ладони лежали крупные, литые зёрна пшеницы.

Старик кинулся к лавке, чтобы разбудить Федю. Но мальчик спал так сладко, что Захар пожалел и только перенёс его на кровать и укрыл одеялом.

Потом вернулся к лавке, опустился на колени и начал бережно собирать рассыпанные на полу зёрна.

Утром Федю разбудил лёгкий стук по дереву. Дед Захар сидел у порога и сколачивал из дощечек скворешню. На столе лежала горка пшеницы. Солнце било в окна, и зёрна горели, как литые из меди.

Федя вскочил с кровати, заглянул в свой мешок.

— Вы уже всё знаете, дедушка?

— Смотрю и глазам не верю! — Захар показал головой. — Чудо прямо, что зерно домой вернулось.

— Помните, дедушка, мы с вами через лес пробирались. Вас тогда немцы схватили. А котомка с зерном у меня осталась.

— Так ты же, Федюша, через сколько рук потом прошёл: солдаты, госпиталь, санаторий... А зерно целёхонько. Ума не приложу. Волшебное какое-то!

— Оно и есть волшебное... Кому ни расскажу, как мы с вами его от немца спасали, все говорят: «Счастливое зерно. Сто лет жить будет». Ну, я и берёг. Только одному раненому в госпитале десять зёрнышек подарил — очень уж он просил. Домой потом послал в Поволжье.

Захар подошёл к столу, пропустил пшеницу сквозь пальцы.

— Ну, что ж, зёрнышки, поплутали по белу свету, поскитались. Пора вам и в землю ложиться, расти да колос вынашивать.— И он попросил внука про пшеницу никому пока не рассказывать: времени прошло много, и неизвестно, сохранили ли зёрна свою всхожесть.— Потерпи до лета, Федюша. Колос будет — тогда и людей порадуем.

7. ВЕКШИНСКАЯ БРИГАДА.

Посоветовавшись с Леной Одинцовой, Маша созвала пионеров и рассказала им, что сама Татьяна Родионовна поручает им работать на участке деда Векшина.

Ребятам это польстило. Помогать Векшину вызвалась Зина Колесова, известная своим умением выращивать отличные помидоры, Алёша Сёмушкин и ещё пять человек. Присоединился к ним и Федя Черкашин.

Тут же после сбора Маша повела ребят на участок к деду Векшину.

— Куда столько! — испугался Захар: — двоих-троих с избытком хватит. И чтобы рьяные до земли¹ были, неотступные. Тебя вот, скажем, могу принять, Зину Колесову...

— А мы, значит, не рьяные,— обиделся Сёмушкин.— Изгородь можем починить,— предложил он.

¹ *Рьяные до земли* — с увлечением, очень усердно работающие на земле.

— Ещё семян собрать,— поддержал его Федя.

С этого дня ребята начали собирать семена. Ходили по соседним колхозам, беседовали с полеводами, огородниками, опытниками, выпрашивали у них на развод лучшие сорта семян. Через неделю они явились к деду Векшину с внушительной коллекцией.

Три дня лил тёплый весенний дождь. Он согнал последние следы долгой зимней спячки, и всё кругом ожило, зазеленело, стремительно тронулось в рост.

В первое же погожее утро Захар Векшин решил начать копать землю на участке. Он осторожно оделся, чтобы не разбудить Федю, калачиком свернувшегося под одеялом.

Старик умышленно не поднял внука. Хотелось проверить, не белоручка ли тот, потянет ли его к земле, прибежит ли он сам на участок.

Перед тем как выйти из дому, Захар подошёл к Феде, чтобы накрыть его полушубком. И тут он обнаружил, что под одеялом никого нет. Старик забеспокоился, направился к участку. Ещё издали он заметил густой столб дыма. Захар прибавил шаг.

Посредине участка пылал огромный костёр. Вокруг сутились Маша и Зина Колесова. Они подбрасывали в огонь прошлогодние огуречные плети, бурые стебли помидоров, собранный со всего участка мусор.

Мальчишки во главе с Федей чинили изгородь.

— Та-ак! — удивлённо протянул Захар.— Самоуправничаєте? Хозяевами заделались...

Но тут он услышал голоса птиц. На белых сучьях, около новеньких дощатых скворешен, прыгали чёрные, как угли, скворцы.

Захар, прикрыв ладонью от солнца глаза, долго слушал скворцов, и лицо его светлело всё больше и больше.

— Дедушка,— подбежала к нему Маша,— а когда землю начнём копать? Мы и лопаты наточили.

Захар обвёл глазами ребят, помял белую в колечках бороду и невольно улыбнулся.

— Ну, что с вами поделаешь, неотступные вы люди!

Одолели-таки меня. Когда землю копать, спрашиваете? А вы сами примечайте. Видите, скворцы новоселье справляют. Значит, время. Только, чур,— старик согнал с лица улыбку: — забалуетесь или помнёте что — зараз от хозяйства отлучу.

— Все слышали? — обратилась Маша к ребятам.

— Это само собой,— сказал Сёмушкин.

Потом Захар расставил ребят по участку. Все принялись копать землю. Федя, цепко держа заступ в руках, с хрустом вогнал его в жирную землю, выворотил тяжёлый ком и разрубил крепкую дернину.

Ребята вскопали всю землю; как лист бумаги, разлиновали её на клетки, понаделали грядок.

Починили изгородь, построили шалаш, протянули через участок проволоку, увешанную пустыми консервными банками, бутылками, железными обручами из-под бочек. Стоило кому-либо приоткрыть калитку, и участок наполнялся весёлым брелчанием, звоном и треньканьем.

Один за другим мальчишки Большого конца вступали в «векшинскую бригаду».

8. «ПОЛИВАТЬ ВОСПРЕЩАЕТСЯ!»

Дед Захар каждое утро раздавал ребятам наряды и к вечеру придирчиво принимал выполненную работу. Затем все собирались у шалаша. Маша доставала синюю тетрадь, и дед подводил «итоги дня».

Маша едва успевала записывать за стариком.

— Чего ухмыляетесь? — замечал Захар ребячьи улыбки.— Такой наказ имею от Татьяны Родионовны. Полную вам аттестацию произвести — кто труд любит да землю чтит.

Затем старик с точностью до одной сотой определял каждому его дневную выработку: сорок соток трудодня, сорок пять, пятьдесят.

Ребята доставляли деду немало хлопот.

Кроме «плановых», как любил выражаться дед Захар, овощей и посевов, пионеры выращивали на участке

растения южных краёв, до сих пор неизвестные в Стожарах: амурскую сою, кок-сагыз, дагестанскую коноплю, земляной орех.

Дед сначала относился к ним с недоверием: южане, неженки, не приживутся.

Но ребята сумели защитить всходы от заморозков, и южные гости росли теперь на участке, как дома. Старик начал им заметно покровительствовать и нередко покрикивал на ребят:

— Это почему гостей забываете? Қоль зазвали, так кормите-поите досыта!

Дни стояли жаркие, душевные, земля покрылась коркой. Растения требовали влаги. Ребята не скупились на поливку.

Приходилось таскать воду из речки вёдрами. Сердобольной Маше казалось, что без воды на участке всё засохнет, и она поливала подряд: овощи, злаки, плодовые саженцы.

Однажды, пошептавшись с Зиной, Маша принялась поливать пшеницу на пятой клетке.

Подошёл дед Захар:

— Воздержаться! Я кому говорю?

— Так, дедушка,— удивилась Маша,— сохнет же пшеничка... вот жёлтые листики появились. И вид у неё скучный.

— Овощи поливайте! Гостей своих с юга... А пятую клетку не троньте...— и он отобрал у девочки лейку.

— Почему, дедушка?

— Почему, почему! Это же особенная пшеница. Сортовая. Её нельзя нежить. Она всё испытать должна: и засуху, и холод. Выдержит — значит, большая в ней сила. Не стыдно такую пшеницу колхозу в подарок поднести от старых да малых.

— Это как тот сорт, какой Егор Платонович выращивал? Правда, дедушка?

— Ох, стрекоза! Не пытай ты меня! — взмолился дед Захар.— Ничего пока не видно. Потерпи, дай срок.

Он вколотил на углу клетки фанерку и крупно написал: «Поливать строго воспрещается».

Однажды на участок забежала Лена Одинцова — по старой привычке она часто навещала деда Захара.

Она обошла все посеы, заглянула в каждый уголок.

— Что, беглянка, заскучала по старому хозяйству? — подмигнул ей старик.

— Хорошо у вас, Захар Митрич! — призналась Лена.

Потом она отвела Машу в сторону и спросила:

— А разве Саня Коншаков не работает с вами?

— Неинтересно ему наше дело, — пожаловалась Маша. — Пустяками, говорит, занимаетесь.

— Как неинтересно? — удивилась Лена. — А вы бы участок ему показали. Пшеницу свою... От неё же глаз не оторвёшь.

9. УЧИТЕЛЬ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ.

Радостная весть облетела Стожары: вернулся с фронта любимый учитель Андрей Иванович.

Никто не созывал учеников, но утром, точно по сговору, они собрались к квартире учителя. Одним из первых пришёл Санька.

Было ещё очень рано, ноги стыли от холодной росы, и ребята, забравшись на изгородь, расселись рядком, как ласточки на проводах.

Неожиданно сзади послышалось:

— Ну вот мы и встретились!

Ребята оглянулись. По ступенькам крыльца к ним спускался высокий, худощавый человек в солдатской гимнастёрке.

Андрей Иванович протянул детям левую руку, так как на месте правой болтался пустой рукав, напоминая подбитое птичье крыло.

Школьники переглянулись и чуть подались назад.

— Ничего, друзья мои, — заметил их смущение Андрей Иванович.

Его светлые глаза, как и прежде, светились спокойным, ясным светом. Ребята окружили Андрея Ивановича тесным кольцом. Их руки, как голуби, доверчиво опустились на широкую ладонь учителя.

Дети повели Андрея Ивановича по колхозу.

Обойдя хозяйственные постройки, дети повели учителя в поле.

Всё радовало учителя в это утро. И полянки зелёных, волнующихся от ветра хлебов, и лилово-розовый ковёр клеверного поля, и пёстрое стадо коров на пастбище.

Учитель повсюду задерживался, внимательно всё осматривал.

Осталось показать Андрею Ивановичу самое интересное.

Вскоре ученики привели Андрея Ивановича к опытному участку.

Маша осторожно приоткрыла дверцу и пропустила всех за изгородь.

Дед Векшин ходил между грядками, осматривая посевы.

Старик, подняв голову, шагнул вперёд:

— Кого вижу! Андрей Иваныч! Дорогой ты наш человек! — и с опаской поглядел на тощий правый рукав учителя. — Списали, значит, вчистую?

Андрей Иванович обнял Векшина.

— По документам вчистую, а про себя считаю — вроде как на другой фронт переведён.

— И правильно считаешь, — согласился Захар. — Вот мы стараемся, как можем. — Старик показал на участок.

— Так это и есть опытное поле? — спросил учитель.

— Громко сказано, Андрей Иванович! Пятачок, а не поле. Но кое-что мы посеяли. По зёрнышку собирали, по горсточке.

Учитель неторопливо шёл по участку, наклонялся к растениям, словно здоровался с ними после долгой разлуки.

Андрей Иванович подошёл к густой кустистой пшенице на пятой клетке.

Неожиданно сквозь облака пробилось солнце, и омытая дождём пшеница засияла, как хрустальная.

Учитель даже зажмурился и присел на корточки.

— Это что за сорт такой?

Захар сделал предупреждающий жест рукой, словно хотел сказать детям, чтобы они не мешали Андрею Ивановичу рассмотреть пшеницу, а сам, вытянув шею, не сводил с него глаз.

— Позвольте, Захар Митрич... да это...— учитель обернулся и схватил старика за руку,— Егора Платоныча пшеница? Несомненно, его.

— Узнали? — спросил Захар.— Она, Андрей Иванович, она самая.

— Как не узнать! Все признаки налицо: и рост, и колос. Да я её из сотни сортов отличу. Она мне во сне сколько раз снилась. Но откуда же она у вас, Захар Митрич? — Учитель вдруг поманил к себе Машу и Саньку.— А вы мне с Саней что писали? Погибла пшеница, ни одного зёрнышка не сохранилось.

— Писали...— растерянно призналась девочка,— так оно и было. Мы долго искали, всех спрашивали... Никто ничего не знал. И дедушка сказал... что она потерялась... Ведь правда, дедушка?

— Говорил, было такое дело.— Захар сконфуженно почесал затылок, потом привлёк к себе Федю: — Это вот через кого всё переиначилось. Его благодарите.

И чувствуя по глазам, что ни Андрей Иванович, ни ребята ничего не понимают, он переглянулся с внуком и рассказал о всех приключениях пшеничных зёрен.

10. РАССКАЗ ДЕДА.

Когда немцы начали подходить к Стожарам, Захар Митрич Векшин зарядил свою старую берданку и пришёл в лес к партизанам. Вскоре нашлась ему работа. Он чинил партизанам обувь, латал одежду, варил обед, лечил их травами.

Иногда, переодевшись нищим, он пробирался в деревни, узнавал, есть ли там немцы, полицаи, кто поставлен над советскими людьми старостой.

Однажды в лесу Захар натолкнулся на одинокого Федю Черкашина.

Захар привёл мальчика в отряд.

Федя помогал деду вести партизанское хозяйство, собирать лекарственные травы, грибы, ягоды.

По деревням они теперь ходили вместе. Туда, гдерослому, приметному деду опасно было показаться, легко проникал юркий, маленький Федя.

Мальчика полюбили в отряде, и, узнав, что он круглый сирота, многие хотели его усыновить.

— Я не сирота. У меня дедушка есть...— отвечал Федя.

Как-то раз они с дедом пробрались в Стожары. Там хозяйничали немцы. Поля охранялись полицией — теперь они были собственностью какого-то важного немецкого помещика.

Урожай в том году выдался на редкость.

Среди посевов Захар нашёл сотку с пшеницей Егора Платоныча. Как ни старалась вытоптать её Катерина Коншакова, но отдельные стебли выжили, поднялись и теперь стояли, отягощённые крупными, спелыми колосьями.

— Такой сорт вырастили! И для кого! — застонал от боли Захар. — Теперь же от него ни колоска не останется, ни зёрнышка. — И он пристально посмотрел на мальчика. — По чужим горохам умеешь лазить? По садам, огородам...

— Доводилось, — смущённо признался Федя.

— Все вы, мальчишки, на одну колодку деланы. А вот теперь, Федюша, святое дело сотворить можешь... Хоть три колоска достань. Сумеешь?

— Смогу, дедушка. Я весь хлеб оборву, — согласился Федя.

Ночью он пробрался к пшенице, и к утру старик с мальчиком принесли в лагерь полную сумку колосьев, вышелушили зёрна, провеяли на ветру и ссыпали в мешочек.

С весны завязались тяжёлые бои. Линия фронта всё ближе подходила к партизанскому району. Надо было наладить связь с нашими войсками. Пробраться через линию фронта вызвался дед Векшин. С ним увязался и Федя.

— Уж очень ты мал, Федя,— покачал головой командир отряда: — тебе бы по лужайке бегать, в бабки играть, а тут такое дело... Опасно ведь, надо быть ко всему готовым.

— Я всегда готов!

— Пионер, значит... Ну, шагай, братец! — Командир крепко обнял мальчика.

И Захар с Федей пошли. Они выбрались к реке, и Захар отправился искать брод, чтобы перейти на другой берег. Федя сидел в густой траве и ждал. Неожиданно за кустами он услышал глухую возню и крики. Федя бросился было на шум, но тут до него донёсся протяжный и грустный посвист иволги. Это был условный сигнал: «Я попался. Пробирайся к нашим один», — говорил Захар.

Федя забрал дедушкину котомку и, оседлав толстое бревно, переправился через реку.

Через два дня советские войска прорвали вражескую оборону и погнали немцев на запад, освободив многих советских людей, в том числе и Захара Векшина.

Старик бросился искать Федю. Мальчика нигде не было. Куда ни писал Захар, какие справки ни наводил, никто ничего не знал о его внуке.

Только через полгода, когда жизнь в Стожарах немного наладилась, Захар Векшин получил письмо из далёкого города Ташкента. Федя писал, что донесение он тогда доставил, но его малость поранило, и он лежит сейчас в госпитале.

— Долго, коротко ли, добрался до меня внучек,— закончил свой рассказ Захар,— и пшеничку привёз.

— И молчали до сих пор! Экий вы, Захар Митрич! — с упрёком сказал учитель.— Да это же, ребята, и всякой сказки дороже.

— Опасался, Андрей Иванович. А вдруг залежались зёрнышки, никакой жизни в них не сохранилось. Зачем же раньше срока людей в искушение вводить!

Лёгкий ветерок ворвался на участок, пробежал над посевами, и они зашуршали колосьями, словно хотели сказать: «А мы живём, живём!»

— А вот теперь дело ясное: здравствует пшеничка, заколосилась, зацвела. Скоро и урожай собирать будем.

11. ГРАД.

День выдался на редкость душный, безветренный, и мальчишки не находили себе места. Спаситься можно было только на реке. Сюда они и собрались. Кто нырял, кто плавал сажонками, кто прыгал с обрыва.

Санька, ставший с приездом Андрея Ивановича самым ярым членом «векшинской» бригады, проделал перед ребятами свой излюбленный номер — водолаза под водой.

— Гроза будет,— сказал Федя, поглядывая на облака, которые собирались на горизонте.

— А ты почему знаешь? Облака, они и обмануть могут,— заметил Санька.

— Я не только по облакам... Другие приметы есть. Смотри вот: клевер листочки складывает, ласточки над самой водой летают. А цветы как пахнут... Они всегда перед дождём так.

Горячий песок обжигал тело, и мальчишки снова полезли в воду.

И действительно, к полудню громоздкая, неуклюжая туча, подёрнутая фиолетовой дымкой, повисла над Стожарами.

Резкий порыв ветра пригнул траву к земле, покрыл реку частой рябью, взвихрил сено на верхушке стога.

Сверкнула белая молния, с высоты с сухим треском ударил раскат грома, и тяжёлые косые струи дождя, как стрелы, пронзили реку. Река закипела, забулькала, на ней заплясали фонтанчики воды.

— Тревога! — закричал Федя и бросился к опытному участку.

Мальчишки побежали следом. Дождь, тяжеловесный и плотный, захватывал дыхание, слепил глаза.

Все ворвались на участок. Посевы вздрагивали, клонились к земле.

— Побьёт пшеницу, побьёт! — закричала Маша, бегая по участку, и вдруг яростно погрозила грозовой туче маленьким кулаком: — Погоди ж ты, чёрная, погоди, лохматая!

— По ней бы из орудия прямой наводкой... как вот по немцу, или из «катюши», — мрачно сказал Санька, — враз бы разнесло.

Но чем помочь посевам сейчас — никто не знал.

И тут Федя вспомнил, как спасают от ливня рассаду в парниках.

— Ломай шалаш! Закрывай посевы! — закричал он.

Через минуту от шалаша не осталось и следа. Мальчишки, словно щиты, подняв над головой кто лист железа, кто кусок фанеры, кто дощатую дверцу, прикрыли клетку с пшеницей. Но щитов всё же было мало. Санька с тревогой озирался по сторонам.

За изгородью на пригорке, прибитые ливнем к траве, лежали длинные дорожки холстов. Под кустом сидела бабка Манефа, как видно, не успевшая собрать их до дождя.

Санька быстро перелез через изгородь.

В этот миг молния разорвала небо и над головой так загремело, что бабка Манефа в ужасе закрылась платком. А когда выглянула, то увидела, что холсты, как живые, ползут по земле, вслед за каким-то босоногим мальчишкой.

Манефа с криком кинулась вдогонку. Но тут путь ей преградила изгородь. Пока старуха искала входную дверцу, бежала через участок, мальчишки уже успели натянуть холсты над клеткой с пшеницей.

Манефа схватила хворостину и принялась охаживать их по спинам.

— Бабушка, мы ж на минутку всего! — обхватила её сзади Маша. — Ничего им не сделается, твоим холстам.

Ливень сменился градом.

Град гулко барабанил по листам фанеры и железа, оттягивал вниз холсты, сек ребят по рукам и головам, скатывался за ворота рубях.

То и дело слышались восклицания:
— Ой, мамочки! Мне по уху ударило!
— Бронебойными сажат!
— Бабка Манефа, ау! Жива ещё?
— Гвардия, стоять насмерть!
— Мне три шишки на лбу набило!

На участке показались Андрей Иванович, закутанный в плащ-палатку, и дед Захар в шапке и полушубке.

— Вот это орлы! — закричал Захар. — С градом схватились!

Но учитель при виде столь необычного единоборства только улыбнулся и принялся помогать ребятам держать холсты.

Вскоре град отодвинулся в сторону, пошумел ещё немного в перелеске и наконец совсем затих.

Все оглянулись по сторонам. Посевы на участке кое-где были прибиты к земле, только пшеница стояла прямая и невредимая.

Захар растроганно посмотрел на ребят.

— Я вам... я вам не знаю, что за это... подарок сделаю... мёдом угошу...

— А теперь, битые, сечёные, марш по домам! — сказал учитель. — Обсушиться, переодеться... Бой, так сказать, закончен.

12. «КОНШАКОВКА».

Наконец пшеница покрылась бронзовым налётом. Стебли с трудом выдерживали тяжесть колосьев.

— Насытилось зёрнышко, дошло, — сказал дед Захар, — завтра на зорьке жатву начнём.

В воскресенье рано утром, когда пшеница была волгло¹ и мягкой, все пионеры собрались на участке.

Девочки срезали стебли пшеницы острыми зубчатыми серпами, а мальчики связывали их в снопы.

До полудня снопы сушились на солнце, потом их отвезли к риге, обмолотили, провеяли и, ссыпав в мешок,

¹ *Волгл*ая — влажная.

понесли в правление колхоза. Там шло собрание. Пионеры внесли мешок в контору.

— Сюда его, сюда, на почётное место!

Татьяна Родионовна поднялась из-за стола, приняла мешок и поставила его на лавку в переднем углу.

К мешку один за другим подходили бригадиры, колхозницы, бережно брали на ладонь по щепотке зерна, такого тяжёлого, так напоённого солнцем, словно земля отдала ему всё тепло и свет, поглощённые ею.

— Чистое золото, так и светит,— понимающе и почти-тельно говорили люди.

— Богатый хлеб!

— Сила!

— И только подумать — из трёх колосков вырастили.

И так же бережно ссыпали зерно обратно в мешок.

— Ну, что же, ребята,— председатель правления оглядел пионеров.— Превеликое спасибо от колхоза. И вам, и Захару Митричу Векшину. Доброе вы зерно вырастили. Принимаем его в сортовой фонд, будем теперь в поле сеять.

— Заименовать бы надо новый-то сорт,— предложил кто-то из колхозников.

— Есть уже имя,— сказал дед Захар.— Пионеры его «коншаковкой» назвали. В честь Егора Платоновича Коншакова.

1. Почему Санька Коншаков не хотел вступать в «векшинскую бригаду»? В чём ему пришлось разубедиться?

2. Какое значение для колхоза имело «хозяйство Векшина»?

3. Какова роль Феди Черкашина в истории трёх колосков?

4. Почему «волшебное зерно» назвали «коншаковкой»?

5. Расскажите о работе пионеров на опытном участке.

6. Составьте кратко рассказ на тему «История трёх колосков».

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ.

М. В. Исаковский.

...Да разве об этом расскажешь — В какие ты годы жила! Какая безмерная тяжесть На женские плечи легла!..	Ты шла, затаив своё горе, Суровым путём трудовым. Весь фронт, что от моря до моря, Кормила ты хлебом своим.
В то утро простился с тобою Твой муж, или брат, или сын, И ты со своею судьбою Осталась один-на-один.	В холодные зимы, в метели, У той у далёкой черты Солдат согревали шинели, Что сшила заботливо ты.
Один-на-один со слезами, С несжатыми в поле хлебами Ты встретила эту войну. И все — без конца и без счёта — Печали, труды и заботы Пришлись на тебя на одну. Одной тебе — волей- неволей — А надо повсюду поспеть; Одна ты и дома, и в поле, Одной тебе плакать и петь. А тучи свисают всё ниже, А громы грохочут всё ближе, Всё чаще — недобрая весть. И ты перед всею странюю, И ты перед всею войною Сказалась — какая ты есть.	Бросались в грохоте, в дыме Советские воины в бой, И рушились вражьи твердыни От бомб, начинённых тобой... Рубила, возила, копала, Да разве же всё перечесть? А в письмах на фронт уверяла, Что будто б отлично живёшь. Бойцы твои письма читали, И там, на переднем краю, Они хорошо понимали Святую неправду твою. И воин, идущий на битву И встретить готовый её, Как клятву, шептал, как молитву, Далёкое имя твоё...

1. Какие черты советской женщины воспевает поэт в этом стихотворении?

2. Как показано в стихотворении величие советской женщины?

СОВЕТСКИЙ ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК.

В. И. Лебедев-Кумач.

Разносятся песни всё	Всех лучше советские
шире,	скрипки
И слава гремит в вышине	На конкурсах мира звучат,
О нашей единственной	Всех ярче сверкают улыбки
в мире	Советских весёлых девчат.
Великой Советской стране.	

	В морские глубины
По полюсу гордо шагает,	пробьётся,
Меняет движение рек,	Взойдёт на Эльбрус
Высокие горы сдвигает —	и Казбек
Советский простой	И всюду победы добьётся
человек!	Советский простой человек.

Отбросивши сказки о чуде,	Цветёт красотой небывалой
Отняв у богов небеса,—	Народного счастья весна,
Простые советские люди	Всемирной надеждою стала
Повсюду творят чудеса!	Советская наша страна.

Америка снова открыта,—	И звёзды сильней
Сквозь холод, туманы	заблестали,
и снег	И кровь ускоряет свой бег,
В неё прилетел деловито	И смотрит с улыбкою
Советский простой	Сталин —
человек.	Советский простой человек.

1. О каких героических подвигах советских людей говорится в этом стихотворении?

2. О каких делах советских людей, прославивших их по всему миру, вы ещё знаете?

3. Почему в нашей стране воспитываются такие замечательные простые люди? Кто их вдохновляет?

Михаил Иванович Калинин.

ЖИВОЙ РОДНИК.

М. В. Исаковский.

Я вспоминаю: с севера и с юга,
Под жарким солнцем и в ненастной мгле
К нему крестьяне ехали, как к другу,
Поговорить о жизни, о земле.

В те дни деревня новый путь искала,
За новой правдой шла в Москву она,
И у него тогда перебивалась,
Наверно, вся Советская страна.

К нему стучались в двери днём и ночью,
И был для всех он, как живой родник,—
Тверской крестьянин, питерский рабочий
И ленинской закалки большевик.

МЫ ЗА МИР НА ВСЕЙ ЗЕМЛЕ!

Л. Ошанин.

Всюду за право на жизнь и на труд
Люди простые на подвиг идут.
Всем место есть в мире просторном —
И белым, и жёлтым, и чёрным.
Мы дружбою нашей могучей сильны,
Мы счастья хотим, не желаем войны.
Всем место есть в мире просторном —
И белым, и жёлтым, и чёрным.

П р и п е в.

Мы за прочный мир!
Мы за светлый мир!
Мы за мир на всей земле.

Люди с надеждой на смелых глядят,
Люди за нашей борьбою следят.
Так будем сильней и упрямей,
И правда, и право за нами!
Нас тысячи тысяч, и счастье нас ждёт,
И Сталин великий ведёт нас вперёд.
Так будем сильней и упрямей,
И правда, и право за нами!

П р и п е в.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО.

	<i>Стр.</i>
Сказы о Ленине и Сталине — <i>М. Голубкова</i>	3
Народные сказы	6
Морозко (народная сказка)	7
Царевна-лягушка (народная сказка)	9
Сказки	14
Илья Муромец и Соловей-Разбойник (былина)	16
Былины	22
Загадки, пословицы, поговорки	26
Устная народная поэзия	30

А. С. ПУШКИН — ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОЭТ.

Из жизни А. С. Пушкина	32
«Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях» — <i>А. С. Пушкин</i>	42
О сказках Пушкина — <i>А. М. Горький</i>	51
«Осень» — <i>А. С. Пушкин</i>	54
«Буря в степи» — <i>А. С. Пушкин</i>	—
«Бесы» — <i>А. С. Пушкин</i>	58
Пословицы о зиме	59
«Зимнее утро» — <i>А. С. Пушкин</i>	—
«Узник» — <i>А. С. Пушкин</i>	61

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ПРОШЛОМ НАШЕЙ РОДИНЫ¹.

Из жизни И. С. Тургенева	62
«Муму» — <i>И. С. Тургенев</i>	74
«Волк и Ягненок» — <i>И. А. Крылов</i>	107
«Косарь» — <i>А. В. Кольцов</i>	109

¹ В конце этого раздела помещаем произведения советских писателей М. Горького и В. Катаева о прошлом нашей родины.

«Утро» — <i>И. С. Никитин</i>	110
«Жница» — <i>Т. Г. Шевченко</i>	112
«Детство Обломова» — <i>И. А. Гончаров</i>	113
«Пруд и Река» — <i>И. А. Крылов</i>	132
Пословицы	133
Из жизни Н. А. Некрасова	134
«Мороз — Красный нос» — <i>Н. А. Некрасов</i>	144
Поговорки	158
«Весенняя гроза» — <i>Ф. И. Тютчев</i>	—
«Весна» — <i>Л. Н. Толстой</i>	—
«Бородино» — <i>М. Ю. Лермонтов</i>	161
Из жизни И. А. Крылова	167
«Кот и Повар» — <i>И. А. Крылов</i>	172
«Волк на псарне» — <i>И. А. Крылов</i>	174
«Щука и Кот» — <i>И. А. Крылов</i>	176
Пословицы и поговорки из басен И. А. Крылова	179
«Петя Ростов» (по роману «Война и мир») — <i>Л. Н. Толстой</i>	180
«Мальчики» — <i>А. М. Горький</i>	202
«Страсть к чтению» (из повести «В людях») — <i>А. М. Горький</i>	209
«Ловля птиц» — <i>А. М. Горький</i>	217
«Дети подземелья» — <i>В. Г. Короленко</i>	220
«Парус» — <i>М. Ю. Лермонтов</i>	253
«Белеет парус одинокий» — <i>В. П. Катаев</i>	—

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ О СОВЕТСКОЙ РОДИНЕ.

«Метелица» — <i>А. А. Фадеев</i>	306
«По долинам и по взгорьям» (русская песня)	322
«Красные флаги» (из романа «Молодая гвардия») — <i>А. А. Фадеев</i>	323
«В седом Кремле» — <i>А. Сурков</i>	333
«Сын артиллериста» — <i>К. М. Симонов</i>	—
«Повесть о настоящем человеке» (отрывки) — <i>Б. Полевой</i>	339
«Разговор на крыльце» — <i>М. В. Исаковский</i>	356
«Песня-молния» — <i>В. В. Маяковский</i>	360
«История трёх колосков» (из повести «Стожары») — <i>А. Мусатов</i>	361
«Русской женщине» — <i>М. В. Исаковский</i>	386
«Советский простой человек» — <i>В. И. Лебедев-Кумач</i>	387
«Живой родник» — <i>М. В. Исаковский</i>	388
«Гимн демократической молодёжи мира»	389
«Мы за мир на всей земле» — <i>Л. Ошанин</i>	390